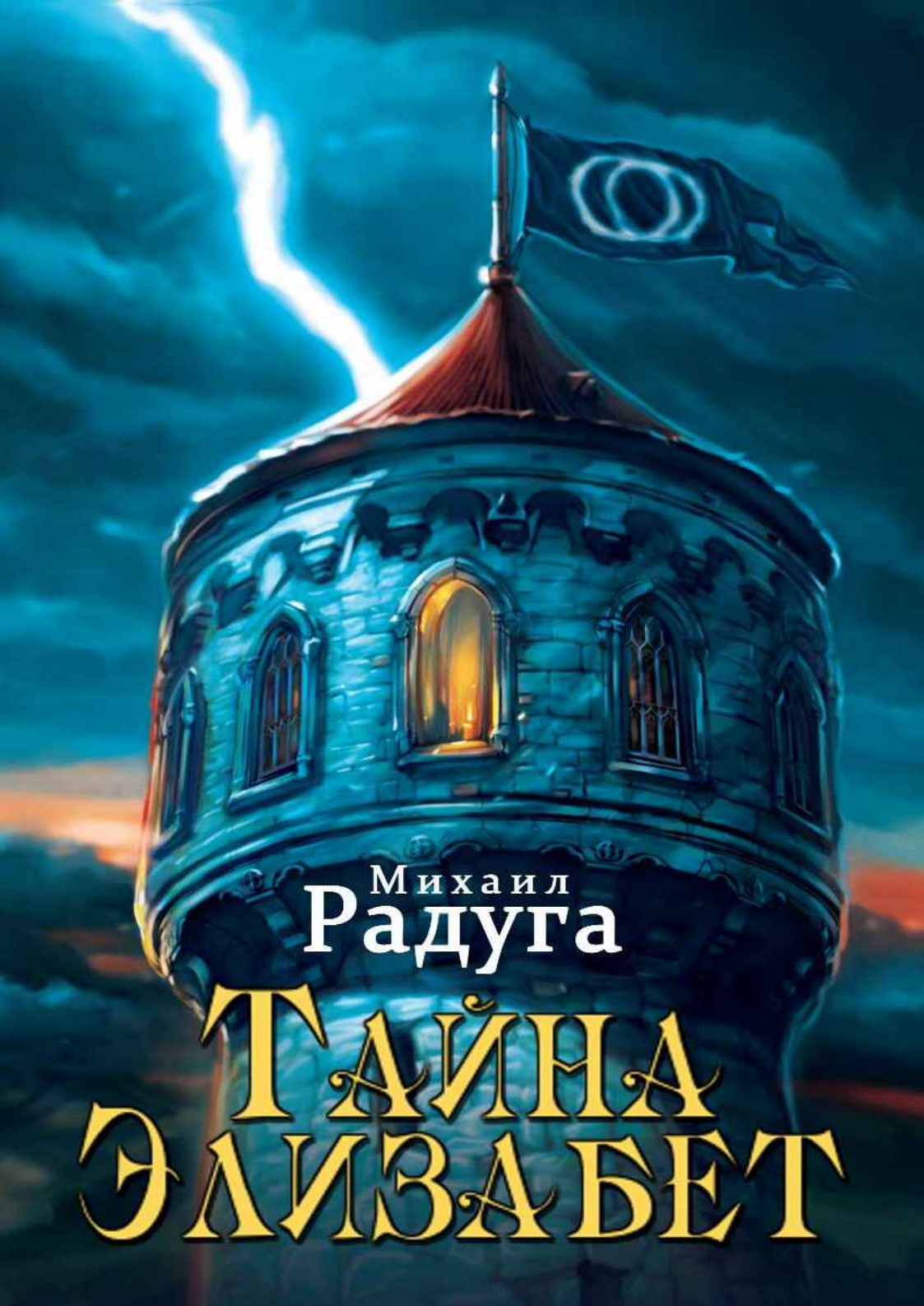
Михаил
Радуга
Тайна
Элизабет

16+

Тайна Элизабет

(Версия II, 2018)

Автор Михаил Радуга
Художник Андрей Гудков
Редактор Вера Вересиянова

Глава 1. Трагедия под Салепом....4
Глава 2. Идеальный город сверхлюдей....48
Глава 3. Награда Чёрного рыцаря....96
Глава 4. Встреча старых друзей....139
Глава 5. Приключения лесных разбойников....185
Глава 6. Предательство Города заката....239
Глава 7. Самый романтичный мутант....284
Глава 8. Загадка таинственного леса....339
Глава 9. Орден кровного надзора....384
Глава 10. Спасительный синий дождь....440
Глава 11. Мечта Совершенного общества....492

Вторая и третья часть трилогии

Купить печатную версию книги

Сайт автора

СЕЛЕЦИЯ
N
W
E
S
100 миль
р.Десятая
р.Первая
р.Девятая
р.Восьмая
р.Вторая
Арогдор
р.Седьмая
р.Шестая
Город заката
р.Третья
Башня признания
р.Пятая
Башня причастности
р.Четвертая
Башня потребности
Башня безопасности
р.Звёздная
р.Змея
Башня совершенства
Салеп
Башня самовыражения
Звёздный
о.Звёздное
Парфагон
р.Тихая
Новый Альберт
Ярта

Глава 1. Трагедия под Салепом

Сизый голубь приземлился на плетёную изгородь у небольшого деревянного домика с соломенной крышей и деловито приступил к чистке пёрышек. Посреди ухоженного двора жевала сено гнедая лошадь, запряжённая в телегу. Возле неё носились двое босоногих ребятишек в мешковатых туниках, рассчитанных на вырост, и суетился невысокий мужчина в потёртой кожаной куртке. Всю ночь накрапывал дождь, и теперь,

лишь только взошло тёплое весеннее солнце, все приступили к своим насущным делам. Однако утренние процедуры голубя были внезапно прерваны стрелой, пролетевшей буквально в дюйме от его взъерошенной головы, отчего птица стремительно метнулась к небу.

— Мазила, мазила! — завизжала круглолицая девочка, пытаясь догнать голубя под задорный лай чёрного щенка.

— Больше практики, Томас, — похлопал мальчугана по плечу мужчина с простым деревенским лицом. — Тогда будет получаться гораздо лучше.

— Погоди...

Отважный юный охотник снова изо всех сил натянул льняную тетиву лука, смастерённого из ясеневого прута, но так же безуспешно выпустил и вторую стрелу. Томас был на два года старше своей трёхлетней сестрёнки Ирэн, которая как две капли воды была похожа на него. Их отличала только разница в возрасте. А так у обоих детей были длинные каштановые волосы и зеленовато-карие глаза. Но если мальчик по натуре своей был спокоен и сдержан, что сразу угадывалось по кроткому взору и слегка вздёрнутой верхней губе, то весёлая девочка никогда не сидела на месте, так и норовя сотворить что-нибудь эдакое. Её бегающие глазёнки умудрялись без устали находить приключения и новых жертв для своих коварных проказ. Чаще всего это заканчивалось неприятностями на голову старшего брата, чему задорно радовался девочкин подвижный носик с едва заметной горбинкой.

Их увлечённый хлопотами отец, опытный охотник и рыбак, аккуратно складывал в промокшую телегу свою

добычу: внушительную связку сушёной рыбы, две лисьих и охапку заячьих шкур, а также тушу молодого оленя. Он готовился к еженедельной поездке в Салеп, где намеревался выручить за свой товар не менее пятнадцати серебряных монет или удачно обменять его. При этом четверть добычи следовало отдать в виде дани для нужд Парфагона. Не считая холодного вулкана, королевство занимало всю южную часть прекрасной Селеции — одинокой земли, простиравшейся в бескрайнем, всегда бушующем море.

— Мама ушла стирать и вернётся к обеду, — усаживаясь в телеге, наказывал охотник. — Томас!

— Да, пап?

— Остаёшься за главного.

— Папулечка, обещаю: не буду обижать блатика! — опередила наставления хитрая Ирэн, осторожно держа в пухленьких ручках ласкового щенка, который, виляя хвостиком, вылизывал её довольное личико.

— Ну конечно! Я за себя не отвечаю на этот раз!

— Она же совсем ещё маленькая, — охотник добродушно взглянул на сына и, потрепав его по лохматой голове, добавил: — Я на тебя надеюсь.

— Хорошо, пап, — смущённо улыбаясь, смиренно ответил Томас. Его непоседливая сестрёнка тем временем оставила в покое собачку и теперь нагло пыталась отобрать его любимый лук, при этом вцепившись острыми зубками брату в плечо и громко рыча.

Раздался лёгкий хлопок кнута и скрипучая телега тронулась с места. Дети охотника, спотыкаясь и дурачась, радостными возгласами проводили отца через всё их небольшое селение. Целых полдня они были

предоставлены сами себе — большего счастья юным сорванцам и не представить! Особенно это приводило в безудержный восторг Ирэн: теперь её никто не остановит бесконечно докучать старшему брату. В силу своей доброты, он никогда не ставил сестрёнку на место.

Когда дети бежали обратно к дому, то и дело останавливаясь откопать что-нибудь в дорожной грязи или напакостить у чужих изгородей, они встретили на центральном перекрёстке соседку. Ткачиха, одетая в бежевое платье с красным подолом, чему-то горевала, вытирая покрасневшие глаза и поправляя цветастый платок на голове.

— Тётушка, почему вы плакаете? — взволнованно окликнула её Ирэн. — Что случилося?

— Вас кто-то обидел? — нахмурился Томас.

Однако растроганная женщина громко рассмеялась, а затем начала назойливо обнимать и целовать отпрысков охотника:

— Не волнуйтесь, мои сладкие! — всхлипнула она. — У нас праздник!

— Да что вы говолите! — выпучила глазёнки девочка.

— У нашего короля родилась дочь, и теперь у нас есть принцесса. Говорят, красивая, словно ангел! Радости-то сколько!

— Плинцесса? Ого!

— Сообщите всем, мои хорошие!

Несмотря на важность события, насупившийся Томас особой радости не испытал, угрюмо провожая взглядом соседку. Хотя упоминание принцессы привело его к странным тягучим ощущениям в груди — он хорошо

понимал, какой натиск ему предстояло пережить в самое ближайшее время. И не ошибся.

— Невеста, невеста! — завизжала Ирэн, прыгая на месте и размахивая во все стороны руками. — Мы нашли тебе невесту!

— Да отстань ты!

— Жених, жених!

— Да если все девчонки такие как ты, я вообще никогда не женюсь! Больно мне надо!

— Ну и дулак! Это ж плинцесса! Настоящая!

В изнурительных спорах вернувшись во двор, брат и сестра развлекали себя как могли: играли с пузатым щенком, дразнили истошно хрюкавших поросят, возились с самодельными куклами и стреляли из лука по кухонной утвари на изгороди. Однако вскоре им всё это смертельно наскучило, и они решили искупаться, а заодно и проведать маму. Чтобы добраться до источника, нужно было преодолеть два небольших лесочка и поле с подсолнухами между ними, что довольно быстро и весело было пройдено в разговорах о будущей невесте.

Перед босыми малышами предстал залитый солнцем болотистый луг, на краю которого виднелся каменистый, слегка бурлящий ключ. Прозрачный ручей почти пополам разреза́л пропахшую свежей зеленью территорию, образуя два небольших озерца, больше похожих на глубокие лужи. У самого большого водоёма несколько селянок усердно полоскали бельё. Жена охотника была полноватой молодой женщиной с мягким взором и вздёрнутой губой. Её каштановые волосы и зеленовато-карие глаза, словно в волшебном зеркале, отражались в неразлучных отпрысках. Одетая в

подпоясанное льняное платье и чепчик, она долго смеялась своим нежным голосом, услышав весть о рождении принцессы.

— Это ж надо, как ты всё ловко придумала, дочка! — удивлялась она. — Однако невесту твоему брату придётся поискать в другом месте.

— Почему?! — вдруг предательски вырвалось у Томаса.

— Ага, попался! — взвизгнула Ирэн и столкнула его в воду.

— Она нам не чета, сынок. Мы ведь простые селяне, — объясняла женщина, пока дети брызгались на мели. — А они живут по другим правилам. Они... Они другие.

— Так это правду о них говорят?

— Сложно объяснить. Вырастешь — сам всё поймёшь.

— Мам, а плавда, что они там все очень класивые и у них там балы? — спросила Ирэн, неуклюже изображая бальный танец, стоя по колено в воде.

— И что живут почти вечно? — добавил Томас.

— Ого! Плавда?

— Это не важно, дорогие мои. Нам туда всё равно нельзя. Да и счастье у нас другое — своё. Поверьте мне: здесь нисколько не хуже, чем в столице.

Внезапно женщины ахнули, обратив внимание на небо за верхушками деревьев: на юге, приблизительно со стороны Салепа, виднелся чёрный столб дыма. Затем появились другие столбы. Похожие на огромные ядовитые грибы, они устремились к облакам из глубин леса. Сердце матери учащённо забилось, и она строгим голосом отправила своих озорников домой, а сама стала

энергично достирывать вещи, обсуждая происходящее с не менее взволнованными соседками.

***

Томас не понимал происходящего, но знал точно: он должен обязательно добраться до дома вместе со своей маленькой сестрёнкой, у которой никак не выходила из головы история про новорождённую принцессу и странных людей Парфагона. К тому же она действительно не понимала, почему взрослые так распереживались из-за какого-то дыма.

Однако, быстро пробежав ближайший лес и оказавшись на поле, засеянном подсолнухами, они увидели леденящее душу зрелище. Поперёк их пути бежали испуганные люди. Много людей. И старики, и взрослые, и дети. Кто-то кричал, кто-то плакал, кто-то держал в руках сундуки и свёртки, а одна рыдающая женщина в прожжённом платье несла обмякшее тело грудного ребёнка. Одежда у многих была порвана, у кого-то даже виднелись следы крови. Но всех объединяло одно: животный ужас в глазах и всепоглощающая паника.

Они бежали с юга — из Салепа, куда беззаботные Ирэн и Томас поутру проводили отца. Девочка испуганно сопереживала пробегавшим мимо людям, хотя и не понимала возможной угрозы, в отличие от своего брата, у которого затряслись руки и ноги.

Потеряв дар речи, дети целую минуту наблюдали происходившее. Наконец Томас очнулся и, крепко схватив изумлённую Ирэн за руку, побежал через истоптанное поле в сторону дома. Безумный поток людей был столь напуган, что никто даже не обратил внимания

на беспризорных ребятишек. Положение усложнялось тем, что Ирэн стала постоянно спотыкаться и падать буквально на ровном месте. К этому моменту она сама начала понимать, что происходит нечто жуткое, и толстенькие ножки едва слушались её, постоянно заплетаясь друг за друга.

— Вставай, вставай! — отчаянно кричал Томас, когда девочка в очередной раз упала. — Давай же!

— Встаю, — лишь успела ответить Ирэн, перед тем как снова споткнуться.

— Ну что ж ты такая неуклюжая!

Миновав поле и оказавшись в прохладном лесу, Томас побежал не протоптанной извилистой тропой, а напрямую, чтобы выиграть драгоценное время. От этого Ирэн ещё больше спотыкалась и постоянно путалась в длинных ветках колючих кустарников. И всё же, несмотря на боль и ссадины, она нисколько не плакала, а молчаливо бежала дальше, то и дело с волнением поглядывая на напряжённое лицо брата.

Вскоре дети выбрались из сырого леса и хорошо знакомыми дворами стремительно добрались до своей калитки. Первым делом Томас спрятал дрожавшую Ирэн в стоге душистого сена на краю огорода с длинными грядками молодой моркови и капусты, а сам побежал дальше — к дому. При этом он обратил внимание, что совсем не чувствовал усталости, словно внутри него открылся волшебной источник силы.

— Ты куда? — окликнула его сестра.

— Сиди и не выглядывай! Поняла?

— Мне очень стлашно, — заплакала девочка и спрятала головку в сене.

— Я скоро!

Оказавшись у дома и найдя на крыльце самодельный лук, запыхавшийся Томас столкнулся со сложной дилеммой: бежать в город за отцом или обратно к матери? В его голове не было варианта «остаться дома и ждать». Несмотря на юный возраст, мальчик вовсе не воспринимал себя ребёнком. Отец приучил его принимать решения и нести ответственность, оставляя один на один с непоседливой сестрой и забирая с ночёвкой на охоту или рыбалку. Именно пример отца подтолкнул мальчугана к необходимости дальнейших действий.

Более беззащитной ему показалась мать, которая ничего не знала о паникующих беглецах. Не чувствуя усталости, Томас бросился обратно к источнику. Вновь пробегая подсолнечное поле, он всё ещё видел перепуганных людей, хотя их стало гораздо меньше. А когда добрался до болотистого луга, его ждало разочарование: женщины исчезли. Корзины с опрокинутым в грязь бельём были беспорядочно разбросаны у водоёма. Часть одежды медленно уплывала вместе с течением, а небо на горизонте покрылось чёрной стеной уходящего ввысь дыма.

— Мама! Мама! — громко крикнул испуганный мальчик, сложив ладони у губ. — Ты где?!

Томас не знал, что разминулся с ней ещё в лесу, срезав путь по оврагу, и ему ничего не оставалось, как отправиться обратно. Вновь пробегая злосчастное поле, он заметил, что беглецов осталось совсем мало. В основном это были немощные старики и раненые, которые не могли быстро передвигаться и часто падали.

Также среди них были те, кто из последних сил тащил с собой слишком много вещей, рискуя жизнью ради наспех набитых мешков и тюков. Тут и сам Томас начал чувствовать усталость, но старался не обращать на неё внимания.

Вернувшись к дому, он сразу же проверил стог сена, однако там тоже никого не было.

— Ирэн! Мама! — закричал он, растерянно оглядываясь по сторонам. — Где вы?! Мама!

С одной стороны, ему стало совсем жутко. Причём так, что внутри живота всё сжалось и напряглось, а ноги поледенели. Но в то же время он догадывался, что сестра, должно быть, уже с матерью, и с ними всё хорошо. Но где же они? Забежав в дом, Томас никого там не обнаружил и потому снова вышел на просёлочную улицу, где прокричал их имена во все четыре стороны. Но никто не отозвался — село полностью опустело.

Мальчик забежал в ближайший двор, однако никого там не обнаружил. Потом вспомнил о ткачихе и побежал к ней, но и той дома не оказалось. Окликнув ещё несколько раз своих близких, Томас вернулся на улицу. Только теперь он окончательно догадался, что отныне всё вокруг опустело, будто жители сбежали, как и те люди, что перебегали подсолнечное поле. Чего же они все так испугались?

Поняв, что остался совершенно один, мальчик направился в сторону устрашающего Салепа. И хотя дорога вела в сторону загадочной опасности, она давала ему надежду встретить отца, который непременно решит все проблемы. По большому счёту, малыш просто не знал,

что ещё он мог сделать. Теперь он хотел лишь встретить хоть кого-то из близких.

Выжимая из себя последние силы, запыхавшийся Томас бежал по извилистой и ухабистой лесной дороге в сторону зловещего чёрного дыма в небе. Теперь и он стал часто спотыкаться на ровном месте, а его сердце, казалось, вот-вот выскочит из маленькой груди.

— Ты куда? — окликнула его растрёпанная старушка с соседней улицы, что бежала навстречу. — Стой же!

— Вы не видели папу? — ловко увернулся от её рук Томас.

— Беги обратно! Где мама?

Но Томас уже не слышал её. Он бежал вперёд — весь грязный, измученный и потерянный, — не чувствуя ни времени, ни ног, ни тверди под ними. В какой-то момент он в очередной раз споткнулся и с оглушительным хлопком рухнул ничком в холодную лужу, намочив прилипшие к щекам волосы, выронив лук и распугав пузатых головастиков. Будучи не в силах встать, он смог лишь немного приподняться на колени и снова упал, хлебнув взбаламученной воды полным ртом. В этот момент чьи-то сильные руки схватили его и уверенно закинули на плечо. Знакомый солоноватый запах мгновенно успокоил малыша, и он вскоре провалился в тягучую темноту.

***

— Блатишка... Блатишка... — услышал Томас, словно издали.

На веки ему давила кромешная тьма, а холодная сырость обволакивала тело с головы до ног, щекоча нос вонью гнилых овощей. Тёплые мамины руки гладили его

по голове, лежавшей на её мягких бёдрах, а где-то рядом бормотала Ирэн.

Взрослые шёпотом обсуждали последние новости:

— Не буду говорить, что я видел. Тут дети, — звучал голос отца. — Но это точно мутанты Арогдора. Всё снова повторяется.

Томас очень редко слышал слово «мутант» и потому не совсем понимал, о чём речь. Правда, он знал, что это какие-то жуткие чудища и ничего хорошего в этом нет. А вот об Арогдоре он знал хорошо, ведь местная детвора постоянно пугала друг друга страшилками о нём. Зловещее государство находилось на вершине вулкана, который в ясную и прохладную погоду можно было рассмотреть на севере. А поскольку оттуда всегда шёл дым, особенно зимой, Томас считал, что там в расплавленной лаве живут монстры, напоминающие огромных огненных пауков. С этим всё время спорила маленькая Ирэн, убеждая брата, что там живут «почти обычные люди». То есть обычные, только без голов. И если туда попасть, то придётся тоже жить без головы, что, по словам смышлёной девочки, было нелегко и создавало массу неудобств.

— А как же король? — удивлялась ткачиха, спрашивая охотника. — Где же рыцари?

— Я никого не видел. Там были только сборщики дани. От них толку мало.

— Похоже, что-то неожиданное, — предположил знакомый мужской голос.

— А ведь когда-то за мной ухаживал один такой… — мечтательно произнесла пожилая женщина. — Было время!

— Сборщик дани? Не ври! — произнёс всё тот же мужской голос. — Хоть ты была и красивой бабой, но для них всё равно страшная, как кобыла.

— Правда!

— Не придумывай! Ещё и дура!

— Что же нам теперь делать? — перебила спор мать Томаса.

— Либо бежать, либо ждать рыцарей, — объяснял её муж. — Бежать опасно, поскольку мы не знаем, куда́ можно бежать. Никто ничего не знает, а мутанты могут быть везде. Салеп ведь ближе к Парфагону, чем мы. То есть нас отрезали от армии.

— Остаётся ждать? Здесь?

— Мы не знаем, когда это закончится. А что, если Парфагон поражён и никакой армии уже не будет? Но одно могу сказать точно: мы не должны попасть в руки мутантов, иначе придёт конец всему. Вы не представляете, что́ они вытворяют!

Услышав эти слова, Томас почувствовал странное превращение внутри себя. Внезапно всё, что существовало в его короткой жизни, ушло на второй план или исчезло совсем. Всё стало неважным и незначительным, растаяло, как лёд на весеннем солнце. На смену им пришла только одна ценность — просто жизнь, когда можно быть рядом со своими близкими. Не важно, где и как, главное — быть всем вместе. Главное — продолжать чувствовать нежные руки заботливой матери, звонкий голосок любимой сестрёнки и добрый взгляд мудрого отца. Всё другое стало не важно, когда главные ценности вдруг оказались под неведомой

угрозой, напугавшей даже храброго отца, которому, как раньше казалось, абсолютно не знакомо чувство страха.

Взволнованный Томас открыл глаза и заплакал, не сдержав нахлынувших чувств. Приподнявшись, он крепко обнял мать и огляделся. Селяне прятались при очень тусклом свете свечи в чьём-то погребе. Рядом были насыпаны горки сморщенных овощей, в основном редьки и моркови, а у стены аккуратно поставлены глиняные кувшины с зерном и мукой. Любимая кожаная куртка отца согревала плечи матери и немного прикрывала маленькую сестрёнку.

— Блатишка! — обрадовалась Ирэн.

— Как ты себя чувствуешь? — забеспокоилась мама, но её тут же успокоил отец:

— Всё хорошо с ним. Перенапрягся.

— Так что же нам делать? — сокрушался старый плотник с проплешиной на голове, одетый в измазанную грязью рубаху, чёрные штаны и такие же, как у всех селян, коричневые кожаные башмаки. Именно его голос не сразу узнал Томас.

Отец низко опустил голову и задумался. Только сейчас мальчик обратил внимание на кровавые пятна на его серой рубахе и что на руках и лице его виднелись глубокие ссадины. При тусклых отблесках свечи была заметна опустошённость, даже какая-то обречённость в его задумчивом взоре.

— У нас, конечно, есть оружие, — указал он охотничьим ножом на стоявшие в углу погреба арбалет и топор. — Но это нам не поможет.

— Я могу ещё найти что-нибудь, — предложил плотник.

— Нет. В этом нет смысла! — неожиданно повысил голос охотник. — Мы даже всей деревней не смогли бы справиться с одним мутантом. Они наверняка не пройдут мимо нас, а потому лучше тщательно спрятаться.

— Сколько у нас времени?

— Не знаю. Полагаю, до вечера разграбят Салеп и все поселения между городом и нами.

— Может, нам всё же нужно бежать? — почти плакала ткачиха.

— Куда? Мы отрезаны от Парфагона, а до любой из Башен целый день пути.

В этом отец Томаса был абсолютно прав. Атака мутантов оказалась самой масштабной и неожиданно глубокой за многие годы. Как обычно, её целью было нанести максимальный урон неприятелю, разграбив его территории и выкрав малолетних детей — будущих мутантов. Собственная рождаемость в Арогдоре была на слишком низком уровне, чтобы компенсировать потери от постоянных войн с Парфагоном и высокой смертности.

Кроме того, предводителю Варнеру Эйзенбергу примитивное устройство его государства не позволяло производить достаточно пищи и других ресурсов. А ведь мощь армии, да и каждого мутанта в отдельности упиралась исключительно в количество потребляемой еды. Поэтому набеги на соседние земли были жизненной необходимостью. Именно поэтому его полководец — безжалостный генерал Айвор Джавер — совершил внезапный рейд, дерзко отрезав северные территории Парфагона. Мутанты собирались полностью опустошить эти земли. Кроме того, имелась надежда, что беспрецедентная по жёсткости операция обескровит

короля Альберта Третьего, и его королевство окажется под угрозой поражения.

Посоветовавшись друг с другом, взрослые всё же решили оставаться на месте, попытавшись максимально обезопасить себя в случае вхождения мутантов в селение. Было решено прятаться в этом же погребе, поскольку он находился в единственном кирпичном здании, принадлежавшем знаменитому на всю округу кузнецу Максу Ланку. Последний, судя по всему, поддался общей панике и бежал в неизвестном направлении. Другие дома выбирать не стоило, ибо армия генерала Джавера всегда дотла сжигала покорённые земли. Этот двухэтажный кирпичный дом они тоже разрушат, но зато был шанс выжить в погребе и потом выбраться из него наружу. Кроме того, смрад попорченных овощей мог спасти их от острого обоняния мутантов, с помощью которого они легко выискивали своих жертв.

Пока был запас времени, следовало тщательно подготовиться к приходу врага, у которого не должно было оставаться причин задержаться в этом небольшом селении. По слухам, для этого нужно было избавить арогдорцев от всех преследуемых целей. В связи с этим взрослые мужчины вылезли из погреба и пошли поджигать окрестные дома. Перед тем как совершить каждый поджог, они выпускали из загонов и амбаров скот и птицу, чтобы хоть кого-нибудь потом найти.

Сердобольные женщины тем временем заботились о более насущных проблемах. Например, следовало найти много одежды и одеял, чтобы не околеть за ночь в холоде подземелья. Кроме того, следовало собрать как можно больше еды, воды и свечей. А поскольку селение

было весьма зажиточное, этого добра находилось предостаточно практически в каждом жилище. В итоге, собрав всё необходимое в большие мешки, женщины быстро вернулись в дом кузнеца, когда тусклое солнце уже садилось. Однако на улице не темнело — горевшие с треском дома освещали небольшие улочки. Свиньи, коровы, лошади, овцы, кролики и куры разбегались во все стороны. Лишь часть животных не знали, куда бежать, и потому оставались на безопасном расстоянии от полыхающих, но привычных для них загонов.

Женщины зашли на кухню, освящённую огненным заревом из-за синего тюля на окне. Перед ними по центру стоял квадратный стол, а в стены были встроены кирпичная печь с толстой трубой и добротные шкафы с деревянными дверцами. На полках аккуратно лежали чугунные сковороды, глиняные горшки, деревянные кружки, половники и прочая кухонная утварь. Подойдя к погребу у стола и заглянув вниз, они в ужасе обнаружили, что ни Томаса, ни Ирэн в нём нет. Не нашли их и в доме. Выйдя на улицу, ткачиха попыталась позвать детей по имени, но внезапно откуда-то сбоку выскочил плотник, который заткнул ей руками рот и повалил на землю. Вместе с отцом Томаса они ползком потащили её по земле в дом, где точно так же сбили с ног вторую женщину. Та пыталась закричать и вырваться, но цепкие руки мужа изо всех сил сдерживали её отчаянные порывы и упрямо тянули в сторону погреба.

Затащив рыдающих женщин вниз, мужчины кинули следом их мешки с провизией. Быстро сообразив, что детей нет на месте, охотник шепнул старому плотнику:

— Лезь вниз и будь с ними. Я найду детей.

— Сам только не попадись!

Используя все свои навыки, мужчина, где ползком, где на корточках бесшумно вышел из дома и обошёл ближайшую территорию по периметру. Однако он был вынужден срочно возвращаться в погреб, ибо чуткие мутанты замелькали в соседних дворах. Со слезами на глазах и в полном отчаянии он постучался в дверцу погреба и живо ввалился вниз, как только её открыли. Его жена не теряла надежду до последнего, но, увидев растерянного мужа, ей осталось лишь крепко прижаться к нему и ещё больше зарыдать.

Незадолго до этих событий Томас в полудрёме заметил, как Ирэн зашевелилась и отошла от него. Сначала он не придал этому значения, но вскоре озадачился полной тишиной. Открыв глаза, он обнаружил, что находился в погребе совершенно один, и потому тут же выбрался наружу. Сестрёнка уже целую неделю буквально не отходила от своего щенка, и поэтому Томас хорошо знал, где её искать.

Он догнал Ирэн у калитки их двора, где она с раскрытым ртом смотрела, как полыхает и потрескивает в ярком пламени родной дом:

— Пёсик!

— Почему ты ушла?

— Мне нужен Пузанчик!

— Он убежал, или его забрали соседи. Пойдём обратно!

— Плавда?

— С ним всё хорошо.

— А кукла?

Деревянная игрушка в платье из мешковины одиноко лежала на крыльце, которое должно было вот-вот заполыхать из-за невыносимого жара.

— За мной, быстро! — скомандовал Томас, схватив Ирэн за руку, но та упрямо стояла на своём:

— Кукла! Ей больно!

— Сестричка, любимая, я тебе потом ещё куклу сделаю, — почти со слезами на глазах умолял её брат. — Пойдём!

Но девочка, не понимая происходящего, напрочь отказывалась идти, с пронзительным визгом цепляясь за плетёную изгородь, роняя с неё черепки и шкуры животных. Тогда Томас понял, что у него есть только один выход.

Несмотря на то, что огонь уже подобрался к крыльцу, мальчик осторожно подбежал к кукле и, схватив её за ногу, вытащил игрушку из зева голодного пламени, слегка подпалив свои длинные волосы. Затем он вместе с довольной Ирэн поспешил к кирпичному дому.

Вдруг Томас заметил среди полыхающих построек странное движение на опушке леса, примыкавшей к селению с юга. Недолго думая, он толкнул сестру на заросшую обочину дороги и сам упал рядом. Сквозь траву и кусты они оба увидели то, что их сознание поначалу отказывалось воспринять. Это можно было сравнить с кошмарным сном, бредом сумасшедшего или больной фантазией. Однако это происходило по-настоящему, словно привычного мира больше не существовало, будто он — выдумка. Такой парализующий и даже потусторонний страх вызвал у впечатлительных ребятишек первый мутант в их жизни.

Выехав из густого леса верхом на мощном коне, он остановился, разглядывая огненное зрелище и тщательно внюхиваясь в воздух. Всполохи пламени освещали его невероятные габариты и потрясающее телосложение. Он был почти в полтора раза выше обычного человека, а его загорелая курносая рожа хоть и сохранила человеческие черты, но больше походила на звериную морду. Такую картину создавали выпадавшая вперёд нижняя челюсть, массивные надбровные дуги и желтоватые клыки, торчавшие над верхней губой. Огромное мускулистое тело с широченной грудной клеткой оказалось покрыто наростами в виде тёмных щитков поверх каждой из мышц. Эта броня являлась неотъемлемой частью его тела, так как сама росла на нём. При этом кожу между щитками покрывал короткий и такой же тёмный мех. Но больше всего детский разум был поражён двумя парами мускулистых рук и длинными тёмными дредами на голове.

Из одежды на мутанте красовались лишь помятые кожаные сапоги и штаны, а также скрещённые на груди ремни, которые держали торчавшие за спиной ножны для меча и колчан для стрел. Массивный ремень держал ножны с двумя кинжалами, а на седле висели увесистый дубовый лук, чехлы разных размеров и набитые мешочки. Двумя нижними руками воин опирался на деревянную перекладину впереди себя, а верхние руки сжимали устрашающе длинный топор и слегка изогнутый меч с широким клинком и длинной рукоятью.

Оглядевшись, арогдорец решил подойти поближе к полыхающим домам. И тут Томас и Ирэн увидели, что

он сидел вовсе не на коне-тяжеловозе, как им сначала показалось.

Если про мутантов они хотя бы уже слышали, то про этого зверя под необычно громоздким седлом они не знали ничего. С одной стороны, они видели, что это бесхвостое существо также имело некоторые привычные черты. Взгляд у него был какой-то свой, человеческий, может быть, даже добрый. С другой стороны, оно было похоже на нечто среднее между буйволом и конём, только немного выше и массивнее в мышечной массе, полностью лишённой жира. Лоснящуюся кожу диковинного создания местами покрывали тёмные кудряшки, особенно на груди и животе. Одежды на нём не было, если не считать седла с прожжёнными тряпичными накладками красного цвета, свисавшими с боков и сзади. Его скулы играли на широченной челюсти, а с загорелой круглой хари, сморщенной от дыма, свисали две длинные косы. При этом его рукоподобные копыта смотрелись немного странно, ведь это был челоконь — человек, мутировавший в подобие коня.

— Говолила тебе: это не пауки!

— Молчи ты, — фыркнул Томас, зажав рот говорливой сестре, и на карачках потащил её в укрытие.

Оказавшись в спасительном доме кузнеца Макса Ланка, они подползли к дверце погреба на кухне и тихо постучали в неё. Дверца тут же растворилась, и две пары мужских рук почти мгновенно затащили беглецов внутрь. Поддав детям крепких подзатыльников, взволнованные родители обняли их так крепко, как не делали этого никогда в жизни.

***

Мутанты Арогдора верхом на челоконях постепенно и с подозрением заходили в опустевшее селение с разных сторон. Их было всего два небольших отряда — около двух дюжин. Но, учитывая чудовищную мощь каждого из них, этого было вполне достаточно для захвата и полного уничтожения небольшого городка. Если, конечно, в нём не несли службу отважные рыцари Парфагона.

В сопровождении четырёх мутантов из леса выехал Айвор Джавер — полководец армии Арогдора, который лично руководил жестоким рейдом.

Внешне легендарный генерал был крупнее обычных мутантов и заметно выделялся среди них. Его можно было легко узнать по глубоко посаженным глазам, толстым чёрным дредам, стальному шлему с широкими витыми рогами, а также по кольчуге с блестящими стальными латами под приятной глазу алой накидкой. В остальном он был похож на других массивных мутантов с клыками, наращённой тёмной бронёй, двумя парами рук и загорелыми мордами. Редкая целеустремлённость, помноженная на незаурядное мышление, сделала из него невероятно успешного полководца, которого уже долгие годы не удавалось устранить Парфагону.

Пройдя вдоль улиц с горящими домами и собравшись на центральном перекрёстке, недоумевающие мутанты салютовали друг другу, дружно вскинув левые руки:

— Виват, Арогдор!

— Виват, Эйзенберг!

— Кто здесь работал? — прогремел перекатистым басом генерал, оглянувшись на грохот обрушившегося дома.

— Похоже, это местные, — прошипел старший мутант, которого отличали красные повязки на плечах. — Снова сами подпалили.

— Уверен?

— Амбары полные горят, скот по улицам ходит и...

— Понятно. Ищи другое место.

— Нет необходимости. Пройдёмте за мной!

Так получилось, что для ночёвки полководец выбрал именно это селение. Местечко было настолько мало, что разведка Парфагона вряд ли кинется его искать в такой дыре.

Вся остальная армия Арогдора, состоявшая почти из тысячи мутантов, продолжала свою кровавую охоту в сотне других поселений, где разрозненными группами и оставалась на ночлег. В самом кратере и на вулкане остались ещё две большие группы резервов. Таким образом, общая численность боевых мутантов под командованием Айвора Джавера доходила до двух с половиной тысяч. Учитывая концентрацию силы и скорость передвижения на челоконях, общая мощь армии представляла собой невероятно страшную и разрушительную силу. Она равнялась по меньшей мере тридцати или даже сорока тысячам обычных воинов.

Мутанты выстроили оцепление вокруг кирпичного дома, единственного уцелевшего в селении, а подоспевшая телега тыловой службы подвезла провиант генерала, а также двух его подруг. Поскольку кровати были слишком малы, Джаверу постелили специальную перину прямо на полу спальни кузнеца, выбросив всё её содержимое в окно. Удобству сна и его количеству уделялось много внимания даже в боевых походах.

Наконец всё было готово к ужину. На квадратный кухонный стол поставили масляную лампу и много еды в огромных мисках. В основном это были жареные поросята и куры, а также лепёшки и питательная перловая каша с зелёным луком. Стол был рассчитан на ужин лишь четырёх мутантов, в то время как обычная семья могла прожить на такие запасы целую неделю.

В помещение вошли Джавер и старший воин. Стуча туфлями по полу, их сопровождали хихикающие подруги генерала — блондинка и смуглая брюнетка. Девушки были высокими, тонкокостными, но при этом невероятно фигуристыми. При тонких коленях и талии их упругие, невообразимо пышные формы вовсю выпирали из длинных цветастых платьев. Их счастливые лица казались удивительно похожими друг на друга, хотя и пугали острыми подбородками, огромными губами и крошечными носиками. Можно было подумать, что они выглядели именно так, как мечтают выглядеть многие женщины, дай им такой выбор.

Молча усевшись напротив друг друга, четырёхрукие мутанты откинули длинные дреды за спину и, жадно чавкая, приступили к еде. Без этого было невозможно сохранить устрашающий облик — ведь их внушительные размеры напрямую зависели от питания. Поэтому перебои с продуктовым снабжением и уж тем более голод могли привести Арогдор к поражению в многовековом противоборстве с самодостаточным Парфагоном.

Прямо под столом за этим пиршеством наблюдали окаменевшие Томас, его сестра, их родители, а также пожилые ткачиха и плотник, едва живые от ужаса. Они не только слышали звериное чавканье и хруст косточек,

но и могли видеть часть помещения в щелях прогнувшегося пола, который постанывал от напряжения. Никто из селян никогда в жизни не мог и предположить, что такое ужасное совпадение могло произойти. Прочный кирпичный дом, вместо того чтобы стать их верным спасением, в итоге лишь до предела усугубил ситуацию, почти похоронив надежды на благополучный исход. Мутанты были всего в трёх футах над их головами, что не могло не предвещать скорой беды.

Отойдя от шока, дрожащий Томас опустил глаза с потолка и сквозь почти полную темноту стал разглядывать взрослых и сестру, освещённых тусклыми полосами света, что сочился меж досок. Отец был взволнован и предельно сконцентрировано смотрел то в одну, то в другую прорезь наверху. В его лице совершенно не было страха, в отличие от бедного плотника, который едва держал топор и тоже смотрел вверх, практически не моргая. Ткачиха, сжавшись в комок и закрыв руками глаза и рот, спряталась в углу. Мама и Ирэн лежали на одеяле почти по центру, спрятав головы под большой подушкой, чтобы случайные возгласы девочки не выдали их уязвимого укрытия.

— Да что же это за вонь?! — вдруг прорычал Джавер, громко обнюхивая стол и воздух вокруг себя.

— Тоже не могу терпеть это, дорогой, — раздражённо подтвердила блондинка, вызвав пристальный взгляд смуглой подруги напротив.

— Извините, генерал, — оправдывался воин. — У нас не было выбора. Видимо, это из погреба под столом.

— Гнилые овощи! Какая мерзость! — не успокаивалась арогдорка.

— Там что-то ещё... — внимательно внюхивался Джавер, повергнув в панику несчастных селян под полом: испуганные женщины ещё больше сжались и затряслись, а мужчины в растерянности начали переглядываться, будто пытаясь найти поддержку в глазах друг друга. Плотник поднял топор, будто собираясь прямо сейчас вступить в неравный бой, а охотник медленно направил на дверцу взведённый арбалет. Тем временем, дожёвывая куски мяса и сглатывая жилы, монстры неспешно поднялись со стульев и обступили узкий лаз, разглядывая его из-под потолка, не рассчитанного на столь рослых гостей. Нижние руки Джавера упёрлись в бока, а правая верхняя сжала за спиной рукоять меча, со скрежетом его немного вытащив из ножен. Старший воин верхними руками взял с пояса кинжалы и наклонился к дверце погреба:

— Посмотрим, что там у нас, — произнёс он, потянув ручку.

Селяне приготовились к худшему: Томас прижался к трясущейся матери и уткнулся лицом в её бок, а его отец начал прицеливаться в проём. Плотник же, наоборот, тихо положил топор на земляной пол, и сверкающие слёзы покатились по его обрюзгшим щекам. В эти мучительные мгновения все они были уверены в своём скором конце.

Наконец послышался скрип, и тяжёлая дверца начала подниматься, заливая погреб светом:

— Стойте! — внезапно вскочила брюнетка.

— Что? — оглянулся генерал.

— Вы выпустите оттуда этот ужасный запах!

— И?

— Может, сначала доедим?

— А ведь она права, — блондинке с горечью пришлось признать правоту соперницы. — Дорогой, давай сначала поужинаем!

— Ух, бабы! То вам одно, то другое… Как вы вообще живёте? — произнёс раздосадованный генерал, вставляя меч в ножны и возвращаясь к столу. То же самое сделал и старший воин, опустив злосчастную ручку дверцы, отчего селяне облегчённо выдохнули, обнаружив, что не дышали всю последнюю минуту.

Немногословная и голодная компания вновь приступила к еде, запивая её вёдрами жирного молока и воды. Вдруг сквозь громкое чавканье и грохот посуды послышалось тихое постукивание со стороны смуглянки, отчего отец Томаса широко раскрыл глаза и переглянулся с плотником. Сначала мальчик не понял, что это значит, но потом его осенило: эта странная женщина осознанно спасла их от своих сородичей! И действительно, на широком лице брюнетки можно было заметить лёгкие отблески улыбки, а в глазах — облегчение. Другие прожорливые гости были слишком заняты своими желудками, чтобы обращать внимание на такие мелочи.

Набив кишки, довольные мутанты то ли позабыли про погреб, то ли просто не хотели о нём вспоминать. После столь тяжёлого дня все они хотели лишь добраться до какой-нибудь постели и быстрее уснуть. Тем более рыцари Парфагона уже активно рыскали по всем

направлениям, оставляя не больше одного дня, чтобы отступить в Арогдор.

Страдальцы в погребе с облегчением обрадовались, услышав, как воины напоследок погремели опустошённой посудой и успокоились. Еле передвигая ноги, они стали расходиться по комнатам, придерживая набитые животы, покрытые наростами брони и коротким мехом. Немного пошептавшись, последними из кухни вышли женщины.

При этом Ирэн, не выпуская куклу, уснула под подушкой в объятиях матери ещё во время ужина арогдорцев. Несмотря на страх, выхолощенный Томас теперь тоже быстро и глубоко засыпал вместе с остальными. Лишь его отец окончательно измучился, всю ночь без у́стали следя за тем, чтобы никто не храпел и не дёргался во сне, что могло стоить жизни.

***

На следующий день всем гостям в доме кузнеца пришлось проснуться на рассвете. Хотя в обычной жизни мутанты спали непомерно долго, во время рейдов они не могли себе этого позволить. Поэтому спасшиеся в погребе селяне ранним утром проснулись от тяжёлых шагов, когда на кухню зашёл изголодавшийся Джавер с помощником:

— Где жратва?

— Обоз попал в засаду. А вчерашний провиант закончился…

— Что за бред?! — прогремел бас генерала, и послышался скрежет ножен.

— Простите! Мы не ожидали, что селение будет опустошено, — сдавленно произнёс старший воин, горло

которого уже прижимало холодное лезвие. — Здесь ничего не осталось в загонах.

— В вонючем погребе посмотри. У тебя есть полчаса, пока мне докладывают обстановку! Усёк?

— Конечно!

— А может, не надо, Айвор? — услышали обомлевшие селяне такой дорогой голос брюнетки. — Мы можем потерпеть.

— Я не буду терпеть, женщина.

— К чему такая спешка? Мы можем поесть в другом месте.

— Не слушать её. Выполнять приказ!

Промёрзшие дети вновь прижались к побледневшей матери, которая осторожно отвела их в дальний угол, к ткачихе. Мужчины же обречённо взяли в руки свои орудия и приготовились дать отпор врагу. В этот момент в глазах женщин появились слёзы и отчаяние. Их взгляды испуганно метались от охотника к плотнику, пытаясь искренне поверить, что те смогут хотя бы что-то изменить в этой скверной ситуации.

Сначала селяне услышали, как из кухни все вышли и воцарилась спасительная тишина, давшая надежду на выживание. Но уже через минуту эти тщетные ожидания растворились в небытии, словно лопнувший мыльный пузырь: послышались тяжёлые шаги двух монстров, которые неумолимо приближались. Наконец они остановились возле дверцы и с громким лязгом открыли её.

Опущенный вниз светильник в нижней руке мутанта осветил погреб, выдавая всех его жильцов с искривлёнными от ужаса лицами. Меткая стрела из

арбалета вонзилась точно в центр массивного лба арогдорца, а топор плотника глубоко засел в его бронированном наросте на левой груди. Издав дикий вопль, но не сделав даже шагу назад, гигант вытащил острое лезвие из груди и смело спустился по ступенькам вниз, держа в верхних руках сверкающие смертью кинжалы. За ним следом кинулся точно так же вооружённый сообщник — вонючий, хуже псины. Мужчинам ничего не оставалось, как с ножами в руках и с отчаянными криками броситься на воинов. Однако длинные руки мутантов, облачённые в наросты брони, молниеносно расправились с безумцами, причём на глазах у визжавших детей и женщин, обнявшихся в дальнем углу.

С торчащей из головы сломанной стрелой, согнувшись почти по пояс из-за низкого потолка, обозлённый арогдорец снова и снова кромсал бездыханное тело отца Томаса — до тех пор, пока оно не превратилось в расчленённую кровавую массу. Весь погреб вместе с людьми оказался забрызган тёплой кровью и склизкими ошмётками человеческой плоти. Женщины тем временем продолжали визжать во всё горло, прижимая к себе пищащих детей. Хотя они пытались закрыть глаза малышей, поражённый Томас видел все детали расправы. Сперва мальчику казалось, что всё это не по-настоящему, что ему это кажется или снится. Его не по возрасту серьёзные глаза заливались слезами, а внутри всё словно обломилось от невозможности что-то изменить и вернуть назад.

На шум и крики быстро сбежались другие мутанты, включая генерала и его подруг. Обступив вход в погреб,

они внимательно смотрели на представшую перед их взором кровавую картину.

— Убить баб! — послышалась новая команда, заставив Томаса изо всех сил вцепиться в мать.

— Да сколько можно?! Прекратите! — пыталась заступиться полуголая смуглянка. Она немедленно получила пинок в живот и тут же свалилась под стол, рыдая и вырывая волосы на голове. — Уроды вы все! Кода это закончится?!

Раненый старший воин и его помощник молча отдёрнули беспомощно скуливших детей от матери и ткачихи. Затем они нанесли ошеломлённым женщинам, отчаянно тянувшим руки к малышам, несколько ударов кинжалами в грудь и голову, вонзая лезвия по самые рукояти.

Стало тихо и спокойно. Лишь охрипшее мычание трясущихся отпрысков охотника нарушало безмятежность сельского утра.

Но на этом генерал не успокоился.

Все мутанты замерли, когда он вытащил из ножен широкий меч и спустился в залитый кровью погреб. Дрожащие Томас и Ирэн прижались друг к другу, думая, что пришёл их черёд. Однако хладнокровный Джавер молча подошёл к впавшему в ступор старшему воину и с хрустом вонзил клинок под нижнюю челюсть, прибив голову к низкому потолку. Выпучив глаза, воин выронил светильник, обмяк и рухнул на колени, повиснув массивным подбородком на крестовине меча, утопавшего в потоке густой крови.

— Тупорылый! — выругался Джавер. — Недоносков в обозы, и уходим на север. Доложите обстановку по пути.

Как только генерал вместе со своей свитой покинул обугленные останки села, к кирпичному дому подоспели гремящие телеги из ресурсного обоза. Запряжённые костлявыми кобылами, бóльшая часть повозок были перегружены награбленным богатством: мешками с продуктами и домашней утварью. Одна из телег, представляя собой клетку из толстых прутьев, была битком набита маленькими детьми. Они были в грязных и оборванных туниках. Зачастую израненные и избитые, малыши беспрерывно плакали и стонали, отчаянно зовя простуженными голосами своих матерей и умоляя дать хоть немного воды и хлеба.

Молодой мутант с недоразвитыми нижними руками, разивший тошнотворной смесью пота и какой-то отвратной кислятины, подвёл обречённых Томаса и Ирэн к клетке. Он уже собрался засунуть их внутрь, но воин с красными повязками на плечах, рыжими дредами и такой же густой бородой остановил его:

— Так, а это зачем, дебил?

— Что не так?

— С девкой всё понятно — она подходит, — прошипел старший воин, переводя красные глаза на Томаса, — а вот губошлёпа я не возьму. Это переросток! Не видишь, безмозглый?

— Мне приказали — я выполняю.

— Да? Ну, вот тебе новый приказ: девку в клетку, а пацану перерезать глотку.

Рыжий монстр произнёс это настолько хладнокровно, что сразу чувствовалось, насколько часто ему приходилось отдавать такие приказы. Поскольку молодой воин впал в ступор, его старший товарищ сам

оторвал завизжавшую Ирэн от брата и грубо закинул её в телегу поверх других детей. После этого обоз сразу же двинулся в сторону леса, проезжая обугленные останки села в сопровождении истошного лая щенка, откуда ни возьмись выбежавшего на шум. Девочка высунула из клетки пухленькие ручонки и, отчаянно крича, потянула их в сторону рыдавшего брата, которого крепко держал за волосы мутант, неуверенно вытаскивая кинжал из ножен.

Палач Томаса был очень молод и неопытен. В отличие от других мутантов, его нижние руки были несколько недоразвиты, худы и коротки, словно ещё не успели до конца отрасти. Непосредственно в боях, видимо, он ещё никогда не участвовал, а лишь помогал собирать ресурсы на захваченных территориях. Поэтому убить человека, а уж тем более ребёнка ему было сложно. Оглядываясь по сторонам и будто ожидая чьей-то поддержки, он долго не мог решиться на выполнение приказа, боясь даже взглянуть на чумазого селянина.

Когда телега с Ирэн окончательно скрылась из вида, Томаса неожиданно накрыли необузданная злость и распиравший изнутри жар. Вдобавок к оставленной без защиты любимой сестрёнке в его глазах всплыла кровавая картина убийства беспомощных родителей. Вдруг страх совершенно пропал, и всем его телом начали управлять лишь животные позывы, наглухо затуманившие рассудок. Откуда-то появилась невиданная ранее сила, бурлящий прилив которой можно было осязаемо почувствовать. И эту мощь нельзя было не использовать немедленно, чтобы не разорваться на части.

Резко дёрнувшись, ценой клока густых каштановых волос озверевший Томас вырвался и ловко нырнул между ног у опешившего мутанта. Пока неповоротливый воин разворачивался, мальчуган уже скрылся за углом обугленных останков соседнего дома, а несколько других арогдорцев с грубыми проклятьями кинулись за ним в погоню. В отличие от чужаков, ребёнок хорошо знал своё родное селение и мог ориентироваться в нём даже с закрытыми глазами. Быстро и юрко перебегая от одного забора или пожарища к другому, он в какой-то момент почти добрался до спасительного леса и уже почти сбежал от безжалостных монстров. Но, пробегая последний огород у опушки леса, он вдруг почувствовал сильный удар в бедро и нестерпимую боль.

Свалившись на грядку с молодой свёклой и оглядев себя, Томас увидел, как необычно толстая и длинная стрела застряла в его левой ноге, пройдя её насквозь. Туника стала быстро промокать кровью, а страшная боль не давала мальчику не только встать, но и пошевелиться. Поэтому, пока он, плача и крича, пытался вытащить увязшую в плоти стрелу, его окружили довольно похрюкивавшие мутанты. Они весело смеялись, глядя на своего неопытного товарища, и издевательски подтрунивали над ним:

— Этот сосунок похрабрее тебя будет!

— Посмотри на его ручищи! Тебе бы такие, а?

— Они толще твоих в два раза!

— Пошли вон, крысы! — огрызнулся запыхавшийся молодой палач, замахиваясь громадным топором. Однако маленький селянин так просто не сдавался: он метко бросил в глаз мутанту острый камень и под истеричный

смех других арогдорцев кинулся кусать его за ноги. Конечно, разгорячённый воин легко увернулся от молочных зубов, но тут же неожиданно рухнул на землю рядом со своей так и не покорившейся жертвой.

В первые мгновения умолкшие мутанты, да и сам Томас, замерли, будучи не в силах понять, что произошло. Однако вскоре они заметили стрелу в затылке опозорившегося воина, который в неловкой позе распластался в свекольном молодняке. Тут же послышался свист других стрел и их гулкие удары в плоть и броню. Ещё два мутанта сразу же упали замертво, а один с жалостливым криком схватился за пробитое насквозь плечо. Затем послышались грубые голоса, сотрясающий землю топот и угрожающее бряцание тяжёлых доспехов: из леса на огромной скорости вырвался небольшой отряд рыцарей Парфагона.

До этого момента Томас видел их только на старых и неуклюжих рисунках, в своём воображении и во снах. Он обожал слушать посвящённые им истории, сказки и легенды, отчего часто сражался на деревянных мечах с соседскими ребятами. В этом не было ничего удивительного — ведь все мальчишки королевства мечтали стать рыцарями. Для селян это было абсолютно невозможно, но дети об этом не подозревали.

В отличие от мутантов, доблестные воины Королевской рыцарской армии перемещались на обычных конях, пусть и самых мощных и высоких пород, и имели привычное, человеческое строение тела. От обычных людей их отличали невероятная мускулистость и неестественная сила, а также

выдающийся рост. И хотя каждый из них был на две или три головы выше среднего взрослого мужчины, по этому показателю они всё же уступали любому четырёхрукому мутанту. Под синими накидками их торсы были облачены в плотные рубахи, поверх которых красовался стандартный фигурный панцирь с кольчужными рукавами, воротником и короткой юбкой. Голову они защищали округлым шлемом, прикрывавшим не только шею, но и почти всё лицо, оставляя лишь овальные отверстия для глаз, переходившие в проём для носа и рта. На ногах они носили штаны из плотной ткани и начищенные до блеска кожаные сапоги выше колен. Кроме того, у них имелись выгнутые прямоугольные щиты, которые вместе с копьями висели на сбруе. Из оружия они использовали меч с синей рукоятью, копьё, кинжал, а также габаритный арбалет, способный пробить особо прочные черепа неприятеля.

На глазах у открывшего рот Томаса завязался молниеносный бой: рыцари с разгона вонзили свои длинные копья и острые мечи в разбегающихся мутантов. Кто-то из арогдорцев отчаянно сопротивлялся или умолял о пощаде, но королевским воинам удалось без потерь раскромсать пойманного врасплох противника, никого не жалея.

Едва не раздавив мальчугана, разгорячённые рыцари с ходу рванули вглубь обугленного селения. Всего их было не больше дюжины, но это была колоссальная сила, которая произвела на мальчика незабываемое впечатление. Он впервые испытал те особые чувства, которые взрослый человек назвал бы гордостью за свою

отчизну. Казалось, на одних этих эмоциях можно было легко прожить целую неделю без еды и воды. Поэтому, забыв о потери близких и о боли, истекающий кровью Томас до потери сознания воодушевлённо наблюдал, как бронированные воины короля Альберта Третьего добивали мутантов.

***

Отряд рыцарей Парфагона, состоявший из отборных воинов под командованием Нильса Дора, расположился на поросших мхом брёвнах вокруг потрескивавшего костра. Из глубин ночного леса то и дело доносились едва слышные крики, а также эхо зловещего уханья совы. Измученные горожане молча наслаждались запахом запекавшегося кабана. Лишь пара раненых воинов, ворочаясь с боку на бок чуть поодаль, иногда тихо стонали и кряхтели.

Жёлтое пламя ласкало Нильса и освещало его большую голову с широкими скулами, внушительным носом и задумчивым взглядом из-под русых локонов. На вид ему было чуть больше тридцати лет, но он не особо стремился к безукоризненной внешности, в отличие от большинства жителей Парфагона. Нильс считал, что мужчине не нужна красота, чтобы получать все радости жизни. И хотя такая позиция вызывала насмешки, в его случае она действительно была эффективной.

Воин уже почти целый век служил королю и стремился стать большим военачальником, однако, несмотря на удивительную живучесть, продвижения по службе давались с большим трудом. Хотя он был на хорошем счету у главнокомандующего, со стороны сердца

красовался всего лишь бронзовый жетон с гербом Парфагона в виде двух пересекающихся колец. Этот похожий на срез угловатого яблока знак отличия говорил о том, что его носил низший офицер в звании центуриона. Он мог командовать не более чем сотней воинов, то есть центурией, но чаще всего — одной или несколькими дюжинами.

— Не волнуйся, — пытался его приободрить красавец Ричард Фейн, длинноволосый блондин с благородно вытянутыми чертами лица и светло-голубыми глазами. — Следующий раз точно не уйдёт.

— Если бы на несколько минут раньше...

— Будем ещё ближе.

— Что я опять скажу легату? Как я буду смотреть в глаза королю? — шебурша мечом в углях, сокрушался Нильс. — Опять та же самая история. В который раз!

— Постой, но это ведь не наша вина? Мы были быстры как могли.

— Эта всегда наша вина.

Чуть в стороне, укрытый синей рыцарской накидкой, простонал и снова затих Томас. Взволнованный Нильс тут же встал и быстро подошёл к нему. Увидев, что несчастный мальчуган всё ещё без сознания, он поплотнее прикрыл его и молча вернулся к костру, где уже что-то весело обсуждали его товарищи.

— Я всё-таки не понимаю: зачем ты его взял с собой? — кивнул Ричард в сторону селянина.

— В нём что-то есть. Его нельзя там оставлять.

— От него даже мутанты отказались. Мы уже ничего не сделаем с ним. Он слишком взрослый.

— Прорвётся. У него нет выбора.

— Ты серьёзно?

— Ты же сам видел, как он один и еле живой бился до последнего.

— И?

— Сам знаешь: не каждый из нас на такое способен. Мы, тренированные и взрослые мужики, можем сдаться, потеряв шансы на спасение. Но ты видел его? Видел его смелость? Невероятно! А ведь это ребёнок.

— Ну, делай как хочешь… Ты ведь понимаешь, что ему будет сложно освоить фазу? Какой бы он ни был храбрый, ему уготована безрадостная участь в Парфагоне. Да и кто его туда вообще пустит?

— У него есть шанс, Ричард.

— Он пришлый, селянин. Ты знаешь наши законы.

Нильс сплюнул и с досадой взглянул в сторону Томаса:

— Я всё понимаю. Но мы должны дать ему шанс. Если у короля внезапно объявилась дочь, то почему же мне нельзя?

— Очередная странная история нашего королевства, конечно. Но у тебя несколько иная ситуация, — Ричард весело ударил друга кулаком по плечу. — Да и с Альбертом себя не сравнивай, дурень! Какое имя дали, кстати? Кто хоть её мать?

— Назвали Элизабет. Говорят, разрешилась одна из его тайных фавориток, но сразу же умерла. Сама, наверное, дитя ещё была. Ты же его знаешь...

— Хм, печально... Но у неё всё равно титул принцессы?

— А как ещё быть в его ситуации? Поэтому и будет добрее. Нашему храбрецу это на руку.

— Ну, брат, ты и авантюрист!

Набив желудок недожаренной свининой и затем едва не разорвав его от смеха над пошлыми байками разморённых вояк, Нильс дал команду идти на боковую. Проверив караульных, он осторожно прилёг рядом с Томасом, прикрыв его от холода могучей рукой, и мгновенно уснул.

Рыцарю показалось, что он едва сомкнул глаза, но в сумерках уже зашевелились бормочущие товарищи — пора выдвигаться домой. Не дожидаясь, пока его потревожат, он стал пытаться увидеть перед закрытыми глазами пересечённые кольца Парфагона. Однако ничего не получилось, потому что помешал скрежет металла поблизости. Тогда Нильс начал вслушиваться в звуки вокруг, пытаясь расслышать, как его зовут по имени, словно кто-то его действительно искал. Хотя в ушах стало тише, своего имени он так и не услышал. Тогда он вернулся к кольцам, пытаясь во что бы то ни стало их увидеть прямо перед глазами, где-то на уровне лба. Снова потерпев поражение, пришлось обратиться к воображаемому оклику по имени. Неожиданно тонкий женский голосок с вожделением произнёс «Нильс» и сразу пропал в тишине. Это было хорошим знаком, поэтому воин оживился и снова представил кольца. Тут же взор ослепила яркая вспышка света, и перед глазами сошлись два переливающихся синих кольца, звонко заискрив друг от друга!

Магическое видение сияло столь реалистично, что, казалось, его можно было потрогать. Но рыцарю было не до этого. Понимая, что его скоро разбудят, он резко встал и сразу оказался на вершине обрывистой горы. Чёрные тучи над головой оглушительно громыхали и извергали

раскатистые молнии, которые освещали лысые скалы внизу. Прямо перед Нильсом светился изнутри огромный синий меч с волнистым долом и рубином в рукояти. Выдохнув, он схватился обеими руками за волшебное орудие, отчего убийственный порыв ветра едва не сбил с ног, а тело загудело. Сжав зубы от боли, рычащий воин не отпускал обжигающий метал, ощущая, как всё тело трещит по швам, раздаваясь вширь и вверх. В один момент кольчуга и панцирь со звоном разлетелись в стороны, а их хозяин увеличился до таких габаритов, что меч стал казаться подходящим по размеру.

Вдруг зрение внезапно пропало, и Нильс почувствовал своё лежащее на боку тело, которое сильно покалывало от макушки до пяток. Тем не менее его пальцы всё ещё ощущали рукоять, через которую сочилась осязаемая сила и мощь.

— Что там опять отращиваешь? — послышался голос Ричарда следом за новым пинком по сапогу. — И так здоровый уже, как бык!

В это время Томасу снилась бесконечная череда кошмаров, в которых то раздавались крики родителей, то гнались остервеневшие мутанты, то плакала Ирэн. Голод и жажда всё время настигали мальчика, отчего он то внезапно просыпался, то моментально засыпал, так и не понимая, что с ним происходит и где он находится. А ещё от постоянных скачков и покачиваний болела левая нога. В какой-то момент к страданиям добавились яркий солнечный свет, трели лесных птиц и стук копыт по мощёной дороге, что заставило малыша окончательно пробудиться.

С трудом открыв слипшиеся глаза, Томас обнаружил себя в седле впереди русоволосого рыцаря с выдающимся носом и усталым взглядом. Рядом так же спокойно цокали ещё несколько коней с воинами. Через поле они все вместе приближались к огромным деревянным воротам в уходившей за горизонт каменной стене с узкими бойницами на вершине. Эта стена, будучи выше любых самых могучих деревьев, во многих местах поросла мхом и кустами по всей своей высоте. За ней виднелись грозные башни и коричневые черепицы удивительно высоких и красивых зданий. Томас никогда не видел Парфагона, но сразу понял, что это именно он — тот самый город, где обитают невероятные люди, о которых ходило так много легенд. Именно в его стенах стоит тот знаменитый замок, в котором живут король и новорождённая принцесса, которой его так настойчиво дразнила сестрёнка.

— Привет, храбрец, — подмигнул ему рыцарь.

— Здравствуйте! — смутившись, ответил Томас.

— Меня зовут Нильс. А тебя?

— Томас. Меня зовут Томас Юрг.

— Эй, соня! — раздалось откуда-то сзади.

Оглянувшись назад, юный селянин увидел белокурого красавца на дымчатом жеребце. Тот, расплывшись в широкой улыбке своим вытянутым ликом, аккуратно держал в мясистой руке мирно спящего щенка:

— Не твой черныш? Тоже спит всё время.

— Да, дяденька, это мой.

— Можно я себе возьму?

— Конечно, забирайте Пузанчика.

— Небось жёнушке подаришь, подкаблучник? — нарочито презрительно буркнул Нильс, хмуро разглядывая вытащенные из кармана солнечные часы размером в пол-ладони. — Как вообще таких в армию берут?

В этот момент гогочущие воины прошли деревянный мост над болотистым рвом с квакающими лягушками. Перед ними со скрипом растворились грузные Северные ворота, охраняемые с двух сторон стражами в латах:

— Да здравствует король!

— Да здравствует Парфагон! — дружно ответил измотанный отряд.

Навстречу Томасу подул тёплый ветер с тысячей новых для него запахов и звуков. Прямо от исполинских ворот начиналась бесконечная аллея с толпами людей, по краям которой зеленели пышные деревья и аккуратные двух- и трёхэтажные здания. Куда его взгляд ни падал, везде что-то происходило и кто-то суетился, а на лицах опрятно одетых людей сияли исключительно довольные и счастливые улыбки. Оказавшись в таком буйстве жизни, малыш вдруг вспомнил сестрёнку и родителей, которые никогда этого не увидят, а также родное селение, которого больше не существовало, как и всей его прошлой жизни. Горечь и счастье смешались в невиданную им ранее непосильную смесь, которая застряла, как ком в горле.

Изо всех сил Томас пытался не заплакать перед своими могучими спасителями, особенно перед Нильсом. Но когда его приняла на руки и тепло обняла некая дивно пахнущая женщина с короткими рыжими волосами и немного заострёнными ушками, он не

выдержал. Его детские губки горестно искривились, и сверкающие слёзы безудержным потоком полились из зажмуренных глаз, одна за другой капая на сиреневое платье веснушчатой красавицы.

— Добро пожаловать в Парфагон, бедный малыш, — лишь смог он расслышать из её уст.

Глава 2. Идеальный город сверхлюдей

Первый месяц Томас практически всё время находился в доме Нильса Дора. Его двухэтажное жилище имело две спальни, кухню, а также просторную и светлую столовую. Во внутреннем дворе цвёл фруктовый садик, огороженный каменным забором, поэтому сельский ребёнок чувствовал себя весьма комфортно, будучи взаперти. Ему выделили уютную комнату на втором

этаже, где изначально находилась библиотека хозяина, занимавшая два книжных шкафа. Туда поставили рассчитанную на вырост дубовую кровать, а у друзей насобирали целый ящик игрушек. Новая жизнь в столице, в добротном каменном доме, в пропитанной книжным запахом комнате казалась мальчишке чудесным сном, в который он долго не мог поверить, просыпаясь по утрам.

В доме также жила Маргарита — старшая сестра Нильса, рыжая женщина с мальчишеской стрижкой и всегда грустными глазами из-за припущенных уголков век. Именно она взяла Томаса в свои руки, когда он впервые въехал в город. И хотя Маргарита выглядела значительно моложе своего брата, её поведение ничем не отличалось от повадок зрелой женщины, какой она в действительности и являлась. Её внуки были уже взрослыми, а муж, известный трибун, так давно отдал жизнь за короля, что она перестала помнить его внешний облик. Лишь пару раз в год Маргарите ненароком вспоминался некий вымышленный образ супруга, в чём была повинна дурная память, не рассчитанная на такую долгую судьбу.

Благодаря усердной Маргарите и жалованью Нильса в десять золотых монет в месяц их уютный дом находился в идеальной чистоте, на столе каждый день было мясо, а нога Томаса вскоре зажила. Кроме того, мальчуган был достаточно неплохо одет даже по придирчивым городским меркам. Вместо простенькой селянской туники, теперь он стеснительно щеголял в светлых рубахах с разноцветными пуговицами, коротких

коричневых штанишках с подтяжками и в кожаных башмаках поверх гольфов.

Сам Нильс считался закоренелым холостяком, что было широко распространено среди рыцарей, и никогда не имел детей, во всяком случае, живущих с ним в одном доме. В некоторой степени свои отцовские чувства он перенёс на Томаса, и потому ребёнок оказался под гарантированной опекой. Увидеть рыцаря дома было большой радостью, поскольку тот почти всё время занимался армейскими заботами и часто отлучался к вулкану, отражая бесконечные вторжения мутантов. Иногда к Нильсу приходил его давний друг Ричард Фейн, и они вместе с другими товарищами закатывали шумные вечера в беседке в саду, куда смотрели окна из новой комнаты селянина. Поутру из дома выходили, смущённо опуская глаза, миловидные девушки и женщины, но Томас их не запоминал, поскольку те каждый раз оказывались разными.

Новая жизнь настолько бурлила эмоциями и благополучием, что чуткая память ребёнка вскоре стёрла жуткие воспоминания из недалёкого прошлого. Более того, Томас начинал активно набирать вес, ибо в доме Нильса всегда хранилось вдоволь пищи на любой вкус. Обилие сна и еды было главной необходимостью для многих жителей столицы — впрочем, как и мутантов Арогдора.

Однако всё было не так просто, как казалось юному селянину. В Парфагон было практически невозможно попасть людям со стороны. И хотя периодически делались исключения, появление чужаков в стенах столицы считалось риском для основ существования

королевства. Одна из причин крылась в очевидной опасности внедрения агентов Арогдора, которые время от времени устраивали диверсии. Именно поэтому Томас целый месяц сидел под надзором грустных глаз рыжей Маргариты и лишь через высокую каменную кладку забора слышал шум города, который так хотелось изучить. Всё это время Нильс и его друзья обивали пороги различных инстанций, дабы получить разрешение усыновить пришлого ребёнка. Однако дотошных чиновников и вечно подозрительную службу безопасности сильно смущали два момента: во-первых, Томас считался слишком взрослым, чтобы его можно было адаптировать к главным основам жизни города, а во-вторых, полностью отсутствовали сведения о его прошлом. Поскольку все жители его селения погибли, пустились в бега или были похищены мутантами, то не имелось никакой гарантии, что он именно обычный селянин, а не агент-мутант. И хотя на практике это была очень сложная и очень долгая мутация, теоретически в маленького мальчика мог превратиться почти любой арогдорец.

Только благодаря признанным заслугам храброго рыцаря и его настойчивости Томаса не только разрешили усыновить, но и приняли в полноценные граждане столицы. Подпись на соответствующих документах была поставлена самим Питером Калицей — мудрейшим канцлером Парфагона, а также близким другом и советником Альберта Третьего. Причём такую подпись Калица мог поставить только с личного разрешения короля, которому, в свою очередь, тоже пришлось узнать о существовании некого Томаса Юрга из округа Салепа.

— Велели передать, что твоя репутация теперь зависит от пацана, — сообщил Ричард, передавая Нильсу долгожданную бумагу у массивных дверей его дома. Оба приятеля были одеты в рыцарские костюмы для повседневной носки. Одеяние включало высокие сапоги, тёмные широкие штаны и, поверх светлой рубахи, зауженный у талии синий камзол с вздутыми плечами. А к тугому поясу неизменно крепились меч и кинжал. — Ну и любишь же ты проблемы!

Выдернув из рук гостя документ, Нильс стал жадно разглядывать столь дорогую и долгожданную подпись, переливавшуюся в свете солнца:

— Меня это не волнует.

— А что вообще тебя волнует, кроме баб и работы? — рассмеялся Ричард, заплетая свои роскошные белокурые волосы в толстую косу. — Жениться не собираешься, кстати?

— Это звучит, как предложение отрезать руку. Живёшь себе, радуешься жизни... А тебе говорят, мол, больно хорошо поживаешь. Давай-ка мы тебе тоже руку оттяпаем!

— Зато не скучно будет.

Нильс дочитал указ канцлера и, свернув его в трубочку, спрятал за пазуху, после чего вздохнул и расплылся в широкой улыбке:

— Теперь есть Томас. Не до скуки, как видишь.

— Ах, так это теперь только меня одного интересуют мутанты и юбки? Как жить в этом жестоком мире!

— Хм, пожалуешься любимой жёнушке?

— Какой ещё жёнушке?

— Не той ли, с которой ты последние лет пятьдесят живёшь?

— Клевета!

Оба друга рассмеялись. Действительно, Ричард был гулякой лишь на словах и в шутках. На самом же деле, будучи едва ли не самым привлекательным мужчиной на Селеции, он, назло местным барышням, был однолюб и примерный семьянин. Это считалось большой редкостью среди ветреных рыцарей, всегда живших одним днём. И хотя на вид ему было далеко до старости, у него уже имелось несколько взрослых детей. Со своей ненаглядной Лилией воин проводил всё свободное время и не чаял в ней души, вечно задаривая подарками и откровенно балуя излишним вниманием. На фоне других рыцарей, в особенности пропащего бабника Нильса, голубоглазому красавцу было немного неловко за себя. Потому-то шутки о похотливых похождениях являлись обязательной темой для разговоров. Чтобы придать им весомости, Ричард иногда мог попортить какую-нибудь селянку с самой отдалённой окраины королевства, уродливую и глупую в сравнении с парфагонками. Однако Нильс знал, что это не приносило его другу никакого удовольствия, а лишь приводило к долгим угрызениям совести перед любимой жёнушкой.

Попрощавшись с приятелем и зайдя в дом, центурион взял выбежавшего навстречу Томаса в свои ручищи и крепко обнял. Затем он отнёс его в любимую беседку в саду, круглые сетчатые стенки которой почти полностью заросли вьюном, создавая прохладную тень.

— У меня к тебе разговор, — осторожно начал рыцарь, присев на лавочку и посадив мальчугана себе на колено.

— О чём, дядя Нильс?

— С этого дня... В общем, я и моя сестра никогда полностью не заменим тебе мать и отца. Это невозможно. Но мне разрешили тебя оставить, и все будут считать тебя моим сыном. Ты не против?

— Нет, — ответил Томас, глаза которого наполнились слезами от жутких воспоминаний.

— Я сделаю всё, чтобы ты добился самого лучшего в этой жизни. Я верю в тебя. Именно поэтому ты здесь. Понимаешь?

— Понимаю.

— Но у меня есть одна важная просьба, и мне хотелось бы донести её до тебя. Слушаешь внимательно?

— Слушаю очень и очень внимательно!

— Я ничего не жду от тебя в ответ, когда ты вырастешь. Для меня счастье — просто тебе помочь, Томас. Ты можешь стать великим человеком. Но...

— Что, дядя Нильс?

— Каждый твой поступок, пока ты считаешься моим сыном, отражается на мне. Я заплатил своим именем за твою жизнь в Парфагоне. В общем, тебе будет крайне непросто здесь, но я верю, что ты не подведёшь меня.

Неожиданно глаза рыцаря наполнились слезами, хотя он всегда считал, что не отличался чуткостью. Чтобы это скрыть, Нильс снова обнял Томаса, к которому успел не на шутку привязаться за последние недели. Ему пришлось молча продержать малыша в таком положении ещё целую минуту, пока бурные эмоции окончательно не схлынули с его лица. В это же самое время его

новоиспечённый сын испытывал схожие чувства и сам крепко сжимал массивную шею своего спасителя. Мальчик про себя думал, что обязательно станет таким же храбрым воином и никогда его не подведёт.

***

Вместе со статуса гражданина Парфагона Томасу пришлось распрощаться с беззаботной жизнью за каменной кладкой забора своего нового дома. Уже на следующий день Маргарита отвела его в утопавшую в детских криках Школу, которая по размерам и устройству больше напоминала целый город. Там были свои собственные парки, тенистые аллеи, спортивные площадки и множество красивых зданий, главное из которых венчала угловатая башня с чёрным флюгером в виде петуха. Все без исключения жители столицы с первых лет жизни посещали это пропитанное науками место, пока им не исполнялось шестнадцать лет.

Образование было построено таким образом, что к совершеннолетию человек владел всеми нужными навыками и знаниями, реально необходимыми ему для повседневной жизни и любой выбранной профессии. Самое главное — подход к обучению увлекал детей, и они с превеликим удовольствием проводили время на уроках. Из них делали счастливых и раскрытых личностей, живущих в удовольствие, а не в тягость. После Школы не существовало никаких других образовательных учреждений за отсутствием в них необходимости. Лишь будущие защитники Парфагона ещё пять лет учились военному делу в элитной Рыцарской академии. Для зачисления в её ряды требовалось в совершенстве освоить мутации, что

удавалось далеко не каждому молодому человеку, как бы он старательно не учился.

Однако для Томаса Школа стала настоящим адом — ведь подданные короля за пределами столицы не имели образования как такового. Если бы ничего не изменилось, то ребёнок должен был стать таким же охотником, как отец, переняв его знания и опыт. А для Ирэн была уготована участь жены какого-нибудь ремесленника или такого же охотника из других селений. Они бы даже никогда не научились читать и писать! В итоге знания мальчика оказались весьма примитивны, как и у его родителей.

И вот Томаса привели в класс, где все дети были не только гораздо умнее, но и на пару лет младше него, будучи ровесниками Ирэн. К несчастью для сельского мальчишки, педагогический совет во главе с ректором Исааком Ньюртоном решил, что поместить его в младший класс будет оптимальным решением, ведь его ровесники уж слишком далеко ушли в познаниях.

Нетрудно догадаться, к чему это привело. Вскорости вся Школа насмехалась над Томасом Юргом — пришлым дурачком и деревенщиной. Для детей он был настолько прост и смешон, что никто не видел в нём равного. Его всё время дразнили при первой же возможности, коих селянин предоставлял великое множество. Ровесникам и старшим ребятам было смешно видеть, как он учился с совсем маленькими детьми, а младшие веселились оттого, что «громила» не знал даже простейших вещей, вроде фазы или букв. В конечном итоге Томас оказался совершенно одинок, и ему пришлось уйти в себя, замкнуться. Он лишь старался не реагировать на

издевательства, с досадой понимая, что те вполне заслуженные.

У него был только один выход из сложившейся ситуации: учиться. Причём не просто учиться, а учиться так, чтобы стать как все и даже лучше. Учиться так, чтобы ребята считали его равным себе, чтобы эти малыши вокруг него говорили хотя бы о понятных ему вещах. Томас должен был сделать всё, что мог, ведь не имел права подвести приёмного отца, который дал ему шанс в этом новом мире. Поэтому каждый день, проглотив все обиды, селянин молча уходил в Школу. Там он со стиснутыми зубами пытался всё понять и усвоить, жадно поглощая каждый густой глоток знаний, даже не поворачивая голову в сторону вездесущих обидчиков.

Трёхлетних детей в Школе продолжали учить познанию мира, основам математики и языка, о чём Томас имел хоть какие-то представления. Мало того, он оказался большим знатоком в естествознании, поскольку рос бок о бок с дикой природой, которую познавал с помощью отца-охотника. Проводя значительную часть времени в лесу, он хорошо знал, что там растёт и какие животные обитают. Однако это были далеко не самые главные знания, которые давали в Школе. Самым непонятным и неожиданным для Томаса оказался предмет «фазоведение». Многие трёхлетние дети в той или иной форме уже владели фазой, но наиболее серьёзные этапы обучения только начинались. По этой причине, согласно мнению ректора, пришлому ребёнку стоило начать учиться именно с этого уровня.

Если другие дети с молоком матери впитывали идею фазы, то Томасу было на самых фундаментальных уровнях сознания крайне тяжело понять, что это такое. Больше всего его удивляло, как эта огромная область знаний по неведомой причине совершенно отсутствовала в его жизни ранее. В его селении никто отродясь не упоминал о фазе, а здесь, в Парфагоне, она являлась основой жизни с самых первых её лет. Оказалось, даже рыцарем невозможно было стать без идеального владения этим удивительным навыком.

Фаза имела два основных проявления в жизни каждого столичного жителя. Во-первых, многие парфагонцы, предварительно осуществив ряд действий на засыпании или пробуждении, могли менять пространство вокруг себя, что не сказывалось на ощущениях других людей. Это было не сновидением или фантазией, а реальным изменением восприятия мира, который лишался времени и пространства. В результате можно было пережить что угодно и оказаться где угодно. Например, рядовой парфагонец мог лечь на кровать, осуществить определённые техники, а затем встать и, пройдя сквозь стены, улететь за пределы города в любое место Селеции. Там он мог встретить кого захочет и заниматься тем, что только взбредёт в голову. При этом для всех других он будет всё ещё лежать в кровати, ибо человек в фазе разрушает стабильность только своего собственного пространства.

Во-вторых, парфагонцы могли использовать свой удивительный навык в повседневной жизни. Помимо сотен возможных способов применения фазы, которые Томасу предстояло изучить, жители Парфагона чаще

всего пользовались возможностью оказывать влияние на тело и здоровье. Самые способные могли буквально контролировать свой внешний вид, рост и даже возраст. Именно поэтому горожане могли удивительно долго жить и, как правило, смотрелись невероятно привлекательно — они умели стирать телесные недостатки. Таким образом, фаза являлась своего рода фундаментом существования Парфагона. Она давала людям всё, к чему они могли стремиться: красоту, молодость и здоровье.

По этой причине самой главной ценностью была возможность поспать — ведь именно на грани сна проще всего оказаться в фазе и поддерживать в ней шаблон нового внешнего облика. Для достижения мутации приходилось ежедневно и многократно изменять своё тело в фазе, чтобы в реальности получить результат через несколько недель или месяцев, — в зависимости от сложности задачи и мастерства. Затем нужно было удерживать мутацию на достигнутом уровне по точно такому же принципу, как и её получение. Томасу не только было сложно всё это до конца осознать, но даже поверить в то, что это вообще может иметь отношение к нему самому, — уж слишком невероятно всё это звучало.

Однажды поздним утром, когда солнце уже подбиралось к зениту, а птицам поднадоело горланить в саду за окном, Томас проснулся и сразу же вспомнил о фазе. Стараясь не двигаться, он стал пробовать заученные техники: воображаемое кручение вокруг телесной оси, визуализацию трущихся друг о друга рук, а также бег вокруг беломраморной скульптуры Альберта Третьего, украшавшей постамент у главного здания

Школы. Не получив результата ни в одном из действий, он попробовал снова закрутиться, снова увидеть руки и снова оказаться у скульптуры. Мальчик повторял этот выученный в Школе цикл раз за разом — и вдруг совершенно чётко увидел свои исцарапанные ладошки прямо перед собой, хотя глаза были закрыты!

Как его учили, Томас тут же попробовал взлететь, чтобы оказаться в фазе. К своему ужасу, он со свистом в ушах по-настоящему воспарил к ветхим перекрытиям потолка с мягким душком подгнившей древесины. И без того обострённые детские ощущения стали ещё более реалистичными, достигнув чудовищной чёткости и невиданной ранее детализации. Он настолько испугался этого загадочного происшествия, что сразу же приземлился на кровать, где с большим трудом смог расшевелиться и встать. Босиком, в одной пижаме и с выпученными глазами, он с криком выбежал из своей комнаты и стремительно слетел по холодным ступенькам на первый этаж. В светлой столовой, всегда пропитанной запахом выпечки, уже накрывала стол сестра Нильса, в чепчике и белом фартуке поверх лёгкого платьица её любимого сиреневого цвета.

— Маргарита! Маргарита! — задыхался Томас.

— Что случилось? Доброе утро!

— Я научился летать!

— Вот время пошло: дети раньше учатся летать, чем здороваться!

— Доброе утро!

— Вот, другое дело, — Маргарита аккуратно поставила последнюю тарелку на белую скатерть, а затем вышла в

смежную кухню, утопавшую в пару: — Так что у тебя там?

— Я только что летал!

— Вот как! И давно так умеешь?

— Первый раз. Мне это не приснилось!

Внезапно послышались тяжёлые шаги, и в столовую в одних панталонах забрёл заспанный Нильс. Его невероятно массивное волосатое тело с поигрывавшими от каждого движения бугристыми мышцами поразило Томаса:

— Ничего себе…

— Что за крики? — недовольно пробурчал рыцарь. — Мутанты напали?

— Доброе утро! Наш герой научился летать, — рассмеялась Маргарита, гремя посудой на кухне.

— Хм, вот оно как. Доброе, доброе...

— Доброе утро, дядя Нильс! Это всё правда.

— Да ну тебя! Не может быть!

— Прямо до потолка взлетел.

— Ха, а я-то думаю: кто там по крыше всё утро бродит, —рассмеялся зевающий рыцарь. — А наш будущий воин случайно не пробовал попасть в фазу перед этим?

— У меня не получилось.

— Интересно...

— Но зато я научился летать!

Нильс с хрустом в коленях присел на белый стул с заскрипевшей мягкой спинкой и посадил рядом Томаса. Потрепав его за волосы, он с грустью оглядел пустые тарелки, что ждали своего часа вокруг чаши с подтаявшим маслом и кувшина с молоком. Однако уже через миг на его лице расплылась довольная улыбка,

когда сестра вынесла кастрюлю варёных яиц и корзинку с горячими булочками, от запаха которых свело скулы.

— Мм... — закатил глаза воин. — Томас, мне кажется, мы всё-таки должны тебя поздравить с первой фазой!

— Как раз готова праздничная перловка, — улыбнулась Маргарита и снова ушла греметь посудой на кухне.

— Но у меня же не получилось…

— Ты взлетел?

— Да.

— Значит, был в фазе.

— Ты меня не понял, дядя Нильс. Я правда взлетел.

— Понимаешь, фаза такой и должна быть. Она не отличается от реальности по ощущениям. Всё как обычно, только ты можешь сделать гораздо больше, чем сейчас. Например, взлететь, пройти сквозь стену или начать наращивать силищу, как у меня, — русоволосый рыцарь гордо поднял руку и напряг груды мускулов, после чего широко заулыбался.

— Но ведь я не почувствовал, как в неё попал!

— А ты и не должен. Ты же меняешь мир вокруг, а не себя. Просто твоё тело и комната ненадолго потеряли свою твердь.

— Значит, и у меня фаза будет получаться?

— А ты сомневался? Поздравляю тебя, будущий рыцарь!

— Вот это да!

— А теперь давай-ка отведаем праздничный завтрак.

— Класс!

В этот момент из кухни вышла довольная Маргарита с большой чашей каши. Она увидела, как взъерошенные

мужчины потянулись к выпечке, отчего её лицо тут же нахмурилось, а голос обрёл жёсткость:

— Это ещё что такое?

— У нас, — жадно кусал булку Нильс, играя огромными скулами, — праздник.

— Оба встали, умылись и оделись. Пошли вон!

— Ну, сестрёнка…

— Быстро, быстро!

Хотя Томас всё равно безнадёжно отставал от одноклассников, многие из которых фазили почти каждый день, с этого момента он почувствовал в себе непоколебимую уверенность. Уже через несколько дней, полностью погружённый в атмосферу изучения фазы, он смог попасть в неё снова. Хотя селянин всё ещё пугался новых ощущений, с каждой неделей практика становилась лучше. Этот факт позволил с уверенностью мечтать о поступлении в Академию и доблестном будущем такого же уважаемого рыцаря, как Нильс Дор.

***

Однажды, приблизительно через полтора месяца учёбы, Томас сидел в парке между корпусами Школы, прислонившись к шершавому стволу кедра с широко раскинувшейся кроной, и мечтательно грыз недозревшее яблоко. С ним до сих пор брезговали общаться как сверстники, так и одноклассники, потому оставалось лишь в одиночестве созерцать их весёлые игры. В этот раз он с завистью наблюдал, как старшие ребята, лет шести или даже семи, запускали красный ромбовидный змей с длинными цветными лентами.

Дюжина мальчишек восторженно кричала снизу, сражаясь друг с другом за вожделенное право получить

натянутую верёвку в свои руки хотя бы на одно мгновение. У Томаса же, впервые увидевшего такую диковинку, рука с яблоком застыла напротив рта. Сам факт того, что можно соорудить нечто своими руками и это будет парить в воздухе, как птица, будоражил его сознание и фантазию. Ещё пару месяцев назад он бы принял это удивительное изобретение за колдовство, но теперь мог догадаться, что чудеса тут ни при чём, ведь в них в Парфагоне не верили.

Вдруг снизу раздался громкий плач, а змей дёрнулся и начал стремительно падать прямо в тёмно-зелёную крону ветвистого дуба, где вскоре застрял на недосягаемой высоте. Оказывается, во всём был виноват неугомонный Ален Оспэ — смуглый и чернявый карапуз из класса Томаса, который вечно попадал в разные передряги. На этот раз он во время догонялок ненароком толкнул старшеклассника, управлявшего змеем, отчего светловолосый мальчуган не удержался на ногах и выпустил из рук верёвку. Старшие ребята тут же накинулись на Алена и стали валять его по земле, обидно обзывая «маленьким засранцем» и смачно пиная по мягкому месту. На мгновение Томас испытал огромное облегчение — ведь никто так не дразнил его, как этот коротышка, который тоже был сыном потомственного рыцаря, как и абсолютно все дети в Школе.

Однако избиение проказника вдруг стало выглядеть для Томаса сущей несправедливостью: он ведь был ещё совсем мал, да и толкнул явно неумышленно. За что же с ним так грубо обходиться? Заслуживал ли он этого? Быстро забыв обиды, селянин внезапно разозлился и,

отбросив яблоко и почувствовав прилив крови к лицу, стремительно побежал к драчунам.

— Эй, стой! — закричал Карл Линн, белобрысый сорванец с острыми глазками и носом картошкой, который тут же получил ногой в живот и, взревев, плюхнулся на землю.

— Ах ты, деревенщина... — замахиваясь кулаком, едва успел промолвить толстенький мальчуган, как был тоже легко сбит с ног.

— Не надо! — уже умолял третий, худющий и долговязый грубиян, но получил ладонью в нос и тоже оказался на траве рядом со своей бандой.

— Всё, стой! Мы поняли! Больше не будем! — дружно завопили остальные ребята, испуганно отбежав подальше. Они с любопытством наблюдали, как жалобно стонали и плакали главные забияки младших классов, на обиженных лицах которых искривлялись горестные гримасы.

— Ого! — удивлённо воскликнул вставaвший с земли Ален, уже позабыв о недавних тумаках.

Сжав кулаки, Томас возвышался над маленьким мальчиком, злобно оглядывая всех вокруг исподлобья, напрягшись до трясучки и тяжело дыша. Все ребята в изумлении и полной тишине смотрели на него — кто в страхе, кто в восхищении. Хотя пришлый деревенщина и отставал умом, но он вырос в дикой среде, поэтому его физической удали могли позавидовать изнеженные городские мальчуганы, хныкающие по любому поводу. Кроме того, Томас неожиданно почувствовал странную уверенность в себе, словно нечто перевернулось внутри него. Только что он был никем — и вдруг он уже

контролирует всё происходящее вокруг, находясь в центре всеобщего внимания! В этот момент вся его душа неистово бурлила самими острыми эмоциями, которых он никогда прежде не испытывал.

— Зачем вы его били?

— Да мы и не били, — пытался отнекиваться толстяк, но тут же умолк, поймав на себе взгляд Томаса, готового поддать крепкого пинка.

— Нам просто змея жалко. Как мы его достанем? — обидчиво мямлил Карл, вставая на ноги, отряхиваясь и вытирая глаза.

— И всего-то?

— Конечно. Тебе бы так!

— Учитесь, городские девочки! — нарочито снисходительно произнёс Томас, сдул с лица волосы и, деловито потирая руки, направился в сторону злополучного дуба. — Да я на такие по десять раз за день лазил!

— Ого! — снова удивился Ален и побежал следом.

На самом деле таких огромных дубов Томас никогда в жизни не видел. И по деревьям он не так много лазил, хотя и жил у леса. По неведомой причине нечто заставило его бравировать и не испытывать страх. Не без труда, под охи и ахи снизу, получив множество ссадин и царапин, он всё же действительно смог добраться до змея и скинуть его к восхищённым ребятам. И хотя его уже ждали строгие преподаватели, готовые дать запоминающуюся взбучку, он совершенно не беспокоился о последствиях — ведь теперь стал своим. А ради этого можно было вытерпеть любые неприятности.

После строгого выговора селянин вернулся в классный кабинет, пропахший акварельными красками, а также уставленный горшками с цветами. Его стены были увешены рисунками диких животных, карт Селеции и портретами королей. По привычке Томас направился к самой дальней парте у окна, на которой лежали аккуратно сложенные книжки, исписанные каракулями листы бумаги, а также стояла чернильница с длинным пером. Обычно он скучал в своём углу в полном одиночестве, но теперь обнаружил, что рядом занял место этот вездесущий кошмар по имени Ален:

— Ты видел, как они тебя испугались?

— Бывает.

— Ты что, не знаешь, что это были самые сильные и плохие ребята? Бандиты!

— Самые сильные? — усмехнулся селянин, как бы равнодушно поглядывая в открытое окно и рассматривая барашков на небе. — Не заметил.

— Теперь о тебе все говорят, Томас Юрг, — вдруг смущённо произнёс звонкий голосок.

Обернувшись, юный герой увидел Марию Лури — маленькую девочку в светлом платьице в цветочек. Она носила обязательный для школьниц чёрный фартук и ангельски белые носочки в сандалиях на пухленьких ножках. На округлом личике брюнетки играли ямочки на розовых щёчках и сияли зелёные глазища с почти взрослым взором. С её аккуратной головки до самого пояса вились густые завитки.

После этого дня каждый ребёнок младше семи лет мечтал дружить с Томасом, но так получилось, что

последнему приятнее всего было общаться именно с рассудительной Марией и лукавым Аленом. Конечно, временами бывший селянин пытался общаться со своими ровесниками и даже старшим Карлом Линном, но всё же не мог найти с ними общий язык.

Отныне Томас тоже получал удовольствие от Школы, и его уже никто не высмеивал, хотя временами он это по праву заслуживал. Как часто бывает в таких случаях, самые красивые девочки стали считать его простоту своеобразной изюминкой, хотя ещё вчера брезгливо проходили мимо и боялись к нему прикоснуться. Узнав о произошедшем, довольный Нильс лишь рассмеялся: исходя из своего богатого опыта, он знал, что отныне его сыну обеспечено женское внимание на всю жизнь, кем бы он ни был и чем бы ни занимался.

***

Теперь, когда сияющий Томас вприпрыжку бежал в Школу или из неё, у него было всегда отличное настроение, и он смог лучше изучить таинственный город, специально выбирая как можно более замысловатые маршруты.

Парфагон оказался идеальным местом, где жили почти совершенные люди. Всё в нём было продумано до мелочей: красивейшие каменные или кирпичные дома иногда выше Стены; аккуратные магазинчики и вычурные театры; мостовые из ровной брусчатки, по которым шиковали лакированные кареты; бушующий всевозможными запахами шумный рынок с узкими рядами, где торговали повседневной утварью и свежими продуктами; грандиозная Аллея героев, заросшая густыми каштанами и простиравшаяся от Северных

ворот до главной площади; вместительная Арена, используемая для рыцарских турниров и торжеств; пышущие зеленью парки, где горожане приятно проводили время, выгуливая своих избалованных собачек и кошечек. Всё это выглядело по-домашнему уютно и настолько чисто, что за всё время Томас нигде не видел грязи или мусора, будто город вовсе был ненастоящим.

Безусловно, больше всего сознание сельского мальчишки поразил королевский замок, что возвышался неподалёку от Южных ворот. Огромное каменное строение имело четыре округлых и расширенных к вершинам башни, уходивших высоко в небо и видимых из любого района. К нему прилегала главная площадь города, где проводились ярмарки и праздники. У парадного входа стояла высокая белая арка, украшенная барельефами с рыцарскими сражениями. Возле неё день и ночь несла вахту охрана из самых крупных и невозмутимых воинов. Неподалёку от них, в свою очередь, нередко дежурили местные барышни в модных нарядах, надеясь хотя бы на случайный взгляд в свою сторону.

Ещё большее удивление у Томаса вызывали сами люди, коих в необычном городе обитало порядка пятидесяти тысяч. Причём численность населения, в котором преобладали женщины, приходилось удерживать на одном уровне всеми возможными способами, поскольку древняя Стена не могла вместить всех желающих. Именно по этой причине на всю столицу имелась всего одна Школа, а чужакам в Парфагон вход был заказан. Мало того, драгоценное потомство

разрешалось заводить исключительно действующим рыцарям. Нарушителей данного закона ждало позорное изгнание или длительное заточение. Гарантированная популярность среди прекрасного пола мотивировала мальчиков с ранней юности искать счастье в военной сфере, поэтому ряды элитной армии никогда не редели. А ведь в Рыцарскую академию брали далеко не каждого желающего. Мало того, армейская стезя подразумевала высокую вероятность гибели в первые же годы службы, особенно если она проходила в близких к вулкану гарнизонах.

Считалось, что счастливые обитатели идеального города могли жить невероятные сотни лет, но это было лишь на словах. Они действительно ощутимо влияли на своё здоровье и поддерживали практически любой выбранный возраст так долго, как хотели. Однако всё это напрямую зависело от мастерства владения фазой. Кто-то не мог толком в неё попасть даже после полутора десятилетий обучения в Школе. Эти несчастные оказывались на безрадостных обочинах жизни Парфагона или вовсе предпочитали его покинуть. Кому-то, напротив, эти умения давались значительно проще. Но даже самым удачливым практикам в любом случае требовалось много усилий для поддержания мутаций. Фактически им приходилось подстраивать всю свою жизнь под попытки входа в фазу вечером, ночью, утром и даже днём. Это настолько утомляло, а со временем — и раздражало, что измученные люди с каждым годом уделяли всё меньше внимания практике. Они могли вовсе от неё отказаться, предпочитая спокойно умереть естественным образом. Поэтому реально достижимая

продолжительность жизни обычно не превышала сорока или пятидесяти лет для тех, у кого были проблемы с фазой, и не больше двухсот или целых трёхсот лет для признанных мастеров в этом вопросе.

Но в действительности и до векового рубежа мало кто доживал ввиду высокой смертности. Чаще всех погибали молодые рыцари, которым постоянно приходилось отражать остервенелые атаки мутантов. Также нередко случались несчастные случаи и эпидемии. Иногда могли происходить убийства или люди просто пропадали без вести, зачастую покидая городскую жизнь, устав от её правил и не всегда справедливых законов. Кроме того, в Парфагоне разве что не ежедневно сводили счёты с жизнью. Горожане довольно спокойно относились к таким поступкам. На это существовали очевидные и понятные всем причины: вечно наслаждаться комфортом было действительно сложно — и люди просто теряли смысл жизни. Поэтому все понимали самоубийц и, по большому счёту, толком не осуждали. Власти даже никогда не боролись с этой печальной напастью, воспринимая её как норму.

Парфагонцы не только веками сохраняли молодость, если не погибали, но и относительно легко могли контролировать свою внешность. Они старались быть выше, иметь кожу белее, а черты лица — ровнее. Именно поэтому уровень владения фазой предельно чётко определял успешность: по-другому было невозможно получить и поддерживать неестественную красоту. На фоне отборных красавцев и красавиц Парфагона обычный смертный человек из-за пределов Стены смотрелся уродцем, даже если в любом другом месте его

красоту превозносили до небес. Лишь некоторые мужчины не особенно переживали по этому поводу и едва ли заботились о внешности. Конечно, чаще всего это были военные, которым и без того в фазе приходилось заботиться о более насущной рыцарской мутации, а внимание женщин было и так гарантировано.

А вот среди дам существовала невероятно обострённая конкуренция. Без броской красоты у них не было и единого шанса заполучить хотя бы одного, самого захудалого и никчёмного воина. Однако имелась и обратная сторона очевидного счастья управлять своим внешним видом. Проблема заключалась в том, что всегда можно выделить более и менее привлекательных. Получается, нужно всегда к чему-то стремиться, и остановиться на одном достижении невозможно. Также всех нервировали изменчивые модные тенденции. Например, когда Томас попал в город, это были огромные глаза и заострённые ушки, которые наращивали многие дамы.

Из-за фазы весь устой помешанного на ней города был подведён под максимально удобную и эффективную практику. Спать все обязательно ложились не позже девяти или десяти вечера, после чего на улице разрешалось говорить только шёпотом. Окончательно народ пробуждался с восьми до десяти утра, а потом у него был обязательный дневной сон — с двух до четырёх часов, — во время которого город затихал, словно в глубокой ночи. В это время парфагонцы сладко спали, продуктивно фазили, а также предавались всяческим утехам.

Работали люди в Парфагоне неспешно и от силы несколько часов, обычно до послеполуденного сна. Да и то делали они это не больше четырёх или пяти дней в неделю. Объяснялся такой ленивый распорядок просто: благодаря фазе отпали многие задачи, на решение которых обычные люди тратят основную часть своего времени. Один только вопрос вековой молодости позволял решить все материальные проблемы в первые десятилетия жизни. Потом человеку нужны были лишь еда, редкая смена гардероба или покупка утвари для дома. Всё остальное уже имелось. А если всё же у человека возникала жизненная неурядица, то её решал безусловный доход. Его суть заключалась в том, что каждому взрослому жителю столицы ежемесячно выплачивалась одна золотая монета или её размен из десяти серебряных, чего хватало на неприхотливый ночлег и еду. Также в ходу были медные и ещё менее ценные бронзовые монеты. Все они имели круглую форму при величине с ноготь большого пальца, а на их поверхностях красовались вычеканенные меч и пшеничный колос в обрамлении двух пересекающихся кругов.

Учитывая, что подконтрольные земли снабжали всемогущий Парфагон ресурсами и пищей, некоторым жителям города ещё приходилось потрудиться, чтобы решить, как проводить свободное время и на что тратить свои накопления. Это оказалось серьёзной проблемой, повлёкшей душевные муки у части населения, рождая мысли о самоубийстве. Поэтому культурная жизнь в городе всегда била ключом, а торжественные бальные вечера в замке короля гремели на еженедельной основе.

Весь этот достаток, долгая молодость и избыточное свободное время неожиданным образом повлияли на традиционные семейные ценности местных элит. Оказавшись в полном комфорте и независимости от кого-либо и чего-либо, многие зрелые мужчины и женщины предпочли жить сами по себе. Большинство просто получали удовольствие и радость от каждого дня жизни, как делал Нильс и даже сам король, который имел тайную слабость к совсем юным девицам едва ли оправданного возраста. Если плевавшие на всё мужчины могли легко и открыто себе в этом признаться, то женщины продолжали искать того единственного и самого лучшего — то ли придуманного, то ли настоящего. Они придирчиво перебирали ухажёров, снова и снова пытаясь заполучить своего несравненного и особенного, но почему-то конца этому карнавалу не было. Каким бы замечательным ни казался очередной жених, всего через неделю или от силы пару месяцев обязательно находился ещё лучше и интереснее. За редкими исключениями, имитация поиска вечной любви была лишь благочестивым оправданием чего-то иного, о чём было не принято говорить вслух.

При всём этом жители города всё же имели некоторые жёсткие ограничения. Специальная Этическая комиссия, возглавляемая не кем иным, как самим Альбертом Третьим, запрещала определённые типы мутаций. К примеру, было категорически запрещено менять пол через фазу, стирать узнаваемые черты лица, создавать излишне пышные формы или уж тем более наращивать новые части тела. Поэтому рыцари могли лишь сделать себя значительно больше и сильнее обычных горожан. Да

и то на столь кардинальные изменения разрешение было только у них. Также в городе были абсолютно запрещены любые дурманящие вещества, увеселяющие напитки, азартные игры и многое другое, что могло разрушительно повлиять на человека. Запрет безуспешно распространялся и на популярные в тёмных чуланах магические ритуалы и религиозные культы.

Этическая комиссия также неустанно следила за тем, во что одевались парфагонцы. Было запрещено носить старую и грязную одежду, а также слишком броские и откровенные наряды. За неоправданно короткую юбку, чрезмерно глубокое декольте и излишнюю телесную наготу могли легко оштрафовать на десяток золотых или даже отправить в одну из Башен заточения. Поэтому люди на улице всегда были опрятными и часто выглядели по самому последнему писку моды.

Женщины отдавали предпочтение облегающим платьям самых вычурных покроев, кожаным сапожкам или туфелькам, а на голове носили чепцы. Также они любили шаперон — капюшон с длинным шлыком на спине и иногда с пелериной на плечах. Более знатные особы и модницы показывались на люди в неудобных пышных платьях и носили геннин — высокую рогообразную или конусовидную шляпу с прозрачным шлейфом, иногда доходившим до пяток. Мужчины же чаще всего обходились лаконичным балахоном, плотной кожаной курткой или подпоясанной рубахой поверх коротких штанов. Обували они сапоги до колена или сандалии в жаркую погоду, а голову предпочитали вовсе оставлять открытой или надевали популярный шаперон. Непременным атрибутом знати считались широкоплечий

короткий камзол, круглая шляпа с перьями, туфли с вытянутым носком, а также накидки и облегающие ноги колготки, что неизменно вызывали смех Томаса.

Полной идиллии сказочного города мешали только уродливые мутанты Арогдора, постоянно нервируя кровавыми набегами и являясь вечной угрозой благополучию. К счастью, Королевский совет своими дальновидными решениями умело оберегал Парфагон от порабощения врагом. В Совет входили все высшие должностные лица города, которых возглавлял непогрешимый король, за что всеобщее почитание и любовь восторженных подданных не имели предела.

Альберт Штейн, как его звали в действительности, восседал на троне бо□льшую часть из своих трёх веков жизни. Его семья правила королевством с самого его основания 948 лет назад, от чего и велось летоисчисление, поскольку до той поры бушевали тёмные времена. Именно приход на престол Альберта ознаменовал резкий скачок уровня жизни и развития техник управления фазой. До него всё это было на непомерно низком уровне. Проведённые Альбертом тотальные реформы в конечном итоге привели к созданию того идеального и почти сказочного Парфагона, в который попал Томас. Именно поэтому в короле не чаяли души. Все его искренне любили и уважали, чем неизбежно проникся и сам бывший селянин.

Личная жизнь короля была большим секретом в Парфагоне. Несмотря на то, что за всё время у него числилось шесть браков, недавно появившаяся на свет Элизабет была его единственным ребёнком. Она родилась от неизвестной женщины, однако Альберт всё

равно дал дочери титул принцессы, хотя и без права наследования престола: в случае внезапной кончины короля сесть на трон было уготовано канцлеру. Об этом Альберт позаботился ввиду отсутствия наследников и других достойных претендентов на корону. Когда-то давно у него рос любимый сын, но чересчур творческая натура молодого человека не выдержала жизни в идеальном городе. Принц покончил с собой, едва преодолев порог юношества, на целый месяц погрузив в траур всё королевство.

***

В относительном благополучии прошли следующие тринадцать лет. За это время изменилось многое. Во-первых, все забыли, откуда пришёл Томас. Его давно не только считали своим, но даже гордились им, ставя в пример менее целеустремлённым юношам. Во-вторых, он относительно хорошо овладел фазой, хотя по-прежнему тратил ощутимо больше усилий, нежели другие жители Парфагона. В-третьих, Нильс Дор, его свободолюбивый приёмный отец, всё-таки дослужился до звания трибуна и носил на груди долгожданный серебряный жетон, отчего проводил ещё больше пропадал за Стеной.

Томас, которому исполнилось восемнадцать лет, с нетерпением ждал, когда тоже станет рыцарем и сможет составить компанию Нильсу. Он вымахал в дородного шатена с густыми волосами до плеч и пухлыми устами со слегка вздёрнутой верхней губой. Его всегда невозмутимый зеленовато-карий взор сводил с ума романтичных девушек своей задумчивостью и искорками простоты из сельского прошлого.

Одетый в белую рубаху, коричневые штаны с толстым ремнём и башмаки со сверкающей медной пряжкой, Томас вместе с друзьями томился на деревянной лавке у высокой двери к ректору. Его кабинет располагался на втором этаже главного здания Школы, поэтому из арок открытой галереи был виден внутренний парк с вековыми дубами. Там новые поколения парфагонцев с радостными возгласами запускали в небо разноцветных змеев, шебуршавших на тёплом весеннем ветерке.

Выпучив счастливые глазёнки, рядом с будущим рыцарем ворочалась шестнадцатилетняя Мария, на которой колыхалось под школьным фартуком лёгкое платье. Весьма фигуристая брюнетка нервно теребила свои кудряшки, а ямочки на её щёчках застенчиво переливались румянцем:

— Как думаешь: примут мою лабораторную?

— Что там у тебя? — прозвучал бас.

— Как ты мог забыть?!

Мария надулась, но всё равно ещё больше повернулась чрезмерно глубоким вырезом к соседу по лавке. В это время с другой стороны от деревенщины покачивал смуглой головой Ален Оспэ, который вымахал в высокого жгучего брюнета с пронзительным чёрным взглядом. Наблюдая всю эту картину, он не мог остаться в стороне:

— Как такое можно не заметить сыну Нильса Дора?!

Томас аккуратно опустил глаза на грудь Марии:

— Я бы смог больше себе сделать.

— Ну ты и сволочь! — обозлилась подруга и обиженно отвернулась, скрестив пухленькие ручки. — Ну-ну!

— А что такого? Сказал, что думал. Я бы точно больше сделал.

— Как можно больше-то?! — широко раскрыл глаза Ален.

— Да ему вообще непонятно, чего надо. Всё не так!

Дело в том, что на выпускной экзамен по фазоведению не распространялись ограничения в мутациях, и потому каждый достигал тех изменений анатомии, каких мог себе только пожелать. Всего один раз в жизни парфагонцам можно было легально сделать всё что угодно со своим телом, и это не вызывало осуждения. Затем, без регулярной поддержки из фазы, мутации сами пропадали через недели или месяцы, в зависимости от сложности эксперимента.

Поэтому Ален попытался сделать себя взрослым красавцем, и ему действительно удалось добиться внешнего сходства с привлекательным мужчиной. Рассудительная Мария, самая успешная ученица в Школе, скромнейшая дочка любящих родителей, сделала себе огромную грудь, хотя и так была достаточно сочной по природе. Однако Томас действительно не мог оценить такое высокое научное достижение, как она ни старалась обратить его внимание. По меньшей мере две из трёх девушек именно таким же образом старательно поработали над своими телами. Стоит ли говорить, что каждая из них пыталась невзначай поинтересоваться у привлекательных парней, какие бы изменения они внесли в проект, будь у них возможность. В конечном итоге у Томаса уже несколько недель рябило в глазах от одной и той же картины. Сам же он выбрал рыцарский шаблон, что было типично для многих юношей. Все они надеялись попасть в легендарную Рыцарскую академию

и пытались таким незамысловатым образом лишний раз доказать свою пригодность к будущей стезе.

Настала очередь Томаса, и он с волнением вошёл в пропахший геранью кабинет ректора Исаака Ньюртона, принимавшего основной экзамен Школы. Выпускник присел на стоявший в центре просторного помещения стул и приготовился к детальному расспросу. За одним столом с перебиравшим бумаги ректором, одетым в чёрный камзол, сидели ещё две старшие учительницы. Эти кудрявые близняшки в строгих синих платьях стали ученикам практически близкими родственницами за все годы обучения, в отличие от Ньюртона. Отвратительно прилизанные волосы вездесущего ректора и по совместительству министра образования ненавидели абсолютно все парфагонцы от мала до велика. Горожане были обречены поголовно проходить через его въедливые наставления и придирчивые нападки на разных этапах обучения в Школе или Академии. Наряду с удивительно пакостной манерой общения Ньюртон также обладал не самой притягательной внешностью. Его бегающие, хитрые глазёнки смотрели из-под огромного лба, а тонкие, едва заметные губы над маленьким детским подбородком так и норовили выдать какую-то гадость, совершенно не беспокоясь о задетых чувствах.

Кроме дорогих сердцу учителей и вечно раздражённого ректора, на будущего выпускника смотрел грозный портрет бородатого и упитанного Альберта Третьего в толстой позолоченной оправе в полстены. За спиной Томаса манили ветхие корешки на полках книжных шкафов, которые упирались в высокий потолок. Попав в Парфагон и быстро научившись

грамоте, он постепенно, год за годом, с жадностью поглощал абсолютно все давно забытые Нильсом книги, которые покоились в его комнате. Мальчуган хотел узнать об этом мире как можно больше и перестать быть глупым деревенщиной, как его обидно дразнили. В итоге Томас пристрастился к увлекательному чтению, и эта шелестящая бумажными страницами любовь больше никогда его не покидала, вне зависимости от обстоятельств и изменчивых увлечений.

— Лабораторную работу мы, конечно, принимаем, — запищал Ньюртон, с любопытством разглядывая крупный, хотя ещё и не совсем рыцарский торс Томаса. — Правда, я бы на твоём месте попробовал что-нибудь иное.

— Спасибо!

— Знаешь, это весьма удивительно, что тебе удалось достичь такой мутации! Да и вообще, как ты можешь так хорошо фазить? Не напомнишь, кто были твои настоящие родители?

— Отец был самым известным охотником под Салепом, а мама хлопотала по хозяйству.

— Странно... — ректор вопросительно посмотрел на сидевших рядом близняшек, но те лишь синхронно пожали плечами. — Очень странно.

— Я старался оправдать оказанное Парфагоном доверие.

— Похвально! Что ж, теперь расскажи нам все другие способы применения фазы, — щурясь, произнёс ректор и откинулся на спинку кожаного кресла, пристально смотря в глаза, словно голодный филин на беспомощную полёвку.

Наполнив широкую грудь умиротворяющим ароматом красной герани из горшков на подоконнике, Томасу потребовалось не меньше десяти минут, чтобы вкратце перечислить все способы применения фазы. Ещё в начальных классах изучив техники перемещения и нахождения объектов в фазе, дети сразу приступали к путешествиям в ней по удивительным местам Селеции и лабиринтам времени. Затем они познали тонкости встреч с родственниками и друзьями, знаменитостями и историческими личностями, причём не важно, живыми или мёртвыми. Далее они углубились в относительно простые способы применения фазы для раскрытия творческих резервов, реализации желаний, избавления от скованности и других душевных недугов, а также для развлечения и ещё много чего другого. В старших классах Томасу поведали, что фазу можно использовать для получения новых знаний и решения нетривиальных задач, но этот раздел науки был скверно изучен. Поэтому простым парфагонцам было строго запрещено соваться в эту сферу, дабы нечаянно не навредить себе и окружающим.

Удовлетворившись верным ответом, учителя спросили обо всех методах входа в фазу. Ввиду того, что Томасу было сложнее других освоить практику, данный вопрос он наверняка понимал лучше иных учеников. Сначала он рассказал о непрямом методе, когда различные алгоритмы техник применяются на пробуждении. Именно таким образом у него получилось попасть в фазу в первый раз. Потом он объяснил прямой метод, осуществляемый без сна, который ему до сих пор давался сложнее всего, как и многим другим. Далее Томас

поведал обо всех тонкостях техник осознания во сне, что тоже считалось одним из вариантов достижения фазы. Завершил же он ответ перечислением всех неавтономных способов, включая применение различных механизмов, растительных веществ и работу в паре, когда партнёр подбуживает в определённые моменты.

Затем ещё около получаса распалённый Томас воодушевлённо описывал техники углубления и удержания фазы, перемещения и нахождения в ней объектов, парадоксальные принципы управления её пространством и его удивительными свойствами. Наконец, задав ещё несколько каверзных вопросов, дотошный ректор всё же успокоился:

— Хорошо, Томас Юрг, — смотря в бумаги, пропищал он, — а где ты сейчас находишься?

— У вас в кабинете.

— Томас! — не выдержали сестры.

— А… в фазе нахожусь.

— Да? Это почему же? — поднял глаза Ньюртон.

— Потому что мы всегда в одном и том же месте. Практикуемая фаза — это та же повседневная реальность, но без стабильности пространства и с утерянной связью с другими людьми.

— То есть прямо сейчас вокруг нас фаза?

— Да, но стабильная. Реальность без стабильности объектов — это фаза, которой мы обучались в Школе. А стабильная фаза — это привычная реальность, в которой мы сейчас находимся.

— Хорошо, но в учителя я бы тебе тоже не советовал идти. Ставим «отлично»?

Ньюртон посмотрел на учительниц и затем поставил подпись в изобилующий пометками аттестат.

— Спасибо, ректор!

— Вот твои документы, — протянул бумаги и свою худую руку утомлённый Ньюртон. — Удачи!

— Спасибо ещё раз! — пожал Томас его обмякшие пальцы, получив необходимую для зачисления в Рыцарскую академию оценку.

***

Ближе к обеду следующего дня, наудачу солнечного, взволнованные выпускники суетились в синих мантиях и квадратных академических шапочках на главной площади Школы. Над их головами шелестели разноцветные флажки, протянутые через кроны дубов, что колыхались в порывах ветра. По центру возвышалась украшенная весенними цветами скульптура Альберта Третьего, за которой грозно нависал над толпой главный корпус с башней и флюгером.

Чуть в стороне за действом наблюдали близкие ребят, в числе которых пришли порадоваться за Томаса не только Доры, но и верный друг семьи Ричард. Как и полагается в таких торжественных случаях, гости были в лучших парадных костюмах, а рыцари — в начищенных доспехах и выстиранных синих накидках.

Наконец, под пронзительные звуки фанфар на украшенный дорогими тканями помост поднялся Ньюртон в чёрном камзоле. Тонкие колготки облегали его худые, как тростинки, ноги, обутые в модные туфли с длинным носком. Обслюнявленной расчёской он ещё сильнее прилизал волосы и подошёл к деревянной

трибуне, окружённой синими флагштоками с гербом Парфагона:

— Да здравствует король!

— Да здравствует Парфагон! — завопили молодые люди.

— Приветствую вас, выпускники 961 года и их близкие! — запищал Ньюртон под всхлипывания растроганных родителей. — Вот и настал печальный и одновременно радостный момент нашего расставания...

— Я поражён тобой, — прошептал Ричард на ухо Нильсу. — Он уже без пяти минут один из нас. Кто бы мог подумать!

— Кто-то мог подумать, — подмигнул ему приятель, обняв за плечо всплакнувшую сестру. — Если честно, я сюда только на лабораторные работы пришёл посмотреть. У тебя случайно в следующем году никто из знакомых не заканчивает Школу?

— Ты Джавера не из зависти ли ловишь? Он там не раз в год, как мы, а с утра до вечера этим любуется!

— Каждый день? Может, ну его, короля нашего, а?

— Сбежим?

— А что? Ты только Лиленьку свою не бери.

— Я всегда знала, что он это сможет, — шмыгая носом, произнесла Маргарита, вытирая от слёз свои грустные глаза и не обращая внимания на еле сдерживаемый приступ смеха Ричарда. — Сколько же он пережил! Бедный мальчик!

— Да, и в Академии шороху наведёт! — гордо отметил Нильс.

Когда закончилась нудная речь Ньюртона, академические шапочки под всеобщие ликование были

выброшены вверх, а затем прямо на площади началось пиршество и веселье. Мария и Ален так активно и упрямо пытались расшевелить всегда сдержанного Томаса, что всё же смогли вытащить его на хороводы. Он не понимал смысла таких чудачеств и потому чувствовал себя крайне неловко во время столь странных телодвижений. Ему всегда казалось, что в этот момент все смотрят именно на него и незаметно смеются его неловким движениям.

— Давай же, давай! — ещё больше дёргала его Мария.

— Что ты делаешь? — сопротивлялся Томас. — Прекрати!

— Ещё, ещё!

— Ну хватит уже!

— Нет, не хватит! — радостно, словно маленький поросёнок, взвизгнула Мария, а затем неожиданно повисла на его шее и мимолётно поцеловала. Осуществив ещё года два назад запланированную провокацию, она засмеялась и тут же умчалась танцевать с девушками.

— Всё-таки решилась, — засмеялся Ален, смотря на покрасневшего Томаса, который был не очень рад такому неожиданному происшествию. Только сейчас он до конца осознал, что Мария и впрямь несколько иначе воспринимала их, как казалось, невинную дружбу. Он всегда смотрел на её отношение к себе как на своеобразную весёлую игру и ничего более. Теперь же до него дошло, что всё становилось по-взрослому серьёзно и могло иметь последствия, о которых он даже не задумывался.

После весёлого празднования, когда настали сумерки, заскрипели сверчки и опустели опрятные улочки,

выпускники стали расходиться по домам. Томас, как он обычно делал все последние годы, пошёл провожать внезапно угомонившуюся Марию. На этот раз между ними возникла некая интимная напряжённость, как ему казалось, и он не находил тему, удобную для разговора. Молодой человек чувствовал себя крайне неловко в столь непривычной ситуации. Девушка же, обняв крепкую руку своего кавалера, напротив, чувствовала почти религиозное умиротворение.

— Завтра в Академию? — наконец прощебетала она, нежно заглядывая в его растерянные глаза, когда они остановились у двери аккуратного каменного домика семьи Лури.

— Да. Я этого всю жизнь ждал.

— Я тоже.

— Правда? — удивился Томас.

— Конечно. Удачи, мой рыцарь! И спасибо за поцелуи, — она быстро прижалась горячими устами, а затем шустро скрылась за дверью.

Опешив, Томас не совсем понял, за что его отблагодарили, ведь вроде бы не он лез целоваться. Да и вообще, он не знал, что теперь делать! Мария с самого начала казалась всего лишь очень близким другом, и теперь ему было крайне неловко переступить новую грань отношений. Однако эти спутанные мысли вскоре потухли на фоне долгожданного поступления в Рыцарскую академию — ведь совсем скоро он начнёт мстить за свою семью! Кроме того, чем старше Томас становился, тем сильнее укреплялась уверенность в том, что бедная Ирэн выжила и он рано или поздно её спасёт.

Из-за предвкушения давней мечты Томас отвратительно спал ночью, отчего не попал в фазу, так необходимую для поддержания рыцарской мутации. И хотя одна пропущенная ночь урона не наносила, он всё равно очень переживал. В итоге с первыми лучами солнца он уже стоял у аскетически оформленного серого строения, увенчанного двумя Башнями заточения. Его сдержанный фасад разбавляли лишь редкие узкие окна да три стальных щита с чеканкой в виде колец Парфагона в человеческий рост. Здание стояло на северной окраине города и примыкало к защитной Стене. Внутри никого не было — ведь счастливые жители Парфагона вставали значительно позднее рассвета, умело защищаясь от света плотными шторами или специальными повязками для глаз. Накрутив пару кругов вокруг почитаемой с детства Академии, её флигелей и разящих характерным запахом конюшен, Томас уселся под дверью с высоким проёмом и толстой чугунной ручкой. Замечтавшись, он неожиданно провалился в калейдоскоп красочных сновидений.

Проснувшись, он обнаружил себя в гудящей толпе знакомых лиц: вчерашние выпускники нервно ожидали прибытия судьбоносной приёмной комиссии. То и дело в здание входили и выходили молодые мужчины — курсанты Академии, — которым уже разрешали носить синий камзол с широкими плечами, а также кинжал на поясе. По их габаритам можно было легко угадать, на каком из пяти курсов они обучались. Причём те, которые только заканчивали первый год обучения, были самыми заметными, несмотря на наиболее скромную мутацию. Их нарочито снисходительные ухмылки раздражали всех

без исключения, особенно старшекурсников, которые внешне не отличались от действующих рыцарей и ожидали скорого распределения по гарнизонам.

Вдруг толпа оживилась, и откуда ни возьмись завопил вездесущий Ален:

— Идут, а ты чуть не проспал! Вот было бы смеху!

— И не мечтай, — буркнул Томас, поднимаясь на ноги и впопыхах отряхивая помятую одежду. — Выспимся в Арогдоре.

— А я у мамы лучше посплю!

Достопочтенная комиссия быстро продвигалась к заветной двери в Академию мимо умолкших выпускников, освободивших узкий коридор. Она состояла из того же тщедушного ректора и пары проплывавших над толпой громадных центурионов, судя по бронзовым жетонам на груди.

Проходя мимо заспанного Томаса, едва отдававшего отчёт в происходящем, Ньюртон вдруг сделал раздражённое лицо, фыркнул и встал напротив него. Офицеры тоже остановились, как и вся толпа, замерев в томительном ожидании. Бывший селянин почувствовал неладное. В его глазах внезапно потемнело, а перед взором замельтешили белые огоньки. Ректор с явным презрением и весельем смотрел на него откуда-то снизу, моргая малюсенькими глазками из-под непропорционально огромного лба. Казалось, если молчание продлится ещё хоть одно мгновение, то сердце Томаса полностью остановится от страшного предчувствия.

— Что здесь делаешь? — пропищал голос.

— Не понимаю...

— Ещё раз спрашиваю: что ты здесь делаешь?

— Я пришёл поступать. Рыцари... Академия...

— Это невозможно, — холодно отрезал Ньюртон, отчего толпа ахнула, а Томас отшатнулся назад. — Ты пришлый. Тебе запрещено уставом Академии и по требованиям безопасности Парфагона.

Всегда спокойный селянин даже не заметил, как волнение молниеносно сменилось гневом:

— Что вы говорите!

— Ты не знал?

— У меня же есть необходимая оценка!

— Это пра-ви-ла и за-ко-ны, мой друг. Иди домой и прекрати мутировать. Это разрешено только настоящим ры...

Ньюртон не успел договорить, с хрустом поцеловав каменный кулак деревенщины, отчего, аки воробьиное пёрышко, отлетел на руки вчерашних школьников. Там он по-девичьи смешно ахнул и потерял сознание, а может, просто сделал вид. Разозлённые офицеры тут же бросились на озверевшего Томаса, не дав ему забить ректора до смерти. Несмотря на ожесточённое сопротивление, они легко повалили его на прогретую солнцем брусчатку, плотно прижав к шее меч. Ален хотел было броситься на помощь другу, но был остановлен другим лезвием, внезапно замершим у его растерянного лица.

***

Промучившись пару недель в сырой Башне заточения, находившейся как раз в здании Рыцарской академии, поникший Томас всё же вышел на свободу одним из тёплых деньков незаметно наступившего лета.

Скандальная история с избиением министра наделала много шума в столице, но почти все жители отнеслись к наказанию с пониманием. Сочувствующим осталось лишь испытывать жалость к несостоявшемуся рыцарю, и потому они старались не смотреть ему в глаза, пока изрядно исхудавший бунтарь с потухшим взглядом брёл к дому.

Всю жизнь в городе он ждал момента поступления в Академию, а теперь его планы были безвозвратно разрушены у самого их основания, сойдясь в неравном бою с бюрократией. Томас не мог поверить, что Нильс или хотя бы кто-то из его многочисленных друзей с самого начала не знал о запрете рыцарской стези для пришлых. Но почему они молчали? Как дошло до такого нестерпимо обидного позора? За что это унижение?

Когда Томас добрался до порога родного жилища Доров, его радостно встретила и горячо обняла Маргарита, которая всё это время не находила себе места из-за переживаний о несчастном племяннике. Она тут же заставила Томаса немедленно помыться, хотя он, источая отвратное зловоние, упрямо сопротивлялся. Затем она до отвала накормила горячим рыбным пирогом и отправила отсыпаться на свежей постели в его комнате на втором этаже. Не пробуждаясь и не меняя положения, Томас мирно продрых до позднего вечера. Проснувшись во тьме, он с помощью огнива зажёг свечу и начал пихать в походный мешок самые необходимые вещи. Его выбор пал на любимые книги, юношеский рыцарский инвентарь, а также прочий скарб. Не забыл он и о мешочке с монетами, которые посильно копил всё детство, чтобы приобрести дорогой меч.

В это время из-за Стены вернулся измождённый Нильс Дор и, не снимая грязных доспехов, сразу же поднялся проведать приёмного сына. Войдя в комнату, ничего не подозревавший рыцарь попытался обнять Томаса, но тот дерзко оттолкнул его, чуть не свалив с ног.

— Поня-я-ятно, — протянул Нильс. — Думаешь, я знал. Так?

Однако угрюмый парень молча продолжил собирать походный мешок.

— И куда ты пойдёшь?

— Никуда.

— Думаешь, что я знал и молчал, видя твою мечту? Да?

— Ты не последний человек, Нильс.

— Я боевой офицер! — громко рявкнул рыцарь. — Мне насрать на этих штабных крыс! Я с ними редко сталкиваюсь в своей работе. Их задницы протирают штаны в Академии, а мои люди каждый день дохнут за Стеной! Понимаешь меня?

— И ты не смог ничего с этим сделать?

— Томас, пойми: я всё время не находил себе места. Я обошёл все инстанции. Я изучил все наши законы. Я был на приёме у канцлера и писал королю. Но я не нашёл ни одного выхода. Мало того, если ты продолжишь рыцарскую мутацию, они предпримут жёсткие меры. Возможно, и в отношении меня самого. Но мы что-нибудь придумаем, найдём тебе полезное дело. Только не горячись так.

— Найдём мне полезное дело? — усмехнулся Томас.

— Обязательно! Ты и не такое прошёл.

— Не волнуйся: никаких санкций к тебе не будет.

— Конечно, я только о себе и забочусь все эти годы…

— Извини!

— Так что ты задумал?

— Ухожу. Туда, где смогу резать мутантов и наращивать силу.

— Всё это чушь! Ты не понимаешь, о чём говоришь. Не забывай: твои обязанности гражданина Парфагона действуют и за Стеной.

— Это не проблема.

Взволнованный Нильс попытался остановить рванувшего из комнаты Томаса, но тот вновь оттолкнул его и непреклонно продолжил свой путь. Трибуну осталось лишь выругаться и пнуть книжный шкаф, отчего тот с грохотом рухнул, и старые книги рассыпались по деревянному полу.

Быстро и громко спускаясь на первый этаж, несостоявшийся рыцарь наткнулся на испуганную Маргариту, выбежавшую с кухни на шум:

— Что случилось? Ты куда, Томас?

— Спасибо тебе, Маргарита, за всё, что ты сделала, — обняв и горячо поцеловав в лоб рыжую женщину, хладнокровно ответил он.

— Как это понимать? — прикрывая рот, проскулила она, глядя на спускавшегося следом брата, к которому обратился его приёмный сын:

— Спасибо за спасённую жизнь, Нильс Дор! Я всегда буду обязан тебе. Проси что хочешь, но сейчас я должен уйти.

— Да ничего мне не надо, дуралей! Не уходи!

— Это невозможно. Прощайте! — выходя за дверь, бросил Томас, которого всё ещё пыталась остановить Маргарита:

— Стой же! Как же ты без нас?!

Томас увернулся от рыдающей женщины, закинул на плечо тугой мешок и быстрым шагом направился в сторону Северных ворот. Именно через них его привезли тринадцать лет назад, едва выжившего в одном из самых страшных набегов арогдорцев. В ответ на резонный вопрос сторожевого рыцаря о причине столь позднего выхода из города Томас достал драгоценную бумагу гражданина Парфагона, некогда с таким трудом добытую заботливым Нильсом, и отрывистыми рывками разорвал её в мелкие клочья, медленно упавшие у ног. Рыцарь тут же дал сигнал товарищам, и огромные скрипнувшие ворота загрохотали в мёртвой тишине уже заснувшего города.

— Томас!

Обернувшись, он увидел бегущую Марию и нехотя остановился.

— Куда же ты? — промолвила сквозь слезы девушка, бросаясь жениху на шею и целуя солёными губами его безразличное лицо.

— Вернусь домой.

— Что ты там будешь делать?

— Я теперь сам по себе. Мне больше ничего здесь не нужно. Прощай!

— А я? Как же я, Томас? — не верила своим ушам Мария.

— Ещё увидимся. И передай привет Алену, — сквозь ком в горле ответил Томас, после чего вырвался из

тесных объятий и уверенной поступью покинул столицу. Он оставил за спиной упавшую на колени подругу, а также все несбывшиеся грёзы, громко захлопнувшиеся вместе с тяжёлыми воротами.

Глава 3. Награда Чёрного рыцаря

Время от времени останавливаясь на раздумья и подремать, Томас провёл больше суток в неспешном пути по извилистой дороге, прежде чем оказался в знакомом с детства Салепе. По пути он проходил леса и холмы, окружённые фруктовыми садами, пастбищами и сочно-зелёными полями, на которых созревал будущий урожай. Ему навстречу часто попадались удивлённые местные

жители, пристально рассматривая странного чужака с ног до головы. Мужчины и женщины не могли понять, кто он такой, но всё равно низко кланялись и снимали свои широкополые чёрные шляпы или светлые чепчики. Хотя внешне Томас уже не выглядел обычным человеком, он ещё не был достаточно велик и для рыцаря. По городской одежде все догадывались, откуда он, но никак не могли понять, каким образом его могло занести в эти края. По собственному желанию изнеженные горожане редко покидали Парфагон, и уж тем более не в одиночку и не в таком юном возрасте.

За прошедшие годы сожжённый почти дотла Салеп смог полностью восстановиться, будучи важным центром обширного и богатого округа. Оказавшись среди вновь отстроенных улиц из деревянных домов, Томас в первую очередь отправился на тот самый рынок, где его отец сбывал добычу, чтобы прокормить семью. Уже на подходе к многочисленным торговым рядам он услышал галдящую толпу и знакомый с детства букет резких запахов сырого мяса, горячей выпечки, душистых специй, лечебных трав, а также свежих овощей и аппетитных индюков, тут же запекавшихся на вертеле. Прямо у входа на рынок стояли четыре телеги Королевской службы сбора дани. Высокие и красивые молодые люди под восторженные взгляды местных девушек грузили дары населения в виде продовольствия, монет и других востребованных в столице ресурсов. Пройдясь по узким рядам и понаблюдав за земляками, Томас прикупил на две медные монеты увесистый кусок вяленого мяса и пару тёплых лепёшек, а затем направился дальше на север — к родному селению.

Шрамы на его сердце сжимались всё сильнее и сильнее, когда он подходил к родным местам. Томас до сих пор помнил каждый поворот этой дороги и потому легко узнал место, где упал в лужу с головастиками, когда бежал за отцом. А чуть дальше — в хвойном лесу, утонувшем в аромате сочившейся из стволов желтоватой смолы, — его пыталась остановить взволнованная соседка. И вот, наконец, Томас вышел на окраину и сразу почувствовал такой родной запах крестьянских дворов, немного отдающий навозом. Он надеялся увидеть не больше пары уцелевших хозяйств, но, к своему удивлению, обнаружил возродившееся селение. Пройдя по улице из добротных домов и поражаясь увиденному, он остановился напротив того самого кирпичного дома кузнеца Макса Ланка, у порога которого возвышалось могучее ореховое дерево. То из-за одного, то из-за другого угла строения выглядывали два коренастых мальчика лет трёх и светловолосая девочка чуть постарше. Босые и лохматые, одетые в мешковатые туники, они напомнили Томасу самого себя и сестрёнку, когда они точно так же выслеживали чужаков.

Из мастерской возле дома шёл бурый дым из трубы и был слышен грохот звонких ударов о наковальню. Поколебавшись, Томас решился войти внутрь жилища, но у двери наткнулся на миниатюрную пожилую женщину с маленьким круглым лицом и голубыми глазами. Её черты он уже когда-то видел и потому быстро вспомнил, что это жена кузнеца.

— Макс, иди-ка быстро сюда! — крикнула она, вытирая руки о жёлтый фартук и с подозрением

оглядывая симпатичного молодого человека в городской одежде.

Из мастерской перестал доноситься грохот и послышался раздражённый рык:

— Что там ещё?

— Ну, иди же быстрее!

— Опять что-то придумала...

Во двор вышел вспотевший пожилой мужчина в прожжённых штанах, массивных сапогах по колено и замызганном фартуке на обнажённом торсе. Несмотря на возраст и обильную седую растительность на теле, он был необычайно хорошо сложен, имея исполинский рост и окладистую бороду. Не бросая молота, кузнец настороженно подошёл к Томасу и своим известным прищуром, коим с самого детства смотрел на подозрительный мир, начал сверлить гостя, пока тот не сдался:

— Не узнаёте меня?

— А должен?

— Я Томас Юрг.

Женщина тихо ахнула, медленно отшатнулась назад и прикрыла руками рот. Смутившийся кузнец начал ещё пристальнее вглядываться в молодого человека, пытаясь уловить что-то знакомое в его чертах.

— Не может быть! — наконец смог произнести могучий селянин и схватил Томаса в свои железные объятия, чему тут же последовала его растроганная жена:

— Где ты был? Где твоя сестра?

— Кто такой Томаз Юлг? — вдруг раздался детский голосок из кустов.

— Он пропал много лет назад, когда мутанты напали. Беги, расскажи всем соседям. Быстро! — скомандовала женщина, и девочка побежала прочь, с любопытством оглядываясь на странного земляка и подгоняя тумаками своих мальчишек.

Ближе к вечеру местные жители собрались во дворе дома кузнеца, где был сытно накрыт большой стол. Юному горожанину впервые в жизни пришлось попробовать сладкого вина, как он ни пытался отказаться от запрещённого в Парфагоне напитка. Что бы он ни сказал и что бы ни сделал, радостные односельчане без устали восторгались им, окружив бормочущим кольцом, словно пчёлы у тарелки с сиропом. Их поражали его внешний вид и, конечно, удивительные истории об укладе столичной жизни. Особенно это было интересно малышам, которые выглядывали из-под ног взрослых. Самые смелые пытались незаметно потрогать гостя, что он им охотно позволял.

Немного захмелевший Томас смог узнать не более четверти жителей родного селения. Как оказалось, мало кто пережил ту страшную трагедию, но зато все выжившие вернулись обратно и попытались восстановить размеренную жизнь. Среди них оказались Макс с женой, волею случая потерявшие в той бойне пятерых детей. При этом никто не слышал вестей от Ирэн, и оставалось лишь гадать, что уготовила ей судьба в логове мутантов. Родителей Томаса, как и других жертв внезапного рейда арогдорцев, похоронили на старом кладбище у восточной окраины селения. Молодой человек почти каждый день навещал их, временно

поселившись в доме кузнеца, где его дружная семья провела последнюю ночь.

Несостоявшийся рыцарь всё ещё находился в жуткой душевной растерянности. С самого первого дня пребывания в Парфагоне у него была совершенно чёткая и простая цель: стать бравым воином и затем отомстить Арогдору, его предводителю Варнеру Эйзенбергу, генералу Джаверу и всем его мутантам. Теперь же выяснилось, что эта дорога оказалось тщетной с самого начала, всё безвозвратно рухнуло — и теперь нужно было придумать новый путь к заветной цели. Находясь в этой неопределённой растерянности, Томас решил продолжить наращивать рыцарскую мутацию, надеясь найти ей применение в будущем. И хотя такое вмешательство в человеческую природу было нелегально, юноша был глубоко убеждён, что его никто и никогда не обнаружит в этом затерявшемся селении. По большому счёту, он был вынужден действовать и думать подобным образом, поскольку ни на каких условиях не мог отказаться от своих грёз. С одной стороны, он начинал жалеть, что на эмоциях безвозвратно покинул столицу, — ведь упрямый Нильс и вправду рано или поздно мог найти какой-то выход. С другой же стороны, пусть и таким преступным и сомнительным способом, он продолжал идти по стопам свой мечты, что не могло не согревать сердце.

Односельчане, по своей сути открытые и совсем простые люди, особенно на фоне образованности Томаса, с большим пониманием отнеслись к его пожеланиям. Ему не только дали кров, но и всячески опекали, и заботились о нём, испытывая гордость за его судьбу.

Чтобы он смог заработать на пропитание, которое требовалось в огромных количествах для рыцарских габаритов, кузнец взял его к себе в подмастерья, пообещав, что растущие мышцы юноши не будут скучать. И действительно, хотя пришлось потратить некоторое время на обучение изнеженного горожанина, его сила оказалась весьма кстати для столь тяжёлого ремесла. Таким образом, дела мастерской резко пошли в гору.

***

Однажды, вспотев в кузнеце с немногословным Максом и между делом расспросив его о своей семье, Томас доковылял до свежего воздуха и свалился на землю. Оперевшись спиной на стог сена, он с наслаждением прикрыл глаза.

Выяснилось, в его прошлом имелись тайны, о которых он и не подозревал. Если отец был потомственным охотником и его предков знали издавна, то история матери оказалась сплошной загадкой. Отец привёл её после долгой отлучки и уверил всех, что они познакомились в одном из отдалённых поселений к юго-востоку от Парфагона. Якобы между ними вспыхнула любовь с первого взгляда, и девушка сразу же согласилась уйти с ним из родительского дома. Всё бы ничего, но поначалу молодая особа выглядела слишком уж привлекательно и носила немного странную одежду. Её поставленная речь, чрезмерная чистоплотность, отсутствие многих навыков ведения хозяйства и необычные манеры так сильно бросались в глаза, что сразу же поползли слухи о её принадлежности к столичной знати. Вполне вероятно, что она была парфагонских кровей, хотя со временем полностью

влилась в провинциальную жизнь. Правда это или нет, никто не знал. А если даже так и было, то Томасу всё равно оставалось лишь гадать, что могло заставить её уйти за Стену. А при каких обстоятельствах её встретил отец?

Витая в загадках прошлого, Томас почувствовал, как волна расслабления мягко обволокла его изморённое тело, а мысли стали проваливаться в бесконечную череду картинок из лёгкой дрёмы. И вот он уже практически уснул, как сознание вдруг снова включилось, тем самым напомнив ему про натренированный в Школе навык прямого входа в фазу. Попытавшись, не напрягая мышц, применить несколько техник, он не смог сломать стабильность пространства и потому стал снова погружаться в забвение, провалившись в неглубокий сон.

Окунувшись в караван бессмысленных сюжетов, уже через пару минут его сознание снова включилось. Томас опять начал неспешно чередовать техники: визуализацию рук, пробуя ощутить и увидеть их перед закрытыми глазами; вращение, при котором представлял, что крутится вокруг продольной оси; фантомное раскачивание, когда настырно пытался двигать ладони вверх-вниз, не напрягая мышц. А затем он повторял всё сначала, по новому кругу, пока на мгновение не отключился и тут же проснулся.

Вдруг Томас ясно почувствовал, что у него всё же получилось добиться реального ощущения вращения. Это означало, что физическое пространство сломалось, и он оказался в фазе! Тело быстро загудело, в ушах возник стягивающий мозги шум, и селянин немедля попытался просто встать с земли. Хотя сначала движение

показалось тяжёлыми и тягучим, он смог подняться на ноги, отчего тут же прекратились вибрации и звуки.

Томас сразу же побежал по просёлочной дороге, интенсивно обтирая друг о друга огрубевшие ладони и разглядывая глубокие линии на них. В итоге возникла гиперреалистичность: зрение стало настолько острым, что можно было разглядеть каждый листок на самой отдалённой макушке дерева, а насыщенность красок ослепляла сочностью и живостью. Это означало, что фаза углубилась и стабилизировалась. Теперь её можно было применять для заранее определённых целей, полезных или интересных. Хотя Томас изначально был высокого роста и ощущал громоздкую массивность, поскольку его фазовое тело за последние месяцы уже привыкло к шаблону рыцаря, он всё равно попытался почувствовать себя ещё больше и сильнее. После некоторой паузы его тело действительно стало интенсивно расти. Он буквально чувствовал, как его торс с глухим треском раздавался вширь и вверх. Достигнув нужных габаритов, ему оставалось их удержать как можно дольше. В этом состояла самая сложная задача в фазе, поскольку пространство всё время пыталось восстановить свою незыблемость, выплюнув практика в обыденную реальность.

Лучше всего этот вопрос можно было решить динамичными действиями. С этой целью Томас обычно развлекался, летая в небе, словно быстрый сокол, или плавая в воде, как хищная рыба, но на этот раз он решил вновь навестить сестру, о которой теперь думал каждый день. Взлетев вверх, он сначала увидел скакавшего из леса рыцаря на вороном коне, но не придал этому

значения и, закрыв глаза, сфокусировал внимание на Ирэн, стараясь сохранять ощущение рыцарского шаблона. Тут же возникло стремительное движение, и он оказался в какой-то крохотной комнатке, где почти ничего не было, не считая столика на тонких ножках и многочисленной женской обуви в углу. В центре стояла кровать, занимая почти всё пространство. На ней под бурым мехом дремала красивая и нагая девушка с каштановыми волосами.

Понаблюдав со стороны и присев рядом, Томас улыбнулся и провёл рукой по её тёплой щеке, отчего Ирэн медленно открыла свои большие и сонные глаза. Она протяжно зевнула, а затем приподнялась на кровати:

— Привет!

— Всё спишь и спишь тут, — рассмеялся молодой человек.

— Ну и в задницу ты забрался! — чересчур грубо фыркнула сестра, с силой дёргая брата за руку.

— Не понял... Ирэн?

Зрение и восприятие тела стали быстро растворяться в серой пелене, в связи с чем Томас начал судорожно пытаться удержать фазу, насыщая себя всеми доступными ощущениями. Для этого он активно щупал гладкие доски пола и мягкую кровать, всматривался в линии на руках и мелкие бугорки на стенах. Активно двигаясь, ему довольно быстро удалось вернуть стабильность взбесившегося пространства, но на этом сюрпризы не заканчивались:

— Чё это у тебя правая рука такая мозолистая? — каким-то поразительно знакомым мужским голосом

заговорила Ирэн и снова дёрнула за руку. — Ты чем тут занимаешься, развратник эдакий?

На этот раз всё резко пропало, пространство восстановило свои привычные свойства, и Томас нашёл себя сидящим у стога сена. Перед ним в гремящих доспехах пританцовывал Ален Оспэ, рассматривая старшего товарища с лукавой улыбкой на губах. Поскольку гость только приступил к рыцарской мутации, даже самый маленький курсантский панцирь болтался на нём, как кастрюли на плетёной изгороди за его спиной.

— Как насчёт обычая не трогать спящих? — несколько обозлённо и одновременно радостно буркнул Томас, вскакивая с земли, чтобы обнять приятеля.

— Мы же не в Парфагоне, а ты простой деревенщина, — как всегда легко парировал Ален. — Я еле тебя отыскал в этой дыре. Уже давным-давно пора возвращаться.

— Осторожней со словами. Я тут родился.

— Ха, тогда понятно, почему ты всегда был таким дуралеем!

— Так, благородный рыцарь, — с ухмылкой осмотрел своего собеседника Томас, — что вас сюда занесло?

— Я кое-что придумал... Больше не могу слушать сопливые причитания Марии!

— Ты придумал? Уже настораживает.

— Помнишь про турнир?

— Это всё? За этим ты сюда ехал?

— Ты не понимаешь! Я изучил все правила и посоветовался с Нильсом...

— Нашёл, с кем советоваться…

— Не перебивай! — Ален ткнул друга в плечо и продолжил: — Так вот, это же открытый турнир! В нём может участвовать кто угодно. Помнишь, как каждый год всякие деревенщины вроде тебя выбывают в первом туре?

— Предлагаешь сразиться с лучшими рыцарями, а потом в фазе новую руку или ногу отращивать? Спасибо за идею!

— Это не всё. Какой приз за победу?

— Сто золотых, как всегда.

— Или?

— Что «или»?

— Или любая личная просьба к королю.

— Всегда думал, что это слухи.

— Именно поэтому я тут, глупец! Не это ли твой шанс?

Насупившись, Томас молча уставился в пустоту. Этот авантюрный план было трудно не назвать безумным. Как можно победить лучших из лучших рыцарей, которые десятилетиями оттачивают мастерство владения оружием? Какова вероятность, что Альберт Третий согласится на нестандартную просьбу, даже если вчерашний школьник каким-то чудом выиграет турнир? С другой стороны, что терял Томас ради шанса продолжить свой путь среди легендарных воинов и затем преследовать главную цель жизни?

— Что сказал Нильс?

— План не реалистичен, прости. Но если ты будешь пробовать, он поддержит и поможет. Решать тебе.

— Я подумаю.

— Думай, — звонко бренча доспехами, наставлял новоиспечённый курсант Рыцарской академии, оседлав

своего чёрного, как уголь, коня. — Смотрю, плохо тебе без Марии. Слёзы на глазах от вида твоей настрадавшейся руки!

— Ален, я теперь работаю в кузнице, — смутился Томас.

— Эх, я там тоже горбачусь с утра до вечера.

— Прекрати! Я серьёзно.

— Никому не расскажу, не переживай.

— Только попробуй это сделать, засранец в железках!

— Удачи, кузнец!

— Вот гадёныш...

Расхохотавшись, чернявый гражданин Парфагона пришпорил коня и ускакал обратно в лес, оставив позади себя пыльную тучу и одинокого друга, замершего в глубокой задумчивости.

***

В конце концов после двух ночей раздумий и душевных метаний, обречённо решив, что выбора по большому счёту нет, Томас осмелился попытать счастья с безумной идеей Алена.

Королевский рыцарский турнир проходил каждый год в последние выходные октября и был приурочен к завершению сбора урожая. В эти дни склады доверху заполнялись данью с подконтрольных территорий, что гарантировало независимость и сытую жизнь Парфагона как минимум до следующей осени. Томас с первого года жизни в городе не пропускал ни одного турнира и был хорошо знаком с его простыми правилами. Он отлично знал, что это был не только праздник для храбрых мужчин, но и самое ожидаемое событие всей Селеции.

Посему король не жалел богатств для столь запоминающегося праздника.

Торжество силы и доблести начиналось с этапа прохождения строгой судейской комиссии, когда отбирали шестьдесят четыре лучших претендента. Затем в первом туре нужно было в арбалетной дуэли поочерёдно одолеть двух соперников. Во втором туре стояла задача в верховых сражениях на копьях сбить с сёдел ещё двух рыцарей. В третьем, самом опасном туре оставалось выиграть полуфинальный, а затем и финальный поединок на мечах. Конечно, такие рискованные бои довольно часто заканчивались увечьями для участников, а порой даже смертью, но это нисколько не отпугивало бравых воинов.

Хотя турнир провозглашался открытым, в нём категорически запрещали участвовать жителям вулкана и его подножий. В награду за победу вручались сто золотых монет, которые могли обеспечить безбедную жизнь на протяжении нескольких лет. Из-за столь высокого поощрения мало кто помнил о другом вознаграждении: личной просьбе к королю. За многовековую историю торжества ею никто так ни разу и не воспользовался. И не удивительно! Казалось, стоявшее на кону несметное богатство могло само по себе совершить любое чудо и ещё бы осталось на год кутежа — как раз до следующего турнира.

Спустя несколько дней к порогу дома кузнеца пожаловали дорогие столичные гости в лице уважаемого трибуна Нильса Дора, красавца центуриона Ричарда Фейна и прекрасной Марии Лури в ярко-зелёном волнистом платье в мелкий цветочек. Произведя

неизгладимый шок на местных жителей своим внешним видом, они все по очереди горячо обняли смущённого Томаса, в душе которого всё ещё покалывал стыд за своё бегство. Нильс, как взрослый человек, вёл себя так, будто не было никакой ссоры и ничего необычного вовсе не происходило. Он был уверен, что парню нужно было лишь дать немного времени, дабы переоценить сказанное и наверняка глубоко пожалеть о содеянном. В своих руках рыцарь держал за повод жеребца чёрно-белого окраса, который привлекал всеобщее внимание белыми лохматыми щётками над копытами, а также длинной смолисто-чёрной гривой и таким же пышным хвостом почти до земли.

— У тебя новый конь, Нильс? Шикарный!

— Нет, мой дуралей ещё жив. Это тебе.

— Что?!

— Какой же рыцарь без коня?

— Это невероятно!

Не веря своему счастью, Томас почти подпрыгнул от радости. Совладав с эмоциями, он кругами заходил вокруг нового фыркающего друга с белым вытянутым пятном на переносице и большими умными глазами под пушистыми ресницами.

— Это Вектор. Ему пошёл пятый год.

— Красивое имя.

— Хотел подарить после поступления в Академию...

— Правда?

Томас крепко обнял Нильса и сразу же попытался оседлать коня, но тот нервно заржал и встал на дыбы, под всеобщий смех скинув неуклюжего хозяина в лужу. Селяне и рыцари, собравшись вокруг скулившего от боли

юноши, тут же засыпали советами по приручению животного, после чего вечно голодные воины дружно отправились на долгожданный ужин.

Хозяйственная жена кузнеца с радостью накрыла богатый стол в той самой кухне, в погребе под которой погибли родители Томаса. Праздничная скатерть ломилась от простых сельских яств, по большей части состоявших из только что забитого молодого барашка, которым предстояло насытить трёх исполинских рыцарей и вовсе не тщедушного кузнеца. Наевшись до отвала и опустошив по большой кружке категорически запрещённого в Парфагоне крепкого винца, разомлевшие мужчины начали душевно решать, как им быть дальше.

На дворе стоял жаркий июль, поэтому для подготовки Томаса было всего три месяца. За это время он должен был как можно больше прибавить в весе и росте, чтобы хоть немного приблизиться к рыцарским семи футам и трём дюймам. Этическая комиссия запрещала переходить этот предел, так как при более внушительных габаритах возникали проблемы как в ловкости управлении такой горой мышц, так и в её поддержании. От этого в полной мере страдали многие арогдорцы, лишённые вообще каких бы то ни было ограничений в вопросах мутации.

Чтобы Томас мог полноценно тренироваться, Нильс привёз несколько тренировочных копий, старый меч со сколами и арбалет. Специальные турнирные доспехи и всю амуницию планировалось приобрести, однако Макс заявил, что его долг выковать их самому, не без помощи самого Томасом. Дело в том, что соревнование, помимо

всего прочего, выполняло важную светскую роль. Дамы целый год готовили для него свои лучшие наряды, чтобы лишний раз поразить мужей более удачливых подруг и привлечь внимание самых мужественных воинов, смело проливавших кровь перед трибунами Арены. Рыцари же ненамного отставали от слабого пола, приобретая изготовленные на заказ дорогущие доспехи, нередко жертвуя их практичностью ради зрелищности.

Для обучения меткой стрельбе из арбалета, по совету Макса, было решено нанять известного охотника, дальнего родственника Томаса, о котором он никогда раньше даже не слышал. Конной выездке и искусному бою на копьях вызвался обучить Ричард, один из лучших в этом виде. А за бой на мечах решил отвечать сам Нильс, не понаслышке знавший нюансы этого вопроса: по молодости трибун несколько раз тщетно пытался выиграть турнир. В итоге к невероятной мотивации Томаса добавилась завидная компания из самых лучших наставников в каждой дисциплине. Безрассудная задумка с турниром уже не выглядела бредом. Вероятно, даже сам Ален не подозревал, что его безумная идея может оказаться столь жизнеспособной.

Не осталась в стороне и Мария. К всеобщему удивлению, она вызвалась на время остаться в селении — должен же кто-то помочь решить всевозможные бытовые хлопоты? А кто будет следить за плотным графиком тренировок, сна и столь необходимой практики фазы? Несмотря на то, что её простые доводы рассмешили Нильса, поспорить с ними было действительно сложно. В этот момент Томас начал подозревать, что его жизнь в некоторых аспектах

начинает легонечко заворачивать на какую-то определённую дорогу и обратно ходу может не быть. Однако он тоже не стал спорить, поскольку впервые оценил достоинства горожанки, разглядев её на фоне обычных женщин.

Ангельски белокожая и чертовски фигуристая Мария тоже впервые заметила, как Томас смущается, украдкой бросая стеснительные взгляды на её декольте запрещённой в Парфагоне глубины. Естественно, почувствовав коварную силу над пускавшим слюни мужчинкой, она искусно делала донельзя серьёзный и незаинтересованный вид. Этим она окончательно сбила юношу с толку, как это с самого рождения хорошо умеет делать абсолютно любая женщина.

Насытившиеся и напившись вина, гости решили остаться на ночлег у кузнеца, чему хозяева ужина были несказанно рады. По удивительному стечению обстоятельств, именно Марии не досталось свободной комнаты, а в соседских домах ей было страшно оставаться без должной охраны. Ликовавшему Томасу ничего не оставалось, кроме как предложить эту ночь, одну-единственную и исключительную, остаться в его скромной комнате. Помимо соломенного матраса на полу, в ней практически ничего не было, если не считать стопок книг по углам и висевшую на стенах амуницию. Единственным украшением холостяцкой конуры являлся видавший виды плакат с неуклюже нарисованным рыцарем, вонзающим клинок в четырёхрукого мутанта.

— Ты только не приставай к нему. Поняла? — нарочито серьёзно пробубнил Нильс, покачиваясь в

дверном проёме при свете догорающей свечи. — Ни в коем случае!

— Конечно! Что вы! — покраснела Мария.

— Серьёзно. Я знаю ваши бабские штучки!

— Ну что ты несёшь? — попытался вмешаться Томас.

— Поймёшь, когда вырастишь. Кстати, советую тебе не расслабляться, — подмигнул Нильс. — Всё! Всем спать! Это приказ! Пам-па, па-па-пам...

Выходя, поющий трибун громко хлопнул дверью, за которой послышались его сотрясающие стены шаги. В повисшей тишине из открытого окна ворвались пение сверчков и протяжный писк сыча. Оттуда же подул ласковый тёплый воздух, наполненный колоритными сельскими ароматами. В это время смущённые молодые люди молча стояли друг напротив друга и не знали, как вести себя дальше.

Томас растерялся больше подруги, понимая, что именно он должен проявить инициативу. На его счастье, природа сама решила эту проблему, и некое внутреннее чутьё подсказало аккуратно взять Марию за нежную ручку и медленно подвести к окну. Там, плотно прижав её к себе за упругую талию, он томно прошептал самые правильные для такого случая слова:

— Спасибо, что приехала. Рад тебя видеть.

— Скучал? — опуская глаза и прикусывая сочную губку, ещё тише промурчала Мария.

— Да, конечно, — не совсем искренне ответил Томас, однако это был ещё один верный ход.

— Я думала, мы больше не увидимся.

— Что ты! Я бы нашёл выход, чего бы мне это ни стоило, — прозвучал ещё один бесстыдный, но правильный ответ.

Снова возникла неловкая пауза. Томас почувствовал, что пора сделать следующий шаг. Причём не просто пора, а можно и нужно! Осторожно нагнувшись к девушке, он переместил левую руку с талии на её затылок и, закрыв глаза, уверенно пододвинул милую головку к своим распалённым устам. Сначала он почувствовал пухлые губки, позволившие едва прикоснуться к себе, а также влажные ладошки, изучавшие мышцы его рук, что тут же напряглись под рубахой. Но уже через мгновение ни он, ни она не могли сдержать эмоций. Испортив всю интригу, они слились в безумно жарком, первом для них обоих поцелуе, о котором кое-кто терпеливо мечтал целое десятилетие.

— Всё, — вдруг строго отрезала Мария, оттолкнув Томаса. — Нам пора спать.

— Спать? Ну, хорошо.

Наивный горе-любовник задул свечу, снял с себя верхнюю одежду, улёгся на грубый матрас со стороны двери и отвернулся, обречённо вздохнув. Мария уже была переодета в накидку, под которой сияла в свете луны белая ночная сорочка. Она демонстративно легла с другого края, повернувшись к окну, и накрыла себя покрывалом. Уже в который раз возникла тишина, и лишь отдалённый храп пьяных мужчин заставлял дрожать кирпичные стены.

— Спокойной ночи, — холодно пожелала девушка спустя некоторое время.

— Сладких снов, — зевнул сосед, переворачиваясь и как бы невзначай кладя руку на её талию.

— Томас!

— Что?

Мария, на миг повернувшись, презрительно убрала его тяжеленную руку и бросила укоризненный взгляд. Томас в этот момент окончательно понял, что его наивный организм совершенно зря весь вечер находился в болезненном предчувствии. Снова глубоко вздыхая, ему ничего не оставалось, кроме как вернуться на свой одинокий и холодный край матраса.

— Всё-таки ты и вправду деревенский дурак, — где-то минуту спустя с горестью произнесла Мария.

Встрепенувшийся жених тут же повернулся, уже более уверенно положил руку на талию и начал её нежно поглаживать, уткнувшись в густые и ароматные волосы. Смелевшая с каждым движением рука Томаса совершала всё более и более размашистые поглаживания. В определённый момент, проводя ею от бедра и до мясистой груди, его ладонь стала получать ощущения, которых ещё ни разу не было в его жизни. Биение их сердец немедля участилось, в телах возникла дрожь, а дыхание стало прерывистым и тяжёлым.

— Поигрался, и хватит, — вдруг заявила Мария, немало поразив этим саму себя.

Нечто неосознанное имело власть над её губами, проверяя выдержку и истинное мужское начало молодого человека. Однако уже наученный Томас не останавливался и молча продолжал всё наглее изучать наливную подругу, одновременно просчитывая в уме шансы на успех.

— Я сказала: прекрати, — ещё более решительным голосом скомандовала Мария.

В действительности она находилась на тонкой грани помутнения рассудка, погружённая в накатывающие волны предательских мурашек. Поэтому обжигающее тепло упрямо переливалось по её невинному телу, пока Томас продолжал своё дело, хотя уже и не столь уверенно.

— Так! — рыкнула на весь дом Мария.

— Что?

— Ты не понял?

— Что именно?

— Чего тут наглаживаешь? Тебе кота принести?

— Какого кота? Он же сдох вчера...

— Спи уже, дурак!

— Ладно, — непонятливый мужлан убрал потную руку и резко повернул свой опечаленный организм в другую сторону.

— Ду-у-ура... — очень тихо и в отчаянии прошептала обескураженная Мария, скрежеща зубами и вонзая тоненькие ноготки в промокшую простынь. — Капе-е-ц!

— Что? Что ты говоришь? — встрепенулся Томас, почуяв очередную порцию надежды.

— Так легко сдался, да?

— Как бы... Что?!

— Фи, рыцарь ещё называется!

На этот раз стремительно, пока в дурной женской головке что-то снова не перекатилось в ненужную сторону, Томас схватил её обеими руками, грубо ощупывая сразу все обжигающие места. Затем он стал страстно целовать её шею и плечи, а она в ответ

извивалась и тихо постанывала, проваливаясь в некое параллельное измерение, доселе не изведанное.

— Ну, всё! — опять встрепенулась Мария и из последних сил скинула разгорячённого друга на пол.

— Ты серьёзно?

— А ты не соображаешь сам, да?

— Слушай, иди-ка ты куда подальше! — рявкнул Томас, окончательно давая отбой своему настрадавшемуся организму. Он тут же вспомнил намёк искушённого в таких вопросах Нильса, который не зря просил не расслабляться, несмотря на такую очевидную ситуацию. Как всегда бывает с мужчинами в эти удручающие моменты, ему подумалось, что он в чём-то неправильно себя повёл или на самом деле совсем ей не нравился. Почему же ещё она могла себя так странно вести? Она же не дура, так ведь?

Молодой человек просто не знал, что это было частью очень древней игры без понятных правил и разумных норм. Стоило ему окончательно повернуться набок и попробовать побыстрее попасть в фазу, чтобы наверстать упущенное, как он вздрогнул от едва осязаемых прикосновений. Разозлённый Томас принципиально не реагировал на эти заигрывания, и тогда трясущиеся губы сами начали обжигать его шею и плечи.

***

Следующие три месяца пролетели для Томаса, как три коротких недели. Его ежедневный график был жёстко расписан по минутам, за чем непреклонно следила строгая в таких моментах Мария, не давая проявить слабину даже в самых невинных мелочах.

По нескольку дней в неделю у них гостил дальний родственник, своей коренастостью и простой внешностью напоминавший Томасу отца. Этот охотник приезжал со стороны западного моста через реку Змея для обучения меткой стрельбе из арбалета. Ричард и Нильс тоже частенько наведывались, делясь мастерством боя на копьях и мечах. При всех этих тренировках бывшему горожанину было необходимо каждый день объезжать своенравного Вектора, а также с утра до вечера вкалывать в жаркой кузнице, выковывая эффектную броню с амуницией. Плюс ко всему Томас должен был ежедневно несколько раз попадать в фазу, мутируя в рыцаря, для чего приходилось плотно перекусывать при каждой возможности.

Изначально юный воин находился в заведомо проигрышном положении относительно других участников соревнования. Однако ни разу за всю историю Королевского рыцарского турнира никто так продуманно к нему не готовился, привлекая самых лучших мастеров в своих областях. И все, кто участвовал в этом тяжёлом процессе, включая самого Томаса, хорошо это понимали. Чем больше проходило времени, тем больше они обретали уверенности в шансах селянина на победу. Мотивированный до мозга костей, он так прилежно учился и тренировался, что заметно прогрессировал день ото дня, оправдывая самые смелые надежды.

Если мужчины были заняты своим делом, то постройневшая Мария, как и полагается девушке, обитала сразу в нескольких параллельных вселенных. Не считая желаний то внезапно вернуться в

цивилизованный город, то навсегда остаться жить ближе к природе, на первом месте у неё было планирование серьёзных отношений с Томасом. На втором — весьма высоком месте — был сам обречённый жених. Затем были заботы по быту, где они жили, а между всем этим она умудрялась следить за собой, достойно держа парфагонскую марку и делясь секретами с селянками, почитавшими её за святую. Каким-то образом одновременно ей удавалось легко следить за графиком Томаса, словно организационная деятельность была её прирождённым призванием.

Естественно, сам турнир Марию мало интересовал, хотя выиграть его не помешало бы. Почему? Потому что тогда она будет невестой победителя Королевского рыцарского турнира! Она ещё не знала, в каком именно наряде будет вызывать приступы ненависти придворных стерв, но определённо сможет к этому качественно подготовиться. Не зря же ей удалось с отличием окончить Школу и единственной захомутать самого завидного парня, всегда находившегося в центре всеобщего внимания? Все эти вселенные, в которых жила девушка, лишь ненадолго отключались поздно вечером в нежных объятиях любимого, чтобы на следующий день с удвоенной силой поглощать всё вокруг.

Буквально в последний день перед отъездом Макс и Томас доковали декоративные элементы турнирных доспехов. В отличие от стандартной рыцарской защиты с панцирем и кольчугой, турнирная броня покрывала всё тело воина латами и щитками. С целью получить эффектный и дорогой вид кузнецы добавили кружевные

окантовки и вставки из зеркально отполированной стали, а жена кузнеца сшила ярко-жёлтую накидку. Шлем с продольной вертикальной пластиной на макушке имел выпиравшее вперёд угловатое забрало и был выдержан в стиле основных доспехов. По его бокам красовались задранные вверх стальные соколиные крылья. У меча же были ребристый черен для двух рук, вытянутая крестовина и длинный клинок с широким зеркальным долом. Железная основа клинка позволяла ему быть относительно гибким и упругим при жёстких ударах, а наружный стальной слой придавал прочность режущей поверхности.

Отдельным вопросом была конская броня. Поскольку жеребцам и так нелегко приходилось под тяжёлыми рыцарями, в доспехи их облачали только на турнирах. Дабы не тратить драгоценное время, пришлось с помощью Нильса выкупить старый конский панцирь, наглавник и шейные пластины у родственников одного из погибших воинов. Отполировав, добавив кружевных окантовок и зеркальных вставок ко всем деталям брони откормленного Вектора, им всё же удалось добиться схожести с доспехами наездника.

И вот ранним пятничным утром, облачившись в турнирную защиту, слёзно попрощавшись с опустошёнными Ланками и добродушными селянами, молодая пара отправилась верхом в Парфагон. До тёмных глубин леса их проводили босые ребятишки, сильно полюбившие невероятных столичных гостей. При удачном стечении обстоятельств Томас должен был остаться в городе, прославляя маленькое селение под Салепом. Однако Макс попросил жену ничего не трогать

в его комнате, приведённой Марией в безупречный порядок.

Вечером того же дня они прибыли к Северным воротам. Хотя Томас чувствовал налёт предательства, глядя на заросшую мхом Стену и выглядывавшие из-за неё башни, он всё же до боли в сердце скучал по столице. Когда-то благо жить в этом удивительном месте досталась ему почти даром, а теперь его предстояло заслужить кровью. Томас весьма комфортно чувствовал себя в родном селении и, может быть, спокойно остался бы там жить до конца своих дней, но только Парфагон мог дать ему орудие мести за родителей. Наряду со спасением сестры, это было главной жизненной доминантой, единственным стержнем его существования.

Строгие стражи ворот сразу узнали спрятанного в броне Томаса и немедленно выдали ему временное разрешение на пребывание в городе в качестве участника турнира. Слух о его тайной подготовке где-то под Салепом гулял среди воинов, искренне переживавших за приёмного сына своего легендарного товарища. Никто всерьёз не рассчитывал на успех храброго юнца, но сама попытка решить вопрос рискуя собственной жизнью вызывала всеобщее восхищение.

Проводив Марию до родительского очага, где по ней всё это время скучали мать и отец, её жених отправился к Нильсу. Он едва верил в реальность происходящего, разглядывая знакомые улочки, что вызывали массу приятных воспоминаний из детства. Сняв тяжелейший конский панцирь и привязав утомлённого Вектора у входа, где того ждало свежее сено, Томас вошёл в дом Доров. На минуту он

остановился на пороге и, закрыв глаза, глубоко вдохнул знакомый с детства запах сладкой выпечки и свежего хлеба, который уже не надеялся услышать вновь. Затем, сытно поужинав в компании довольного приёмного отца и его растроганной сестры, селянин поднялся к себе наверх. Там, в пропахшей старыми книгами комнате, он почти сразу завалился спать.

Проснувшись, Томас и Нильс на скорую руку позавтракали и явились на Арену, где проходил отбор участников турнира. Песочная площадка имела овальную форму, и её окружали деревянные многоуровневые трибуны, вмещавшие тысячи зрителей. По всему периметру пустых трибун, в верхней их части шелестели на ветру огромные синие полотна с кольцами Парфагона. С южной стороны почти на одном уровне с площадкой был оборудован подиум, на котором в шатре всегда располагались королевская чета и придворные особы. Там всё ещё гремели рабочие, чтобы к воскресному утру самым дорогим гостям было комфортно наблюдать поединки, которые должны были занять весь день.

Как и ожидалось, пройти отбор оказалось совсем несложно. Сначала всех претендентов собрали вместе и велели облачиться в доспехи. Затем их попросили взять деревянные мечи и по одному проходить в центр круга из четырёх офицеров, которые увесистыми дубинками сбивали с ног. Хотя одолеть огромных рыцарей было невозможно, этот конкурс позволял быстро вычислить боевой дух каждого воина. Кто-то сразу же пугался и уходил в глухую защиту, быстро падая на песок, так и не произведя ни одной атаки. А кто-то, как Томас и ещё несколько дюжин смельчаков, бросался в бой, ловко

уворачивался от дубинок и успевал задеть пару соперников прежде, чем свалиться с ног от сокрушительных ударов.

В итоге были отсеяны шестьдесят четыре наиболее отверженных бойца и ещё двое запасных — на случай, если в последний момент кто-то струсит. Как всегда, почти все участники были действующими рыцарями или курсантами старших курсов Академии. Пришлые претенденты предсказуемо не прошли отбор, за исключением Томаса, одного шустрого парня в простенькой кольчужке, а также гордого вида брюнета с орлиным носом, лет двадцати шести на вид. Последний шиковал в необычайно броских чёрных доспехах с мелким орнаментом и кожаными вставками, а также носил чёрную накидку из льющегося шёлка. Его жуткий угловатый шлем с шипами и вытянутым вперёд забралом с узкими прорезями вызывал у будущих соперников плохо скрываемый испуг, даже если они обладали гораздо бóльшими габаритами. И хотя молодой человек представился сыном известного торговца из южного города Новый Альберт, не сговариваясь, его дружно прозвали Чёрным рыцарем.

В этот же вечер за ужином Нильс старался дать Томасу последние наставления:

— В общем, просто делай, что умеешь. И ни о чём не думай.

— Легко сказать... — прожёвывая очередную котлету, нахмурился Томас.

— Знаешь, сейчас я понимаю, что всегда проигрывал, потому что слишком много додумывал.

— Это как?

— Я больше думал о том, смогу ли я победить, нежели просто сражался. Я мечтал о тех сокровищах, славе и женщинах, что получу после победы. А надо было смотреть на соперников, которые были прямо перед глазами и легко пользовались моей расхлябанностью.

— Женщины? Неужели?!

— А ведь был подготовлен лучше всех...

— Обидно.

— Да. Поэтому просто выключи ум и сконцентрируйся на бое. Ты всему научен. Дай своим навыкам свободу.

— Что-то ещё?

— Пожалуй, ты уже всё знаешь и умеешь. Ничего нереального в твоей затее нет: один мой товарищ когда-то забрал сто золотых с первого раза...

Однако мотивация Томаса была на порядок серьёзнее, чем у молодого Нильса, и селянин опять не смог уснуть в ночь перед важнейшим событием. Как его в Школе ни тренировали легко отключаться в самых экстремальных условиях, всё же необычайная значимость предстоящего турнира никак не могли позволить ему успокоиться. Томас отчётливо понимал, что, будь он простым участником турнира, он вряд ли так волновался, отчего его шансы на победу были бы выше. Однако вся его жизнь зависела от одного завтрашнего дня, и потому он ничего не мог с собой поделать, продолжая раздражённо ворочаться в кровати.

***

Толком не выспавшись, Томас привёл в порядок свои вычурные доспехи, снарядил в тяжёлую конскую броню Вектора и в сопровождении Доров отправился на Арену. Там, в затхлом и тёмном помещении под трибуной, уже

разминались претенденты на титул чемпиона. Отовсюду раздавались скрежет и бряцание металла, то и дело слышались вздохи и вскрики, а снаружи доносился шум толпы.

Приготовившись к первому туру и нацепив шлем с декоративными соколиными крыльями, Томас уселся на длинную лавочку в ожидании своей очереди, где рядом с ним оказался тот самый Чёрный рыцарь. Отвыкнув за последние месяцы от роскоши, селянин долго разглядывал его и не смог сдержать восхищения от качества покрытых мелким орнаментом доспехов:

— Дорого?

— Смотря для кого, — фыркнул незнакомец и демонстративно отвернулся, опустив вытянутое вперёд забрало своего жуткого шлема.

— Есть всё-таки жизнь за Стеной...

В это время снаружи торжественно загудели фанфары, знаменовавшие прибытие короля. И долгожданное событие, главное развлечение чопорной столицы, началось с громкого приветствия судьи:

— Да здравствует король!

— Да здравствует Парфагон! — задрожали трибуны.

Спустя некоторое время, дождавшись, пока высокие гости усядутся в шатре, ищущих удачи воинов стали попарно вызывать наружу. Взяв арбалеты, те нарочито уверенно, боясь показать слабину, браво выходили под дробь барабанов. Через несколько минут только один из них — как правило, весьма довольный — возвращался под шум аплодисментов. Томас оказался в двадцать седьмой паре, в связи с чем ему пришлось томительно долго ожидать своей очереди. Это привело к самым

разным мыслям, предательскому волнению и обволакивающей усталости, будто молодой организм пытался защитить себя от скорой опасности, коварно усыпив беспокойный разум.

Внезапно сквозь приятную негу селянин услышал своё имя и быстро вскочил, озадаченно и глупо оглядываясь по сторонам. Впопыхах схватив чужой арбалет, он растерянно выбежал на залитую солнцем шумную Арену, чуть не оглохнув от барабанов, которые встретили его у ширмы в подтрибунное помещение.

— Томас Юрг, округ города Салеп, — под аплодисменты зрителей торжественно объявил судья в ярко-красных колготках, куртке и широкополой шляпе с перьями. — Самый юный участник — восемнадцать лет.

Как и было рассчитано, сверкающие на солнце отполированные вставки на доспехах и мече, а также ярко-жёлтая волочившаяся по песку накидка вызвали одобрительные возгласы зрителей. Женская половина внимательно следила именно за этим маскарадным элементом турнира. Они предпочитали закрывать глаза или отворачиваться во время непосредственных сражений, считая их бессмысленным развлечением глупых мужчин.

Когда слипшиеся сонные глаза наконец привыкли к яркому свету, Томас обнаружил себя в центре овальной площадки, со всех сторон которой на него смотрели тысячи ликующих жителей Парфагона. Где-то в бушующей толпе он сначала расслышал подбадривающие возгласы друзей по Школе, а вскоре смог разглядеть Доров, Фейнов, поздоровевшего Алена и напряжённую Марию. Синий шёлк её платья крайне

выигрышно облегал извилистую фигуру и переливался белым отблеском. Как обычно, другие благочестивые дамы не терялись и тоже были броско выряжены по самому последнему писку моды. Пользуясь случаем, они пытались удивить своих кавалеров, расстроить бывших мужей и попытаться вызвать смертельную зависть подлых соперниц.

Внезапно Томас обнаружил, что на трибуне почему-то нет Альберта Третьего и его неотступной свиты. Однако, услышав неодобрительный свист, быстро догадался, что всё это время стоял задом к самым влиятельным и уважаемым лицам. Резко обернувшись, он увидел на подиуме конусообразный синий шатёр, в котором теснилась группа дорого одетых людей. Они оживлённо беседовали друг с другом и без интереса поглядывали на площадку, что была прямо перед их носами. По центру, почти у ближнего края, возвышалось два широких кресла, на которых под усиленной охраной восседали гордый король и утончённая принцесса. Вытянутая тринадцатилетняя Элизабет, облачённая в лёгкое белое платье, выглядела немного старше своего возраста. Её длинные, ничем не покрытые светлые локоны развевались на порывистом ветру, обнажая нежную шею, украшенную скромным жемчужным ожерельем. Её всемогущий отец, лет сорока на вид, был одет в коричневый камзол и такого же цвета плотные колготки. На его ногах красовались чёрные туфли с вытянутым носком, а на широком кожаном поясе висел позолоченный кинжал. Альберт был высоким бородатым брюнетом с небольшим лишним весом, придававшим ему солидности. Издали можно было

даже разглядеть его добродушные серые глаза и сияющую улыбку на устах.

С любопытством взглянув на других высоких особ под шатром, удивлённый селянин осознал, что многих женщин он уже знает. Задумавшись о возможной причастности к такой загадке Нильса, всё ещё заторможенный Томас вдруг опомнился: где-то рядом должен быть соперник! Громадный воин в сверкающих доспехах действительно всё это время снисходительно любовался им со стороны, предвкушая лёгкую победу.

Как и все туры, арбалетная дуэль была достаточно опасна. На животы соперников повесили красные мишени из трухлявого дерева, развели их по разным сторонам и выдали затупленные стрелы. Задача состояла в том, чтобы первым поразить мишень соперника трижды. При этом запрещалось двигаться и поворачиваться — ведь состязание было на скорость, меткость и смелость, которые были необходимы любому рыцарю в реальном бою.

Дребезжащая стрела с глухим толчком вонзилась в мишень на Томасе, вызвав радостный возглас жаждущих крови трибун, и, наконец, окончательно отрезвила селянина. И хотя первой стрелой он неожиданно промахнулся, чуть не пробив забрало соперника, все следующие выстрелы он выпустил точно в цель за мгновение до того, как сам получил последнюю стрелу. Это оказалось результатом нудных тренировок с охотником, да и не зря стрельба из лука была любимым развлечением селянина ещё в детстве. Под одобрительные возгласы зрителей судья в красных колготках объявил Томаса Юрга победителем и отправил

его обратно под трибу. Расстроенный же соперник, тяжело вздыхая и раздражённо скидывая мишень, побрёл к своим болельщикам, обескураженным таким быстрым поражением.

Вторую дуэль, также занявшую не больше минуты, вооружённый уже своим арбалетом селянин легко выиграл спустя некоторое время, завершая сим поединком первый тур. После длительного перерыва, необходимого высоким гостям для плотного обеда и отдыха, турнир продолжился долгожданной верховой дуэлью на копьях. Томасу и снаряжённому в броню Вектору достался модник в обшитых синей тканью доспехах, облачённый в такую же синюю накидку с вышитым гербом Парфагона по всей её площади. Под его седлом дёргался глуповатый гнедой жеребец в избыточно тяжёлой броне, которого всё время приходилось сдерживать со стороны противоположных трибун.

Судья дал команду, и воины с огромной скоростью помчались к центру площадки, выставив вперёд затупленные копья. Когда они поравнялись друг с другом, модник с громким хрустом сломал копьё селянина о свой панцирь и под охи зрителей столь же красиво, как его праздничное одеяние, скувырнулся с седла на песок. Благодаря тренировкам опытного Ричарда Томас вскоре так же легко одолел и следующего наездника в потёртых доспехах. Таким образом, одержав уже четыре победы к ряду, он вышел в финальный тур, где его ждали сражения на мечах.

Ожидая поединок с огромным, как скала, воином — действующим чемпионом, — который бросал угрожающие взгляды из-под забрала, Томас с

удивлением обнаружил, что поразительный Чёрный рыцарь тоже прошёл все туры. Это означало, что они могли встретиться в финале, если оба одолеют своих соперников. Ситуация сложилась достаточно необычная, и потому в королевском шатре назревал скандал. Едва ли не впервые в третьем туре присутствовали чужаки, нанеся удар по репутации и Академии, и Парфагона, и короля лично.

Наконец, оказавшись лицом к лицу с грозным соперником на глазах у бушующей толпы, Томас на этот раз не испытывал никого волнения. Опытный Нильс знал все секреты турнирного боя на мечах, поэтому огромные размеры и разъярённость полностью покрытого латами рыцаря казались большим подарком. Хотя чемпион, бесспорно, был сильнее и наверняка лучше владел клинком, перед селянином стояла задача лишь вытерпеть первые пару минут. Для этого следовало ловко уворачиваться от ударов, дёргая соперника и беспрерывно передвигаясь по тягучему песку по всей площадке.

Как и ожидалось, массивный рыцарь уже после нескольких бешеных атак быстро измотался и затем начал откровенно опускать меч всё ниже, став до смешного лёгкой добычей. Под смех зрителей, сокрушив звонким ударом дола по шлему и так еле стоявшего на ногах громилу, огорошенный Томас впервые осознал, что оказался всего в шаге от заветной цели. Волнение усилилось ещё больше, когда, уходя на отдых под трибуны, он столкнулся с шедшим навстречу Чёрным рыцарем, который невозмутимо надевал свой угловатый

шлем. Он был абсолютно сконцентрирован, не проявляя ни единой эмоции, будто и не был человеком вовсе.

Пытаясь отдышаться, задрожавший Томас старался сфокусироваться. Однако его разум не освобождала предательская мысль, что уже через несколько минут он сможет попросить самого короля о принятии в столь вожделенную Академию. Что тот скажет в ответ? Не казнят ли за такую дерзость?

Совершенно неожиданно селянина почти сразу же пригласили на выход. Выяснилось, что каким-то невероятным образом Чёрный рыцарь уже одолел своего могучего соперника, проткнув ему в шею, — и тому прямо на площадке пытались оказать помощь. На трибунах стоял недовольный гул, а в шатре бушевал обычно спокойный Альберт, понося отборными ругательствами всех своих приближённых — наконец, умолкших. Ни один действующий рыцарь не вышел в финал Королевского рыцарского турнира! Впервые титул и главный приз покинут непобедимый доселе Парфагон.

Пока медики помогали тяжело раненому воину, Томас подошёл к трибуне. Там ему на шею сразу бросилась растроганная Мария, которая в синем шёлке действительно смотрелась выигрышнее других девушек.

— Ты не травмирован? — вопрошающе смотрели на него огромные зелёные глаза. — Я в тебя верю!

— Думай только о бое! Иди отсюда! — рыкнул недовольный Нильс, толкая исступлённого Томаса обратно в центр Арены.

— Пытаюсь…

— Просто делай своё дело. Иди!

Тем временем окровавленного бедолагу унесли в сторону, а взволнованный судья, с опаской озираясь на шатёр, объявил начало финальной битвы, пригласив соперников к центру площадки. Под звук фанфар Томас невольно бросил взгляд на взбешённого короля, сотрясавшего воздух пухлыми кулаками, и в этот же момент получил скользящий удар по забралу. Еле увернувшись от нового удара, он попытался применить тактику утомления, что так хорошо удалась ему в полуфинале. Но именно это решение стало фатальной ошибкой.

Все три месяца Томас усиленно готовился к боям с огромными рыцарями и потому хорошо выучил все их слабости и повадки. Однако сейчас перед ним мельтешил гораздо более лёгкий и выносливый соперник, нежели любой настоящий воин Академии. Чёрные доспехи и накидка без устали мелькали в щелях забрала селянина то слева, то справа: сын торговца умело наносил бесконечные удары и заставлял интенсивно двигаться по вязкому песку.

Неожиданные проблемы усугубились предчувствием скорого поражения — в голове изнеможённого Томаса уже ничего другого не осталось. А ведь опытный Нильс с самого начала твердил, что стоит дать хоть небольшую слабину, как ты проиграешь. Вместо отчаянного сражения, пользуясь своими размерами и силой, деревенщина витал в облаках, слишком много думая и переживая. В отличие от холодного и потрясающе целеустремлённого соперника, наносящего всё больше точных ударов.

Полностью выдохшись, уже наугад махая мечом из последних сил и ничего не видя перед затуманенным взором, Томас вдруг почувствовал нестерпимо боль с правой стороны поясницы. В глазах внезапно помутнело, время остановилось, и он непроизвольно обмяк. Упав на колени, он услышал пронзительный звон в ушах на фоне поглотившей его существо кромешной тьмы.

Через несколько мгновений голова вновь разорвалась ором трибун и отчаянным криком Марии где-то вдалеке. Опустившись на колени ещё ниже, опустошённый Томас сквозь пелену увидел, как к нему пытались прорваться его близкие, но их сдерживала многочисленная охрана Арены. А напротив него возвышался Чёрный рыцарь, равнодушно вытирая меч окровавленным платком.

Жизнь потеряла для Томаса всякий смысл: он проиграл турнир, все его наивные мечты снова сгорели дотла, все усилия оказались напрасны, он не вернётся в Парфагон, не поступит в Академию, Ирэн не будет спасена, а мутантам некому будет отомстить.

Тщательно протерев окровавленное оружие, Чёрный рыцарь убрал платок в карман под грудным щитом, и оттуда что-то блеснуло. Нечто похожее на лезвие! Это немного отрезвило Томаса, ведь судьи жёстко следили за амуницией, и потому никаких дополнительных вооружений на площадке Арены не могло быть. Селянин быстро понял, что никто и не мог увидеть этот утаённый кинжал ввиду его хитрого местоположения.

Медики всё ещё напряжённо копошились с предыдущей жертвой непобедимого чужака, которая с хрипом и конвульсиями покидала этот мир. По этой причине скомканная процедура награждения началась

прямо при одиноко истекавшем кровью Томасе. Однако молодой человек перестал чувствовать боль, заподозрив неладное. Не отрывая глаз, он внимательно наблюдал за незнакомцем в чёрной броне.

Тем временем у победителя забрали меч и грубо потащили в сторону шатра. Как бы невзначай Томас привстал и тоже сделал несколько шагов в сторону подиума, приблизившись, насколько это возможно. Затем он снова упал на колени и закряхтел, когда стражи раздражённо оглянулись на него.

— Ваше величество, — глубоко наклонился Чёрный рыцарь, снимая шипованный шлем, оголивший смолистые волосы и решительное лицо с гордым орлиным носом.

— Я поражён! — воскликнул Альберт, пребывая в полном бешенстве. — Кто ты, твою мать?

— Сын простого торговца.

— Что?! Какого ещё торговца? Ты одолел моих лучших рыцарей! Невероятно! Забирай своё золото и убирайся к чертям собачьим!

— Но я хотел бы воспользоваться другой наградой.

Королевский шатёр ахнул, и судья интригующе объявил умолкшим зрителям:

— Победитель отказался от ста золотых монет!

— Ты хочешь у меня что-то попросить? — удивился Альберт. — Нонсенс! И что же это?

— Всего один поцелуй руки вашей изумительной дочери, —глядя в испуганные глаза короля, невозмутимо отчеканил незнакомец, отчего вся многотысячная Арена окончательно затихла. И только хрупкая, голубоглазая и белокожая Элизабет — самое светлое и заметное пятно во

всей этой бессмысленной кутерьме — не повела и бровью. Она безучастно наблюдала за происходившим, которое словно вовсе не касалось ни её, ни отца, ни вообще кого бы то ни было в этом бренном мире.

Изначально замутнённое сознание селянина без толики сомнения уверовало, что подлый Чёрный рыцарь замыслил коварное покушение на любимого короля. На кого же ещё? Но это оказалось не так! Зачем ему понадобилась ничего не решающая в этом мире девочка? А может, обессиленный Томас просто начал бредить, и никакого покушения вовсе нет? Тогда зачем этому странному незнакомцу кинжал и поцелуй руки Элизабет?

Так или иначе, пока все были отвлечены чужаком, селянин стал медленно подползать к подиуму, ощущая, как прилив крови обжигает лицо.

— И всё? — тихо произнёс взмокший Альберт.

— Да.

— Лишь один поцелуй? Ты не шутишь?

— Один невинный поцелуй руки, и я сразу покину Парфагон.

Будто в чём-то сомневаясь, задумчивый Альберт медленно почесал голову. Он неуверенно посмотрел на дочь, а затем с ног до головы оглядел нового чемпиона в черных доспехах самой дорогой и качественной отделки. Сам же незнакомец пристально и хладнокровно смотрел только на невозмутимую принцессу.

— Что ж... Хорошо. Элизабет? — несколько боязливо обратился Альберт к дочери, будто от него теперь уже ничто не зависело.

Выдержав паузу, принцесса подняла тоненькую ручку, а затем неспешно протянула её в сторону смелого незнакомца. Тот сделал шаг ближе, взял её в свою загорелую ладонь с длинными пальцами и наклонился для поцелуя. Словно для удобства, он придержал грудной щит доспехов снизу — как раз там, где Томас заметил блеск металла.

Для всех присутствовавших в синем шатре следующий короткий миг вместил столько событий, что никто из них никогда бы не сказал, что это случилось столь молниеносно. Почувствовав критический момент, Томас сквозь нечеловеческую боль в боку сделал два быстрых прыжка и бросился в сторону чужака. Тот, в свою очередь, одной рукой резко придвинул вскрикнувшую принцессу ближе к себе, а второй, уже вооружённой кинжалом, замахнулся нанести ей смертельный удар точно в шею. Однако тяжёлое тело селянина со звоном доспехов сбило его с ног, и лезвие лишь кротко лизнуло мраморное плечико Элизабет. В этот момент проснулась охрана, и под охи трибун разъярённые рыцари засверкали кинжалами меж лат обездвиженного преступника, чьи мычания быстро захлебнулись в крови.

— Агент Арогдора! — раздавалось со всех сторон.

— Бей его!

— Ещё! Ещё!

Под шатром закрутилась лихая паника, но побагровевший Альберт не растерялся и быстро взял ситуацию под контроль. Он приказал немедленно увести прочь забрызганную кровью Элизабет, а затем грозно попросил всех умолкнуть. Истошные крики на трибунах тоже приутихли, ибо умиравшие от любопытства зрители

пытались расслышать хоть что-то из происходящего на подиуме.

В это время два рыцаря подхватили под руки обмякшего Томаса и подняли его на непослушные ноги. Теперь он впервые в жизни так близко лицезрел короля, пока другие воины уносили испуганную девушку.

— Напомни: кто ты? — обратился Альберт к еле живому спасителю дочери.

— Томас Юрг.

— Не тот ли самый, которого Дор подобрал?

— Да, это я…

— Турнир ты не выиграл, подчёркиваю: не выиграл! Но, по понятным причинам, можешь просить что хочешь. Я твой должник.

— Я хочу... — пытался не потерять сознание взволнованный Томас, но тело и язык уже не слушались его, а в глазах потемнело. — Мне...

— Ваше величество, он хочет вернуть статус гражданина Парфагона и учиться в Рыцарской академии, несмотря на наши законы, — вдруг мягко произнёс невысокий мужчина в сером балахоне, поправляя свою стянутую смолистую косу. Его вкрадчивый голос и мудрый взгляд округлого лица с плоским носом, казалось, мгновенно умиротворили весь шатёр, включая короля. Это был канцлер Питер Калица.

Глава 4. Встреча старых друзей

Пять лет в Рыцарской академии прошли для Томаса незаметно ввиду высокой интенсивности обучения и почти полного отсутствия свободного времени. Будущих воинов продолжали просвещать секретам мутации через фазу, чтобы они достигли и закрепили нужные размеры и силу, а также с утра до обеда тренировали верховой езде и владению всеми типами оружия. Вторую половину

дня их обучали общей военной теории, тактике набегов мутантов, биографии известных рыцарей и истории всех крупных сражений Селеции. Молодые мужчины получали так много знаний, что в случае необходимости могли достойно пройти все ступени службы. Начинали они с рядового, а потом за выслугу или подвиги получали офицерские звания центуриона, трибуна и вплоть до легата.

Пока бывший селянин постигал премудрости военного дела, общая ситуация в подконтрольных Парфагону территориях постоянно ухудшалась. В некогда счастливом королевстве настали неблагополучные времена, из-за чего в Академию брали всё больше выпускников Школы, значительно сокращая программу их обучения. Набеги мутантов на приграничные территории стали нормой, что вызвало растущее недовольство населения, хотя мастерство рыцарей, стратегия короля и его канцлера не имели к этому отношения. Такое удручающее положение вызвала возросшая активность самой армии Арогдора, которая всё чаще спускалась с вулкана и действовала всё более изощрёнными методами.

Нильс Дор, дослужившись до звания легата и поста главнокомандующего Королевской рыцарской армии, теперь носил позолоченные доспехи и практически не появлялся дома. Вместе с белокурым другом — трибуном Фейном — он отражал бесчисленные атаки озверевших мутантов и латал бреши в ослабевавшей с каждым днём обороне. Дома его по-прежнему ждала сестра Маргарита, которая последнее время всё больше жалела о выбранной Нильсом и Томасом рыцарской

стезе, ведь защитники отечества стали гибнуть гораздо чаще, чем раньше. С другой стороны, женщине жилось спокойнее, зная, что за безопасность Парфагона отвечал такой доблестный человек, как её смелый и опытный брат.

И вот в прохладном марте 966 года настало время торжественного принятия в рыцари двадцатитрёхлетнего курсанта Томаса Юрга и его товарищей по потоку, включая Алена Оспэ, чей отец недавно погиб на войне. К этому моменту оба друга нарастили максимально разрешённые рост и массу, обретя все необходимые навыки и с отличием изучив военное дело.

Церемония проходила на Арене, где при полных трибунах Альберт Третий вручал каждому выпускнику долгожданные именные мечи. Молодые люди по очереди вставали перед ним на одно колено, сверкая начищенными доспехами и синей накидкой, а он по-отечески клал им руку на голову:

— Сердце и душа Парфагона в твоих руках, сын, — торжественно произнёс король, протягивая отполированный клинок с рукоятью из синей кожи в руки губастого шатена с волосами до плеч и зелёно-карим взором. — Объявляю тебя рыцарем!

— Клянусь служить короне и Парфагону до последней капли крови! — дрожа от волнения, прокричал своим басом Томас, всю жизнь мечтавший об этой минуте. — Да здравствует король!

— Да здравствует Парфагон! — ответила многотысячная толпа.

Воин поцеловал холодный дол и украдкой бросил взгляд на принцессу Элизабет, скучающую чуть позади

своего отца. Со времён судьбоносного для бывшего селянина турнира её стало практически невозможно где-либо увидеть.

Семнадцатилетняя девушка ещё больше вытянулась и окончательно обрела взрослые черты, которые лишь усугубили её и без того ослепительную внешность. Как и раньше, она безучастно наблюдала за суетой вокруг своими огромными голубыми очами, застывшими над маленьким носиком и приоткрытым ротиком, словно высеченными гениальным скульптором из белого мрамора. Только ветер выдавал, что она живая и настоящая, легонько колыхая её длинные белокурые локоны и такое же светлое тоненькое платьице на худом тельце, на котором сияло ожерелье из жемчуга.

Такую же процедуру прошли все сто три новоиспечённых рыцаря, включая тех, кто прошёл ускоренную программу подготовки. Этого было катастрофически мало в связи со сложившейся ситуацией, но все ждали, что мутанты Эйзенберга вот-вот истратят запас сил, и вернутся прежние спокойные времена. Пока же положение было столь тяжёлым, что по совету канцлера было решено отменить традиционный пир и Королевский бал в честь новоиспечённых воинов. Завершая церемонию, на Арене выступили лишь певцы с как всегда скучными и глупыми патриотическими песнями, а затем все дружно разошлись по домам. Самих же защитников отечества ждало скорое распределение по обескровленным гарнизонам.

К вечеру в город вернулся Нильс Дор, который после ряда встреч в замке и Академии пришёл домой и во

время семейного ужина наконец смог поздравить выпускника:

— Эх, молодец! Вовремя ты осуществил свою мечту, Томас. Сейчас нам как никогда нужны лучшие из лучших, — пробубнил уставший легат, одним разом оставляя во рту сразу всю мякоть жареной куриной голени. — Думаю отправить тебя на практику в Башню самовыражения, а уже потом, эдак через полгодика, — ближе к вулкану.

— Не рано ему? — переживала Маргарита.

— Самый раз!

— Я могу поехать с ним? — с надеждой спросила Мария, облачённая в очередное платье в цветочек и ставшая за последние годы неотъемлемой частью семьи легата, редко покидая его дом. Она надеялась, что её жениха оставят во внутреннем гарнизоне Парфагона, и потому неприятно удивилась словам Нильса.

— Что ты! — вмешался в разговор новоиспечённый рыцарь. — Рядовым нельзя брать с собой женщин. И самое безопасное для тебя сейчас — это оставаться внутри Стены.

— Что правда, то правда, — заглатывая очередную куриную голень, подмигнул Нильс.

— И долго мне снова ждать?

Мария, опустив зелёные глаза, затеребила пухлыми пальчиками толстую косу. В её мечтах уже давно колыхались белое платье и статус жены рыцаря. Томас все эти годы обещал дождаться выпуска Академии, но теперь свадьба вновь переносилась на неопределённый срок.

— Недолго. Я вернусь, и мы всё сразу организуем, — лишь смог пообещать жених, обняв невесту за круглое плечо и поцеловав в такую родную щёчку с ямочкой.

— Точно, любимый?

— Мария, — прервала воркование парочки Маргарита, — ты теперь невеста военного. Не строй иллюзий. Самое главное, что тебе понадобится, — это терпение.

— Много терпения, — добавил Нильс. — Очень много.

Девушке оставалось лишь тяжело вздохнуть и обнять Томаса, занятого едой и какими-то своими мыслями. В конце концов, она и так всё время чего-то ждала на всех этапах отношений с ним и, вероятно, будет ждать даже после свадьбы. Маргарита была права: оставалось только смириться и просто жить сегодняшним днём.

Вдруг без стука скрипнула парадная дверь, и послышались быстрые грузные шаги. В столовую ворвался взволнованный и запыхавшийся Ричард, отчего за столом все замерли, вопросительно смотря на него. Они без слов поняли, что произошло очередное вторжение, поскольку привыкли к таким визитам за последний год. Вопрос был лишь в том, насколько срочно нужно было выдвигаться и куда именно. Зарыдавшая Мария кинулась на шею Томасу, понимая, что его тоже рано или поздно ждёт первый боевой опыт, после которого он может и не вернуться.

***

Возникла более чем нестандартная ситуация: мутанты впервые в истории и при этом сразу успешно атаковали славный город Новый Альберт, мирно обживавший берега едва ли не в самом безопасном краю Селеции.

Причём сделали они это с моря, что также казалось невозможным, поскольку арогдорцы не имели технологий для построения морского флота, ибо их инженерия существовала в зачаточном виде. Стратегия людей Эйзенберга всегда была до смешного проста: мутировать как можно сильнее и атаковать противника в лоб.

Уже на следующее утро после трагических новостей главнокомандующий и его приёмный сын впервые вместе вышли в боевой поход. Для опытного Нильса, несмотря на необычность ситуации, происходившее всё равно являлось рутиной. Даже сама нестандартность очередного кровожадного набега нисколько его не удивляла — ведь мутанты давно проявляли невиданный ранее творческий подход. Ещё несколько лет назад это были тупые набеги напролом, на что и была рассчитана примитивная система обороны Парфагона. А теперь они находили всё более и более изощрённые способы нанести урон королевству и выгрести из него максимум ресурсов. Причём по некой загадочной причине они перестали увозить с собой детей, без которых раньше не могли полноценно существовать. Врываясь в населённый пункт, они теперь просто вырезали абсолютно всех, кто не скрылся.

А вот у возмужавшего Томаса, несмотря на скорую смертельную опасность, настроение было праздничным. Вместо отправки в одну из Башен, которые могли без боевых действий скучать месяцами и даже годами, Нильс всё же прикрепил его к своему штабу и взял в Новый Альберт. Сияющий рыцарь был бесконечно уверен в своих собственных силах и непобедимости армии

Парфагона, и потому за свою жизнь совершенно не переживал. Зато в его горячей крови бурлила вот-вот осуществимая мечта собственными руками перерезать горло первому несчастному мутанту. А потом второму, третьему и ещё сотням других, пока эти подлые твари не сгинут все до единого! Ужасающая картина окровавленного погреба в доме кузнеца Макса Ланка стояла перед его взором так ярко и чётко, как будто это произошло вчера.

Десятитысячный Новый Альберт был назван в честь его основателя Альберта Второго — отца нынешнего короля — и находился на юго-западной окраине Селеции. Это был милый город-порт, расположенный на узком полуострове в раздвоенной бухте, выходившей в открытое море. Он был единственным городом, в который из столицы можно было добраться не только по суше, но и по воде. Река Тихая, бравшая истоки в неприступных Яртинских горах на юго-востоке, ровным руслом проходила рядом с Парфагоном, а потом, через сотню миль, сливалась с глубокой бухтой Нового Альберта.

Лучшие столичные гонцы посуху и на самых выносливых скакунах могли добраться в атакованный город всего за одни сутки. Однако массивным рыцарям с их тяжёлым снаряжением требовалось два, а то и три дня, чтобы преодолеть такое расстояние даже на их натренированных конях. По этой причине Нильс решил существенно сократить путь и воспользоваться торговыми судами, которые позволяли добраться минимум в два раза быстрее. Для этого ему потребовалось разбудить Питера Калицу и выбить из него разрешение на конфискацию всех галер в порту,

чтобы уже через день доставить на них в пострадавший район три центурии из Первой когорты. В то же время обозы тыловой поддержки с провиантом и запасной амуницией были сразу отправлены сушей, чтобы прибыть на сутки позже основных войск.

Хотя численность выдвинувшихся войск казалась небольшой — около трёхсот рыцарей, — их реальная мощь соответствовала тысячам обычных воинов или порядка полтысячи четырёхруких мутантов. Снабжение такой группировки требовало особого отношения и всегда было хорошо обеспечено. В этом и состояло одно из главных отличий армий Парфагона и Арогдора. Спускавшиеся с вулкана мутанты мало полагались на тыловую поддержку, больше используя обозы для вывоза награбленных ресурсов, ими же подкрепляясь в пути. Практически единственным исключением был всё ещё живой генерал Айвор Джавер, который никогда не забывал о своём личном комфорте во время вылазок.

Медленно проплыв бесконечные вспаханные поля юго-запада Селеции, одна большая, а также десять средних и малых торговых галер ранним утром приблизились к обширному устью, где ленивая река сливалась с морем в северной бухте Нового Альберта. Проснувшись в тесном кубрике по сигналу оглушающего горна, Томас раньше всех влез в холодные доспехи и затем прямо на усыпанной вёслами и зевающими гребцами палубе оседлал откормленного Вектора. За бортом штабной галеры на двадцать одну пару вёсел виднелись красивые белые здания на холмах, над которыми то тут, то там тянулись в небо тощие столбцы от затухавших пожаров. Под раздражающие крики чаек и протяжный скрип

единственной мачты Томас с нетерпением ждал высадки, дабы немедля начать спасение горожан.

— Куда собрался? — услышал он спокойный голос Нильса, подошедшего в расстёгнутой льняной рубахе и с кружкой горячего молока. — Только насмешил всех.

— Почему?!

— Первыми высадятся самые опытные.

— А когда наша очередь?

— Не забывай: ты пока при штабе. Легат берёт оружие только в самой отчаянной ситуации. Обычно это означает поражение и позор.

— Тогда переведи меня в другие подразделения!

— Успокойся. Успеешь ещё, — раздражённо кинул рыцарь, отхлебнув молока, и совершенно спокойно побрёл по своим делам. Казалось, предстоял не бой с мутантами, а свидание с очередной бесстыжей подружкой.

— Нильс, чёрт тебя побери! — лишь оставалось выругаться сбитому с толку Томасу, наблюдая, как первые суда швартуются в пригороде, готовясь к атаке с тыла.

В это время на трухлявой и накренившейся галере, что самой первой неторопливо подкрадывалась к центральной пристани, ожидали высадки три дюжины воинов. Их возглавлял трибун Ричард Фейн, чьи длинные волосы развевались из-под шлема, а сконцентрированный голубой взгляд внимательно изучал опустошённые окрестности. Подплывая к безмолвному берегу в утреннем бризе, он обнаружил типичные следы поджогов и разрушений, которые оставляют после себя арогдорцы. От многих рыбацких и

торговых судов остались лишь торчащие из воды обугленные останки. На набережной и прилегавших к ней улочках пухли многочисленные трупы местных жителей. Среди них виднелись изуродованные тела состава местного гарнизона. Очевидно, рыцари первыми встретили противника в неравном бою и сражались до последнего. Где-то в глубине окровавленного города всё ещё раздавались истошные крики, но Ричард сразу понял, что они в очередной раз опоздали.

Высадившись на пристань, трибун приказ провести разведку ближайших кварталов. К моменту, когда подошли основные силы, он уверенно владел общей ситуацией и немедленно доложил её Нильсу, уже облачённому в позолоченные доспехи с сияющим золотым жетоном на груди. Затем Ричард взял дюжину воинов и лично поскакал по узкому переулку вверх на пригорок, откуда начиналась кольцевая улица вокруг центрального холма Нового Альберта.

В самом дальнем конце дороги, по всему пути окружённой прекрасными двух- и трёхэтажными белыми строениями, многие из которых были обуглены, разгорячённые рыцари наткнулись на небольшую группу пеших мутантов. Те выпустили в парфагонцев стрелы, ранив одного в ногу, и тут же трусливо спрятались в ближайшем дворе. Ричард немедля приказал убрать арбалеты, взять в руки мечи и затем с жутким криком кинулся следом за четырёхрукими гостями. Другие защитники короны тут же ринулись следом и начали безжалостно рубить противника. Они умело вонзали лезвия меж наращённой брони и ловко уклонялись от свистящих над головами топоров. Высоченные

арогдорцы, хотя и до безумия ожесточённо сопротивлялись, оказались заперты на небольшой территории, тем самым став лёгкой добычей для полных злости рыцарей.

В результате скоротечного боя Ричард и три рыцаря получили ранения. Погибли ещё столько же храбрых сынов Парфагона, в то время как расчленённых трупов мутантов насчитали шесть. Но даже эта небольшая, заблудившаяся и затем умело уничтоженная группа противника была весьма ощутимым достижением. Учитывая её мощь, она равнялась целой сотне воинов из обычных людей. При этом вся армия Арогдора обычно насчитывала от двух до трёх тысяч мутантов.

После полудня рыцари собрались за длинным обеденным столом, накрытым сразу для всех трёх центурий. Его установили прямо на залитой солнцем и криком чаек центральной набережной, зачищенной от смердящих тел местными жителями, которые едва вернулись из укрытий. Горожане впервые столкнулись с такой бедой и ещё не знали, благодарить им или проклинать опоздавшую армию.

— Молодец, — хвалил Нильс своего друга, похлопывая по его раненому плечу и прожёвывая лепёшку, — не растерял сноровку на офицерском пайке!

— Есть у меня один учитель...

— Откуда ж эти твари взяли такие хорошие суда?

— Сам догадайся. Важнее то, куда они уплыли дальше.

— Куда угодно, приятель.

— Что будете делать? — поинтересовался Томас, впервые в жизни наблюдая, как реальное противоборство

с мутантами выглядит изнутри, а не на нудных занятиях в Академии.

— Я приказал увеличить гарнизоны Города заката и Ярты. Надеюсь, их интересуют только крупные города, иначе мы не в состоянии защитить всю береговую линию.

— Подмога всё равно не успеет... Что говорят местные? — поглаживая свою кровоточившую рану, спросил Ричард.

— С криком «Виват, Арогдор!» высадились с четырёх галер, внезапно выплыв из ночной мглы. Вроде ненамного больше сотни. Все пешие. А дальше — как обычно.

Выяснилось, что жителям Нового Альберта ещё повезло: многие из них успели благополучно скрыться в ближайшем лесу, поскольку мутанты не стали перекрывать узкий полуостров между бухтами, на котором стояло поселение. В самом городе арогдорцы бесчинствовали всего один день. Хотя они пытались нанести максимальный урон, каменный город не так уж и сильно пострадал, как все ожидали. Правда, четырёхрукие твари успели практически полностью разграбить склады. Видимо, это было их главной целью.

Восстановив и усилив состав гарнизона, армия уже собиралась покинуть Новый Альберт, как вдруг, словно гром среди ясного неба, запыхавшийся гонец принёс новые огорчения. Оказывается, практически одновременно с морской атакой на Новый Альберт началось невероятно массированное наступление по всему востоку королевства. Поскольку эти места находятся значительно дальше от Парфагона, чем рыбацкий город-порт, весть о вторжении пришла в

столицу сразу же после того, как ушла последняя галера с рыцарями. И хотя вдогонку немедленно отправили гонца, он всё равно не смог догнать флотилию, как ни старался.

Объявив скорое отбытие флота, Нильс снарядил свежего гонца с приказом отправить часть Второй когорты на помощь округу города Звёздного, если это ещё не было сделано. Наблюдая за всем этим хаосом, Томас пришёл к досадному выводу, что ему придётся распрощаться с романтическими представлениями о войне. Вместо бравых сражений и весёлого отдыха между ними, ему следовало готовиться к постоянным изнуряющим переходам. Этому и учили в Академии, но он всё время надеялся, что это было глупое преувеличение.

***

К вечеру следующего дня Первая когорта вернулась в тревожный Парфагон, преодолев обратный путь против течения, но благодаря попутному ветру и изморённым гребцам. Уже на следующее утро, заменив войска свежей Второй когортой, главнокомандующий выдвинулся в трёхдневный бросок. Ему нужно было добраться до озера Звёздное и одноимённого города на его берегу, путь к которым лежал на северо-восток через Салеп и Башню самовыражения. По преданию, водоём с романтическим названием образовался в незапамятные времена от падения яркой звезды, пробившей земную твердь до самого её основания.

Опытный легат понимал, что к его приходу, а это более чем через неделю после начала массированной атаки, проворные мутанты уже покинут разорённую

территорию. Их должны были выбить подоспевшие гарнизоны Башни самовыражения, Башни потребности и Башни безопасности, а также воины самого города Звёздного. На горе Томаса, совершенно не стояла задача атаковать врага. Командующему нужно было лишь привести с собой свежий резерв и выявить промахи в системе обороны, которые привели к столь масштабному провалу.

Ночью, пока Нильс находился в Парфагоне, ему пришлось вытерпеть массу оскорблений и угроз со стороны взбешённого короля, однако существовавшая система не давала возможности действовать эффективнее. Конечно, зная всю подноготную противоборства двух городов, рассудительный Нильс имел определённые мысли о том, как можно было одолеть сумасбродного предводителя Арогдора раз и навсегда. Но всё это не вписывалось в дозволенные правила и потому начисто отвергалось как Альбертом, так и Калицей.

Монстроподобная армия Эйзенберга почти полностью сосредоточивалась в кратере вулкана или охраняла труднодоступные ущелья на подступах к нему. В это же время доблестные войска Парфагона были уязвимо рассредоточены по всей контролируемой им территории. Именно такой расклад сил позволял мутантам действовать эффективно, направляя концентрированные силы в многочисленные бреши обороны королевства.

Когда-то давным-давно в бесконечном море вдруг забурлила и зашипела вода, превратившись в обжигающий кипяток, и из неё вырвался стремительно растущий вулкан. Извергая реки огненной лавы, которая

стекала преимущественно с его южных склонов, он образовал обширную землю к югу, окончательно сформировав облик новорождённой Селеции.

Спустя тысячелетия у затухшего и обвалившегося внутрь себя вулкана первые люди насчитали десять основных ущелий с шумными ледяными реками. Издревле было принято именовать их числом, начиная с самой северной Первой реки. Следующая, чуть более восточная река, называлась Второй и так далее до самой последней Десятой реки с северо-запада. Южные ущелья, по которым спускались извилистые Третья, Четвёртая, Пятая и Шестая реки, в конечном итоге формировали живительные водные потоки по всей средней Селеции, обжитой подданными Парфагона. А вот с северной стороны вулкана не было ничего, кроме опасных ущелий, горных рек и уходивших далеко в море обрывистых скал.

Чтобы сдерживать вечно голодных мутантов, армия Парфагона соорудила четыре сторожевых укрепления у подножия вулкана: Башню потребности — у Третьей реки, Башню безопасности — у Четвёртой, Башню причастности — у Пятой и Башню признания — у Шестой реки. Последняя из них находилась на крайнем западе, недалёко от Города заката — самого независимого поселения королевства. Дополнительные укрепления — Башня самовыражения и Башня совершенства — были сооружены значительно южнее и прикрывали проходы в менее защищённые территории. Через них проходили западная и восточная дороги на Салеп, которые в нём сливались и далее вели к Северным воротам Парфагона.

Не считая обслуживающего люда, в Башнях служило по сотне, то есть по целой центурии рыцарей. Такая мощь позволяла гарнизонам в одиночку отбить набег до полутысячи мутантов. В крупнейших городах — Салепе, Новом Альберте, Звёздном, Ярте и Городе заката — находилось от двух до пяти дюжин рыцарей. Они следили за порядком и могли, в случае необходимости, героически сложить головы, сдерживая первую волну вторжения. В итоге около восьмисот рыцарей охраняли подконтрольные королю земли, и ещё две огромные когорты, общей численностью около семисот удалых бойцов, всегда оберегали Парфагон. Вся эта система века напролёт слаженно работала, но в последнее время начала давать болезненные сбои, словно мутанты внезапно поумнели.

На исходе второго дня утомлённые дорогой войска Нильса Дора прошли мимо Башни самовыражения и стали всё чаще натыкаться на выжженные дотла селения и изуродованные трупы их жителей. Гарнизон самой Башни особых потерь не имел, поскольку мутанты редко решались атаковать столь неприступные укрепления. Поэтому рыцарям оставалось всё это время выискивать рассредоточенные группы противника и его ресурсные обозы в глубине потревоженной территории.

К очередному разочарованию Томаса, главные войска действительно прибыли слишком поздно и могли лишь беспомощно наблюдать последствия одного из крупнейших набегов за последний век. Его сравнить можно было разве что с бойней под Салепом восемнадцать лет назад, когда под угрозой едва не оказалась сама столица. На этот раз, спустившись под

покровом ночи у восточных Башни потребности и Башни безопасности, сотни мутантов прошлись широким фронтом строго на юг. Обогнув с двух сторон озеро Звёздное, одноимённые город и реку, они за пять дней почти добрались до Яртинских гор. Теперь же, сытые и уставшие, арогдорцы беспорядочно возвращались домой, охраняя ломящиеся от добычи ресурсные обозы. За время рейда они успешно разграбили сотни небольших селений и фермерских хозяйств, нанеся колоссальный урон благополучию Парфагона и авторитету короля.

Наконец, войдя в Звёздный и окунувшись в его сельский запах сена и навоза, войска обнаружили одноэтажный город почти нетронутым. И хотя в некоторых кварталах всё же виднелись обугленные здания, такого кровавого месива, как в Новом Альберте, этому провинциальному поселению удалось избежать. Оглядевшись, штабные рыцари собрались на покрытой брусчаткой площади, окружённой опустевшим рынком, чуть подпалённой ратушей, а также серой казармой местного гарнизона.

Вскоре к ним доковылял облачённый в помятые доспехи хмурый комендант. Он бросался в глаза необычно широкими плечами и хищным взором на израненном лице:

— Да здравствует король!

— Да здравствует Парфагон!

— Приветствую, легат Дор!

— Подсчитали потери?

— В городе и трёх гарнизонах Башен — около пятидесяти рыцарей.

— Сколько?! — не выдержал Томас, осознав, что это почти половина ежегодного выпуска Академии.

— Полсотни.

— Противник? — продолжил Нильс, укоризненно взглянув на сына.

— Трудно сказать... Полагаю, не меньше двухсот голов. Вылавливали по лесам, как крыс в амбаре.

— Мирное население?

— Многие спаслись, но склады опустошены.

— Похоже, у них там снова голод, — предположил Ричард.

Томас никак не мог поверить, что уже больше недели не мог добраться ни до одного мутанта и лишь со стороны наблюдал последствия их страшных умыслов. Покрутив в руках потёртую карту Селеции и спрятав её за пазуху, он с надеждой обратился к Нильсу:

— Так и будем в догонялки играть?

— Что-то мне подсказывает, это далеко не всё, приятель. Судя по всему, Джаверу наскучила жизнь в проклятом кратере.

— Кровожадная тварь! — громко выругался и смачно харкнул Ричард. — Что с ним случилось?

От одного имени неуловимого генерала у Томаса затряслись руки, крепко сжавшие синюю рукоять новенького меча, а сощурившиеся глаза налились кровью. Он живо представил, что совсем недавно этот проклятый монстр был где-то рядом, проходил по этим же истоптанным дорогам, видел эти же распускающиеся деревья — как близко была месть!

Было решено благоразумно остаться на несколько дней в Звёздном, чтобы хорошо отдохнуть и тщательно

обдумать план дальнейших действий. Хотя сам город был не примечателен — по большому счёту, огромная деревня, — его главным достоянием являлось удивительное озеро — безмерно глубокое, словно море, и невероятно круглое, как полная луна. Наполняемое холодными потоками с Яртинских, оно было такое обширное, что на пеший обход требовалось несколько дней. Стоя на рыбацкой пристани и любуясь этой красотой, Томас невольно вспомнил Марию, которая наверняка была бы не против провести здесь недельку.

Сама девушка в это же самое время не находила себе места от волнения и, чтобы легче пережить расставание с любимым, окончательно переехала в его комнату в доме Доров. Маргарита оказалась этому только рада — ей самой было тяжко слышать те страшные вести, которые с ужасающим постоянством приходили то с одного, то с другого края королевства.

А дурные новости действительно не прекращались. В то самое время, когда Томас вместе со своим приёмным отцом прибыли в Звёздный, вездесущий Джавер зашёл с моря в Ярту. Город был жемчужиной королевства, окружённый с севера красивейшими и абсолютно неприступными горами, а с юга — бирюзовым заливом. Уникальное расположение создавало в нём особенный климат, благодаря чему его украшали коренастые пальмы, а золотистые пляжи позволяли нежиться на себе круглый год. В окрестных чащах даже обитали стаи обезьян, частенько пугавших местных жителей на помойках окраин. Как считалось, именно в Ярте жили самые счастливые люди, пусть они и не имели многих благ столичного Парфагона.

Но суть заключалась в другом: Джавер не просто дерзко напал на этот уютный город, сроду не видавший войн, и не только разграбил его, как этого можно было ожидать, но и неожиданно засел в нём. Он будто собирался навеки оторвать от Парфагона эту лакомую землю.

Подданные короля Альберта Третьего были буквально ошеломлены произошедшим, поскольку такой непомерной наглости мутанты ранее себе не позволяли. Мало того, плохая новость состояла и в том, что Ярта сама по себе была крайне труднодоступной природной крепостью, которая находилась непомерно далеко от регулярных войск. Отбить её у неприятеля было совсем непросто.

На фоне всеобщего шока, а также витавшего в воздухе, словно зараза, предчувствия чего-то совсем нехорошего, только один Томас радовался новым обстоятельствам. Как ему казалось, у него впервые появился реальный шанс не только активно поучаствовать в сражении с настоящими мутантами, но и попробовать добраться до самого Джавера. Он даже с трудом мог поверить, что ожидаемая всю жизнь развязка могла случиться так скоро.

И действительно, после мучительных раздумий и напряжённых споров с офицерами Нильс Дор решил действовать наверняка. Уже много раз у него был шанс добраться до главного врага своей жизни, но каждый раз проклятому Джаверу каким-то сверхъестественным чутьём удавалось почувствовать опасность и выбраться из самых хитрых ловушек. Теперь же, взяв с собой две центурии лучших рыцарей, главнокомандующий решил

по лесным тропам срезать путь от озера Звёздного к восточному берегу. Там проходила дорога, которая огибала Селецию от Башни потребности у склона вулкана до Ярты на юге. Добравшись до захваченного города, он искренне надеялся, что долгая история противостояния всё же закончится. Выбранный путь должен был занять порядка недели, и оставалось только молиться всем богам, чтобы враг за это время не сменил планы и сидел на месте.

Помимо всего прочего, Нильс отправил Ричарда с гонцами в Парфагон, чтобы тот взял под командование две центурии и зашёл в Ярту с запада. Также трибун должен был отобрать три самых крепких торговых галеры и, погрузив в них ещё одну центурию, отправить её следом по реке и морю. Этот ход должен был окончательно захлопнуть ловушку для обнаглевшего противника. Ранее считалось, что в военном флоте не было необходимости: реальные доступы к Арогдору были только через сушу, а отсталые мутанты не могли построить себе даже хилой униремы. Поэтому парфагонцы уже целые поколения не проводили морских операций, но на этот раз пришлось рискнуть.

***

Томас и Нильс впервые проводили столь много времени вместе и смогли стать гораздо ближе, уже как взрослые мужчины. Один всегда воспринимал другого как умудрённого опытом старшего наставника, но теперь сам достаточно вырос, чтобы взглянуть на близкого человека с другой стороны. И в этом было много непонятного. Например, почти в каждом разговоре о Джавере Нильс вёл себя немного странно,

что не могло остаться незамеченным. Томас всегда полагал, что личные вопросы к мутанту были исключительно у него самого, а это оказалось не так. Учитывая довольно смутную историю кровожадного генерала и самые разные слухи о его прошлом, за этим действительно могла скрываться некая тайна.

Когда колонна медленно спускалась с очередного живописного склона юго-восточного берега Селеции, заскучавший юный рыцарь не выдержал. Более не в силах копить в себе мучительные догадки, он легонько пришпорил Вектора и догнал легата. Лишь взглянув на приёмного сына, Нильс сразу почувствовал гложущее его любопытство:

— Однажды ты с таким умным видом спрашивал, чем девочки от мальчиков отличаются.

— Ха-ха, и ты обманул ребёнка!

— Конкуренция никому не нужна, друг мой.

— Что у тебя с Джавером? — раскрыл карты Томас, задорно играясь пожёванной соломинкой во рту и жмурясь на послеполуденное солнце, нырявшее за Яртинские горы.

— Откуда такие мысли? Что у меня с ним может быть?

— Хм, посмотри на себя, — усмехнулся разоблачитель и кивнул на пальцы собеседника, сжавшие повод до посинения.

— Тебе не станет легче.

— Несмотря на всю ненависть к нему, приходится признать, что он настоящий гений, раз уж способен так долго от нас уходить. Не так ли?

— Про безнаказанность ты зря. Когда он только к ним перешёл, мы его много раз оставляли без армии.

— Что ты сказал?

— Ну, однажды мы их зажали между Пятой и...

— Откуда он перешёл? Так это правда?

— Эх, — тяжело вздохнул Нильс, — тебя не удивляет, что он так сильно выделяется среди других мутантов?

— Как раз это меня всегда и удивляло!

— Это настолько давняя и нелицеприятная история, что у нас не принято о ней вспоминать.

— Я слышал эту молву, но раз нам в Академии ничего не говорили...

— Ещё бы вам такое рассказали! Надежда Парфагона стал героем Арогдора… Позор, если вдуматься!

— Ну, Нильс, хватит уклоняться от ответа. Я ж тебя не жениться прошу.

— Друг мой, жениться — это легко. Любой дурак может жениться! А вот оставаться холостым, пользуясь популярностью у дам, могут только избранные, — рассмеялся Нильс, но затем вздохнул и вновь стал серьёзным. — В общем, не упади с седла. Трудно представить, но некогда благочестивый Айвор Джавер был моим лучшим другом. Я бы даже сказал, наставником.

— Не может быть! — опешил Томас, остановив крутившего ушами Вектора. — Ты это скрывал все эти годы?!

— Мы оба учились в Академии.

— Прекрати!

— Да, это был редкий красавец. Если честно, он был ещё и умнее, и удачливее меня. Хотя Айвор вышел из очень бедной семьи, он почти во всём был лучший. Однажды даже выиграл турнир. Думаешь, почему я

так старался стать чемпионом? Хотел доказать, что не хуже.

— Да и я не смог.

— Ты был ребёнком. Никто из нас не смог бы дойти до финала в восемнадцать лет! — взбудоражился Нильс. — Не в этом дело. В общем, он быстро шёл вверх по службе, в отличие от такого тугодума, как я. Каждый им восхищался, женщины всегда сами к нему шли, в то время как мне приходится всё время заманивать их чем-нибудь: то на звёзды посмотреть, то на крыше посидеть. А ему всё само в руки шло. Мастер он был во всём. Ну, и не смог он остановиться, познать границы дозволенного. Тогда у нас была совсем юная королева Джейн — если не ошибаюсь, четвёртая жена Альберта.

— Стоп, — снова остановился изумлённый Томас, окончательно выронив несчастную соломинку изо рта. — Даже ты бы не пошёл на это, Нильс!

— Я ж говорю: у него совсем пропало чувство реальности, — вздохнул легат. — Джейн Гуднол была великолепна, поэтому там вспыхнула настоящая любовь — страстная и бессмысленная. Конечно, она не устояла перед всеобщим любимцем и каким-то образом смогла найти для него время и место. Причём не раз. Пока не забеременела и всё не всплыло. Причём публично. Причём всплыло благодаря этому недоноску Исааку Ньюртону, твоему достопочтенному ректору!

— Сволочь ещё та, оказывается, — процедил Томас и сгоряча сплюнул, вспомнив свою печальную историю.

— Как понимаешь, король немного, так сказать, расстроился, — хитро подмигнул Нильс. — Скандалы, отставки, неудачная попытка побега любовной парочки…

В конце концов Джейн на восьмом месяце беременности сбросилась со своей восточной башни, где теперь прячут принцессу. А молодого и амбициозного Джавера лишили гражданства и с грандиозным позором изгнали. Куда он направил свои таланты дальше, ты уже знаешь. До сих пор удивляет, что его не казнили. Даже тут он вывернулся!

— Невероятно. Получается, вы должны были остаться друзьями? Вы ведь не ссорились?

— Это самое страшное, — побагровев, Нильс снова напряг пальцы до хруста. — Для меня он — всё ещё близкий друг, с которым я вырос, с которого брал пример, который всегда мне помогал. Хотя я его больше никогда не видел, сотни раз приходилось наблюдать его работу. Вспомни детство. Вспомни, что мы видели за последнюю неделю. Я не могу понять, как он на это идёт! Что с ним случилось? Неужели это просто месть за Джейн и их ребёнка?

Разгорячившись воспоминаниями, Нильс пришпорил коня и ускакал вперёд колонны, которая извивалась по узкой дороге меж моря и гор. Растерянному Томасу было о чём подумать оставшуюся часть пути: из безжалостного чудовища генерал Джавер вдруг превратился в простого человека со сложной судьбой.

Поскольку шёл шестой день, виды вокруг становились всё более захватывающими. Слева армию по-прежнему сопровождало бескрайнее синее море с набегающими волнами, а справа нависали отвесные скалы самых причудливых форм. Это были признаки скорой Ярты, которая на следующий день засверкала своей бирюзовой бухтой в низине меж гор. Чёрные двухуровневые галеры

у опустевшего причала сразу намекали, что некто посмел нарушить спокойствие райского уголка. Эти одномачтовые суда со сложенными косыми парусами устрашали столичных гостей своими габаритами и бронзовыми таранами в виде кричащих бараньих голов.

Перекрыв дорогу и разбив лагерь, Нильс стал выжидать признаки приближения Ричарда с западной стороны Ярты, а также прибытия своего скромного флота.

Уже на следующее утро он заметил в подзорную трубу одну большую и две средние торговые галеры из Парфагона, осторожно подходившие к бухте и выглядевшие совсем скромно по сравнению с гигантскими судами врага. А к вечеру стал подавать сигналы Ричард, выдавая свой лагерь на холме с другой стороны города. В итоге Нильс решил атаковать окружённого Джавера на следующее же утро, хотя что-то сверлило его изнутри.

— Ты сам не свой, — обратил внимание Томас на потерянный вид приёмного отца во время ужина у костра, когда огни блокированной Ярты замерцали в унисон с яркими звёздами безоблачного небосвода.

— Может, ему просто всё надоело?

— В смысле?

— Понимаешь, — хмуро оглядевшись, Нильс придвинулся ближе и понизил голос, — я уверен: он что-то задумал.

— Вроде мы всё верно делаем.

— Правильно! Я вынужден всё это делать, так как иначе меня обвинили бы в предательстве. Чувствуешь? Всё же логично? Город-то нужно отбить, — тяжело вздохнул легат. — Но это Джавер. Он не может просто

взять и подставиться, сидя на одном месте. Такого никогда не было. Эта тварь прекрасно знает, что у меня сейчас нет выбора.

— Что бы он ни придумал, там всего четыре галеры, Нильс.

— И?

— Сколько их там? Только пешие или с челоконями в придачу? Сто, двести? Ну, даже если все триста, мы из них всё равно фарш сделаем!

— Посмотрим, Томас. Посмотрим...

***

Ранним утром следующего дня настал решающий момент. Нильс взял в руки два дымящихся факела и дал Ричарду знак к началу наступления. Натянув тетиву арбалетов, пятьсот синих накидок, с ором и сотрясающим землю топотом копыт кинулись с трёх сторон на прекрасную Ярту. Как и ожидалось, мутанты успели хорошо укрепиться и тщательно перекрыть единственные дороги с запада и востока, а также подготовить несколько линий внутренней обороны. Единственной неожиданностью оказалась атака с моря, о которой они узнали лишь за день до её начала.

Предсказуемо рыцари начали нести ощутимые потери ещё на подступах к первой линии обороны арогдорцев. Проблема заключалась в отсутствии опыта брать такие серьёзные укрепления, ведь враг никогда прежде не успевал столь плотно закрепляться в городах. В итоге четырёхрукие мутанты ловко и метко пускали стрелы из многочисленных укрытий, сражая то одного, то другого отчаянного рыцаря или его коня.

Встретив столь ожесточённое сопротивление, Нильс успокоился. Получалось, что именно в этом и заключался загадочный план Джавера: создать неприступную оборону и мёртвой хваткой держать позиции. Вздохнув с облегчением и видя, как мучается Томас, главнокомандующий настолько расслабился, что, скрепя сердце, позволил сыну присоединиться к атаке.

Взревев и подпрыгнув от радости, молодой воин немедленно накинул округлый шлем со спаренными овальными прорезями для глаз и рта, оседлал заржавшего Вектора и умчался к передовой. Спрятавшись за огромным валуном, Томас начал метко пускать стрелы из арбалета, пробивая брешь в обороне одного из типично жёлтых зданий Ярты, где у неприятеля была обустроена надёжная бойница.

Едва ослабив сопротивление позиции, рыцари с мечами наперевес смело кинулись к дому, тогда как уцелевшие мутанты дружно отступили ко второй линии обороны в соседнем квартале. Не отставая от товарищей, в бой с отчаянным воплем кинулся и теряющий рассудок Томас. Добравшись до освобождённого дома, он в тот же миг спешился и сразу же наткнулся в скромной прихожей на клыкастую загорелую морду раненного в грудь мутанта. Арогдорец упирался дредами в высокий потолок и источал ту самую тошнотворную смесь пота и отвратной кислятины, которую бывший селянин хорошо запомнил из детства.

Неприятель вовсе не собирался сдаваться, в чём попросту не было смысла. И поэтому, недолго думая, он бросился с проржавевшим топором на озверевшего Томаса. Тот легко увернулся от убийственного обуха и

двумя точными ударами меча пробил плоть между бронёй на животе мутанта. Когда скулящий четырёхрукий монстр свалился без чувств, сотрясая здание, ликующий рыцарь со всей злости пробил остриём клинка его массивный лоб. Прибив треснувший череп к дубовому полу, он с головы до ног обрызгал себя горячей кровью.

Наконец, всё многолетнее ожидание мести разом изверглось наружу, словно некий вулкан. Утонув в бурлящей лаве эмоций, дико крича во всю глотку и выпучив безумные глаза, осиротевший селянин снова и снова вытаскивал застревавший в полу меч и всё с большей силой вонзал его обратно в расчленённую тушу жертвы. И вот увесистая глыба с грохотом свалилась с плеч Томаса, и он стал постепенно трезветь, ощущая себя совсем иначе, чем все эти годы. Он будто оказался в другом мире, словно заново родился, став легче и светлее. Выплеснув эмоции, он только теперь отчётливо почувствовал настоящую глубину своего стойкого желания уничтожить всех мутантов до единого, но отныне предельно хладнокровно и расчётливо.

История с прорванной обороной повторилась и с западной стороны: под командованием белокурого трибуна разгорячённые рыцари всё глубже и глубже пробивались внутрь построенного из ракушечника города. Всё это происходило на глазах Нильса, который из своего штаба на восточном холме напряжённо наблюдал за перемещениями войск.

— Легат Дор! — вдруг окликнул один из адъютантов и указал на сверкавшее в лучах солнца море, где на полных парусах с запада приближались ещё четыре

чёрные галеры. Полсотни длинных и синхронных вёсел каждой из них медленно, но уверенно приближали суда к берегу, словно это были огромные многоножки из кошмарного сна.

— Понятно, что ты задумал, — зло бросил Нильс, словно Джавер его слышал. — Но это бесполезно, старый дурак!

Действительно, к этому моменту упрямые парфагонцы уже захватили пришвартованные у берега галеры и успешно пробили все основные линии обороны. Они с трёх сторон прижимали паникующих мутантов к отвесным скалам, по которым те пытались отчаянно спастись. Увидев безрадостное положение, подоспевшая вражеская подмога не решилась высаживаться на берег. Они ограничились зажигательными стрелами, подпалив все до одного суда на пристани.

Ещё через четверть часа радостные Нильс и Ричард горячо обнялись на центральной площади Ярты, обрамлённой мохнатыми пальмами. Позади них сияла бирюзовая бухта, а перед глазами простирался великолепный вид на уползающие вверх узкие улочки уютного города. Над всей этой красотой нависали скалистые макушки неприступных гор, местами утонувшие во взбитых облаках.

— Жёнушке успел привет передать? — съязвил Нильс.

— А давай мы тебя тоже женим? На Джавере! Тебе ведь женщины уже давно надоели, наверное.

— О-о-о, какая отличная идея! Томас, — окликнул легат измазанного кровью воина, который только что вернулся с передовой, — мою невестушку нигде там не видел?

— Что? Какую невестушку? — не понял разгорячённый рыцарь с торчавшей из левого плеча стрелой.

— Нашего друга Айвора Джавера не встречал?

— Они все лезут в горы. Мы уже не можем их преследовать.

— Да неужели?!

— Что нам делать?

— Эти твари выросли в горах — что тут поделать? Но оттуда они всё равно уже не уйдут, — с довольной ухмылкой отметил Нильс, рассматривая в подзорную трубу карабкавшихся мутантов. — Дожимайте, сколько сможете, а там посмотрим.

Вдруг главнокомандующий перестал улыбаться и начал нервно водить трубу то по востоку, то по западу склона:

— Твою ж мать! — заорал он. — Ричард, Томас, гоните тыловые обозы в город! Немедленно!

Ещё не понимая происходящего, новоиспечённый рыцарь пустил Вектора галопом к восточному выходу из города, где во временном лагере были оставлены службы поддержки. Выжимая из уставшего коня последнее, он заметил, как с гор к нему наперерез стремительно неслись на могучих челоконях сотни бодрых мутантов, дреды которых, словно взбешённые ужи, дёргались во все стороны. Обернувшись, он увидел такую же удручающую картину с западной окраины Ярты и с ужасом осознал, что не успеет прийти на помощь.

Хотя несчастные люди из обозов сами заметили опасность и попытались спастись, невероятно быстрые мутанты не дали никому шанса. На глазах Томаса они

по-зверски кромсали всех без исключения беспомощных жертв, зачастую расчленяя их пополам одним взмахом топора или меча. В лагере оставалась дюжина воинов, но и они были молниеносно повержены, так и не сумев оказать сопротивления шумной лавине, спускавшейся едва ли не с небес. Все другие резервы уже давно были в городе, поскольку побелевший к этому моменту легат сделал фатальную ошибку, посчитав Ярту взятой.

Заняв ключевые позиции с двух сторон, мутанты не стали сразу атаковать, внимательно наблюдая за паникой в задымлённом городе. Славная рыцарская армия под руководством Нильса Дора, в которой оказались собраны лучшие воины короля, теперь была заперта между скалами и морем. Парфагонцы не только потеряли обозы тыловой поддержки, но и получили взамен опустошённые погреба и склады крохотной Ярты, население которой было то ли истреблено, то ли спасалось где-то в окрестностях.

Генерал Джавер, знавший не понаслышке все секреты подготовки военачальников Парфагона, не стал долго ждать развязки и рисковать достигнутым успехом. Сгруппировав мутантов, он тут же отдал приказ о долгожданной контратаке, рассчитывая свежими силами просто добить измотанных и растерянных рыцарей. В этот момент подданные короля надеялись воспользоваться укреплениями, которые они ещё недавно отбили у противника. Однако быстро выяснилось, что все позиции оказались муляжом, чем и объяснялось столь лёгкое взятие города.

Однако, безвозвратно потеряв с половину армии, Нильсу удалось вовремя создать круговое укрепление в

центральном квартале. Там ещё недавно обитали самые состоятельные граждане в своих коренастых особняках с толстыми стенами, будто изначально рассчитанными на длительную осаду. По периметру района были заграждены и завалены проходы всех смежных улиц, а в ключевых точках расставлены сторожевые позиции. При этом раненых воинов и гребцов спрятали в душных подвалах. Обезопасив себя, удручённым парфагонцам оставалось лишь с болью в сердце наблюдать, что вытворяли остервеневшие мутанты за пределами спасительного анклава. Около часа топот челоконей раздавался по всему городу: арогдорцы прочёсывали Ярту вдоль и поперёк, яростно добивая заплутавших рыцарей и гребцов, отчего вечерний воздух то и дело разрывался от истошного крика и злорадного смеха.

Зажав обречённого противника на маленьком клочке суши, Джавер решил начать позиционную осаду. Он понимал, что рыцари всё равно не выдержат больше нескольких дней, ведь у Нильса минимум полторы недели не было ни единого шанса получить ни подмогу, ни пищу, ни воду. К тому же мутанты с крыш соседних домов засыпали зажигательными стрелами наспех сооружённый укрепрайон, как на ладони расположившийся перед ними.

***

Следующие три дня были сущим адом для парфагонцев, имевших счастье выжить. Каждые несколько часов, ночью и днём им приходилось отбивать настырные атаки мутантов, направленные больше на изнурение и моральное подавление, нежели на реальный прорыв обороны. Если на расположенных по

кругу позициях, к которым подключили даже гребцов, была хоть какая-то ротация, то остаток штаба работал денно и нощно в одном из тёмных подвалов, стараясь придумывать решение каждой новой проблеме. В это время хитрый Джавер делал всё, чтобы попавший в ловушку главнокомандующий армии Парфагона и его команда не могли расслабиться ни на минуту. И действительно, вкупе с полной безысходностью терпение и выдержка Нильса Дора падали с каждым часом. То же самое произошло с Ричардом и другими офицерами, которые всё больше возлагали вину на легата, которым ещё недавно искренне восхищались.

В обычной жизни в гарнизонах рыцари спали не меньше двенадцати часов в сутки, потребляли безграничные объёмы пищи и воды — в общем, жили в своё удовольствие. Теперь же они пребывали в беспрерывном напряжении, чувствуя угрозу жизни в любой момент и довольствуясь почти полным отсутствием провианта. Кроме того, они не только не могли попадать в спасительную фазу, чтобы ускоренно восстанавливаться, но и почти не могли нормально спать, что ещё больше расшатывало нервы. Как итог, теряющие силу воины стали стремительно худеть с каждым днём, ведь их обезвоженному организму требовалась колоссальная энергия только лишь для поддержания жизнеспособности. Поэтому он начал без оглядки пожирать собственные излишки массы, наращённой с таким трудом.

Чтобы хоть как-то исправить катастрофическое положение, Нильс разрешил забивать самых измученных и покалеченных коней. Это помогло сохранить остатки

сил, но прожорливые парфагонцы не могли съесть всех своих младших товарищей, без которых лишали себя последней надежды на спасение.

Ещё хуже приходилось раненым, так как не было никакой возможности надлежащим образом обработать их раны и облегчить страдания. Так получилось, что вся немногочисленная медицинская служба погибла вместе с тыловыми обозами.

В одном из сырых подвалов, к горечи еле живого от усталости Нильса, в холодном поту и бессознательном бреду ворочался его приёмный сын. Кроме нескольких мелких ранений, попавшая в плечо роковая стрела вызвала большую кровопотерю и оставила после себя распухшую почерневшую рану. Она всё время гноилась и привела к болезни всего организма. Отсутствие медиков и возможности попасть в фазу для самолечения, чему обучали в Школе и затем в Академии, почти не оставляли молодому человеку шансов продержаться хотя бы ещё пару дней. А ведь подмога даже не предвиделась ввиду удалённости Ярты от любых крупных гарнизонов, которые, в лучшем случае, только узнали о поражении легата. Теперь им требовалось не меньше недели, чтобы выручить попавших в беду товарищей.

К этому времени весть о страшной трагедии действительно потрясла Парфагон. Близкие попавших в осаду рыцарей едва находили себе место в ожидании развязки кампании. Конечно, эта жуткая ситуация потрясла и убитую горем Марию, которая, почувствовав своим любящим сердцем неладное, решила проведать Томаса.

Так как расслабиться у неё не получилось из-за сильнейшего нервного срыва, зарёванной девушке пришлось дождаться обычного засыпания в кровати Томаса. В череде бессмысленных кошмарных сновидений она вдруг проснулась и, не двигаясь и не открывая глаз, сразу начала перебирать разнообразные техники. Она представляла вращение тела, пыталась увидеть воображаемые перед глазами руки, пробовала раскачиваться в разные стороны, а также расширять и уменьшать себя. Снова и снова безрезультатно прокручивая один и тот же цикл, она решилась наконец сменить подход и во что бы то ни стало представила себя в Ярте, словно она там уже находилась по-настоящему. Мария начала воображать, что активно трогает пол в некоем доме, и почти сразу же почувствовала, что уже больше не лежит в кровати, а находится в тесном подземелье, где в сумерках на носилках и полу виднелись стонущие мужчины. Стабильность пространства отключилась, и она всё-таки оказалась в фазе!

Мария сразу же начала искать среди умирающих воинов своего жениха, чувствуя, что он один из пострадавших. Для удержания фазы она пыталась как можно детальнее сконцентрироваться на всех ощущениях и не терять намерения найти Томаса. Как и ожидалось, уже через несколько футов она и вправду рассмотрела его — окровавленного и бессознательного. Сначала она зарыдала и кинулась его обнимать, но потом, испугавшись возвращения в обыденную реальность, быстро опомнилась и начала залечивать его пульсирующие раны. По сути, находясь в своём

собственном пространстве, она магическими пассами затягивала порезы и ссадины Томаса, отчего шаблон его тела начал излучать синеватое сияние. Хотя в Школе подобные ритуалы считали несусветной ересью, колдовским предрассудком, она хотела хотя бы таким образом попытаться помочь будущему супругу.

Тем временем, изучаю карту Селеции за ветхим столом в сыром подвале и при свете одинокой свечи, Нильс и Ричард пришли к очевидному выводу. Судя по всему, набег на округ Звёздного оказался лишь прикрытием переброски до полутысячи мутантов на, как прежде казалось, совершенно неприступные хребты Яртинских гор. С самого детства привыкшие к суровым условиям мутанты легко переждали неделю в скалах, учитывая, что по пути вдоволь пополнили запасы провианта. В итоге вся эта операция, включая отвлекающую атаку на Новый Альберт, выглядела дьявольски продуманной и совсем не типичной для всей истории столкновений с Арогдором.

Чувствуя тяжесть вины на себе, Нильс всё-таки не терял связь с реальностью и пытался до последнего найти выход. Одним из самых отчаянных вариантов было попробовать пробиться на западную дорогу и выйти к наверняка идущему навстречу подкреплению. Хотя измученные рыцари вряд ли могли осилить такую авантюру, они бы полегли смертью храбрых. Это лучше, чем позорно сгинуть от мучений на глазах у праздных мутантов, которые время от времени закидывали парфагонцев мешками с дерьмом.

В начале четвёртых суток обороны, когда звёзды всё ярче отражались в безучастном море, к баррикадам

неожиданно подошёл четырёхрукий монстр с белым флагом наперевес и передал записку. Оказывается, заскучавший Айвор Джавер пригласил своего старого приятеля Нильса Дора на дружеский ужин. Понимая, что генерал хочет что-то предложить, да и просто от безысходности гордому рыцарю ничего не оставалось, как согласиться. Он был уверен, что его разрушенной жизни теперь вряд ли что-либо угрожает. А если и угрожает, то она в любом случае практически потеряла смысл. Поэтому на случай невозвращения он наказал Ричарду взять командование в свои руки, а сам полностью разоружился и без оглядки отправился на странную встречу.

Конвой из четырёх мутантов вывел осунувшегося Нильса на тот самый холм, где он несколько дней назад разбил лагерь и затем отдал приказ штурмовать злосчастную Ярту. Вытоптанная поляна оказалась забита постреливающими кострами, громким галдежом воинов и храпом челоконей с самыми разнообразными причёсками. В воздухе витали стягивающий живот аромат прожаренного мяса и отвратное зловоние, а со всех сторон то и дело раздавались ликующие тосты патриотов, хлебавших вино и пиво полными вёдрами:

— За Арогдор!

— За Эйзенберга!

— За Джавера!

Униженного и осмеянного, заплёванного и закиданного помоями, легата затолкали в огромный красный шатёр с вышитым на стенах гербом Арогдора в виде вулкана и четырёхконечной звезды над ним. Внутри по углам возвышались вооружённые воины, а за

столом жадно поглощал пищу невероятно массивный мутант с толстыми чёрными дредами и знакомыми глубоко посаженными глазами. Его спину прикрывала алая накидка, а поверх наращённой брони сверкала кольчуга со стальными латами, которая во многом имитировала рыцарские доспехи. В трёх из его четырёх рук дымились оторванные куски поросёнка, а нижней правой он держал полный жирного молока кувшин. На столе рядом с мисками, больше похожими на тазы, лежали шлем с витыми рогами и изогнутый меч с широким долом.

— С прошлым не получается расстаться, да? — осипшим голосом начал Нильс, разглядывая броню генерала.

Джавер лишь холодно взглянул на бывшего приятеля, молчаливо откусывая огромной клыкастой челюстью невероятного размера куски. Их запах сводил с ума голодного рыцаря, который за три дня обглодал всего два ребра полусырой конины.

— Раньше, кстати, посимпатичнее был.

В ответ изо рта Джавера во все стороны вылетели недожёванные ошмётки, забрызгав всё вокруг. Выронив мясо из рук, мутант стал громко стучать ими по столу, нарочно гогоча так, чтобы его было слышно даже в центре Ярты.

— Шутник, — еле смог сказать тяжёлым басом генерал, вытирая слёзы и с трудом успокаиваясь. — А ты, я смотрю, всё тот же неудачник и зануда!

— Что ж ты вечно от неудачников бегаешь, а?

— Эх, дураком был — им и остался.

— Мы, видимо, о разных вещах говорим. Я лучше предлагаю...

— У меня к тебе предложение.

— Очень выгодное, да?

— Поешь сначала? — ехидно улыбнулся Джавер.

Не подумав, Нильс схватил кувшин с молоком и принялся жадными глотками его опустошать. Однако вскоре замер и выплюнул всё содержимое рта, вспомнив, что еле живые товарищи в это время довольствуются лишь своей мочой и кровью любимых коней.

— Всё то же самое, — усмехнулся мутант. — Сдохнешь ради других!

— Я же не ты.

— Ещё бы! — буркнул Джавер, вытирая тряпками свою рожу от следов обильного ужина. — Бери полсотни своих и убирайся прочь.

— Хм, добить на дороге хочешь?

— Зачем? Вдруг кого поумнее поставят вместо тебя.

Почернев от злости, Нильс не знал, что ответить. На фоне осознания себя виноватым за трагическое окружение слова Джавера оказались сродни последнему гвоздю в свеженький гроб с самолюбием легата:

— Что будет с остальными?

— Это уже не имеет значения.

— Я могу забрать сотню? — отчаянно пытался найти выход из ситуации рыцарь. — А гребцы?

— Полсотни кого угодно. С рассветом. Уведите его! — приказал генерал конвою, который молниеносно взял поникшего рыцаря под руки и показанно грубо потащил прочь.

Вернувшись в забаррикадированный квартал, опустошённый Нильс тут же собрал в штабном подвале совет из офицеров и изложил им паскудное предложение противника. Поскольку никто не увидел смысла в безнаказанном отпуске части окружённых войск, все пришли к единогласному выводу, что это очередная ловушка хитрого мутанта.

***

Однако к утру мнения резко поменялись. Поскольку остатки сил оказались на исходе и ждать подмоги нужно было ещё с неделю, стало понятно, что неприятеля уже не сдержать. В итоге было решено пойти на сумасшедший шаг и воспользоваться предложением Джавера. В этом случае пятьдесят рыцарей могут хотя бы попробовать пробиться, даже если это действительно подлая ловушка. Логика заключалась в том, что в таком случае был маленький шанс хоть кому-то выжить, а не гарантированно всем сгинуть в одной из ближайших атак. По грустному стечению обстоятельств, как раз не больше полусотни измученных воинов были способны реально передвигаться. При этом Нильс принял решение остаться на позиции до самого конца, чем бы это ни закончилось. Поэтому командование идущей на прорыв колонной взял на себя трибун Фейн.

Как только начало всходить утреннее солнце и беззаботно запели птицы, парфагонцы расчистили баррикады между зданий с западной стороны анклава и стали неспешно прощаться друг с другом.

— Ричард, позаботься о Маргарите и Марии, — опустошённо промолвил Нильс.

— Конечно. Ты уверен, что не пойдёшь с нами?

— Уверен.

— Смотри сам...

— Здоровья всей твоей семье.

— Спасибо, — с ухмылкой ответил его друг, оглядывая полчища злорадствовавших мутантов меж домов соседних улиц. — Томаса жалко.

— Молчи! Я и так с ума схожу.

— Эх, Нильс, что же мы наделали!

— Иди уже, умоляю!

Обняв старшего приятеля и пожав его дрожащую руку, Ричард надел шлем и оседлал своего дымчатого коня. Затем он торопливо повёл воинов в сторону западной дороги из Ярты, в надежде, что хоть кто-то из них сможет прорваться.

Наблюдавшие эту картину арогдорцы замерли, медленно потянулись к рукояткам мечей за спинами и приподняли длинные топоры. Однако вероломное нападение внезапно остановил рой метких стрел, которые с глухими ударами вонзились в их бронированные тела сзади. Крики раненных монстров тут же утонули в гуле тяжёлой конницы: сотни оголтелых рыцарей стремительно вырвались из леса на западном склоне и клиньями вошли во вражески тыл. Они копьями прошивали сразу по несколько мутантов, безжалостно добивая их сверкающими в лучах рассвета клинками. Звуки горна где-то вдалеке говорили о том, что спасительным наступлением руководил не кто иной, как сам Альберт Третий.

Защищённые отполированными до блеска доспехами и развевая на ветру ярко-синие накидки, воины Первой

когорты стремительно заполонили некогда живописные улицы полуразрушенного города. Рыцари принялись зачищать каждый двор исключения, безжалостно кромсая пойманных врасплох, заспанных и вонючих мутантов, которые с отчаянным рёвом пытались разбежаться во все стороны. Но их легко ловили в холодной воде, когда они пытались неуклюже доплыть до своих гигантских галер, и легко останавливали у отвесных скал, где они с детства чувствовали себя как дома. Кроме того, им удачно перекрыли все пути отступления к штабу генерала на восточной дороге, лишая последнего шанса не сгинуть с этого мира. Во всех этих случаях их тела перерезáли меж наращённой брони, отсекали конечности, выпускали набитые дерьмом кишки, сносили с плеч тупые головы и с хрустом ломали черепа, обнажая бледно-жёлтые мозги и заливая землю фонтанами густой крови.

Наблюдая за происходящим ужасом из красного шатра на холме, Джавер сначала нервно улыбался, а потом был вынужден дать сигнал на незамедлительное отступление. Этому с радостью повиновались уцелевшие резервы и державшиеся на рейде суда. В итоге уже через полчаса Ярта была полностью освобождена и благополучно вернулась под исконный контроль Парфагона.

Восседавшему на белом жеребце Альберту Третьему, облачённому в сверкающие латы с витиеватыми узорами из драгоценных камней, осталось лишь с высоко поднятой головой войти в забаррикадированный квартал. Там его со слезами на глазах встретили измученные жаждой и голодом покалеченные подданные

— кто на ногах, кто ползком. Грязные и едва волочившие ноги, они ещё недавно потеряли всякую веру в спасение и уже распрощались с жизнью. Теперь же, чудесным образом вытащенные с того света, они кинулись целовать ноги своему спасителю.

***

Изрядно исхудавший и заросший щетиной Томас Юрг очнулся на второй день пути, разбуженный монотонным топотом копыт. Оказалось, обозы медицинской службы везли его и других раненых по прекрасному берегу южной Селеции, всегда залитой благостным солнцем. Рядом с ним на телеге покачивался в потёртой кожаной куртке задумчивый Нильс, а чуть поодаль хромал Вектор, чья белая переносица окрасилась в тёмно-бордовый цвет из-за запёкшейся крови.

— Что случилось? — приподнявшись, спросил Томас и тут же сжал зубы от боли в перебинтованном левом плече.

— Всё хорошо. Не двигайся.

— Кто нас спас?

— Альберт.

— Сам? Ничего себе! Мы так долго продержались?

— Они пришли на четвёртый день. Калица просчитал ситуацию ещё до того, как мы атаковали Ярту, и сразу отправил помощь, — вздохнул Нильс. — Хоть у кого-то есть голова на плечах...

— Кстати, — опомнился раненый воин, — почему ты не со штабом? Где твои доспехи?

— Доспехи? Нет больше рыцаря Нильса Дора.

— Не может быть!

— Кто-то же должен отвечать за этот позор.

— Невероятно, — пробормотал Томас, разглядывая уставшие, но при этом удивительно спокойные глаза приёмного отца. — Тогда кто теперь руководит армией? У меня родилась одна сумасшедшая идея...

— Прямо-таки сумасшедшая? — засмеялся Нильс и по армейской привычке задорно постучал по ране заскулившего друга, познавшего полную цену своей доблестной стези.

Глава 5. Приключения лесных разбойников

Томас вместе с неповоротливыми обозами тыловой поддержки вернулся в Парфагон спустя восемь дней после чудесного спасения в Ярте. Встреченный счастливой подругой, он увидел, как на улицах радостного города бушевал праздник в честь очередной большой победы над Арогдором. Со всех сторон беспрерывно слышались восторженные возгласы:

— Да здравствует Король!

— Да здравствует Парфагон!

— Да здравствует Альберт Третий!

Однако, когда в цветущий город стали ввозить сотни распухших тел, многие из которых были расчленены, праздник утонул в слезах и причитаниях. Долгая история королевства едва ли имела столь кровавые прецеденты, когда почти каждый житель потерял в трагедии своего близкого или знакомого.

Томас был искренне удивлён, насколько однобоко этот ужас повлиял на разум людей, как ранее казалось, таких толковых и образованных. Пережив всё на себе и понимая, что именно происходило в течение последних недель, он заметил, что это не только сплотило парфагонцев, но и разделило в их головах чёрное и белое, хорошее и плохое. Слава досталась почти святым королю и канцлеру, а вся вина была возложена на каменные плечи Нильса Дора, внезапно обвинённого во всех грехах на свете. Его смещению многие по-настоящему обрадовались, а кто-то даже настойчиво требовал казни.

Проливший первую кровь Томас при этом отлично понимал, что бывший легат всё делал практически безупречно. Во всяком случае, полностью согласно созданной тем же королём и канцлером системе. Нильс многократно докладывал им, что была возможность существенно поправить уязвимую оборону, но его никто не слышал или не хотел слышать.

Несмотря ни на что, новоиспечённый рыцарь всё равно по-настоящему любил короля. По этой причине юный воин допускал существование неизвестных ему доводов в

пользу отстранения легата. В конце концов великий Парфагон здравствовал сотни лет и был настоящей мечтой, воплощённой в реальность, и именно Альберт Третий был её автором в текущем виде. Разве спасённый селянин, которого приютил этот идеальный город, мог знать всю подноготную?

Немного подлечившись, хорошенько отоспавшись и отъевшись, восстановив свой привычный удалой вид, Томас сразу же отправился на приём к Ричарду Фейну. Друг семьи неожиданно даже для самого себя получил высочайшее звание легата и теперь возглавлял армию.

Дождавшись в тёмном коридоре своей очереди, облачённый в синий камзол Томас вошёл в ещё не обжитый кабинет нового главнокомандующего в безликосером здании Академии. Рядом с дверью во всю стену висела пожелтевшая карта Селеции, а два широких окна выходили на королевский замок, в одной из башен которого была надёжно спрятана принцесса Элизабет. За широкой спиной легата, сидевшего за большим дубовым столом, красовался огромный портрет хмурого Альберта Третьего с окровавленным мечом в руках. Стену с противоположной стороны помещения, устланного протоптанным зелёным ковром, загораживал старый шкаф с толстыми книгами по военной науке.

— Теперь придётся всё это разгребать, — перебирая огромную кипу бумаг, недовольно пробурчал Ричард, на груди которого красовался прикрученный к камзолу золотой жетон.

Разглядев в шкафу корешки с редкими названиями и посмотрев, сколько утекло времени в водяных часах на столе легата, сооружённых в виде опорожнявшегося по

капле перевёрнутого конуса с метками, Томас присел на потёртый стул:

— Как тебе повышение?

— Лучше каждый день рисковать жизнью в Башне причастности, чем заниматься этим!

— Как сказал бы один наш общий знакомый, почему бы тебе не попросить помочь свою любимую жёнушку?

— Хм… знаешь, в Башне причастности и вправду освободилось тёплое местечко. Не хочешь?

— Всегда мечтал! — рассмеялся Томас и воодушевлённо продолжил: — У меня есть несколько необычная идея. Нужно твоё разрешение.

— Валяй.

— Последнее время мутанты совсем обнаглели. И мы не знаем причины. Тебя это не волнует?

— Всех волнует. Никто не знает, что будет завтра.

— Так отправь меня в разведку!

— Вот оно что! Тот же самый наш общий знакомый любил говорить, что, если тебе в голову пришла умная мысль, то будь уверен: она уже посещала чью-то более умную голову раньше.

— Хм, почему более умную-то?

— Потому что раньше тебя.

— Так у нас есть агенты? Нильс говорил, что не отправлял.

— Раньше были. В последние годы Арогдор стал легко вычислять нас. Мы больше никого туда не отправляли: это верная смерть, поверь.

— Знаю от Нильса... Лучше скажи: а ждать, когда они опять пройдутся по всем нашим городам, — это не смерть?

— Парфагон до сих пор не тронут, — многозначительно ответил Ричард, откинувшись на высокую спинку стула. — Я помню твоё происхождение, но ты должен понимать, что́ для нас главное.

— Вчера — Ярта, а завтра — столица.

— Даже не думай, приятель. Твой отец не простит мне этого.

— Он в курсе, и у тебя есть человек, который готов на всё!

— Добраться туда живым — это уже испытание похуже Ярты.

— Я могу узнать, что там произошло, что изменило их тактику. Не это ли тебя интересует больше всего?

— Эх, — Ричард встал на ноги, неспешно подошёл к окну и стал задумчиво изучать королевский замок. — Говоришь, Нильс одобряет?

— У меня было время его уговорить.

— Тогда чёрт с тобой! Сразу сдамся.

— Ура! — вскочил Томас.

— Но есть одно условие.

— Да что пожелаешь!

— Я разрешу, если ты найдёшь ещё одного такого же сумасшедшего идиота. Один ты туда не пойдёшь.

— Считай, всё решено!

Довольный Томас крепко обнял старшего товарища и быстро умчался прочь. Ему предстояла дорога за единственным человеком, который мог согласиться на такой безрассудный поступок, причём с большим энтузиазмом. Хотя Ричард Фейн был уверен, что поставил невыполнимое условие, ситуация была ровно обратной!

Новоиспечённый рыцарь Ален Оспэ, вымахавший в массивного жгучего брюнета с красивыми чёрными глазами и смуглой кожей, проходил смертельно скучную практику в Башни совершенства. Укрепление прикрывало северо-западные подступы к Парфагону, находясь в двух днях пути от него. Его гарнизон вступал в бой крайне редко — лишь в случае прорыва обороны более северных Башни причастности или Башни признания.

Преодолев порядка семидесяти миль на едва подлечившемся Векторе, Томас увидел наконец ту самую Башня совершенства. Сужавшееся кверху сооружение высотой не меньше пятиэтажного здания было похоже на вкопанную в землю каменную бочку и стояло посреди лысого холма. Узкие бойницы Башни начинались лишь с половины её высоты, а на самом верху простиралась смотровая площадка, с которой открывался вид на многие мили вокруг.

Усиленный гарнизон состоял из центурии не самых опытных, но всё равно прожорливых рыцарей и пары дюжин обслуживающего люда. Именно поэтому требовалось достаточно вместительное укрепление в таком важном для безопасности королевства месте. Для содержания позиции, эффективность которой всегда вызывала споры, требовалось огромное количество сытного провианта и сена. Доставкой всего этого занимались специальные обозы, которые курсировали между крупными населёнными пунктами и всеми шестью Башнями.

Скучавший от безделья и замученный муштрой Ален сразу же согласился на безумное путешествие в

кишащий мутантами Арогдор. По его мнению, это было гораздо лучше, чем страдальческая смерть от бесконечных построений. Ради интереса Томас даже попробовал переубедить Алена, во всех подробностях описав, что произошло с другими агентами и какие сложности могут ждать на пути к кратеру. Однако чем красочнее он стращал муками и пытками, тем ярче загорались глаза у безбашенного друга. Не на того напал!

Таким образом, заполучив безрассудного напарника и отмашку легата, Томас наконец решился на самое сложное: посвятить в свои планы Марию. Он выбрал для этого вторую половину солнечного воскресенья и пригласил подругу прогуляться по Аллее героев, которая простиралась широкой лентой от Северных ворот до площади у королевского замка.

Среди пышных каштанов по обе стороны дороги, среди галдежа тысяч голосов и звонкого смеха, а также среди музыки и завываний уличных артистов царила беззаботная атмосфера выходного дня. Каждые сто футов благоухали лавки со сладостями, орехами и сырами, а на каждом шагу сновали торговцы цветами, яблоками и, конечно же, прошлогодними жареными каштанами. Оставленные без присмотра дети с визгом носились, так и норовя сбить с ног, а карманные собачки скалились из рук одетых в лучшие наряды дам, целыми когортами вышедших на коварную охоту. Все эти люди с завистью смотрели на красивую пару, где жених красовался в ярко-синем камзоле, а его невеста — в бледно-розовом платье с пышными плечами, а также длинным подолом, элегантно волочившимся по брусчатке.

Но молодым людям было не до тщеславия:

— Ты же обещал! — не скрывала горечи девушка, которая терпеливо ждала выздоровления друга в надежде на скорую свадьбу. — Это невозможно терпеть каждый раз!

— Ну, ещё немного. Пару месяцев. Я сам этого жду, поверь, — пытался оправдаться Томас, который действительно уже давно не видел другого пути, кроме как жениться на подруге детства. В его жизни просто не существовало других претенденток. Мало того: если бы не упрямая Мария, в его жизни могло ещё долго не быть женщин — настолько он был увлечён своей стезёй.

Чтобы хоть немного сгладить вину, Томас сгоряча забрал всю охапку жёлтых тюльпанов с лотка у торговки, осчастливив её тремя медными монетами. Немедленно вручив ароматный подарок подруге, он нежно поцеловал её в ямочку на розовой щёчке, наивно надеясь на моментальное снисхождение:

— Прости меня, любимая!

— Спасибо, — немного смягчилась Мария, но тут же упрямо встала напротив него, категорично перегородив путь и твёрдо смотря в глаза: — Почему мы не можем это сделать до твоего дурацкого похода?

— Ты хочешь замуж за рыцаря или за кого?

— За «кого» сам замуж выходи!

— Ну вот! А нам с Аленом предстоит мутировать.

— Это ещё зачем? С ума сошли?

— Чтобы нас не раскусили.

— Невероятно! И кем же ты станешь?

— Лучше тебе пока не знать, — рассмеялся Томас.

— А если ты не вернёшься?

— Тогда точно нет смысла. Ты же не хочешь сразу же стать вдовой? — не подумав, ляпнул зелёный юнец.

Заплаканную и злую Марию удалось успокоить только спустя час, силой затащив в спальню, когда другие доводы уже не работали. Этот отчаянный манёвр, как всегда, оказался даже несколько пугающе эффективен, как будто возможная погибель возлюбленного вовсе не становилась такой уж большой проблемой. Само понятие «проблема» вдруг временно испарилось из раскупоренной женской головки на один или, если несказанно повезёт, целых два дня. В итоге девушка согласилась подождать ещё несколько месяцев. Но потом у Томаса не будет других шансов свернуть с той дороги, на которую его как бы совершенно случайно направили ещё пять лет назад.

***

Итак, получив все необходимые разрешения, Ален вернулся в Парфагон и вместе с Томасом начал секретную подготовку. За несколько месяцев друзьям предстояло выучить особенности поведения в высокогорном городе мутантов, узнать их своеобразный образ жизни, а также достичь не вызывающего подозрения внешнего облика. Принять вид типичного боевого монстра не представлялось возможным, ибо на такие серьёзные вмешательства, вроде наращивания второй пары рук, требовалось слишком много времени и усилий. На это могли уйти годы! С другой стороны, рыцари не собирались слишком сильно терять в массе и росте, поэтому становиться обычными людьми тоже не подходило. В итоге было решено принять вид арогдорских лесных разбойников, которых периодически

вылавливали у вулкана. Они были похожи на обычных людей, но при этом выделялись отталкивающей внешностью и внушительными габаритами, пусть и не самых гармоничных пропорций тела.

В первый же день после получения разрешения на начало тайной операции воодушевлённый Томас проснулся после дневного сна и, не двигаясь и не открывая глаз, стал перебирать техники входа в фазу. Он настойчиво пытался увидеть свои воображаемые напротив глаз руки, пробовал добиться вращения вокруг оси, представлял себя плывущим в море, старался услышать шум в ушах и всматривался в пустоту перед глазами. Томас с минуту чередовал эти техники, но либо ничего не получалось, либо ощущения были совсем слабыми. Тогда он живо представил, будто решил снова заснуть, и в момент провала в лёгкое забытьё вдруг увидел хвойный лес. Чёткая картинка не расплылась, даже когда он попытался рассмотреть сучок на одной покосившейся сосне. Стабильность пространства исчезла!

Всё ещё ощущая себя в кровати, Томас сразу же приступил к мутации. Он попытался сделать себя значительно короче — и тут же почувствовал, как его тело прерывисто сокращается, издавая звуки лопающихся пузырьков. Затем, встав с кровати и направляясь к зеркалу в холле на первом этаже, он стал вытягивать зубы в острые клыки, выдвигать вперёд растущую челюсть, надувать живот и выдавливать из кожи обильную растительность по всему телу, одновременно лысея головой. Дойдя до зеркала, Томас увидел в отражении типичного собрата лесных разбойников, которых ещё в Школе любил

перерисовывать из учебников по истории. Убедившись в результате, оставшееся время он как можно дольше сохранял ощущения новой мутации. Для этого он летал над ущельями вулкана, дабы лучше узнать их обустройство.

Будущим агентам пришлось ежедневно по несколько раз повторять подобный алгоритм в фазе, чтобы добиться нужной мутации в течение нескольких месяцев. Если в первые недели они спокойно ходили по Парфагону, то потом были вынуждены просиживать штаны дома. Друзья могли изредка выходить на улицу, но только в балахоне с капюшоном, что оказалось сложнейшим испытанием для Алена. При этом он поселился в комнате Томаса, отчего им обоим не было слишком скучно недели напролёт куковать взаперти.

Чтобы сохранить максимальную секретность миссии, Ричард раз в неделю самолично приносил редкие книги с необходимыми знаниями, а также сообщал последние слухи о жизни на вулкане. Нильс тоже активно участвовал во всех нюансах подготовки, между делом превращаясь в обычного высокого мужчину, отчего казалось, что его скулы становились ещё острее и шире. И хотя бывшего легата пожизненно отстранили от армии, он не мог отойти от забот о хрупкой безопасности о́тчего королевства, поскольку это было делом всей его жизни. Ричард не только держал это втайне от канцлера и короля, но и продолжал прислушиваться к словам старого друга. Фактически Нильс Дор тайно продолжил руководить рыцарями Парфагона, ведь новоиспечённый главнокомандующий прекрасно осознавал, что не был готов к этой должности. Ричард

откровенно тяготился упавшей на его плечи ответственностью, слабо понимая, как его могли назначить на такое важное место.

К дождливому октябрю друзья наконец в идеале освоили новую мутацию, чем до колик в животе смешили своих близких. В последний вечер перед отправкой в глубокий тыл врага, Нильс решил провести заключительную лекцию за ужином в столовой, где они не сговариваясь собрались на десять минут раньше времени. В такой пунктуальности была виновата вовсе не известная рыцарская доблесть, а их кабанья прожорливость: из кухни уже давно доносился соблазнительный запах жареного мяса, отчего животы обитателей дома жалостливо бурчали. Одетая в очередное сиреневое платье, Маргарита положила перед воинами большие керамические тарелки с говяжьей вырезкой и тушёными овощами. Затем он зажгла свечи в двух канделябрах и, с едва заметной ухмылкой, обратилась к сидевшему во главе стола брату:

— Прошу тебя: пусть у них останется хоть немного уважения к женщинам.

— Не переживай, дорогая сестричка, — ответил Нильс, повесив на спинку стула тёмно-коричневый камзол, который заменил ему армейскую форму.

— Они же ещё дети.

— Сегодня они станут настоящими мужиками!

— Настоящими, говоришь?

Вздохнув, рыжая женщина оглядела своим печальным взором лесных разбойников, погладила их по бледным лысинам и ушла в свою комнату. Оставшись без присмотра, её домочадцы тут же

отбросили ненужные вилки с ножами и голыми ручищами набросились на беспомощную еду, словно она вот-вот убежит. Сладко причмокивая и протяжно отрыгивая, они буквально в считанные мгновения опустошили огромные блюда, а затем с довольными лицами обвалились на спинки белых стульев, задумчиво ковыряясь пальцами в зубах и носу.

— Понимаете, — оглядел свою компанию Нильс, вытирая руки о белоснежную скатерть, — Ричард действительно умный человек, и он дал вам много полезных знаний. Но кое-что могу дать только я. Да-да, нечего страдальчески закатывать глаза, Томас. Мой друг растерял все боевые навыки за долгие годы плена у своей жёнушки. А эти навыки — самые главные в Арогдоре.

— Иногда кажется, что ты их агент. Уж подозрительно хорошо этими «навыками» владеешь, — съязвил губастый лесной разбойник.

— Тогда Мария — агент Лилии! — потирая руки, выдал его смуглый товарищ, получив пинок по ноге. — Нильс, не тяни, расскажи всё как есть.

— Ну, хоть кто-то в моей игре, — рассмеялся разжалованный рыцарь, и очередная громкая отрыжка сотрясла толстые стены. — Запомните: если вы не будете засматриваться на каждую юбку и не будете пытаться её задрать, то вас сразу же порешат как агентов Парфагона.

— О, боги! — вознёс руки и взгляд к потолку Ален. — Мне это не снится? Мы правда попадём в такое волшебное место?

— Хм, а как же я?

Почесав лоб, Томас только сейчас понял, что его каверзное задание может включать в себя некоторые

пикантные детали, которых он хотел бы избежать, дабы не расстроить невесту.

— Это работа, — как можно более серьёзно отметил его приятель. — Мы спасаем отечество.

— И что теперь?

— Это требует жертв. Кто-то отдаёт за это жизнь, кто-то...

— Так, заткнись, — перебил Нильс. — Всё, что от вас требуется, — это быть мужиками. Вы думаете, почему я тут за весь Парфагон отдуваюсь? Мужики вымерли здесь, и весь мир приходится спасать одному мне. Бедные девки!

Томас тяжело вздохнул, но эта было лишь самое начало поучительной лекции. Легат разлил тёплый грушевый компот по бездонным чашкам на столе, а затем с наслаждением продолжил:

— Смешно, но в Арогдоре с этим всё в порядке. Мужики являются мужиками, а бабы — бабами. Культура такая. Что это значит? Делай что хочешь и не слушай её! Прямая целеустремлённость привлекает женщин от природы, поэтому действуйте там по правилу: лучше сожалеть о содеянном, чем сокрушаться об упущенном. Мы тут все слишком умные, образованные, голову свою включаем, когда надо и когда нет. И это вместо того, чтобы просто следовать своим желаниям. Но эта беда с мозгами ещё больше портит жизнь нашим дамам. У тебя в голове одно, а у неё — и женитьба на тебе, и как послать тебя тактично, и сколько детей у вас будет, и где вы вместе жить будете, и в каком платье она на похороны к тебе придёт, и гладкие ли у неё ноги, и какая завтра погода, и где взяла её подруга, тварь

эдакая, такую сумочку. И ещё чего там только нет в этих маленьких головках! И это все в первую минуту знакомства!

— Отлично! А с чего начинать-то? — почти прыгал от радости взбудораженный Ален.

Лектор торжественно встал, почесал зад, а затем медленно пошёл вокруг стола, мастерски выдержав эффектную паузу под пристальными взглядами клыкастых морд:

— Там такие мутантки, что у тебя само начнётся! — наконец, вымолвил он. — Видишь самую... С самой... У которой... Ну, в общем, это кому как. Главное — самую! Ей сегодня с утра дюжина маменькиных сынков чирикали о том, какая она великолепная и, видите ли, самая красивая. А ты ей скажи, что из-за её большой жопы, даже если она размером с кулак, пройти улицу не можешь. Всё! Если ты не урод, то ей придётся доказать своему самолюбию, что и для тебя она королева. Это упрощенный пример, конечно. Перегибать палку и воспринимать его буквально не стоит! Понятно?

— Каким же идиотом я всегда был! — схватился за блестящую лысину Ален.

— В общем, сразу бери всё в руки, — продолжал Нильс. — Но веди себя так, будто ты ещё ничего до конца не решил насчёт того, нравится она тебе или нет. Даже если она действительно королева красоты, делай вид, будто она обычная и не более. Запомните: бабам не интересны быстрая близость и падающие у ног слабаки. Им хочется поиграться и привыкнуть к нам хоть немного. Просто следуйте этим простым правилам, интригуйте,

маневрируйте и делайте правильные ходы. Это поинтересней шахмат будет. А какая награда за удачную партию! Эх...

— Но дальше-то что делать? Это ведь самое сложное.

— Что? Что ты сказал, Ален? Это тебя маменька так научила! Ничего там сложного нет. Пообщавшись, берёшь её за руку и уводишь туда, где ближе.

— А если она не согласна?

Нильс остановился напротив собеседника, укоризненно покачал головой и окончательно уничтожил его презрительным взглядом:

— Так ты из тех, кто спрашивает? Сопляк! И у скольких спрашивал?

— Ну, может, у десяти. И ничего не вышло…

— Конечно. Если бы не спрашивал — половина из них точно бы не выпендривалась, а остальные сделали бы это только для виду.

— Не может быть! Нильс, пощади!

— Открою секрет: если видишь, что даму от тебя не особо тошнит, даже если она вроде как нехотя общается, она уже давным-давно сказала тебе «да». Зачем ей иначе проводить время с тобой пока ты, осёл безмозглый, сидишь и чего-то ждёшь?!

— Неужели совсем спрашивать не надо?

— Ален, с ними вообще на эти темы лучше не разговаривать, будто тебе ничего и не сдалось вовсе, но при этом нужно уверенно действовать в правильный момент. Поэтому берёшь и уводишь. А если она вдруг скажет, пытаясь сохранить приличие, будто ты что-то недозволенное задумал, ответь, что ты вообще не такой: ишь размечталась, окаянная! Ваша задача состоит лишь

в том, чтобы создать даме комфортную ситуацию и не терять момент, когда она растает. А дальше нужно быть настойчивым и упрямым, не отступая хоть всю ночь.

— Невероятно!

— В случае любых проблем в Арогдоре всегда есть вино. Что-то не так? Надо ещё вина! Вот бы у нас его снова разрешили...

Вероятно, это была самая полезная в жизни Алена лекция, хотя с этим мог поспорить Томас, которому изрядно поднадоели похождения Нильса. Так или иначе, ближе к утру друзья попрощались с растроганными близкими и под прикрытием темноты забрались в крытую повозку военного обоза. В сопровождении особого рыцарского конвоя они отправились к Северным воротам, откуда начиналось их опасное путешествие в неприступную столицу беспощадного врага.

***

Целую вечность пришлось трястись агентам Парфагона по ухабистой дороге от родного города до долгожданного предгорья. По пути они проехали Салеп, Башню совершенства и каменный мост через Змею. При этом друзья практически не имели возможности любоваться красотами родной Селеции, разве что заглядывая в щели полукруглых сводов из прохудившейся льняной ткани. Ввиду неординарного вида и секретности, дабы не вызывать лишних вопросов случайных очевидцев, они могли покидать повозку лишь во время ночных стоянок в безлюдных лесах.

Переговорив обо всём на свете, в последние пару дней пути они просто молчали, погружаясь на каждом повороте в свои собственные грёзы. Больше всего Томас

надеялся встретить Ирэн, ради которой и придумал всю эту авантюру. Почувствовав на своей шкуре истинную мощь врага и невозможность одолеть его в обозримом будущем, он просто не видел другого способа найти сестру. Ещё молодой человек представлял свою будущую тихую жизнь с Марией и многочисленным потомством, когда с мутантами будет окончательно покончено. Ален же воспринимал агентскую миссию как способ довольно хорошо провести время и пережить массу новых ощущений. Для него это было обыкновенное развлечение, чего он был гарантированно лишён минимум на год вперёд в ставшей ненавистной Башне совершенства.

И вот на восьмой день пути, напрочь отлежав все бока и кости на мешках с амуницией и солью, парфагонцы медленно приблизились к Башне признания. Она вызывала трепет своей героической историей, прикрывая пути с вулкана по ущелью Шестой реки. Как и пять других легендарных Башен, она возвышалась на невысоком холме, вокруг которого была аккуратно вычищена вся растительность, кроме травы. С этой выгодной позиции выход с вулкана отлично просматривался во всех направлениях, однако это не мешало мутантам время от времени просачиваться в королевство, особенно безлунными ночами.

Наконец, бренчащая телега с агентами заехала внутрь Башни через её массивные железные ворота. В конюшне их встретил комендант в лице немногословного центуриона Аарона Коннелла, седобородого мужчины на вид чуть больше сорока лет. Распахнув потёртый камзол уже почти серого цвета, рыцарь обжёг столичных гостей

угрюмым взглядом из-под мохнатых бровей и немедленно провёл их в тёмный подвал, где визитёрам впервые пришлось лицезреть настоящих лесных разбойников.

Сонная банда скучала в проржавевшей железной клетке из толстых прутьев, в которой, кроме сена на земляном полу, ничего больше не было. На всех четырёх арогдорцах болтались пёстрые меховые жилетки и дырявые штаны, заправленные в прохудившиеся сапоги. При этом они источали болотистый душок, отравляя и без того спёртый воздух. Данный тип жителей вулкана занимал одну из самых презираемых социальных ниш и не отличался особым умом даже на фоне своих недалёких сограждан. Они своеобразно использовали мутации, лишь стараясь выглядеть побольше да пострашнее. На что-либо иное их умственного развития и навыков владения фазой просто не хватало. Именно поэтому они искали своё счастье за пределами родного кратера, бесстыдно промышляя разбоями и насилием.

Банда сильно удивилась, когда с другой стороны решётки в свете слепящих факелов неожиданно появились их пузатые сородичи с такими же клыками, лысинами и массивными челюстями.

— Ни черта себе, брателлы! — завопил хриплым голосом один из разбойников и радостно бросился к железным прутьям.

— Вы, блин, что? — подозрительно удивлялся второй. — Пожрать есть чё?

— И пить! Братцы, горло бы промочить...

— Ух, а чё это мы тут, а они там?

— Может, курнуть есть, а?

— Какие-то мутные братишки.

— Ага, чё-то не нравятся они мне.

— Братаны, мы вам тут не это!

— Пожрать дадите или нет, шакалы?

Пребывая в шоке от вони и манеры общения, которую им придётся соблюдать, агенты молча понаблюдали за своими новыми соплеменниками и вскоре озадаченно побрели обратно к каменной лестнице. Изумлённые бандиты выругались, бросили им вслед проклятья и продолжили клянчить воду и еду.

— Центурион, их не кормят? — удивился Томас, поднимаясь наверх.

— Забудьте вы... Они больше не нужны?

— Вроде нет.

— Устранить! — скомандовал Коннелл, и трое облачённых в доспехи рыцарей с довольными ухмылками вытащили мечи из ножен, а затем с топотом устремились вниз.

Поднявшись в аскетичный кабинет коменданта, где из мебели стояли лишь простой стол и стулья, Томас и Ален были поражены витавшей в воздухе озлобленностью. Им оставалось лишь с содроганием слушать раскатывавшееся по Башне эхо отчаянных криков.

— В общем, не знаю, что вы там задумали, — ворчал Коннелл, обгладывая жареные рёбрышки, которые ждали компанию в ведре на столе, — но готов вас вытащить, если будете не выше одного дня пути.

— Надеемся, что до этого не дойдёт, и...

— Конечно, Юрг. Вы же всё равно сдохнете.

Витавшие в облаках агенты одновременно переглянулись, но видавший виды комендант упрямо стоял на своём:

— Если случится чудо, главное — добраться до нижней части ущелья. Через пять дней я поставлю там дозор. Он будет ждать неделю. Не успеете — ваши проблемы.

— Спасибо и за это...

Поникшему Томасу осталось лишь безмолвно набивать живот, в отличие от окаменевшего Алена. Что-то смуглому пройдохе подсказывало, что предстоящий праздник жизни может весьма скверно закончиться, а томная служба в Башне совершенства была не так уж и плоха.

Переждав дождливую ночь в Башне, утонувшей в храпе целой центурии рыцарей, новоиспечённые разбойники ранним утром были доставлены к основанию вулкана и оставлены там в тумане хвойного леса. Оделись они в те самые поношенные штаны и окровавленные меховые жилетки, что ещё вчера согревали обречённую банду. Из оружия пришлось взять лишь топоры и кинжалы, поскольку ничем другим их сородичи обычно не пользовались. Переглянувшись, друзья молча пошли вверх по протоптанному пути вдоль русла кристально чистой Шестой реки. Периодически они натыкались на стада тощего скота и бедненькие хозяйства. Едва завидев опасных гостей, крестьяне немедля бросали всё из рук и прятались в своих жалких домишках, а то и вовсе сбегали подальше в непролазный лес. К удивлению Томаса и Алена, уклад жизни у подножия вулкана практически ничем не отличался от владений королевства: те же простые люди, те же

безразличные коровы и заросшие бараны. Всё было то же самое, разве что заметно беднее.

Со второго дня пути ущелье начало становиться всё более каменистым и обрывистым, а бурлящее русло реки с каждым новым порогом обретало всё более крутые изгибы. Если позволяла погода, можно было любоваться шикарными видами равнинной Селеции, что простиралась далеко внизу и навевала агентам дорогие сердцу воспоминания.

— Ты слышал? — вдруг остановился Ален.

— Что?

— Вот! И вот, — вертел лысиной приятель. — Кто-то кричит.

И действительно, прислушавшись, Томас разобрал слабые крики и смех с западного склона, откуда-то из глубины кедрового леса. Достав топор, он сразу же пошёл по направлению к этим звукам.

— Постой! Ты куда?

Но Томас уже не слушал. Его раздосадованному другу ничего не оставалось, как пойти следом, рискуя нарваться на неприятности намного раньше, чем на безудержное веселье, тщетно ожидаемое уже несколько месяцев кряду.

Поднявшись немного вглубь леса, заваленного сушняком и глыбами, они увидели картину, которую невозможно было даже представить во владениях Парфагона. На небольшой поляне лежал измученный челоконь с помятым чёрным ирокезом, а вокруг него суетилась очередная шайка лысых разбойников, сплошь в бурых медвежьих жилетках. Двое членов банды пытались снять седло, а главарь, самый

маленький и шустрый из них, бодро носился вокруг окровавленной жертвы, сверкая изогнутым кинжалом в волосатой руке:

— Да-а-а, жратвы надолго хватит! Колбаски наделаем!

— Братишки, да мы только на сидушке озолотимся! — пыхтел второй, копошась с ремнями седла. — Пять золотых. Не меньше!

— Умоляю: не трогайте меня! Вы уже и так забрали все мои монеты, — пытался встать щекастый челоконь с большими добрыми глазами, но сразу получил обухом по голове, что вызвало очередной приступ гогота:

— Ха! Тварь, ещё сопротивляется!

— Мочите его уже! Пищит без умолку.

Побагровевший Томас, вечно страдавший от обострённого чувства справедливости, решил вмешаться в местную разборку. Ален потянул его обратно в спасительный лес, но тот всё равно вырвался и смело выбрался на поляну. Его другу ничего не оставалось, как тихо выругаться и последовать за ним.

— Опаньки! — воскликнул коротконогий разбойник и вытащил кинжал. — Ни хрена себе, ты бычара!

— Вы ничё не попутали, братишки, а? — буркнул Томас.

Затем он подошёл ближе и одним пинком повалил на землю сидевшего на корточках лесного разбойника, который всё ещё пытался снять седло. Ошарашенные невиданной дерзостью, бандиты вскочили и, спрятавшись за челоконём, вскинули топоры:

— Это чё такое?!

— Чё-то некультурно как-то!

— А если пёрышком, а?

— Вы чё тут делаете, ваще? Это наше ущелье и конь наш. Валите отсюдова! — завопил Томас, сверля исподлобья новых сородичей.

Не ожидавшие такой наглости разбойники теперь окончательно растерялись, испуганно глядя то друг на друга, то на ещё более массивных гостей. Но ещё более ошарашенным выглядел круглолицый челоконь, который не оставлял напрасных попыток встать на сломанную в локте правую руку.

— Братишка, это ж вроде всегда наше ущелье было. Не? — с сомнением в голосе спросил коротышка.

— Косого знаешь? — подмигнул ему Томас и харкнул под ноги.

— Да... А чё, он жив ещё?

— Вот иди и спроси у него, брат, — агент Парфагона сменил тон на добродушный и убрал ржавый топор за пояс. Его примеру последовал немой Ален.

— Чё, всё так резко опять поменялось, да? — подобревшим голосом ответил ему главарь и тоже убрал свой кинжал.

— Вот так кровушка чуть не пролилась наша.

— Ну, ты только Косому не говори, а?

— Брат, по-человечески просим: не говори, а? — хором промямлили два других разбойника.

— А чё, ты бы так просто его кинул, да? Соврал бы ему, да? — шёл в атаку Томас, пристально смотря в глаза коротышке и подходя к нему всё ближе.

— Чё ты! Мы ваще не это...

— Ну, ща Косой досюдова доковыляет, и вы сами ему сказочку свою споёте.

Разбойники снова переглянулись, и их лохматые бурые жилетки тут же кинулись врассыпную. Сломя лысые головы они скрылись выше по склону, хрустя сухими ветками и спотыкаясь об острые камни.

— Меня теперь Косому сдадите, да? — жалостливо поинтересовался челоконь, отчего его наивные глазища вновь увлажнились.

— Ты его знаешь?

— Нет. А что? Спасибо!

— Я уж надеялся, что познакомишь, — вмешался в разговор Ален и громко захохотал на всё ущелье. Наконец-то долгожданный праздник жизни начался!

Растерянный челоконь размышлял с полминуты, вслушиваясь в смех своих загадочных спасителей. Потом он сам истерично и долго ржал, пока не начал икать, а в итоге и вовсе горько разрыдался. Оказалось, его звали Билл Элвин. Несколько дней назад он наткнулся на дозор Башни признания, когда вместе с одним старшим воином направлялся в округ Города заката для некого особо секретного поручения. Четырёхрукого мутанта быстро убили, а сам Билл смог чудом сбежать. Сломав руку в непроходимых каменных завалах, куда его загнали рыцари, добряк вот уже третий день подряд пытался безуспешно добраться до родного кратера.

Как выяснилось, челокони больше всего на свете боялись, что их забьют на мясные изделия — ведь колбасы и сосиски из них славились на всю Селецию. Поэтому раненый арогдорец, как потенциальный деликатес, никогда не переставал благодарить всех подряд только за то, что его не отправили на фарш. Поняв, что необычные разбойники действительно не

намеревались этого делать, Билл несказанно обрадовался. Когда же хитрые агенты заботливо перебинтовали его сломанную руку, старательно наложили плотную шину и затем аккуратно поправили его модный ирокез, то тут же стали его друзьями. Не удивительно, что он согласился помочь обойти все дозоры своей армии, чтобы без лишних проблем выйти к главному входу в кратер — Вратам свободы.

В итоге добродушный Билл действительно показал многочисленные позиции и маршруты дозоров, что спасло время парфагонцам, которые иначе могли вовсе не добраться до вершины вулкана. Когда дружная компания остановилась на последнюю ночлежку в попавшейся по пути пещере, Ален кремнием высек искры на заранее припасённое высохшее гнездо и разжёг костёр из сушняка. Разложившись вокруг потрескивавшего пламени, разморённые путешественники перекусили последними запасами вяленого мяса с толстыми жировыми прослойками. Затем Томас решил задать вопрос, мучивший его с того самого момента, когда он узнал, что челокони — это люди:

— Скажи: что тебя заставило выбрать такую мутацию?

— Правда, зачем? — тоже удивился Ален. — Ни тебе богатств, ни уважения. Ездят на тебе, приказывают. Как-то скромненько и без амбиций.

— Ну, это как посмотреть, — важно начал щекастый Билл Элвин. — Мало кто знает, сколь много преимуществ у нас есть. Спасибо!

— Например? — не терпелось узнать Томасу.

— Все мечтают жить счастливо. Так?

— Так.

— А что такое счастье? Это жизнь без проблем, когда харчи всегда есть и тёплый ночлег, когда тебе не надо решать сложных задач, когда нет большой ответственности, когда работы не так много, когда…

— Мы поняли, — прервал Ален.

— Короче, чего из этого списка у меня нет, а у вас есть? — почти пропел сияющий челоконь, чья круглая харя едва не треснула от гордости за свой гениальный вопрос.

— Хитрец!

— Ну серьёзно? Чего из этого списка нет у меня, а много ли есть у тебя? Меня лишь иногда берут в набеги на Парфагон или ещё какие-нибудь редкие задания дают. В остальное время меня кормят и поят, а в голове всегда спокойствие и нега. Сплю и ем — вот и вся моя беззаботная жизнь. А ведь кто-то считает нас идиотами!

Конечно, ни Томас, ни Ален не могли возразить Биллу, тем самым раскрыв своё происхождение, но ответ причудливого арогдорца заставил их лечь спать с немного иной картиной мира в голове. Они оба выросли амбициозными молодыми людьми, но никогда не задумывались, что обратный жизненный путь тоже имеет очевидные плюсы и бесспорные преимущества.

На третий день путешествия вокруг уже не осталось леса, а некогда могучая река превратилась в жалкий промёрзший ручеёк. Куда ни глянь, были только серые скалы под ослепляющим снегом, а вдалеке появились Врата свободы, как именовались вкопанные в кромку кратера могучие железные ворота. На подходе к ним дежурили пешие мутанты, проверяя и затем пропуская внутрь две вереницы повозок и различного люда в мехах и тулупах.

Во избежание подозрений тяжело дышавшие агенты попрощались с Биллом и как ни в чём не бывало встали в ближайшую очередь. Однако лесных разбойников мало кто жаловал, и все бросали на них брезгливые и настороженные взгляды. В основном это был простой народ с нижних земель вулкана, который вёз на прохудившихся телегах уголь, дрова, брёвна, пушнину и самые разнообразные продукты. Точно так же когда-то отец Томаса ездил в Салеп и продавал свою добычу.

У самых ворот быстро рассасывалась ещё одна очередь — судя по всему, предназначенная для военных. Агенты именно в ней разглядели ресурсные обозы, очевидно, везущие награбленное с парфагонских земель или контрабанду из Города заката. В ту же очередь встал хромой Билл и, помахав перебинтованной рукой своим спасителям, вскоре скрылся внутри.

Наконец, после мучительного ожидания на пронизывающем холоде, когда начали медленно сгущаться сумерки, а ледяные кристаллы мелкими иголками посыпался с чистого неба, продрогшие агенты оказались у вожделенных Врат свободы. Эти массивные деревянные створки, будучи высотой в три роста человека, были обиты толстыми листами железа с острыми шипами размером с руку, а во всю их высоту были вычеканены вулкан и четырёхконечная звезда над ним. Несмотря на гордое название, всю поверхность покрывали рыхлая ржавчина, болтающиеся заклёпки и глубокие трещины.

Не желая пропускать разбойников внутрь, их грубо оттолкнул глава охраны со шрамом на правой щеке. Его клыкастая морда и мерзкие слипшиеся дреды вызывали

бурление в напрягшихся до изнеможения жилах Томаса. Ален же просто остолбенел — ведь ещё никогда так близко не сталкивался с этими жуткими монстрами исполинской высоты.

Однако отвергнутые агенты не могли так просто сдаться и потому дружно обратились к старшему воину, безответно вскинув левые руки в приветствии:

— Виват, Арогдор!

— Что надо, упыри?

— Братишка, пусти на денёчек, — вымолвил Ален, пока его коленки предательски дрожали.

— Валите, я сказал!

— Ты ничё не попутал, а?

— Чего? Убирайтесь!

— Брат, нам бы только на мутанточек поглазеть, — поморгал смущённым взглядом Томас и кинул к сапогам стража две серебряные монеты, которых с лихвой хватило бы на умопомрачительный кутёж в местном трактире.

— А-а-а... — протянул вояка, поднимая подачку и пропуская разбойников внутрь. — Так бы сразу и сказали!

Пройдя через каменистый тоннель, отдававший эхом усталых шагов, с трудом веря в происходящее, агенты вошли в засыпающий Арогдор, поглотивший чашеобразный кратер обвалившегося внутрь себя вулкана. Перед их взором простирался огромный город, раза в два больше Парфагона. Резкий запах сажи встретил друзей ещё на подходе к вершине, но теперь буквально ударил в их изнеженные столичные носы. Повсюду виднелись заснеженные крыши и тусклые огни

из небольших окошек, а в звёздное небо тянулись сотни освещённых луной столбов дыма. Друзья ожидали увидеть сущий ад, однако поселение, в центре которого возвышались замок и стела в виде воткнутого в твердь исполинского меча, вызывало неподдельный интерес.

Первым делом Томас с надеждой начал всматриваться в редких прохожих, надеясь разглядеть в них Ирэн. Однако в арогдорках, одетых в длинные пальто, лохматые шубы и меховые шапки с хвостами, было трудно разглядеть знакомые черты. Спустя восемнадцать лет, несмотря ни на что, он всё-таки прошёл все испытания и почти нашёл её. Но жива ли она? Да и узнает ли он её?

Еле стоя на ногах, друзья ввалились в первый же попавшийся постоялый двор, который ждал их напротив Врат свободы. Двухэтажное каменное здание с узкими окнами имело тесный холл с прохудившейся мебелью и внутренний двор, заставленный гниющими телегами, на который выходили открытые лестничные пролёты и галереи. Привыкшие к чистоте друзья были поражены необъяснимой неопрятностью затхлой ночлежки, но выбора у них не было.

Единственным плюсом временного крова была его работница Рита с леденяще пристальным взором голубых глаз и белокурыми кудрями. Представившись и задорно подмигнув, она приветливо встретила насквозь промёрзших гостей у двери и угостила подслащённым кипятком у камина. Молодая на вид женщина носила броское шерстяное платье с глубокими вырезами, выставив напоказ все свои ярко выраженные женские достоинства, лишившие разума несчастного Алена. В

Парфагоне в таких эксцентричных нарядах демонстрировали себя лишь самые эпатажные дамы, недавно брошенные своими подлыми кавалерами. Там их могли запросто арестовать за распущенность, а вот в Арогдоре всем было без разницы. Томас поначалу даже решил, что они зашли в бордель, но, вспомнив выученные материалы, с облегчением успокоился.

Несмотря на облик, по манере общения блондинка была явно немолода и благодаря своему опыту легко заподозрила неладное. Поскольку остолбеневший Ален сидел с открытым ртом и идиотским взглядом, проблему решил сам Томас, рыкнув ей на ушко что-то неприличное и звонко шлёпнув по мягкому месту, которое благодарно заколыхалось в ответ. Мило хихикнув и застенчиво покраснев, преобразившаяся женщина поверила в благонадёжность мерзких разбойников и показала им их жалкую конуру за пять медных монет. Это была убогая комната без окон и удобств, которую полностью занимали две надломленные кровати с соломой вместо матрасов. Друзья могли взять что-нибудь получше, но не смели выходить из роли нищих лесных болванов. Поэтому, вымотанные впечатлениями и трёхдневным подъёмом, они моментально отключились, едва упав на разившие гнильём ложа.

***

Проснувшись к обеду следующего дня, Томас и Ален, почти съеденные заживо армией клопов, блох и вшей, сразу же выбежали на спасительную улицу, дабы глотнуть свежего воздуха. Их ослепило непривычно яркое солнце, которое тщательно освещало подтаявшие, пропитанные слякотью и грязью мостовые из плохо

уложенной брусчатки. Всё это источало такой смрад гнили и навоза, что исчёсанные до крови лесные разбойники немедленно проблевались. Поскольку канализация в городе отсутствовала, его жители выливали отходы прямо под окна и двери, в чём жадно рылись нищие в лохмотьях и стоявшие почти на каждом углу попрошайки. Кроме того, абсолютно всё вокруг было покрыто слоем разящей чёрной сажи, пропитавшей каждую песчинку в Арогдоре, до чего не было никакого дела многочисленным дворникам, которые целыми днями занимались чёрт знает чем.

Повсюду дребезжали телеги и кареты, запряжённые худыми кобылами или упитанными челоконями. Меж них сновали загорелые мутанты в тулупах и шубах, а также носились дикие собаки с торчащими рёбрами. Тут же удирали от преследователей ободранные воришки, под ногами которых пищали огромные крысы, наглые, аки хозяева вулкана. Глаз радовали только сказочно привлекательные арогдорки в самых броских пальто и шубках, которые звонко цокали каблучками.

Конечно, самой главной особенностью города, принципиальной отличительной чертой от Парфагона, была полная свобода мутаций. Причём этим навыком многие местные жители владели гораздо лучше подданных Альберта Третьего.

Женщины, кроме поддержания молодости и красоты, в основном стремились только к трём типам внешности: худенькой девочки-подростка, сочной молодой девушки и экстремально фигуристой дамы средних лет. Всё это пользовалось равнозначным спросом среди элитной касты четырёхруких воинов, ради привлечения которых

и существовала вся эта нешуточная конкуренция. При этом иногда женщины подходили к вопросу мутаций достаточно творчески и добавляли собственные неповторимые «изюминки». Несчастный Ален не раз спотыкался от вида женщин с тремя грудями, а то и с двумя их рядами, причём не обязательно одинаковых размеров и расположенных в привычных местах. Так же легко жители вулкана могли нарастить себе любые другие органы или даже сменить пол. И до этого никому не было дела!

Проблема была в другом: чем больше арогдорцы увлекались разнообразием мутаций, тем быстрее они им приедались и тем больше хотелось получить что-то новенькое. Возникла стойкая зависимость от бесконечного изменения тела, причём необязательно в лучшую сторону. В итоге часто доходило до полного абсурда или очевидного извращения, а конечного удовлетворения от вымышленного идеального тела так и не возникало. Каждый раз для счастья нужно было ещё что-то поправить или добавить, хотя бы самую чуточку. И так продолжалось снова и снова.

Кроме четырёхруких воинов и челоконей в городе можно было встретить много других популярных мужских мутаций. Чаще всего это были строители и рабочие, похожие на огромных обезьян с короткими ногами и висящими до колен ручищами. То и дело мимо проносились на четырёх конечностях тощие курьеры, больше похожие на гончих собак в кожаных костюмах. За прилавками медленно перебирали товары продавцы с худыми и длиннющими руками, похожими на палки. Но больше всего потрясали редкие люди-краны, которых от

холода защищала только длинная и скомканная шерсть. Эти мохнатые великаны в три роста обычного человека очень грузно шагали по узким улицам, со свистом тяжело дышали и всё время что-то пережёвывали.

Многие жители вулкана не соответствовали ни одной из категорий и выбирали свой собственный путь, играясь с податливым телом, словно с глиной, согласно насущной необходимости или позывам фантазии. При этом нередко можно было заметить переходные формы мутаций. Например, чаще всего встречались юные воины с маленькими нижними парами рук и едва наметившимися наростами брони. Также в кратере проживало много несчастных граждан, которые не смогли хорошо освоить фазу в местных Школах. Им оставалось жить скучной и чрезвычайно короткой жизнью простых смертных, занимая самые неприглядные социальные ниши.

Сам Арогдор был не менее интересен, чем населявший его люд. Поскольку достаточно тесные улочки извивались меж однообразных каменных домов с крошечными окнами, город казался почти одинаково серым и безликим, если бы не несколько отовсюду заметных строений. Главной доминантой кратера являлась гранитная стела в виде гигантского меча, воткнутого прямо по центру площади у замка предводителя. Резиденция Варнера Эйзенберга, в свою очередь, напоминала королевский замок в Парфагоне, но имела только две башни. Этот тёмно-серый замок окружали изящные особняки, а также Казармы и другие административные здания. Там же красовалось сразу несколько храмов с конусообразными крышами, где

граждане благодарили многочисленных богов за редкие радости жизни, но почему-то никогда не винили их в более многочисленных неприятностях. По такому же принципу арогдорцы относились к предводителю, который по популярности храмов оценивал устойчивость своего положения.

Одной из отличительных черт Арогдора были огромные деревянные амбары, расположенные аккурат у всех трёх ворот. Именно там хранились награбленные в Парфагоне ресурсы. Эти склады также пополняли своей данью крестьяне, жившие на территории вулкана, а почти вечный холод позволял значительную часть года сохранять съедобные запасы в свежести. Однако они в любом случае редко успевали испортиться из-за чересчур прожорливой армии Джавера.

Рассмотрев город вблизи, получив первые впечатления и немного привыкнув к вездесущей вони, нетерпеливый Ален решил приступить к рекомендациям Нильса Дора:

— Ну что, попробуем?

— Братишка, — не выходя из образа, пытался его отговорить Томас, — у нас и так полно делишек. Может, не надо?

— Так что там надо говорить? Не помнишь?

Смуглый лесной разбойник уже целый квартал пялился на шедшую впереди девушку в короткой чёрной шубке и высокой меховой шапке с волчьим хвостом. Она уверенно вышагивала в кожаных штанишках, выгодно обтягивавших её сочную фигуру, и словно так и упрашивала познакомиться своими виляющими бёдрами. Агент долго не мог набраться смелости, но всё

же собрал в кулак всю свою рыцарскую храбрость и, громко откашлявшись, начал романтическое знакомство:

— Эй ты, жирная тварь!

— Что?! — повернулась она.

— Мне кажется, ты что-то перепутал, — отходя в сторону, тихо произнёс Томас.

— Отойди, говорю... Грязная свинья... — с большим сомнением в голосе не сдавался дамский угодник.

— Обалдеть!

— Не пройти совсем белым господам...

— Козлище, ты откуда такой борзой взялся?

Обиженная девушка, во-первых, оказалась не совсем девушкой: Ален буквально позеленел, когда она повернулась в своём обтягивающем наряде. Во-вторых, недолго думая, мутант дал такую звонкую пощёчину агенту Парфагона, что его пыл надолго остыл, а в голове зазвенели колокольчики и засверкали молнии. Вся ситуация выглядела настолько комично, что со всех сторон посыпался сиплый хохот довольных зевак:

— Ха, мужик!

— Сразу видно, что долго в лесу сидел!

— Ну, разбойники!

— Разбираются же в бабах, эх!

Хотя знакомства не вышло, друзья сразу почувствовали, что попали в нужную волну. Судя по всему, подобные истории в кратере происходили действительно повсюду. Почти все мужчины то и дело пытались потискать проходивших мимо женщин, а те в ответ всё время ругались и умело колотили нахалов. Многие же красавицы вообще не обращали внимания на

сотни наглых рук. Они как ни в чём не бывало просто шли дальше по своим делам.

Ввиду того, что в городе совершенно отсутствовали хоть какие-нибудь правила, в нём безраздельно царствовала свободная любовь, и огромные мужественные воины-мутанты могли сменить в фазе шаблон на тощую девочку или наоборот. Это было повсюду и не вызывало никаких эмоций у местных жителей, поэтому существа с ярко выраженными характерными признаками обоих полов то и дело мелькали перед глазами ошарашенных агентов. Брезгливый по своей природе Томас предпочитал всего это не замечать и потому стойко сопротивлялся шуткам дорвавшегося до счастья Алена.

Перекусив горячими лепёшками и исследовав окрестности замка, всё ещё почёсываясь, агенты Парфагона дошли до одного из многочисленных рынков. К их ужасу, гнилые и перемёрзшие продукты там просто валялись неровными горками на загаженной земле. Брезгливо обойдя торговые ряды, друзья купили у чумазого разносчика свежий выпуск «Звезды Арогдора». Вестник издавался в виде одного большого листа ворсистой бумаги с корявыми рукописными буквами. Оттуда они узнали последние новости, в числе которых были не только героические сводки с границы и указы мудрого предводителя, но и перспективные достижения в мутациях. Судя по восхищённым сообщениям, в некой секретной лаборатории арогдорцы всё успешнее превращались в птиц, рыб, кротов, отдельные предметы и даже небольшие здания. Там же они активно работали

с цветом кожи, играясь с её оттенками или делая абсолютно прозрачной.

Начитавшись о таком невиданном многообразии мутаций, Ален вдруг воодушевился:

— Слушай, у меня гениальная мысль!

— Я в предвкушении…

— А почему бы не нарастить себе большую голову? Попробуем?

— Зачем это?

— Самые умные станем, деревенщина.

— Думаю, таких хитрецов много. И в Парфагоне тоже.

— И?

— У нас они уходят в лес или бросаются со Стены.

— Не понимаю…

— Непросто быть умным. Говорят, мы живём лишь потому, что не понимаем происходящее вокруг. Поймёшь — жить не захочешь.

— Как-то скучновато сразу стало, — расстроился Ален, но также внезапно снова обрадовался: — Может, тогда уменьшить голову?

— А вот это уже отличная идея, брат!

Наблюдая за арогдорцами, Томас постоянно ловил себя на мысли, что несколько простых мутаций могли помочь и самому Парфагону — как в бесконечной войне, так и в повседневной жизни. Однако введённые Этической комиссией строгие правила запрещали всё лишнее, хотя этим же и сохраняли городу человеческий облик.

Однако с некоторыми особенностями жизни в кратере Томас вовсе не мог согласиться. Например, с наличием хмельных напитков и дурманящих трав, а также

доступностью борделей и игорных заведений. Родившись в девственной сельской среде и затем сформировавшись в чопорной столице, он считал всё это пошлой дикостью, наносящей урон самим устоям государства, незаметно разлагая его. Однако с этим мог поспорить Ален, которому подобных вещей в жизни явно не хватало, и он не видел в них ничего зазорного и предосудительного.

Также Томаса поражало полное пренебрежение к образованию. По сути, граждан Арогдора обучали только фазе, а также примитивным основам письма и арифметики. Причём детей, так же как и в Парфагоне, начинали обучать с самого раннего возраста, но выпускали из закрытых Школ уже к десяти годам, поскольку активно использовалась мутация ускоренного взросления. Именно по этой причинам огромные четырёхрукие воины генерала Джавера временами были наивны, как глупые подростки: они зачастую ими и являлись.

В итоге уровень и продолжительность жизни на вулкане оказались невыносимо низкими. Несмотря на возможность многовековой жизни, люди постоянно погибали в бесконечной войне и в хаосе самого города, где расцветали преступность, принятое за норму насилие, а в голодные времена — даже каннибализм. Если избранная элита могла запросто жить по два века и более, то обычным людям виделось большим счастьем дожить хотя бы до полусотни лет.

Однако было в этой тьме умов и множество характерных исключений. Например, многолетний предводитель Варнер Эйзенберг был склонен поддерживать мутацию обычного привлекательного

мужчины, имел весьма неплохое образование и сам лично был горячим сторонником высокой культуры и науки. Это же касалось его неординарного полководца, который и вовсе оказался перебежчиком из Парфагона. Ввиду недалёкости местного населения изменившие Альберту Третьему подданные легко находили здесь тёплое местечко.

Перебегали в Арогдор по разным причинам. Кого-то с позором изгоняли из королевства, как переступившего грани дозволенного Джавера. Иногда тут просто прятались от сурового наказания за тяжкие преступления. Но большинству всего лишь не хватало личной свободы. Именно такие романтики и основали сам город около четырёх веков назад. Сначала он мирно существовал и цивилизованно развивался, как и все другие поселения королевства, однако растущие разногласия с Парфагоном привели к великому противостоянию.

К вечеру, прослонявшись весь день в поисках Ирэн и причин возросшей военной активности, друзья зашли в трактир, надеясь встретить пьяного воина с развязанным языком. Одноэтажное здание находилось недалёко от замка предводителя, и из него на всю улицу доносились громкий галдёж, басистый хохот и женский визг. Внутри был один широкий зал с гнилыми деревянными столиками и стульями, меж которых сновали подавальщицы, обслуживая разгорячённых клиентов. В тесном, пропахшем по́том и засохшей блевотиной помещении царил полнейший бардак и хаос. Изрядно напившиеся мутанты могли найти себе только два

достойных занятия: ожесточённо бить друг другу сиплые морды и старательно тискать хихикающих дам.

Подсев к четырёхрукому монстру, зевавшему на стуле, друзья за три медных монеты заказали ему и себе по кружке пива, не забыв шлёпнуть по набитому месту равнодушной подавальщицы в порванном платье. Однако вкус любимого напитка арогдорцев, чрезмерно отдавая солёной горечью и гнилой рыбой, оказался не столь приятным, как друзья надеялись. Увидев их скорченные рожи, пьяный воин всё же смог открыть пасть и выразить своё недовольство:

— Чё рыла корчите, собаки лесные?

— Это же моча какая-то, брат, — ответил Ален, сплёвывая пойло на пол и вытирая язык о волосатую руку.

— А это и есть моча!

Грозно осмотрев лысых разбойников отсутствующим взглядом, мутант расхохотался, явно довольный тем, что нашёл себе собеседников. Все остальные боевые подвиги вечера уже были успешно достигнуты, судя по кровавым ссадинам под левым глазом, приспущенным кожаным штанам и широченному поясу на плече, — известному средству для поддержания женской груди. Почувствовав нужный контакт, Ален решил его разговорить:

— Как жись, защитничек?

— Прекрасно! Как ещё может быть в таком чудесном городе?

— Чудесном?

— Ага.

— На улице везде говно...

— Так и в головах говно. И власть — говно. Мы самое гармоничное государство!

— И поменять ничего не хочешь?

— Ты спятил? У нас же идиллия!

— Хм, а как там на службе?

— Ого, как! Бьем этих дрищей в железках каждый день! Альбертик рыдает, бедняжка!

Услышав столь обидные слова, побагровевший Томас еле сдержал себя. В его глазах замелькали обрывки памяти из Ярты, когда он в самом начале атаки раскромсал на мелкие кусочки похожего мутанта.

— Брат, так рыцари не виноваты, — продолжал Ален. — Это их работа.

— Так и мы не виноваты! Только они почему-то там все хорошие такие, а мы тут звери. Как так?

— Король у них такой, брат. Мозги им промыл.

— А нам не промыли? Этот хрен сидит в замке и сказки нам поёт! Но мы ж тут знаем, что там правды — от силы половина. А эти чистюли в своём королишке вообще не сомневаются. Что пукнет — то и сделают, на то и помолятся. Дебилы!

Мутант стукнул кулаком по столу, а уязвлённый Томас вскочил на ноги, не выдержав очередных паскудных оскорблений. Ален каким-то чудом всё же затащил его обратно за стол и продолжил:

— Что правда, то правда, брат. Видишь, как мой друг их ненавидит?

— Молоде-е-ец! — похвалил воин, оглядев Томаса с ног до головы своим замутнённым взором. Затем он глотнул пива и громко отрыгнул, отчего задрожали стёкла. — А что получается? Нас тут безмозглыми

шакалами считают, но мы хоть понимаем, за кого нас держат. А они там, чистюли фиговые, слепы как котята! За Арогдор! — вскинул он кружку вверх.

— За Арогдор! За Арогдор! — послышалось со всех сторон так неистово, что даже агенты были вынуждены поддержать тост, дабы не вызвать подозрения.

— Но мы им скоро устроим... Ещё месяц — и сам Парфагон не устоит! — гордо вымолвил пьянчуга и с глухим грохотом замертво свалился со стула.

— Что устроим? — пытался выяснить Томас, подняв за липкие дреды голову храпящего мутанта.

— Вот гадина, — расстроился Ален. — Будем ждать, когда очнётся?

— Это сколько? Час? Неделю?

— Не знаю. Нильс другим вещам учил.

Друзья переглянулись и пожали плечами. Затем, внимательно оглядевшись, они заметили немного в стороне совсем юную девушку, невинно моргавшую слегка выпученными глазками. Ангельский вид одетой в школьный фартук худышки дополняли русые косы и полная растерянность. Рассматривая её, друзья совершенно не могли понять, как это прелестное создание оказалось в столь позднее время в таком злачном месте.

— Попробуем? — шепнул Ален.

— С удовольствием посмотрю, — дал добро Томас, но на всякий случай отсел немного подальше от товарища, который не стал откладывать приключения в долгий ящик:

— Эй, малышка!

— Ой, это вы мне?

— Радуешь мужской глаз!

— Спасибо, красавчик!

— И второй глаз тоже радуешь.

Милая арогдорочка захихикала тоненьким голоском, оценила заблестевшим взглядом нелепых лесных разбойников и, недолго думая, сама подошла и села обалдевшему Алену на колени. В этот момент Томас понял, что ему пора уходить, но не смог не уколоть товарища:

— Братишка, не подскажешь напоследок, какой именно глаз у тебя первым порадовался?

— Давай, шуруй в свой клоповник!

— А что, друга не будет? — опечалилась девочка, сложив губки бантиком, чем вызвала неподдельный восторг Алена, уверовавшего во всех местных богов.

— О-о-о… — лишь вымолвил Томас и двинулся к выходу.

На пути к ночлежке он пытался состыковать все события дня. Хотя ничего необычного друзья так и не нашли, стало понятно, что грядёт новое наступление. Причём, если верить пьяному воину, мутанты готовят нечто необычное, раз уж бесстрашно замахиваются на неприступный Парфагон!

Вернувшись на постоялый двор, утомлённый агент наткнулся в сумерках открытой галереи на сменщицу Риты. Не в силах поднять уставших глаз выше декольте широколицей шатенки, он шепнул ей на ушко заготовленную глупость и обречённо побрёл к себе в конуру, где скучали голодные букашки. Юная особа лишь презрительно усмехнулась, показав ему вслед язык, а затем, пританцовывая, побежала по своим делам.

***

На следующее утро Ален проснулся в незнакомом доме, полностью пропахшем приторно-сладкими духами. Огромная мягкая кровать, на которой он лежал, была рассчитана на мутантов всех мастей и стояла в центре опочивальни с видом на обе башни замка Эйзенберга. В комнате абсолютно всё было сделано из золота или позолоты: стены с волнистым орнаментом, толстые рамы пейзажей, подсвечники, люстра, торшеры, кресла, шкафчики, столики, высокие двери, резной потолок, рамы окон и многое другое. Даже шторы, бесчисленные подушки, пухлые одеяла и мохнатый ковёр сверкали жёлтым металлом! Агент Парфагона такого шального богатства не видел даже в замке Альберта Третьего, где однажды случайно оказался на Королевском балу.

Сквозь звон в ноющей голове и просохшее, как пустыня, горло он услышал за спиной тихое шуршание постели и чьё-то невинное почмокивание. Оглянувшись, лесной разбойник увидел вчерашнюю школьницу из трактира, отчего клыкастая улыбка расплылась по его довольной роже с лукавым взглядом жгучих очей. Волшебная отроковица, по пояс укутанная в мягкое одеяло, изгибалась в приятных потягиваниях и улыбалась ему своими обветренными губками:

— Привет...

— Привет, красавица, — еле смог ответить охрипший Ален. — Похоже, я заболел. Где мы?

— По-моему, ты просто вчера перебрал, дорогой.

— Да? А что, так каждый раз происходит?

— Какой молоденький дурачок мне попался! — радостно взвизгнула девушка и крепко обняла смуглого

женишка, жадно ощупывая его пузатое, но зато могучее и волосатое тело. — У меня лет сто пятьдесят назад такое тоже бывало, а потом привыкла.

— Сколько?! — простонал Ален, отодвигая от себя мерзкое существо, тянувшее свои ручонки и губёшки к его самому дорогому. — Ты сказала «сто пятьдесят»?

— А что такого? Я ещё тогда совсем мужиком была.

— Тьфу! — плюясь и обтираясь простынёй, вскочил голозадый парфагонец. — Где тут выход?

— Ты вообще откуда такой? — обозлилось оно.

— Да вы тут с ума все посходили! — быстро одеваясь, почти рыдал храбрый агент, вспоминая родненькую Башню совершенства и проклиная Томаса. А ведь всё так хорошо начиналось!

— Так ты правда рыцарь?

— Что? Кто тебе сказал?

— Ты.

— Я ничего не говорил.

— Да ты вчера собирался на мне жениться и сбежать от короля!

— Не может быть!

— Это ты ещё не знаешь, что ночью было...

— Неужели оно так работает?!

— Это невозможно не знать… Я думала, ты шутил про рыцарей! — существо вскочило с кровати и начало неистово звенеть в позолоченный колокол для вызова прислуги. — Охрана! Охрана!

Несчастному любовнику ничего не оставалось, как разбить ветвистым канделябром окно, ловко спрыгнуть со второго этажа изящного особняка, а затем окольными

путями бежать со всех ног, морщась от предательских воспоминаний бурной ночи.

Тем временем Томас, вновь покусанный полчищами кровожадных насекомых, устал ждать своего друга и решил пойти изучать город самостоятельно. Спустившись вниз и зайдя в холл глотнуть воды из кувшина, всегда полного для нищих постояльцев, он снова увидел новую работницу. Фигуристая шатенка в шерстяном платье и фартуке выгребала золу из камина, тихо напевая задорную песенку и весело двигая попой ей в такт. Утолив жажду, агент тут же подошёл к ней, неуклюже изображая видавшего виды разбойника:

— Малышка, вопросик можно, а?

— Прилично на этот раз, вонючка?

— Можно и так, — усмехнулся Томас, рассматривая поразительно знакомый подвижный носик с небольшой горбинкой. — Не знаешь тут одной сладкой хрюшечки по имени Ирэн?

— Редкое имя.

— Ага.

— И что, прямо хрюшечка?

— Ещё какая! Жопа там — мм...

— Да что вы говорите!

— Так знаешь или чё?

— Знаю. Например, меня так зовут. Ха-ха-ха! — звонко рассмеялась работница, поразив Томаса своим голоском и забегавшими зелёно-карими глазками. — Но я точно не ваша жирная хрюшечка.

— Ирэн?

— Да.

— Не обращай внимания: я мутировал.

— Я — это кто? — удивилась девушка, разглядывая собеседника.

— Томас.

Побледнев, арогдорка вскрикнула и со слезами на глазах кинулась на шею брата, которого уже не надеялась увидеть. С последней встречи она помнила, что он должен был погибнуть, но всё равно устроилась в самый первый от Врат свободы постоялый двор, чтобы знать всех гостей кратера. Её сердце всегда чувствовало, что она рано или поздно встретит кого-нибудь из родных мест.

— Я знала, что ты смог выжить... Я верила, Томас!

— Я тоже, Ирэн, — не в силах сдерживать слёзы, ответил он.

Через минуту, когда эмоции немного поутихли, счастливый лесной разбойник отвёл сестру в свою конуру. Там он вкратце рассказал о своей жизни после её похищения и, конечно, объяснил текущую ситуацию.

— Так ты снова можешь погибнуть, братишка?

— Не волнуйся. Главное — мы живы и нашли друг друга. Теперь нас никто никогда не разлучит. Я же настоящий рыцарь, представляешь? Я смог!

— Ты герой!

— Осталось узнать, что задумал Эйзенберг, и мы с тобой...

Послышался чей-то тяжёлый бег, и в следующее мгновение, с треском выбив трухлявую дверь, в комнату ворвался обессиленный Ален:

— Томас, осторожно! — держась за стену, он указал пальцем на обескураженную девушку: — Это старый пердун!

На несколько протяжных мгновений все замерли. Лишь присвистывающее дыхание бледного любовника надрывало неловкую тишину, которую всё же осмелилась прервать оскалившаяся Ирэн:

— Та-а-ак… А это кто?

— Ален. Мой напарник и друг...

— И мы уходим! — быстро опомнился его товарищ.

— Почему? Это моя сестра.

Ален ахнул и остолбенел, разглядывая очаровательную девушку со знакомыми чертами, но вскоре взял себя в руки и продолжил:

— Тогда вместе уходим. Срочно!

— Что случилось?

— Нас уже ищут.

— Идите за мной, — скомандовала Ирэн и стремительно вышла из комнаты.

Схватив топоры и кинжалы, неудачливые агенты беглым шагом покинули постоялый двор и направились за девушкой к Вратам свободы. Уже у тоннеля они наткнулись на скучавших мутантов, рассевшихся на длинном бревне.

— Ирэн? — обрадовался воин со шрамом на щеке. — Ты подумала над моим предложением, кисуля?

Ничего не говоря и равнодушно улыбаясь, девушка подошла к монстру, обняла его за шею и жадно вцепилась в клыкастые уста. Его приятели присвистнули и тут же начали кидать пошлые шуточки про шевелящиеся дреды и лишние руки. Завистливые стражи столь увлеклись, что вовсе не обратили внимания на лесных разбойников, кои незаметно прошуршали

мимо. А когда Томас скрылся в тоннеле, Ирэн оттолкнула огорошенного женишка и помчалась следом.

— Ты куда? — рявкнул воин, вскочив с бревна. — Я тебя жду!

— Минуту, дорогой!

С другой стороны кратера она живо догнала Томаса, ожидавшего её меж огромных заснеженных валунов. Он крепко взял её за дрожащую руку и потащил за собой дальше вниз, где меж взбитых облаков виднелся их родной дом — королевство Альберта Третьего.

Но она вырвалась из его пальцев:

— Я не могу пойти с тобой.

— Что? Как это? Я же только нашёл тебя!

— Знаю, но я не могу...

— Ирэн, это я — Томас. Как ты не можешь уйти со мной?

— Потом как-нибудь объясню. Беги же!

— Я не уйду без тебя!

— Мы ещё встретимся, — заплакала арогдорка, отталкивая брата в сторону ущелья. — Уходи же быстрей!

Осознавая стоимость каждой минуты и понимая, что товарищ находится в растерянности, Ален силой потащил его в сторону ущелья. Опомнившись, Томас вскоре перестал сопротивляться и, обречённо помахав сестре рукой, быстро побежал вниз, периодически с надеждой оглядываясь.

Зарёванная Ирэн неспешно вернулась обратно к кратеру, где очумелые воины в панике закрывали ворота, в которые один за другим, словно ошпаренные псы, выскакивали тощие курьеры с вытянутыми вперёд

головами. Облачённые в облегающие кожаные костюмы, шустрые мутанты кинулись в разные стороны на всех четырёх конечностях. Очевидно, их отправили предупредить дозоры, чтобы они никого не пропускали сверху.

До следующего утра Томас и Ален оголтело неслись вниз, не останавливаясь на отдых и обходя дозоры, которые им показал наивный Билл ещё по пути наверх. Измученные и почти терявшие сознание от странной одышки, они неизбежно начали терять внимание и всё менее аккуратно прятались. В конечном итоге расчёт самого последнего дозора заметил обессиленных друзей в одной из скалистых расщелин и погнался за ними. Бодрые и полные сил мутанты на откормленных челоконях молниеносно догнали агентов и сбили их с ног у оглушающего порога горной реки:

— Твари! Попались!

— Тридцать золотых наши, мужики!

— Ломайте подонкам ноги, — скомандовал старший воин с рыжими дредами.

Один из мутантов спрыгнул с челоконя прямо на ногу Алену, отчего раздался глухой хруст, и бедный рыцарь завопил во всё горло, разогнав с коренастых кедров испуганных птиц. Затем мутант неспешно подошёл к Томасу, прижатому топорами к холодной земле, но до боли знакомый свист стрел снова спас бывшего селянина. Два поверженных мутанта сразу повалились с ног, а другие отчаянно кинулись на отряд Башни признания, который нёсся навстречу под руководством седой бороды Аарона Коннелла.

Как и ожидалось, парфагонцы не оставили ни малейших шансов несчастным монстрам, перерезав их в считанные мгновения.

— Умеешь на помощь звать, — пошутил центурион, спешившись у сжавшего зубы Алена и вытирая меч о его меховую жилетку. — Хоть чему-то сопляков ещё учат в Академии.

***

Вернувшись в спасительную Башню признания, Томас, не переводя дух и даже не перекусив, поднялся в кабинет коменданта и за его столом детально описал все произошедшие события на нескольких листах. Это длинное письмо он незамедлительно отправил с гонцом, пообещавшим не более чем за два дня доставить его главнокомандующему. Томас надеялся, что сэкономленные на дороге четыре, а то и пять дней обязательно помогут лучше подготовиться к скорой атаке на столицу. Лишь после этого он проведал в лазарете несчастного Алена и спокойно уснул.

Когда на следующий день агентов отправили трястись домой, снова спрятав в крытой повозке военного обоза, у них была целая неделя спокойно поразмыслить о произошедшем. Всего две короткие ночи в Арогдоре фундаментально повлияли на то, как они теперь смотрели на государство мутантов, родное королевство, да и жизнь в целом. Для более юного Алена, на долю которого пришлось больше всего мучительных страданий, увиденное было сродни полному уничтожению всего того привычного мира, который он знал раньше. Несмотря ни на что, несмотря на все страдания и невзгоды, удивительная жизнь вулкана

потрясала его свободой и вседозволенностью, пусть и ценой ужасных условий существования. К своему страху, он даже понимал тех людей, которые основали этот город и во все времена бежали в него из золотой клетки Парфагона.

Для Томаса весьма своеобразное государство на вершине вулкана теперь тоже не выглядело воплощением зла, которое настойчиво вырисовывалось в его воображении с раннего детства. Несмотря на очевидную убогость и бесспорную абсурдность многих сторон жизни, там обитали совершенно обычные люди, которыми двигали понятные ему интересы. Мало того, в чём-то они были гораздо свободнее и счастливее парфагонцев. Томас только не мог понять, как так получилось, что и тут, и там живут нормальные люди, которые хотят только мира и добра, но при первой же возможности режут друг другу глотки.

Получается, одни хорошие с самыми доблестными намерениями идут на других хороших с теми же возвышенными идеалами, а потом они обманывают друг друга, предают, убивают и радуются всему этому. Как это возможно? С чего всё это началось? Когда и кто расшатал этот смертельный маятник, который теперь никто не мог остановить?

В связи с этим бывший селянин впервые трезво посмотрел на свою столицу и, наконец, понял, о чём всегда твердил Нильс: их родное королевство настолько зажало себя в придуманных рамках, что в итоге само стало жертвой этих же ограничений. С одной стороны, все эти законы помогали городу сохранять человеческий облик и культурную цивилизацию. С другой стороны,

война с кровожадным противником, надёжно засевшим на неприступной высоте, ни к чему не приводила уже века напролёт. А теперь эта нерешённая проблема вылилась в реальную угрозу самому Парфагону — ни больше ни меньше.

Конечно, наибольшее потрясение было вызвано встречей с Ирэн. Томас никак не мог представить причину, по которой она решила остаться в Арогдоре, в этом вонючем оплоте похоти и грязи. Он с самого детства во всех своих наивных мечтах спасал сестру и воодушевлённо возвращался с ней с вулкана в свой новый дом в Парфагоне. Он даже ни на минуту не сомневался, что так бы оно и случилось, найди он её. Но именно этот, казалось, самый очевидный нюанс пошёл не по плану, напоровшись на безжалостную реальность. Что её могло там держать? Что было сильней их родственной связи? Неужели она простила Эйзенбергу и Джаверу убийство родителей? А смог бы он сам остаться ради неё в Арогдоре, бросив свой привычный мир?

Томаса успокаивало лишь понимание того, что она действительно выжила. Мало того, Ирэн вымахала красивой и здоровой девушкой, не потерявшей остатки разума и человечности, несмотря на окружающую среду. В конце концов ему действительно стоило поблагодарить судьбу за бесценный шанс просто увидеть и обнять сестру.

Глава 6. Предательство Города заката

Ноябрь 966 года выдался томительным и пасмурным. Хотя Альберт Третий скептически отнёсся к донесению о возможной атаке на столицу, справедливо усомнившись в рассказе одного пьянчуги, слух о скорой беде быстро распространился по Парфагону. Оглядываясь на мощное весеннее наступление, легат Ричард Фейн и его тайный советник Нильс Дор, в отличие от короля, готовы были

поверить во что угодно и не хотели сидеть сложа руки. Было очевидно, что мутанты не будут надолго откладывать новую кампанию, которая должна стать ещё опаснее.

В итоге, получив согласие канцлера Питера Калицы, главнокомандующий начал негласную подготовку к обороне. Первым делом все внешние склады продовольствия были почти полностью перевезены внутрь Стены. Также были значительно увеличены запасы гарнизонов всех Башен, справедливо ожидая принять первый удар именно ими, если это будет стандартная атака с суши. Боевые составы как самих Башен, так и обеих когорт Парфагона были переведены в постоянную боеготовность. Тяжелее всего приходилось малочисленным гарнизонам крупных городов. В случае внезапной агрессии, как это случилось с Новым Альбертом и Яртой, они не могли долго сопротивляться и оперативно получать подкрепления. Однако, при наличии реальных угроз самой столице, никто даже не собирался решать столь второстепенные задачи.

Хотя отчаянные агенты так и не успели выяснить причину возросшей изобретательности мутантов, король радушно пожаловал обоим воинам звания центурионов, оценив их храбрость. За долгое время они оказались единственными рыцарями, сумевшими живыми и почти невредимыми вернуться из столь гиблой миссии. Затем почти целый месяц новоиспечённые офицеры просидели взаперти у себя по домам, попадая в фазу по нескольку раз в день и постепенно возвращая себе привычный облик. Между делом, находясь в своеобразном отпуске, Томас постепенно свыкся с выбором сестры, оставшейся в

зловонном Арогдоре. Он больше беспокоился о скором вторжении, активно участвуя в тайных встречах Нильса и Ричарда, где предлагал свои решения и идеи.

Однако было место и счастливым хлопотам. Сразу по возвращении с вулкана, после недели тоскливых раздумий на обратном пути Томас сделал предложение счастливой возлюбленной. И хотя это было не самое лучшее время, молодые люди резонно полагали, что прежняя безмятежная жизнь может уже никогда не вернуться. В итоге, когда все вокруг ожидали событий, сравнимых разве что с концом света, сияющая Мария вела себя так, будто ничего и не происходило, занимаясь приятной суетой подготовки к торжеству. Конечно, ей неустанно помогали Маргарита, родители и так называемые «подруги», которые присутствовали в её продуманной жизни разве что для порядка.

Наконец, в один из редких солнечных дней конца осени настало самое важное и ожидаемое утро во всей жизни Марии, всё-таки дождавшейся своего часа. В уютном парке на окраине Парфагона, окружённом аккуратными каменными зданиями, среди жёлто-оранжевых дубов и на всё ещё зелёной траве был щедро накрыт большой праздничный стол. За белой скатертью собрались близкие невесты и окружение Томаса, в том числе практически родственник Ричард Фейн. Вместе с легатом присутствовала его супруга — такая же белокурая особа, с совершенно спокойным ровным личиком. Конечно же, учитывая стезю жениха, среди гостей преобладали дородные рыцари, которым вместо привычного камзола по такому случаю было положено блистать в сверкающих панцирях и синих накидках.

И вот началась та величайшая церемония, важность которой для многих женских сердец всегда была зачастую выше смысла самого брака. Ещё ни одна дама в этом бренном мире не смогла почувствовать себя не хуже других без процедуры бракосочетания. Пусть даже с каким-нибудь никчёмным идиотом, смысл существования которого будто только и заключался в том, чтобы осчастливить хоть одну женщину, раскупорив её сознание чисто формальной свадьбой. Во всяком случае, именно так Нильс Дор объяснял смысл этого ритуала своему приёмному сыну ещё с детства. Но, как оказалось, безуспешно.

На глазах у многочисленных зевак, которые окружили парк, приглашённые друзья и родственники окончательно расселись за столом. В это время отец невесты взял за руку свою прекрасную дочь и гордо вывел её на лужайку напротив зароптавших гостей. В высоком широкоплечем брюнете, недавно ушедшем в отставку штабном рыцаре, легко угадывались черты Марии, особенно упрямый взгляд и слегка широковатые скулы. Но ещё больше знакомых деталей можно было разглядеть в её очаровательной матери, сидящей за столом в розовом платье рядом с местами для молодожёнов. Визуально она являла собой едва ли не копию своей дочери, особенно привлекательными формами, моложавым личиком и ямочками на румяных щеках.

Плодородное тело будущей Марии Юрг прикрывало удивительной красоты белоснежное платье с облегающим верхом и многослойной юбкой. Его бездонное декольте обнажало подаренное женихом

золотое ожерелье, которое всё время беспомощно проваливалось меж колыхавшихся форм. За спиной невесты тянулся полупрозрачный шлейф, раскинувшийся по траве и опавшим листьям. Держа в руке изящный букет белых розочек, скромно опустив вниз смущённый взгляд, девушка терпеливо ожидала прибытия допрыгавшегося женишка.

Но Томаса всё не было. Заскучавшие гости начали немного беспокоиться и разговаривать чуть громче, а среди зевак всё чаще раздавались пошлые шутки, смех над которыми не все за столом могли сдержать. Особенно гоготал Ален, лишь недавно повеселевший после своих приключений в Арогдоре, а также другие неотёсанные рыцари. Мария всем назло как ни в чём не бывало продолжала скромно переминаться на месте, задумчиво теребя хрупкие лепестки роз и золотые кольца на пухленьких пальчиках. Но это была только внешняя картина.

Внутри у неё, точь-в-точь согласно очередной теории повидавшего жизнь Нильса Дора, бушевала неистовая буря. Мария абсолютно искренне мечтала четвертовать Томаса самым беспощадным образом и в то же время беспокоилась, не случилось ли с ним чего плохого. Она одновременно — ну, или с разницей в мгновения, — то хотела драматично сбежать прочь на глазах у ахающих зрителей, то в одиночестве тут же намертво стоять до самого утра, обречённо промокая под снегом и дождём. Конечно, не меньше, чем за жизнь жениха, она волновалась за предательскую складку на дорогом платье, которую на самом деле никто, кроме неё, и не видел. Как и любая девушка, Мария также не могла не

переживать о том, насколько толстой она выглядела и достаточно ли красиво уложены её волосы, всем потаскухам на зависть. Иногда ей даже чудилось, что она настолько уродлива, что избалованный арогдорками жених испугался и снова сбежал из Парфагона, гад эдакий!

Наконец где-то за домами послышался резвый топот копыт, позволив невесте облегчённо выдохнуть, назло её одиноким подругам, приглашённым на свадьбу то ли по дружбе, то ли для изощрённой пытки. Эти девушки уже начали было ликовать, предвкушая грандиозный позор Марии, но теперь вновь стали темнее грозовых туч.

Из-за угла в сопровождении Нильса Дора показался спешащий жених, вызвав аплодисменты заждавшихся зевак и слёзы на глазах растроганных женщин. Облачённый в начищенные доспехи с бронзовым жетоном, а также в свежую синюю накидку, Томас рысью направил Вектора к невесте, ловко спешившись у её ног. Тут выяснилось, что будущий супруг изрядно запыхался, а его каштановые волосы, снова отросшие до плеч, были растрёпаны. Судя по его странному виду, Марии почудилось, что выстраданная свадьба точно не состоится. Однако Томас всего лишь чуть не проспал, поскольку Маргарита с самого утра возилась с невестой и праздничным столом. Женщина наивно понадеялась на брата, который без неё и сам не смог встать вовремя.

— Клянёшься ли ты в вечной и верной любви к моей дочери Марии Лури? — с волнением начал церемонию отец невесты, пристально оглядывая бывшего лесного разбойника.

Томас в это время уже держал за руки свою невесту и нежно смотрел в её счастливые глаза:

— Клянусь вечно и верно любить свою жену Марию Юрг!

— Клянёшься ли ты оберегать и хранить от всех невзгод и опасностей мою дочь Марию Лури?

— Клянусь оберегать и хранить свою жену Марию Юрг!

Отставной офицер повернулся к сияющей девушке:

— Дочь моя, согласна ли ты стать женой Томаса Юрга, доверить ему свою жизнь навечно и жить до конца дней под его фамилией?

— Да, согласна! — задрожала она и кинулась в могучие объятия своего героя, обрадовав гостей и случайных зрителей.

Чтобы завершить многовековую традицию, им осталось обскакать Стену по внешнему периметру. Поэтому уже через минуту счастливые молодожёны мчались на резвом Векторе через весь город к Северным воротам. В их сердцах невольно забилось некое новое чувство, которое подняло их отношения на более ответственный и глубокий уровень. Смакуя его, они незаметно для себя добрались до выхода из залитой солнцем столицы и затем направились вокруг Стены, нарочито вставляя в каждую фразу обращение друг к другу на «муж» и «жена». Только спустя час они вернулись к праздничному столу, где веселье было в самом разгаре.

Первую брачную ночь молодожёны провели в скромной спаленке небольшого домика на окраине, который был передан Томасу в пожизненное пользование — как новоиспечённому офицеру. Хотя молодые люди

принципиально не жили в нём до свадьбы, хозяйственная Мария всё же успела навести посильную чистоту и порядок. Тем не менее одноэтажное строение отдавало затхлым деревом от трухлявых перекрытий, скрипело всеми дверьми и окнами, жутко продувалось сквозняками, а пыльная штукатурка постоянно осыпалась с каменных стен. Но зато это было первое собственное жильё молодой пары, где они были единоличными хозяевами! Поэтому их не смущали неудобства и бедность — они были слишком молоды для этого. Напротив, парочка радовалась каждой мелочи.

***

Проснувшись к обеду следующего дня, Томас услышал за прохудившимся окошком необычно много шума и в одних панталонах немедленно вышел на внезапно оживший переулок. Вокруг творилась невообразимая паника: испуганные люди сновали во всех направлениях. Из возгласов стало понятно, что мутанты впервые за всю историю успешно атаковали ту самую Башню признания, где командовал Аарон Коннелл. Также звучали противоречивые слухи о том, что враг уже на подступах к самому Парфагону, который и вправду стал главной целью Эйзенберга.

Томас не мог понять, каким образом осмелевшие мутанты смогли так молниеносно взять Башню и что вообще там происходит. Но ещё больше его поразило то, как скоротечно изменились настроения горожан и их взгляды. Ещё вчера многие были уверены, что мирной жизни могущественного Парфагона ничто не угрожает, издевательски потешаясь над скептиками. А сегодня эти же самые люди внезапно оказались в совершенно

перевёрнутом мире, в котором простейшее благо — быть просто живым и просто радоваться самой жизни — попало под вполне реальную угрозу.

Мигом вернувшись в дом, Томас стал быстро собираться, до последнего не решаясь разбудить несчастную Марию, теперь его законную жену. Зная, какую ценность для неё представляет их совместное будущее, о котором они мечтательно проболтали до рассвета, ему не хотелось ошарашить её жуткими известиями. Возможно, она бы не так сильно переживала, если бы он был простым гражданином Парфагона. Но он был рыцарем, который был обязан по своему прямому долгу встать между отчим королевством и сумасбродным агрессором.

Услышав ненавистный звон доспехов вместо шороха тяжёлого камзола, обнажённая Мария проснулась и без слов всё поняла. Ещё буквально только что ей было так хорошо и по-детски беззаботно в этой тесной, но уютной постели. Возможно, это даже были самые счастливые минуты во всей её жизни, но теперь все светлые мечты могут превратиться в сухую труху. Она хотела вернуться к своему недолгому счастью и потому, будто это и вправду поможет, снова легла под тёплое одеяло, закрыла глаза и даже вернулась в то самое положение на правом боку, в котором ещё недавно не знала бед.

Через пару минут, поцеловав молодую жену под маленьким ушком, взволнованный Томас спешно покинул свой новый дом и направился в Академию. Мария же ещё долго ворочалась в кровати, то плача, то крича, пытаясь забыться или снова уснуть. Лишь когда в дом нагрянул её запыхавшийся отец с увесистым мешком

зерна, она пришла в себя и, как и все обескураженные жители Парфагона, начала готовиться к встрече с неизбежным злом.

Её супруг, прибыв в Академию, обнаружил в тёмных коридорах толпы рыцарей, которые собирались в очередной боевой поход. Поднявшись в шумный кабинет главнокомандующего, он наткнулся на столпотворение оживлённых офицеров. Большинство из них уже были облачены в доспехи и ожесточённо спорили у висевшей на стене старой карты, тыча пальцами в северо-западные регионы Парфагона. Задумчивый легат Фейн, заложив за спину руки, стоял у дальнего окна и ни на что не реагировал. Поняв, что лучше его не трогать, Томас стал внимательно вслушиваться в разговоры товарищей:

— Нужно срочно выдвигаться: отбивать Башню признания или сразу спасать Город заката, — восклицал один из трибунов с широкими, как коромысло, плечами и разгорячённым конопатым лицом. — Там тридцать тысяч жизней!

— Что за глупость? Занимаем все подступы к Башне совершенства, а уже потом будем решать другие задачи. Парфагон важнее, — раздражённо отвечал ему рыжий вояка в расстёгнутом камзоле.

— С Парфагоном ничего не случится! Они не осмелятся!

— Они уже уничтожили Город заката, — погрубевшим голосом прервал спор Ричард.

— Не будем его отбивать?

— Пока до него доберёмся, они уже будут здесь.

— Легат, неужели они всё-таки решились?

— Какой смысл ограничиваться одним городом и Башней, если у них теперь есть новое оружие?

Услышав беседу, Томас сразу понял, что произошло. Судя по всему, мутанты получили очередное преимущество в вооружениях, о котором агенты не успели ничего разузнать в разведке. Но где они взяли новые технологии? Не там ли, откуда появились чёрные галеры?

— Будем защищать Башню совершенства и Салеп, — продолжал Ричард. — Дорога на Парфагон должна быть защищена любым путём. А дальше будем действовать по обстоятельствам.

Вдруг распахнулась дверь, и в шумный кабинет втиснулся гонец со срочным донесением. Белокурый легат, бегло прочтя содержание окровавленной записки, буквально почернел на глазах у замерших товарищей. Выругавшись, он зачитал текст вслух:

«Легату Ричарду Фейну.

Отступая по дороге на юг, мы заняли каменный мост через Змею. Держимся из последних сил. Когда вы будете читать эти строки, мы уже погибнем или продолжим отступать к Башне совершенства. Противник использует неизвестные ранее метательные орудия, которые разрушают строения и наносят существенный урон живой силе. Орудиями управляют люди из Города заката, откуда и началась неожиданная атака на Башню признания, поддержанная сотнями мутантов из

ущелья. Очевидно, город вероломно перешёл на сторону Арогдора.

Прошу армию встретить противника у Башни совершенства. Она долго не выстоит.

Комендант Башни признания, центурион Аарон Коннелл».

Кабинет буквально взорвался от известий с фронта: рыцари в неистовстве хватались за головы, плевались на зелёный ковёр, перечисляли все известные им проклятья и в сердцах сокрушали воздух запоздалыми прозрениями:

— Как они посмели?!

— Почему мы раньше не решили эту проблему?!

— Доигрались!

— А мы их спасать собирались!

— Теперь нам конец!

— Заслуженно, братцы, заслуженно! Поделом нам!

— Молчать! — рявкнул Ричард и, дождавшись полной тишины, повернулся к своему вытянутому адъютанту: — Первая когорта выступает через час.

— Будет выполнено!

— Сообщи всё Нильсу и жди меня при штабе колонны, — шепнул легат юному центуриону, быстрым шагом покидая кабинет. — Я к Калице и Альберту.

Томас немедленно помчался по охваченному паникой Парфагону к дому Доров. Но, узнав о письме Коннелла, покрасневшему от ярости Нильсу оставалось лишь выругаться относительно злополучного Города заката,

его своенравного мэра Вальтера Мейсера, а также всех его прабабушек.

Во все времена королевство имело проблемы с этим самым северным и западным поселением, которое граничило с морем и подножием вулкана. Несмотря на столь уязвимое положение, мутанты крайне редко его атаковали, хотя у него всегда были огромные запасы ресурсов на переполненных складах. Невероятно красивый город, занимаясь торговлей и ремесленными производствами, был настолько богат, что его считали конкурентом даже самой столице. Главной его особенностью была прославленная архитектура: бесконечные ансамбли белых зданий и дивных дворцов с колоннами были выстроены в одном стиле, создавая непередаваемое ощущение завершённости. Всё это говорило о высоком уровне жизни и образованности горожан.

Альберт, остерегаясь своенравного города, никогда не провоцировал его мэров и даже давал им всяческие поблажки — например, в виде трёхкратно сниженной дани. В результате такого заигрывания все знали, что Город заката всегда вёл незаконную торговлю с Арогдором и поддерживал с ним самые разнообразные теневые связи. Даже во время весенней атаки флот мутантов не атаковал своего таинственного союзника, хотя проплыл мимо него в самую первую очередь.

Скорее всего — и это ещё полгода назад понимали многие, — галеры были построены в секретных верфях самого Города заката. Мятежный мэр преступно продал их агрессивным соседям, не способным на такие сложные инженерные конструкции. На эту правду старались

закрывать глаза, поскольку было сложно представить последствия конфликта с таким крупным центром, способным в одночасье изменить баланс сил на всей Селеции. При этом никто в королевстве не понимал моральной стороны сотрудничества с мутантами — ведь они олицетворяли самое настоящее, воплощённое в реальность зло. Неужели у Вальтера Мейсера не было другого выбора?

Теперь же, когда случилось коварное предательство, стало окончательно понятно, что призрачное влияние на проблемную территорию было давно утеряно. Её людские и экономические ресурсы встали на сторону отныне невероятно мощной армии Эйзенберга, получившей и свирепую живую силу, и самые современные технологии. Это грозило настоящей катастрофой для Парфагона, мощь которого практически не эволюционировала в техническом плане. В этом никогда не было необходимости, как считал мудрейший Королевский совет.

***

После весенней атаки, трагически унёсшей порядка трёхсот жизней самых подготовленных сынов отечества, в руках короля Альберта Третьего осталось всего двенадцать центурий. К текущему моменту семьсот из них служили по внешним гарнизонам, а две обескровленные когорты по-прежнему находились внутри Стены. Отправившись вместе с Первой когортой на защиту Башни совершенства, Ричард отдал неслыханный приказ готовить Парфагон к обороне. Для этого следовало немедля перекрыть многочисленные подступы к городу, сооружая как можно больше преград

и укреплённых позиций. В столице также ввели военное положение, что позволило привлечь к возведению оборонительных сооружений всё дееспособное население, а в Академии была возобновлена работа мастерской наук, которую раньше то и дело прикрывали за ненадобностью.

Такой оборот событий стал настоящим потрясением для изнеженных парфагонцев. Вместо беспечной сытой жизни они были вынуждены круглосуточно возводить препятствия на подступах к родному дому, а также углублять ров вокруг Стены, что явно не предвещало ничего хорошего. Кроме того, для взрослых мужчин были открыты курсы в Академии, где ополченцев спешно обучали владению холодным оружием и арбалетом.

Ближе к вечеру следующего дня Первая когорта уже подходила к Башне совершенства. Для этого пришлось нарушить все правила и преодолеть долгий путь почти без остановок, лишь недолго переночевав в Салепе. Томас когда-то навещал в этой Башне своего школьного товарища, который остался оборонять столицу во Второй когорте. Однако молодому офицеру не было суждено снова попасть внутрь этого бочкообразного укрепления.

Уже на подходах воины натыкались на обозы тыловых служб, которые в панике направлялись глубоко в тыл, даже не надеясь на помощь подоспевшей армии. Когда же войско ещё издали приблизилось к Башне, занимавшей выгодную позицию на холме, Томас сразу осознал всю тяжесть сложившегося в королевстве положения.

Укрепление оказалось полуразрушено, особенно с северной стороны. Бои шли как внутри, так и снаружи, а

полчища озверевших мутантов взяли потрёпанное строение в полное окружение. Чуть поодаль виднелась пара дюжин онагров — широких деревянных конструкций на прямоугольной опоре с колёсами, которыми управляли люди в чёрном обмундировании. Их ковши в полтора человеческих роста периодически выплёвывали в сторону Башни огромные каменные валуны. Со свистом и грохотом врезаясь в толстые стены здания, они ощутимо разрушали его с каждой новой разрядкой. Кроме того, поодаль находились и другие конструкции — баллисты. Они были похожи на огромные арбалеты на треногах, которыми также управляли расчёты в лёгком чёрном одеянии — судя по всему, армейской форме предателей из Города заката. Эти орудия с недосягаемого расстояния швыряли длинные стрелы в защитников Башни. В итоге рыцари едва ли были способны обороняться даже со смотровой площадки на крыше — ведь в их руках имелись только жалкие арбалеты.

Недолго думая, облачённый в позолоченную броню Ричард приказал одной из центурий немедленно пробить окружение с южной стороны. Конечно же, рыцари с радостью ринулись в бой, словно и не было длительного перехода. По стечению обстоятельств, отряд Томаса одним из первых достиг мутантов, и он с остервенением начал их кромсать, не на шутку переживая за товарищей в Башне.

Вскоре они смогли пробить брешь у ворот — и наружу сразу же высыпали уцелевшие воины:

— Братцы, как мы вас ждали!

— Уходим! Уходим отсюда!

— Быстро! — осипшим голосом командовал окровавленный Коннелл, чья седая борода мелькнула в проходе. — Взять раненых, и уходим!

Оказалось, к этому моменту Башня буквально кишела вонючим неприятелем, пробравшимся через разрушенные стены с северной стороны.

Вдруг мутанты неожиданно отступили от ворот — и через мгновение на сверкавшие в закате шлемы со свистом полетели острые глыбы размером с голову и огромные стрелы. Три воина тут же рухнули рядом с Томасом, обрызгав его тёплой кровью и заставив всю центурию пуститься в бегство. Увидев это зрелище, Ричард самолично бросился в атаку на сменившие дислокацию орудия, но встречный залп сразу же остудил пыл его конницы, принеся ощутимые потери. Мало того — из леса по левому флангу вышли сотни лучников в чёрном, которые засыпали роем стрел обескураженные войска легата. В этот момент, ему уже ничего не оставалось, кроме как дать приказ на неизбежное отступление. Башня совершенства вслед за Башней признания была впервые потеряна, оголяя путь к девственной столице.

Противник не стал преследовать, поэтому парфагонцы решили добраться до Салепа и именно там попытаться дать отпор мутантам. Хотя в провинциальном поселении не существовало оборонительных сооружений, это был последний осязаемый шанс исправить фатальную ситуацию. Если затея провалится, то арогдорцы в течение одного или двух дней впервые доберутся до Стены, что может стать кровавым закатом долгой и счастливой истории идеального города.

***

Вернувшись в Салеп к обеду следующего дня, полностью вымотанный Ричард устроил временный штаб в скрипучих комнатах деревянной казармы местного гарнизона. После напряжённого совещания с офицерами он смог подвести неутешительные итоги. Оказалось, Первая когорта потеряла убитыми четыре дюжины бойцов, а из двух сотен рыцарей разгромленных гарнизонов Башни признания и Башни совершенства выжило чуть больше половины. В итоге в его распоряжении оказалось три центурии деморализованных рыцарей, многие из которых были ранены и едва боеспособны. Понимая, что этого может не хватить для отражения массированного наступления, легат назначил седовласого Коннелла трибуном, дал ему в помощники Томаса и отправил их за подкреплением в Башню самовыражения. При этом, если подмога не успеет спасти Салеп, Коннеллу следовало возвратиться в Башню и собирать рыцарей по всем другим гарнизонам, дабы потом направить эту громадную силу на спасение Парфагона.

Оставшись без дельных советов Нильса Дора, Ричард до позднего вечера неуклюже пытался наиболее выгодно расположить своих воинов на западном подступе к Салепу. Однако ему не хватало опыта в таких вещах, да и сам город крайне неудачно располагался на открытых просторах, не имея никаких природных препятствий и представляя собой лёгкую добычу для любого желающего. В то же время измученные постоянной передислокацией воины просто валились с ног и мгновенно засыпали там, где им удавалось остановиться.

Всю ночь моросил мерзопакостный дождик, а с самыми первыми петухами в атаку бросились сотни бодрых мутантов на отъевшихся челоконях, которых прикрывали онагры и баллисты. Противник в смертельном азарте методично выбивал беспомощных рыцарей из наспех сооружённых позиций в перелесках и деревянных домах, а затем легко выдавливал их к южной окраине города. Изначально Ричард надеялся на подмогу из Башни самовыражения, но потом всё же принял факт, что это не изменит ситуации, — ведь у арогдорцев тоже имелись резервы, в том числе лучники Вальтера Мейсера. Скрепя сердцем, потеряв ещё с полсотни товарищей, обомлевший от позора легат уже через полчаса отдал новый приказ к отступлению, на этот раз последний: дальше Парфагона бежать было некуда.

Когда измотанные Коннелл и Томас подвели свежую центурию к восточной окраине утонувшего в дыму Салепа, он уже давно был оставлен на растерзание. Под трели равнодушных птиц им осталось лишь наблюдать с жёлто-красной опушки осеннего леса, как ресурсные обозы арогдорцев бесконечной вереницей тянулись через поселение.

— Может, хотя бы этих побьём? — метался на месте Томас, отчего уставший Вектор то и дело вставал на дыбы.

— Побьём, но не сейчас, — пробурчал Коннелл, в задумчивости погладил свою роскошную бороду и продолжил: — Столица завтра будет в осаде, а ты хочешь с телегами сразиться?

— Не подумал...

— Жизнь Парфагона теперь в наших руках. Бери дюжину самых надёжных ребят и шуруй в обход дороги на юг. Твоя задача — собрать гарнизоны Нового Альберта и Ярты.

— И прорывать осаду с юга?

— Ждать начала моей атаки.

— Будет выполнено!

— И никаких глупостей, мой друг. Мы спасём королевство, только если перестанем делать все эти позорные ошибки. Чёртов Фейн!

Попрощавшись с немногословным трибуном, Томас отобрал дюжину воинов и лесными тропами помчался в сторону столицы, издали наблюдая неторопливое движение могучей реки мутантов и их стычки с Первой когортой. В это время Аарон Коннелл развернул центурию обратно на восток, где ему предстояло собрать мощнейшую армию из гарнизонов уцелевших Башен и города Звёздного. Впервые ради спасения Парфагона нужно было оставить без защиты все его территории.

В этот же дождливый день, но уже поздно вечером, удручённая армия под командованием раненного Ричарда Фейна бесславно вернулась к Северным воротам, вокруг которых местные жители возводили укрепления и баррикады. Понимая реальный расклад сил, легат приказал горожанам немедленно спрятаться внутри Стены, фактически согласившись на осаду.

Затем Ричард отправился на ужин в замок короля, где в вытянутом обеденном зале собрались главные лица Парфагона. Скромное убранство пропахшего жареным мясом помещения украшалось лишь высоченными фигурными спинками синих стульев в тёмно-зелёной

обивке и аппетитными натюрмортами на тёмных стенах с витиеватым орнаментом, где не было ни единого окна. Во главе длинного стола, плотно заставленного ветвистыми канделябрами и серебряными блюдами с отбивными, восседал статный Альберт Третий в неизменном коричневом камзоле.

— Что будете делать дальше? — спокойным голосом поинтересовался король, окатив серыми глазами главнокомандующего, присевшего по правую руку.

— Обороняться, — обречённо ответил легат, поправив окровавленную повязку на лбу. — И ждать.

— Не подскажете, чего именно ждать? — уточнил круглолицый Питер Калица, орудуя столовыми приборами напротив рыцаря. Его чёрные волосы, как всегда, были собраны в аккуратную косу, а широкие ноздри плоского носа слегка раздувались при каждом вдохе.

— Мы всё время чего-то ждём от вас, Фейн! — зло пропищал Ньютон откуда-то из-под правой руки Ричарда. — И ещё ни разу ничего не дождались.

— А вы вообще не вмешивайтесь! — неожиданно для всех зарычал рыцарь, громко ударив кулаком по вздрогнувшему столу, отчего сидевшие чуть поодаль трибуны удивлённо переглянулись. — Кто вообще вас спрашивает?!

Ньютона, его причёску, чёрный камзол и худые ноги по-прежнему ненавидели все, поэтому Альберт кинул презрительный взгляд на министра образования и тут же продолжил:

— Так чего нам ждать и как долго?

— Простите, Ваше величество... Трибун Аарон Коннелл собирает армию из гарнизонов.

— Трибун?

— Пришлось повысить. Надеюсь, вы поддержите меня.

— Этот двоечник ещё жив? — не унимался Ньюртон.

— Жив, — кипел злобой Ричард. — И ваша никчёмная жизнь в его руках!

— Всё пропало! Вы знаете, с какой попытки он сдал выпускной экзамен?

— Ну, Исаак, твою ж мать, сколько можно-то, а?! — вскочил уже сам Альберт, метко швырнув ложку в старого друга.

— Долго? — осторожно переспросил Калица.

— Несколько дней, — неожиданно спокойно ответил легат, внимательно посмотрев в глаза правителям королевства. На самом деле он хорошо понимал, что Коннеллу, как бы тот ни старался, потребуется гораздо больше времени. Он просто не хотел расстраивать скучавшую на другом конце стола принцессу. Её ангельскую красоту охраняла неотступная пара самых огромных во всей Селеции рыцарей, в чьих отполированных доспехах играли радостные свечные всполохи. Присутствовавшие без лишних слов поняли намёк и продолжили ужинать, пока в зал не вбежал растерянный адъютант Ричарда и не попросил его выйти.

Поднявшись на освещённую луной Стену, Ричард за три с лишним часа прошёл всю её длину, дотошно проверяя расположение дозоров. По всему периметру уже виднелись огни армии Арогдора, которая никогда ранее так близко не подходила к священному Парфагону.

Спустившись вниз, легат спешно направился по улицам вымершего от страха города к Дорам, надеясь получить дельные советы и больше не совершать непростительных ошибок.

Спрятавшись в ночной прохладе в любимой беседке старого друга и объяснив ему все нюансы, расстроенный Ричард услышал от него и так всем понятный вывод: враг отдышится эту ночь и прямо с утра начнёт ожесточённую атаку на слабые места Стены или ворота. Брать измором — это не лучшая идея, когда огромная армия вот-вот соберётся в тылу и, мечтая о мести, ударит тебе в спину. Поэтому приятелям осталось лишь обсудить тактику обороны, дабы продержаться хотя бы неделю.

Через приоткрытое окно в комнате Томаса мужской разговор в саду услышала Мария. Она надела чёрный балахон, тихо спустилась вниз и, незаметно подкравшись, затаилась за опавшим, но густо заросшим вишнёвым кустом. Доры заботливо забрали её вместе с родителями к себе домой на время осады, которая могла привести как к беспорядкам в городе, так и к вторжению в него.

Не сдержав эмоций, девушка через минуту всё же выдала себя и тихо вошла в беседку с полными слёз глазами:

— Что случилось с Томасом?

— Всё хорошо, — ответил Ричард.

— Почему он не с тобой?

— Помогает в тылу.

— Он сам решил или ты приказал?

— Понимаешь… — хотел было начать легат, но растрёпанная и ночами не спавшая супруга рыцаря уже кинулась на него с кулаками:

— Сволочь! Зачем?!

— Мария...

— За что?!

— Успокойся, наконец! — Нильс схватил взбесившуюся девушку и крепко прижал к себе.

— Ты же всё понимал... — продолжала рыдать она, осознавая, что первая ночь с мужем может стать и последней. — Ричард, ну как ты мог? Ведь кому как не тебе это знать!

— Это его долг. И ещё неизвестно, где ему безопасней, — лишь мог оправдываться друг семьи, поправляя потревоженную повязку на голове.

Подобные драмы в эту ночь разыгрались во многих домах Парфагона. Изнеженные горожане не были готовы к такому давлению и потому уже ни на кого не надеялись, ожидая самой ужасной участи в ближайшем будущем. Новость о предательстве Города заката перечеркнула недавно зародившиеся надежды на возвращение к беззаботному прошлому. Даже зная, что где-то на севере собирается освободительная армия, мало кто теперь верил в её способность хоть что-то изменить. Все видели, как никчёмно и беспомощно рыцари сдали все свои позиции и с поджатыми хвостами трусливо приползли домой.

Единственным спокойным уголком внутри Стены оставался королевский замок. На его охрану Альберт потребовал выделить целую центурию рыцарей. Он также переселил Элизабет из восточной башни, которую

теперь могли обстрелять, в подземелье замка. Там, в одном из тщательно просушенных помещений, ей попытались воссоздать все привычные условия жизни. При этом король поставил у её двери больше половины воинов усиленной охраны замка, чтобы гарантировать её безопасность даже при самом негативном сценарии. Сам же он держался удивительно стойко, несмотря на столь очевидную угрозу своему трону.

— Тебе нужно что-нибудь ещё? — нежно ворковал король, оставляя дочь в тёмной и до жути тихой комнатке, заставленной мягкой бежевой мебелью.

— Ты же знаешь: мне ничего не надо.

— Точно?

— Всё хорошо.

— А книги не забыла? Может, принести цветы и больше свечей?

— Отец, оставь меня в покое, наконец!

— Хорошо, хорошо...

Альберту Третьему в очередной раз было неприятно почувствовать, как об него бесцеремонно вытерли ноги, пусть и такие длинные и родные. Однако, привыкнув к такому обращению за все последние годы, он очень быстро отвлёкся на другие вопросы и, негромко насвистывая весёлую мелодию, вальяжно удалился решать другие дела.

***

Аарон Коннелл, устроив штаб в Башне самовыражения, сразу же по прибытии отправил гонцов во все северные и северо-восточные гарнизоны. Их составам следовало покинуть свои позиции и вместе с обозами тыловых служб как можно быстрее прибыть в его

распоряжение. По расчётам, на это должно было потребоваться от четырёх до пяти дней, во время которых трибун планировал разработать план освобождения Парфагона.

Получив письма, коменданты Башен едва ли поверили в их достоверность — ведь содержание текста начисто противоречило всему, что они делали и видели в своей жизни. Хотя Башни не всегда могли остановить арогдорцев, они играли роль важного сдерживающего фактора и успешно отражали большинство мелких вылазок. Теперь же приходилось оставлять полностью незащищённой всю границу, предательски открыв её для любой, даже самой незначительной опасности, всегда исходившей от неугомонных жителей вулкана.

Получив свою первую командирскую задачу, центурион Юрг в это время незаметно пробрался мимо окружённой столицы и обустроил лесной штаб всего в паре миль от хлипкого моста через реку Тихую со стороны Южных ворот. В этом месте он планировал дождаться немногочисленные гарнизоны Нового Альберта и Ярты. Молодой офицер понимал, что эта скромная армия — чуть больше полсотни рыцарей — не будет решающей силой. Тем не менее он мечтал, что именно она сыграет ключевую роль при прорыве блокады.

Впервые за последние суматошные дни у Томаса появилась бесценная возможность вдоволь отоспаться и никуда не спешить. Первым делом он взял своего коня, тщательно помыл его у близлежащего ручья и отправился с ним гулять по пожелтевшим окрестным лугам. Фыркавший от удовольствия Вектор то жадно

срезáл языком хрустящую травку, то по-дружески тянул свою белую переносицу к заботливому хозяину, будто пытаясь ему сказать что-то доброе и ласковое. В его больших тёмных глазах под длинными лохматыми ресницами ясно просматривалось сознание, однако животное могло лишь молча смотреть на радушного хозяина, после чего вновь опускало смолистую гриву к сухой траве. Погладив чёрно-белую спину друга, зевающий центурион прилёг на мягкий покров под опавшим ясенем и прикрыл тяжёлые глаза.

Как всегда бывает в таких мирных условиях и при пасмурной погоде, на раскисший ум начали беспрерывно приходить самые разнообразные мысли. В беспорядочной череде размышлений Томас только сейчас осознал, что ведь перед всем этим ужасом он стал мужем, и что где-то за Стеной его ждала жена. Он только сейчас понял, что оставил её одну в этой опасной ситуации. Да, была надежда на ответственного Нильса, но ведь не он ли сам должен теперь печься о матери своих будущих детей? Не это ли теперь самое главное в его жизни, учитывая, что любимая сестра жива и невредима?

Задумываясь обо всём этом, загрустивший Томас вдруг неожиданно сообразил, что его рассеянное сознание ненадолго отключилось, и он едва не заснул. Почувствовав, что в этот момент можно сломать стабильность пространства и попасть в фазу, он начал монотонно перебирать различные техники. Долгое время ничто себя не проявляло, и он остановился на фантомном раскачивании, для чего пытался двигать свою правую кисть вверх и вниз, не напрягая мышц, ничего не представляя и не включая воображение. Первые минуты

ничего не происходило, но потом постепенно появилось слабое и тягучее ощущение реального движения. Стараясь сдерживать эмоции, Томас понял, что пространство начало потихонечку гнуться, и осторожно продолжил усиливать амплитуду вязкого раскачивания. В какой-то момент рука начала свободно двигаться, а в ушах появился шипящий гул — снова возникла волшебная фаза! По привычке рыцарь сразу же попробовал встать, и это довольно легко получилось.

Физическое пространство сломалось, и насыщенные осенние краски природы стали ещё ярче, а телесные ощущения — чётче и глубже. Воссоздавая рыцарский шаблон, частично потерянный во время похода в Арогдор, Томас увеличил свою массивность и рост до максимума, прочувствовав этот процесс во всех мелочах, а затем разбежался и стремительно взмыл ввысь. За оголёнными деревьями показалась река с потрёпанным каменным мостом, а за ним — глубокий ров и Южные ворота. Пролетая вдоль Стены, он видел то тут, то там скопления противника, который с нетерпением приготовился к долгожданной атаке.

И действительно, в эти минуты смертоносные метательные машины Города заката начали разрушать Стену вблизи Южных ворот, неподалёку от которых находился замок Альберта Третьего. Угловатые онагры подошли достаточно близко, и рыцари тут же начали отстреливать их расчёты. Однако у воинов в чёрном всё было тщательно продумано: они благоразумно позаботились выставить вокруг каждой машины людей с железными щитами. При этом за их спинами толпились внушительные скопления мутантов и лучников, готовые

остервенело броситься в первую же брешь в Стене или прийти на помощь уязвимым онаграм.

Выстрел за выстрелом, огромные валуны со свистом и жутким грохотом стали обгладывать древнюю кладку, выбивая из неё блоки или скалывая их. Многие орудия целенаправленно метили в бойницы с рыцарями или просто закидывали снаряды в город, что привело к разрушениям и панике среди погибающих граждан. Баллисты же, расположенные на безопасном расстоянии по периметру всей Стены, извергались либо одной большой, либо целым пучком обычных зажигательных стрел. По этой причине периферийные районы Парфагона уже вскоре захлебнулись в пожарах и крови.

За всем этим внимательнее других наблюдали двое: раненый легат Фейн с одного из южных участков Стены и облачённый в латы и рогатый шлем генерал Джавер, который расположил свой красный шатёр прямо напротив ключевого места атаки. Оба уже сделали всё, что могли, и им оставалось лишь нервно наблюдать, к чему это приведёт. При этом задача Ричарда состояла в том, чтобы просто выстоять до прихода Коннелла. Однако стена заметно поддавалась разрушению, и стало понятно, что вторжение определённо произойдёт до того, как прибудет долгожданная подмога. Оставалось надеяться, что это не станет окончательным поражением, ведь столица хорошо подготовилась и может продержаться один или два дня во внутренних сражениях.

Джавер же не стал использовать всю мощь своей армии. В отличие от отчаянного легата, он оставил надёжную защиту не только у всех подступов к Арогдору, но и союзникам из Города заката, ведь они не могли

защищаться, какими бы уникальными вооружениями ни владели. Причина такой уязвимости лежала на поверхности: за пределами Стены не только не обучали фазе, но и запрещали любые опасные мутации. Эту систему придумал и ввёл ещё Альберта Первый, дед нынешнего короля. Пока не взбунтовался вулкан, такая хитрая система безопасности позволяла Парфагону всегда иметь абсолютное преимущество перед любым противником.

Если храбрые полководцы лишь созерцали плоды своей работы, то несчастные жители осаждённой столицы переживали страшные времена. Некоторые из них прожили сотни лет, но ничего подобного никогда раннее не видели. Родной им город постепенно накрывала удушающая дымовая завеса от бесчисленных пожаров, которые не успевали вовремя тушить. При этом смертоносные валуны и стрелы могли в любой момент свалиться на их головы, не давая даже выйти на улицу. По возможности, люди старались прятаться в глубоких подвалах самых крепких зданий. Однако кому-то всё равно нужно было участвовать в тушении пожаров, снабжении рыцарей, восстановлении Стены, выносе раненых, а также в захоронении тел.

Как всегда случается в такие тяжёлые времена, в погибающем городе стали всё чаще звучать трусливые призывы к сдаче. Якобы благородные арогдорцы в таком случае не посмеют бессмысленно уничтожать люд, и потому такое поражение ничем не грозит. Однако почти все выловленные распространители таких паршивых слухов оказались секретными агентами ещё недавно

дружественного Города заката, которые легко проникли в город накануне предательства.

Волею случая в сыром подземелье дома Доров спрятались под опекой Нильса и его сестры не только Мария с родителями, но также Лилия Фейн, неунывающий центурион Ален Оспэ со своей вдовствующей матерью и ещё несколько человек из их окружения. Как назло, в самом начале осады именно в недавно заживлённую ногу бывшего агента прилетел увесистый осколок огромного валуна, сломав её в колене. Однако такая незадача всё равно стала поводом для шуток — ведь на вулкане он перенёс испытания куда страшнее:

— Вот бы разрешили по три ноги отращивать, раз четыре руки нельзя! Был бы в строю сейчас.

— А что делать тем, у кого и так три ноги? — подмигивал ему Нильс, отвлекая растерянных близких избитыми рыцарскими шуточками.

— Меня один такой трёхногий чуть не пришиб, кстати.

— Что-то новенькое, Ален...

— Это я на вулкане чьим-то советом воспользовался.

— Ой-ой! Расскажи лучше, отчего ты целый месяц отмывался как очумелый! Все мочалки в городе стёр!

— Эх, лучше бы меня тот трёхногий и пришиб!

— Той самой третьей ногой?

— Да уж какой угодно.

— Вот времена пошли… В свою молодость я иначе представлял героическую смерть!

Покрасневшие женщины умело делали вид, что не понимали, о чём шла речь, но всё же не выдержали и громко захохотали. А потом снаружи снова раздался

грохот, и в компании вновь принялись обсуждать насущные вопросы выживания, смиренно надеясь на доблестную армию Коннелла.

***

Следующая промозглая неделя действительно стала страшным сном для жителей Парфагона и армии многократно раненного Ричарда Фейна. Безнаказанно перемещая меткие баллисты, жалившие, подобно надоедливым насекомым, от одного участка Стены к другому, враг нанёс значительные повреждения осаждённому городу. Фактически, он отчасти спалил его, вызвав многочисленные жертвы среди населения. К горечи легата, он не мог бросить рыцарей для решения этой досадливой проблемы, ибо ворота были заблокированы слишком крупными силами противника. Также Ричард настойчиво под прикрытием ночи засылал небольшие группы воинов через секретные лазы. К несчастью, все эти попытки оказались провалены, не нанеся никакого вреда ни метательным орудиям, ни вражеским расчётам.

Однако самой большой проблемой, как и ожидалось, стала щель в Стене у Южных ворот, которая медленно, но неумолимо расширялась. Хотя круглосуточная работа то и дело выходивших из строя онагров не оказалась столь эффективной, как ожидали по обе стороны, её драматический результат отчётливо проявлялся с каждым новым днём. И в один момент ситуация стала по-настоящему критической. Обеспокоенный Ричард вдруг заметил, что отсыпавшиеся всю неделю мутанты и лучники наконец зашевелились. Они неспешно стянулись поближе к пробоине, которую горожане

отчаянно латали изнутри. Готовясь к атаке, арогдорцы даже не стали брать специально сооружённые лестницы для перехода через ров: он оказался доверху завален метательными валунами и осколками самой Стены.

Хотя Ричард хорошо понимал, что вот-вот должен был подойти Коннелл, он всё равно денно и нощно готовил настрадавшийся город к вторжению, предприняв все возможные меры. Население вместе с остатками провизии было спрятано в подвалах уцелевших зданий. Их охраняли ополченцы из обученных военному делу мужчин, чей навык мутаций для создания привлекательной внешности, конечно же, оказался абсолютно бессмысленным. После наспех пройдённого обучения они всё равно не могли мериться силами с четырёхрукими монстрами, но зато могли противостоять вероломным лучникам из Города заката.

И вот ближе к вечеру настал долгожданный момент, когда онагры замерли, и не меньше тысячи разгорячённых мутантов при поддержке сотен чёрных лучников сломя голову бросились в сторону пробоины. Внутри их ожесточённо встретили мужественные рыцари и горожане. Поначалу, благодаря узкому проходу и тщательной подготовке, воины Парфагона весьма успешно отражали отчаянную атаку. На оравших во всё горло мутантов лили кипящее масло, бросали огромные угловатые камни, их закидывали тучей стрел и неустанно резали мечами и топорами, наточенными за неделю ожиданий до невиданной остроты. Однако нёсшие непомерные потери мутанты продолжали отчаянно лезть внутрь, даже не думая отступать, словно

внутри их ждало единственное спасение, а не верная погибель.

Центурион Юрг с ноющим сердцем наблюдал в подзорную трубу всю эту душераздирающую картину, уже имея в своём распоряжении составы гарнизонов из южных городов. Он был готов в любой момент использовать своё подразделение для любой задачи, пусть даже самой безумной и смертельно опасной. Но занятый обороной Ричард просто не знал, что его младший друг находился у Южных ворот, а седовласый Коннелл и его спасительная армия до сих пор не появлялись на горизонте. Не находя себе места, Томасу оставалось лишь беспомощно смотреть, как озверевшие арогдорцы ожесточённо врываются в невинную столицу, где оказались блокированы все самые дорогие ему люди. Молодой человек лишь надеялся, что они ещё не сгинули в пламени нескончаемых пожаров, которые всю неделю озаряли ночное небо над Парфагоном.

Наблюдая за прорывом мутантов, Томас, несмотря на строгие наставления Коннелла, размышлял о смелой идее броситься на противника с тыла, однако пришёл к выводу, что всё равно не сможет помочь. Его рыцари были бы мгновенно уничтожены громадной массой противника, нанеся вреда не больше, чем назойливый комар спящему медведю.

— Вот бородавки волосатые! Так и будем на всё это смотреть? — не выдержал загорелый центурион Карл Линн, сверкая маленькими глазками и дёргая похожим на картошку носом.

Давний школьный приятель уже четыре года как окончил Академию и к лету дослужился до коменданта

яртинского гарнизона. Из-за страшной летней жары там он выучился на лучшего в королевстве матерщинника и променял свою белокурую шевелюру на блестящую лысину.

— Мы не можем погибнуть просто так, — нервно переминался Томас, который и сам был бы рад кинуться в атаку. — Терпи...

— Лучше уж подохнуть, чем такое видеть! Срань Господня!

Вдруг, как будто услышав их слова, медленно распахнулись Южные ворота, и пёстрое море паникующих людей выплеснулось наружу. Судя по всему, увидев, что противник отвёл войска от ворот к пробоине, Ричард осмелился выпустить оставшееся в живых население, чтобы оно имело хоть какие-то шансы спастись в ближайших лесах. У самой щели в полуразрушенной Стене уже никто не оказывал сопротивления: мутанты на челоконях, а затем и пешие лучники теперь беспрепятственно просачивались внутрь, выстроившись в длинную очередь.

— По коням! — взревел Томас, бросая подзорную трубу и вскакивая на Вектора. — За мной!

Измученные томительным ожиданием рыцари накинули на головы блестящие шлемы, пришпорили мигом осёдланных коней и резво бросились за командиром:

— Да здравствует король!

— Да здравствует Парфагон!

— Да здравствует Альберт Третий, мать его!

В это же время из поредевшей опушки леса к северу от Парфагона стремительно вырвалась тяжёлая конница,

вскоре разделившись на два сине-стальных клинка. Первый, не замедляя хода, вонзился в Парфагон через распахнутые Северные ворота, а второй набросился на рассредоточенные с юго-восточной стороны остатки войск неприятеля.

Завидев озверевших рыцарей во главе с хладнокровным трибуном Коннеллом, знаменитым комендантом легендарной Башни признания, струхнувшие мутанты немедля пустились наутёк. Несгибаемый генерал Джавер ещё какое-то время пытался ими руководить, но, когда окровавленный старший воин вырвался из города и доложил ситуацию, он всё же приказал штабу и резервам покинуть окрестности Парфагона. Сам же, ко всеобщему удивлению, на особо мощном челоконе и вместе с отборной охраной бросился во всю прыть в сторону пробоины, зловеще развевая ярко-алую накидку. При этом в верхних руках он держал наготове меч и топор, намереваясь лично вступить в бой, который, как всем казалось, был уже проигран.

Разъярённый Томас галопом достиг старого моста, преодолел разграбленную пристань с обугленными судами, а затем вместе со своим подразделением ворвался в столицу через потрёпанные Южные ворота.

— Король! — кричали бегущие навстречу испуганные люди. — Спасите нашего Альберта!

Среди безумной толпы юный центурион с надеждой искал Марию или хотя бы кого-то из близких. Но, куда бы он ни глянул и кого бы ни окликнул, это всё были совершенно чужие или малознакомые лица.

— Замок! — вдруг вцепился в его штанину растерянный мужчина в прожжённой коричневой куртке и зелёном шапероне.

— Что «замок»?

— Мутанты в замке!

— Где легат Фейн?

— Мутанты в замке, центурион!

Томас со своими рыцарями тут же ринулся в сторону высоких башен. По пути им на каждом шагу попадались арогдорцы, сходившие с ума от ярости и страха. Но непоколебимый командир приказал не останавливаться и никого не трогать, угрожая незамедлительной казнью. В итоге на их глазах монстры врывались в аккуратные домики и тут же резали, рубили и душили беспомощных людей, включая женщин и грудных младенцев. На расстоянии удара клинка вонючие монстры трусливой гурьбой нападали на раненых рыцарей, с истеричным хохотом разрывая их на части. Но Томас упрямо и не выбирая галантных выражений заставлял почти рыдавших воинов быстрее двигаться к заветному замку, чего бы это ни стоило.

Оказавшись под громоздкой аркой у парадного входа, рыцари легко расправились с полудюжиной мутантов, а затем прямо на конях поскакали внутрь. В чреве замка почти на каждом шагу они натыкались на небольшие скопления чёрных лучников, которых до этого момента ни разу не встречали в самом городе. Воины Города заката оказались беспомощны в прямом столкновении с гигантами в доспехах, которые одним размашистым ударом клинка разрубали пополам двух, а то и трёх несчастных перебежчиков.

Зачистив все залы и башни, потеряв не больше трети отряда и получив несколько стрел, окровавленный Томас услышал крики и лязг откуда-то из подземелья. Спрыгнув с коня и спустившись по каменной лестнице мимо усыпанных стрелами тел, он увидел странную картину. Обширное складское помещение, пропахшее земляной сыростью и гнилыми овощами, было заставлено бочками, мешками и кувшинами разных размеров. По всей его площади и в кромешной тьме, освещаемой лишь искрами от хлёстких поцелуев железных клинков, уродливые мутанты сражались вовсе не с рыцарями, а с полчищем чёрных лучников! Весь пол уже был завален бездыханными трупами и тех и других, а со всех сторон доносились крики, жалостливые стоны и громогласные проклятья.

— Как это возможно? — подумал вслух Томас, на что тут же отреагировали его воины:

— Они под землёй с ума сходят?

— Хм, поживи сам на вулкане…

— Элизабет, вашу бабушку! — заорал Карл Линн.

В едва различимой тьме, в сопровождении всего одного израненного рыцаря, вдоль стены действительно мелькала закутанная в плед стройная фигура. Её светлые волосы и вытянутый силуэт отчётливо просматривались привыкшим к темноте взором Томаса. Она вскрикивала при виде кидавшихся в её сторону врагов, которые ещё немного — и могли добраться до неё, если бы не меч отчаянного охранника.

— Вот кого они не поделили... — как в тумане, услышал бывший селянин, глаза которого накрыла плотная пелена. Почувствовав в себе удвоение сил, он,

словно бешеный волк, яростно бросился в сторону принцессы, обрывистыми и точными ударами клинка поражая всех, кто оказывался на его пути. Надёжно прикрываемый своими храбрыми рыцарями, он вскоре настиг беззащитную девушку и прижал её к углу. Оставив возле девушки пятерых воинов, он вместе с остальными товарищами бесстрашно кинулся зачищать подвал от растерянных мутантов и лучников.

— Где она?! — послышался рёв короля, которой бежал сверху вместе с гурьбой рыцарей, ослепивших кровавую бойню яркими факелами.

— Она здесь! — добивая арогдорца, крикнул Линн.

— Элизабет! — подбегая к дочери, зарыдал её перепуганный отец. — С тобой всё в порядке, цветок мой? Элизабет?

— Жива. Несмотря ни на что, — сквозь зубы процедила принцесса, хотя по тону её голоса было хорошо слышно, насколько она была рада видеть отца.

— Бедная моя девочка... Как же всё это произошло?

Томас осторожно подошёл к Альберту и Элизабет и при свете пламени смог третий раз в жизни рассмотреть драгоценную принцессу. Она, как всегда, была безупречна, ослепляя белоснежной кожей и прожигая насквозь каждого, на кого падал этот до дрожи холодный взгляд голубых очей.

— Меня снова спас он, — показала она своим тонким пальчиком на замершего Томаса, у которого подкосились ноги: оказывается, она его запомнила!

— Это сейчас не важно, дорогая.

— Нет, — возразила девушка, когда Альберт повёл её в сторону лестницы, — это важно.

— Потом разберёмся. Нам сейчас нужно вернуться в башню.

— Она цела?

— На наше счастье, любимая.

— Жаль... Я надеялась, её уже нет.

Проходя мимо молодого центуриона, Элизабет бросила ещё один взгляд в его сторону, и на одно мимолётное мгновение их глаза впервые встретились. Хотя она тут же безразлично отвернулась и спокойно пошла дальше, бедного Томаса словно ударила молния. Ему показалось, что в этот момент замерло не только его дыхание, но и сердце. Что-то чудовищно пугающее и одновременно родное было в этом взгляде невероятно прекрасной и столь же загадочной особы.

— Выдохни уже, — толкнул его в плечо утомлённый Линн, когда в подвале уже почти никого не осталось, а в темноте раздавались лишь протяжные стоны.

Опомнившись, Томас тут же выбежал наружу, где со всех сторон продолжали доноситься отчаянные крики и звонкий скрежет металла. Однако это уже были не жестокие бои, а добивание четырёхруких монстров и их жалких подельников. Распустив остатки своего подразделения, спаситель королевской крови оседлал слонявшегося без дела Вектора и помчался к себе в новый дом, где успел провести всего одну ночь с ненаглядной женой. Однако там никого не было. С плохими предчувствиями он ещё быстрее поскакал к Нильсу, где обнаружил зарёванную и окровавленную Марию, которая тут же кинулась ему на шею.

Оказывается, в дом Доров ворвались три озверевших мутанта. К несчастью, Нильс с отцом Марии не смогли

спасти ни её мать, ни Маргариту, ни ещё двоих несчастных, надеявшихся переждать вторжение в одном с ними подвале. Мало того, отец Марии буквально только что скончался от страшных рубленых ран и кровопотери. Бывший легат тоже не избежал увечий, однако всё могло закончиться гораздо хуже, если бы Ричард Фейн не подоспел в самый критический момент.

***

На следующе утро, похоронив Маргариту и родителей жены, убитый горем Томас вновь обработал свои ранения и впервые в жизни отправился на Королевский совет, приглашение на который ему доставили ранним утром. Закрытое мероприятие проходило в северной башне замка, в круглом помещении с высокими вытянутыми окнами, которые смотрели на почерневший Парфагон. В центре у поднимавшейся снизу винтовой лестницы стоял округлый дубовый стол с деревянными и жутко неудобными стульями без мягкой обивки, а по центру висела ажурная люстра на случай вечерних собраний. На Совет во главе с Альбертом Третьим также были приглашены Питер Калица, Исаак Ньюртон, Аарон Коннелл и несколько других высокопоставленных чиновников и офицеров.

Назло Ньюртону, Королевский совет почти единогласно повысил Томаса Юрга до ошеломительного в его возрасте звания трибуна. Теперь он мог командовать целой когортой или несколькими центуриями. В то же время Аарон Коннелл взлетел до звания легата и под горячие аплодисменты был назначен главнокомандующим всей армией Парфагона, вернее — того, что от неё осталось.

Ричарду Фейну заочно вменили ошибочную оценку ситуации под Башней совершенства. В итоге именно этот промах привёл к колоссальным потерям времени и живой силы, а также к вторжению в Парфагон. Убедившись в мощи врага, ему стоило сразу же созывать армию по гарнизонам, а не пытаться отразить наступление превосходящего противника. Коннелл, которого почём зря гоняли по королевству, мог подойти к Стене на два или три дня раньше — и мутанты никогда бы не оказались в замке. Однако это было не самое ужасное.

В критический момент, буквально считанные минуты не дождавшись подмоги, он отдал сомнительный приказ открыть ворота, а затем посмел взять часть охраны замка и отправился на спасение своих близких. И хотя именно эти преступления позволили зайти в город молодому герою Юргу, их противоречивые последствия заслуживали смертной казни. До повешения дело не дошло, поскольку все остальные действия по обороне осаждённого города, осуществлённые не без помощи Нильса Дора, как всем стало известно, заслуживали пощады. Поэтому Ричарда понизили до центуриона и решили сослать в одну из Башен на должность простого коменданта.

После всего этого кошмара в руках короля оказалось в общей сложности всего восемьсот рыцарей — почти в два раза меньше, чем весной этого же года. В Парфагоне было решено оставить пять центурий в составе теперь единственной Первой когорты, а остальные должны были пополнить опустевшие гарнизоны за пределами Стены, если их не заняли мутанты.

Общие потери гражданского населения пока не были известны, однако самому городу в любом случае понадобятся долгие годы, чтобы восстановить некогда роскошный вид. Однако имелись и плюсы. Например, удалось захватить все метательные орудия, которые теперь можно было изучить и взять на вооружение. Кроме того, события последних недель наглядно показали, что Парфагон гораздо более силён, чем думали его недруги.

Больше всего вопросов на Королевском совете вызвало предательство Вальтера Мейсера, отныне обречённого человека. Хотя именно его участие в бойне привело к невиданному ранее бедствию, никто не знал, как теперь поступить с Городом заката. Ещё вчера утром он был на стороне мутантов, а уже под вечер сражался против них. Не говоря вслух, Томас вспомнил непобедимого Чёрного рыцаря, который тоже покушался на тогда ещё совсем юную Элизабет. Похоже, он не был агентом Арогдора, как до сих пор все считали. Выходит, Мейсер тайно сопротивлялся Альберту уже не меньше пяти лет! Но почему в обоих случаях ему был нужен не всемогущий король, а его хрупкая дочь?

Вернувшись в отчий дом, Томас нашёл в разгромленной столовой, где из мебели остались целыми лишь два стула, хмурую Марию. Болезненные ссадины зарёванной девушки уже начали постепенно затягиваться, что не могло не радовать её мужа. Рядом с ней сутулился почти почерневший Нильс, чьё ранение в живот не давало возможности даже выпрямиться. Новоиспечённый трибун поделился с ними главными

новостями, а также показал сверкающий серебряный жетон.

— Эх, Маргариты была бы рада… Такими темпами у тебя скоро будет золотая погремушка, — пытался пошутить Нильс, однако неуверенная улыбка недолго продержалась на его опухшем лице.

— Не знаю, хочу ли я этого…

— Что за глупости?

— Недолго нынче носят жетон легата.

— Коннелл — этот видавший виды волчара — будет долго носить.

— Думаешь?

— Надёжный мужик.

— То есть, — вдруг вмешалась озлобленная Мария, молча выслушав разговор мужчин, — пока мы тут дохли, как навозные мухи, ты первым делом решил спасать эту вечно несчастную суку?

— Как ты её назвала? — удивился молодой трибун.

— Это ты зря, Мария, — хотел было заступиться Нильс, но было поздно:

— Мы тут погибали, пока ты бегал за этой бледной поганкой. Мой отец, мама, Маргарита — все они погибли из-за тебя!

— Как ты смеешь?!

— Если бы не Ричард, ты бы уже никогда меня не увидел...

Разрыдавшись, девушка тяжело поднялась на ноги и собралась было удалиться наверх, но всё же не выдержала и продолжила:

— К кому он пошёл в первую очередь? А к кому ты?

— Как ты могла такое подумать?! — только сообразил, что происходит, Томас. — Я просто выполнял свой долг. Я же не знал, что происходило с вами! И у меня не было выбора.

— А он знал. И у него был выбор!

Томас хотел было обнять рассерженную жену, но она с силой его оттолкнула и, хромая, побрела наверх.

— Раз женился — теперь следи за языком, — наставлял Нильс.

— В смысле? Я же не виноват.

— Не в этом дело. Жена вообще не должна слышать из твоих уст о других женщинах. А тут такое!

Глава 7. Самый романтичный мутант

Уже несколько дней покрытый грязью Айвор Джавер, одетый в одни кожаные штаны и сапоги, в одиночку пробирался по зимней слякоти строго на север через никем не охраняемые территории королевства Альберта Третьего. Вся личная охрана генерала была жестоко уничтожена озверевшими от злости рыцарями, когда он покидал полуразрушенный Парфагон. Незадолго до

этого ему пришлось лично вступить в сражение, получив несколько незначительных ранений, которые уже почти зажили благодаря особым мутациям.

Несмотря на грандиозный провал всей операции, заросший жёсткой щетиной Джавер нисколько не был опечален. В любом случае Парфагон получил настолько серьёзный урон, что было трудно представить, сколь долго займёт процесс восстановления, если он вообще возможен. Поэтому генерал, сбросив латы и пребывая в отличном настроении, считал свою миссию вполне успешной, в связи с чем преспокойно двигался в сторону Пятой реки. У него было ещё несколько дней, чтобы хорошо обдумать, каким образом наиболее выгодно для себя преподнести Варнеру Эйзенбергу произошедшее в замке. Тот, конечно, устроит очередную истеричную взбучку, но ничего более опасного своему лучшему полководцу сделать всё равно не сможет — уж слишком сильно зависел от него.

На ночлег мутант останавливался исключительно в холодном лесу, чтобы не попасть в ловушку к следующим по пятам рыцарям. Проснувшись поутру, покрывшийся инеем генерал просто шёл по прямой, избегая крупных дорог, но не проходя мимо небольших селений и ферм. Там он жадно съедал буквально всё, что находил, и голыми руками хладнокровно убивал случайных свидетелей, словно не успевших разбежаться тараканов. Дабы не чувствовать себя голодным и не терять драгоценную массу, ему нужно было совершать хотя бы по два таких разорения в сутки, каждый раз расправляясь с селянами и доверху набивая распухавший живот.

На исходе очередного дня неутомимый Джавер наконец оказался у подножия вулкана. Перед взором его глубоко посаженных глаз простирались холмистые поля, а вдалеке начиналось ущелье, из которого доносился шум порогов переполненной реки. Прямо перед ним грозно возвышалась достопочтенная Башня причастности, в которой он сам когда-то давно проходил весёлую практику, едва окончив Рыцарскую академию. Мир настолько изменился с тех пор, что Джаверу требовались значительные усилия, чтобы до конца осознать, что это удивительное прошлое действительно принадлежало ему.

Справедливо ожидая, что состав гарнизона полностью покинул Башню, он решил зайти внутрь и окунуться в воспоминания бурной молодости, освежив их поблёкшие краски. Однако со свистом пролетевшая стрела, а потом и другая дали отчётливо понять, что комендант всё же благоразумно оставил хоть какую-то охрану, видимо, надеясь вернуться обратно. Джаверу пришлось шустро отбежать подальше и обойти бочкообразное укрепление по более широкому радиусу.

Теперь нужно было лишь добраться до первого же дозора Арогдора — и долгий утомительный путь будет быстро завершён. Почувствовав близость дома, Джавер уже не останавливался на ночлег и к раннему утру вышел на своих бравых бойцов, укреплённая позиция которых находилась в свежем сосновом срубе с обильно коптившей трубой. Старшему воину, потерявшему дар речи от удивления, было приказано срочно накрыть стол, приготовить чистую постель в затемнённой комнате и запрячь сразу двух самых выносливых челоконей.

Наевшись до отвала и немного вздремнув в пропитанном хвоей домике, взбодрившийся Джавер вскоре снова отправился в путь. К сумеркам полностью вымотав первого челоконя, умолявшего о передышке, генерал сразу пересел на второго и в результате уже к следующему утру увидел заветные Врата свободы. В этот же момент он обратил внимание на странную девушку, что скучала на заснеженной скале у дороги. Она одиноко обнимала колени, укутавшись в длинное серое пальто с белыми меховыми вставками на рукавах и капюшоне. Джавер уже несколько дней был голоден до женщин и потому, приближаясь, не отрывая глаз наблюдал за романтичной особой, посмевшей выйти за пределы кратера в одиночку.

Подходя к привлекательной шатенке всё ближе, он с досадой заметил, что к ней сзади подоспел воин с красными повязками на руках. Мутант стал нагло дёргать и щупать фигуристую девушку, однако последней это явно не понравилось, и она тут же попыталась сбежать. Тогда арогдорец схватил её верхними руками за плечи и поднял напротив себя, продолжая нижней парой рук изучать брыкавшееся тело уже визжавшей во всё горло авантюристки. Она отчаянно отбивалась ногами, однако насильник только смеялся в ответ и обильно брызгался слюнями.

Остановив еле живого челоконя под скалой и злобно сжав железные кулаки, угрюмый Джавер молча спешился и быстрым шагом направился наверх, к повздорившей парочке.

— Нет, не надо! Отпусти меня!

— Ты же сама не против. Расслабься... — томно урчал бас огромного воина со шрамом на правой щеке.

В этот момент непокорная красавица увидела за спиной ухажёра второго мутанта и начала ещё сильнее визжать:

— Помогите! Спасите меня!

— Генерал?

Обернувшись, насильник вскинул левую нижнюю руку, но вместо ответа получил сокрушительный удар в хрустнувшую челюсть. Выпустив вскрикнувшую жертву, он с грохотом рухнул на землю, словно огромный мешок с камнями. На этом бывший благородный рыцарь не успокоился и стал молча наносить старшему воину всё новые и новые чудовищные удары, пока тот окончательно не обмяк. Скинув тело со скалы, Джавер без слов взял Ирэн за руку и повёл вниз. Она злорадно хихикнула, поглядывая как неудачливый ухажёр катится кубарем в ущелье, а затем уставилась на спасителя:

— А он точно сдохнет? А вы тот самый генерал? Спасибо большое! Если бы не вы... А что вы здесь делаете?

Не обращая внимания на разговорчивую особу с бегающим взором, Джавер закинул её к себе на седло и приказал несчастному челоконю продолжить путь к вратам.

— Где армия? А как зовут этого челоконя? Я слышала, Парфагон отбился? Это правда? — упрямо не унималась шатенка, сидя впереди легендарного полководца, который придерживал её за хрупкие плечи. — Я думала, у вас есть штаб и охрана, а вы всегда в латах. Вы точно

генерал? Почему от вас тоже воняет? Разве вас некому побрить? Кстати, я работаю на очень хорошем постоялом дворе. Если вам или даже самому предводителю будет негде переночевать...

— О, боги! — рявкнул Джавер, закатив глаза вверх. — Женщина, ты молчишь когда-нибудь? Как это Варнеру будет негде переночевать?!

— Простите, простите!

— Что за несусветную ерунду ты несёшь?!

— Простите меня, пожалуйста!

— Казнил бы того, кто научил вас говорить!

После таких обидных слов девушка надула щёки и обречённо сложила пухлые губки бантиком. Она до самого кратера подёргивала задорным носиком и с пребольшим трудом героически молчала. Конечно, она то и дело порывалась что-нибудь съязвить, но верзила тут же тыкал ей пальцами между рёбер или грозился скинуть с обрыва. Хотя она давно привыкла к такой не самой учтивой манере поведения, её чуткая женская натура всё равно каждый раз глубоко обижалась. Так или иначе, Ирэн всю свою жизнь слушала поразительные истории об этом выдающемся воине и потому не могла поверить, что так просто смогла встретить его за пределами города.

На подходах к кратеру, узнав полководца, к ним навстречу кинулись стражи Врат свободы, чтобы тут же взять под охрану своего кумира. Затем они все вместе прошли массивные створки с шипами и, преодолев тёмный тоннель, вернулись в Арогдор. Город привычно облизывал небо чёрными языками из заснеженных крыш и источал такой родной тошнотворный запашок.

Окунувшись в новые заботы, Джавер ссадил спутницу на землю и хотел было уйти прочь, но всё же напоследок заглянул ей в глаза:

— Имя?

— Ирэн Юрг. Спасибо за...

Девушка хотела было выразить благодарность, но мутант безразлично отвернулся и в окружении восторженной толпы направился вглубь заснеженного города.

***

Когда больше восемнадцати лет назад трёхлетнюю селянку вывезли на ресурсном обозе из родного поселения, вырезав родителей и разлучив с любимым братом, её вместе с остальными детьми доставили в Арогдор. Страшный город, которым девочку стращали за все её бесконечные выходки, действительно произвёл на неё неизгладимое впечатление. Как и большинство похищенных детей, она ничего ещё не видела в свои годы, кроме дикой природы и родного селения. Поэтому в столице мутантов перед ней предстала совсем иная, невообразимая ранее жизнь, будто она попала в придуманный мир злодеев из причудливых сказок соседки-ткачихи.

Её сразу же отдали в одну из шести огромных Школ, где первым делом стали учить не только мутациям, но и искренней любви к новой родине. Там в неё вбивали весьма простые и всем очевидные принципы: теперь она часть великого Арогдора, который самый сильный и непобедимый, в котором живут самые свободные и счастливые люди. Если же в славном кратере всё-таки были небольшие проблемки, например беспросветная

нищета и вездесущее дерьмо под ногами, то настоящие патриоты ни на минуту не сомневались, что это происки Парфагона. Разве могут быть другие причины? Не предводитель же за это в ответе? Это подтверждали паршивые агенты и провокаторы злобного короля. Их вместе с предателями то и дело казнили на главной площади, безжалостно пытая вместо суда.

Не удивительно, что большинство арогдорцев искренне и беззаветно верили своему предводителю. Они не только закрывали глаза на всю абсурдность окружающей жизни и беспросветное воровство власть имущих, но и были готовы отдать жизнь за продолжение этого унизительного карнавала. Даже если бы все они вдруг погибли по вине Варнера Эйзенберга, промучившись в голоде и страшных муках, то всё равно нашлось бы оправдание ни в чём не повинному хозяину серого замка. Если же местный патриот сходил с ума и искал корень проблем во власти, то сами арогдорцы готовы были при первой возможности загрызть его заживо даже без участия вездесущих секретных служб генерала Джавера.

Поскольку народу без устали внушали, что все жители равнины — нелюди, которые при первой же возможности убьют любого арогдорца, все силы были направлены на оборону и выживание. Оказалось, чтобы прокормиться, нужны были постоянные набеги то на один, то на другой регион вражеской территории. Закрыв доступ к плодородным землям своими Башнями, короли Парфагона сами вынуждали мутантов совершать жестокие рейды, дабы не умереть с голоду. В связи с этим ценнейшее, что было в Арогдоре, — это армия из четырёхруких монстров с наращённой броней.

Государство на вулкане просто не могло существовать без них, а они не могли существовать без него.

Пройдя такую мощную обработку, почти все мальчики мечтали стать военными. Однако после Школ, оканчиваемых уже в десять лет, в желанные Казармы брали только наиболее способных к мутациям детей, чтобы выращивать исключительно самых сильных и боеспособных воинов. Там их усердно кормили и тренировали, позволяя вдоволь отсыпаться и фазить, что требовало нешуточных усилий. В итоге ещё наивными подростками новоиспечённые мутанты начинали участвовать в реальных боевых действиях.

Дабы ряды армии мутантов гарантированно пополнялись самыми качественными кадрами, как и в Парфагоне, исключительно военным было разрешено становиться отцами. За этим очень жёстко следили, поэтому любовные истории оступившихся парочек неизменно заканчивались на эшафоте. Так возникал огромный спрос на четырёхруких мутантов среди женщин вулкана, что служило для любого нормального мужчины мощнейшей мотивацией оказаться в Казармах. Их не останавливало даже то, что вскоре почти неизбежно придётся сложить голову на защиту великой родины.

Эвакуированные, как это нужно было правильно говорить, из девственной среды дети не больше трёх или четырёх лет, уже через несколько месяцев начисто забывали своё прошлое. Они ещё не могли считать и писать, но зато уже становились ярыми сторонниками новой родины и готовы были пожертвовать жизнью за любимого предводителя. Ирэн дольше всех

сопротивлялась такой пропаганде, поскольку яркие краски расставания с семьёй навсегда отпечатались в её памяти. Однако ещё в Школе её взгляды постепенно поменялись.

По факту, она не видела противоречий с предлагаемой точкой зрения. Например, подданные короля действительно искренне ненавидели Арогдор, что она помнила по страшилкам из детства. Кроме того, жителей вулкана не только лишили самых плодородных земель, но и жестоко выреза́ли при любой попытке добыть пропитание. При всём этом и несмотря на вездесущую грязь, ещё ни один арогдорец не захотел жить в чопорном Парфагоне, жителей которого считали безмозглым стадом. А вот лучшие подданные короля то и дело перебегали в свободолюбивый Арогдор, доказывая его преимущества над соседом.

Окончив Школу ещё ребёнком, Ирэн сразу же начала работать, чтобы добыть хоть какую-то еду и оплатить тёплый ночлег. К этому моменту она уже давно перестала каждый день мечтать о спасительном побеге с вулкана. Во-первых, внизу не осталось её близких. Во-вторых, она не хотела ограничений своей свободы, особенно в том, как она желает выглядеть, что немаловажно для любой женщины. В-третьих, она просто привыкла к красочному Арогдору и считала его родным домом, несмотря на все недостатки. Родина есть родина! Единственное — ей не давали покоя мысли о бедном брате, который мог выжить.

По-прежнему люто ненавидя воинов-мутантов, вернее — относясь к ним крайне противоречиво, жизнерадостная Ирэн искренне полюбила простых

арогдорцев. Их заботили всем понятные насущные проблемы выживания и маленькие человеческие радости. Эти люди, пусть и частенько мутировавшие по своей прихоти, в действительности были добрыми и отзывчивыми. Многие из них, в отличие от подданных короля, осознавали, что позиция предводителя условна, хотя об этом не говорили вслух, дабы внезапно не сгинуть из этого мира одной тёмной ночью. А самое главное — они все по-настоящему жили в удовольствие, согласно своим самым глубинным позывам, дававшим наиболее яркие эмоции. За это они были готовы платить даже вонючей грязью, воровством и пропащей нищетой, которые традиционно царили в кратере вулкана.

Возвращаясь в свою крохотную комнатку в обветшалом доходном доме у западной кромки кратера, счастливая Ирэн продолжала в деталях вспоминать короткую встречу с братом. Именно этому она предавалась на холодной скале, пока не потревожил любвеобильный вояка. Вытерев светлые сапожки и поставив их в угол с обувью, она сняла серое пальто со своих по-арогдорски неестественных форм, а затем забралась под медвежью шкуру на узенькой кроватке, которая занимала почти всю конуру.

Кроме небольшого окна, столика с аккуратным подсвечником и коробочки для украшений, а также шкафчика для одежды, внутри больше ничего не было. Имевших самое ценное — красоту и вечную молодость — женщин Арогдора мало что интересовало из бренного, не считая вызывающих нарядов, конечно же. Именно эти качества местных дам не в последнюю очередь

заставляли мужчин Селеции перебираться в зловонный кратер.

В это же время Джавер, даже не приведя себя в порядок после утомительного путешествия, прибыл в зловещий замок Эйзенберга. Пройдя несколько кордонов охраны, он направился в любимое место хозяина — просторный и пышущий теплом атриум с каменистыми тропинками, который под застеклённой крышей из плотной сети стальных ферм утопал в благоухании свежей зелени. Куда ни глянь, там везде тянулись бесконечные ряды папоротника, кактусов, орхидей всех раскрасок и даже невысоких пальм с колючими стволами. В этом раю со всех сторон раздавались пение довольных птиц, монотонный треск цикад и журчание весёлых ручейков.

В самом центре, на круглой мраморной площадке прятался стройный брюнет в чёрной накидке, на вид не больше тридцати лет. Изнеженными белыми руками он легонько поглаживал лакированную лютню, а его умиротворённые серые глаза внимательно вглядывались в пальцы на струнах. Утончённый красавец вытягивал из своего музыкального инструмента простенькие мелодии, в такт которым легонько шевелились его витые усы.

— Что-нибудь новое?

— Ох! — вздрогнул Варнер Эйзенберг от баса мутанта. — Сколько раз просил так не делать?

— Простите, Ваше превосходительство, я устал, — оправдывался Джавер, целиком заглатывая яблоки и сливы из цветастой вазы на стеклянном столе.

— Как всё прошло? — почти безразлично начал предводитель. — Войска уже второй день возвращаются, а от тебя никаких вестей. Думали уж, нет у нас больше великого генерала.

— Размечтались!

— Ну и…?

— Всё прошло нормально.

— Ты уверен? Ничего не хочешь мне рассказать?

Глубоко вздохнув, Джавер подробно описал все стадии операции, когда вместе с лучниками Города заката внезапно атаковал Башню признания и затем пошёл вглубь территорий Парфагона. Однако спокойный Эйзенберг вдруг взорвался, а его усы задёргались и распушились, едва речь зашла о событиях в замке:

— Как ты это допустил?! Это же катастрофа!

— Никто не знал, Варнер. Они нас обманули.

— А ты сразу понять не мог? Ты, вообще, для чего нужен?

— Мы уже давно были союзниками.

— И?

— Мейсер не раз доказывал лояльность. Не было причин не доверять ему.

— Ты вообще понимаешь, чем всё это могло закончиться для всех нас? Ты в курсе, что мы получили предупреждение? Идиот!

— Да, да, да! Ещё грязный и вонючий идиот! — цокая по каменистой дорожке, простонала откуда-то из зарослей Николь Свежая Роза, экстравагантная премьер-министр Арогдора с внешностью худой русой девочки с глазами навыкате. На этот раз её стройную фигурку

обтягивало красное платье в сеточку, а на ножках сверкали сапоги с невероятно высоким каблуком.

— Хм, что такой злой? Опять агент из кровати сбежал? — пробовал защищаться Джавер, но в итоге всё равно выслушал гневные тирады с обеих сторон.

***

Спустя неделю Ирэн трудилась на цокольном этаже постоялого двора, где, засучив рукава, весь день стирала постельное бельё и замызганную одежду постояльцев. Хотя на ней были деревянные башмаки и платок на голове, а тело согревало многослойное платье с забрызганным фартуком, это не мешало девушке задорно пританцовывать меж бочек и сушильных верёвок, пискляво напевая весёлые песенки.

Пробегая в очередной раз мимо узкого окна, она случайно заметила, как во внутреннем дворе управляющий вёл беседу с неизвестным сутулым мутантом. Услышав, что ищут именно её, она чуткой женской интуицией поняла, что какая-то сволочь донесла об истории с агентами Парфагона. Бывшая селянка не зря где-то в глубине души предчувствовала такое развитие событий и потому догадалась, что её хотят арестовать.

Не собираясь сдаваться, мужественная девушка попыталась немедленно сбежать через окошко с внешней стороны здания, но снаружи тут же наткнулась на двух других мутантов, которые с радостью схватили её под руки:

— Попалась, малышка!

— Ха, от нас не уйдёшь, сочная!

— А-а-а! Пустите, сволочи! А-а-а!

Визжавшая Ирэн знала, что в таких случаях никто не будет церемониться: коротко допросив с безжалостными пытками, её просто убьют самым мучительным образом. Смирившись с такой тяжкой судьбой, она расплакалась и перестала колотить бесчувственных монстров.

— Ирэн Юрг? — строго спросил подоспевший на шум сутулый воин с красной повязкой.

— Нет, это не я!

— Как же это? Управляющий сказал, что это вы.

— Он врёт! Я ни в чём не виновата! Отпустите! А-а-а!

— Мы точно приглашение на бал передаём? — сокрушался один из мутантов, вопрошающе смотря на товарищей.

У окаменевшей Ирэн внезапно отпала челюсть, а старший воин достал помятую бумажку из кармана кожаных штанов и, медленно и щурясь, стал читать её содержание:

— И-рэн Ю-р-г. При-гла-ше-ни-е. Пут... Пет... Пят-ничный бал. О! — довольно заулыбался он, чему осталось лишь позавидовать младшим воякам:

— Ни черта себе, ты быстро читаешь!

— Вот и мне бы так...

— Эй, волосатые обезьянки! — вдруг как ни в чём не бывало фыркнула бесстыдная шатенка. — Так это я и есть.

— Вы же сами сказали, что не вы Ирэн Юрг.

— Я? Что вы себе позволяете?! — начала откровенно наглеть ещё минуту назад простившаяся с жизнью «арестантка». — Вы, вообще, знаете, с кем я завтра буду общаться? Вас потом найдут!

— Понятно. Ирэн Юрг?

— Да. Сколько повторять?

Раздражённо вздохнув и сплюнув, сутулый мутант отдал приглашение и, не прощаясь, отправился со своими товарищами восвояси:

— Что за день! Они что — с ума все посходили?

— Ещё две бабы — и я разжалуюсь в челокони! Надоело!

— Да лучше бы я сдох под Яртой!

В это время молниеносная Ирэн уже топала в холле постоялого двора и грозно трясла драгоценным приглашением перед хмурым управляющим в коричневом тулупе, требуя немедленно отпустить её с постылой работы.

— Так ведь бал только завтра вечером, — мямлил пожилой мужчина с густыми зарослями вместо бровей.

— Уже! Уже завтра вечером.

— Ты меня разоришь когда-нибудь…

— Спасибо, господин управляющий! — звонко чмокнула его в щеку девушка и стремглав унеслась превращаться в совершенство.

Как и любая другая женщина, она всегда мечтала оказаться на светском балу, но в жизни ей приходилось общаться только с простолюдинами, отчего дальше замызганного трактира её ещё никогда не приглашали даже самые романтичные поклонники. Теперь же у Ирэн вдруг появился шанс оказаться среди уважаемых гостей на самом высоком мероприятии Арогдора. Но нужно было торопиться — ведь в замке царила невероятная конкуренция, а ей так хотелось дать достойный ответ экстремально мутировавшим дамам высшего света!

Она сразу поняла, кто именно прислал заветное приглашение, отчего испытывала весьма смешанные чувства. Помня своё детство, она старалась принципиально не общаться с военными и искренне ненавидела их, несмотря на признанные заслуги. И это в то время, когда все другие женщины Арогдора считали нелепых монстров эталоном привлекательности и мужественности! По большому счёту, Ирэн и вовсе толком не общалась с мужчинами и слыла редкостной привередой. Однако её собственное тщеславие ликовало — ведь на неё обратил внимание сам Айвор Джавер! Кроме того, ей не терпелось оказаться в окружении самого Варнера Эйзенберга, не говоря уже о мечтах быть представленной предводителю, которого она несколько раз видела издалека.

Подготовка к мероприятию проходила легко и весело, однако у девушки не было самого главного — подходящего наряда. Если удивительной красоты туфли она уже давным-давно прикупила, нечаянно потратив своё месячное жалованье и оставшись надолго голодной, то вопрос с платьем пришлось решать крайне коварным манёвром. Его можно было взять лишь у её белокурой напарницы Риты Леви, которая за свои семьдесят лет успела накопить завидную коллекцию первоклассного гардероба. Сначала кудрявая подруга пошла на уступки, но когда Ирэн выбрала самое лучшее платье из редкого шёлка светло-гранатового цвета, привезённого контрабандой из Города заката, выяснилось, что блондинка категорически отказывалась делиться таким несметным богатством. Пришлось на ходу придумать, что по приглашению на бал можно брать с собой подругу,

особенно красивую и молодую. Естественно, Рита как раз идеально для этого подходила, чему несказанно обрадовалась.

Как итог, долгожданным пятничным вечером к грандиозному замку Эйзенберга прибыли две загадочные особы в белых песцовых накидках. Они с высоко поднятыми головками гордо высадились из чёрной лакированной кареты, запряжённой двумя гогочущими челоконями и нанятой в соседнем переулке за бесценок. При свете пылающих костров к парадному входу уже съезжались самые уважаемые люди не такого уж и бедного Арогдора. Чаще всего это были салютовавшие друг другу богатые торговцы и старшие воины с надменными подругами в мохнатых шубах.

Естественно, первый же кордон бесчувственной охраны бесцеремонно выпнул наивную блондинку с прохода в грязную жижу морозной улицы. Ирэн, злорадно хихикнув, лишь широко раскрыла глазки и громко ахнула, прикрыв ротик ручками в полупрозрачных гранатовых перчатках. Когда все оглянулись на неё, она укоризненно покачала головкой, будто и вовсе не знала свою подругу. Непринуждённо демонстрируя два года ждавшие своего часа туфли, Ирэн приподняла подол бордового платья с многослойной волнистой юбкой, а затем торопливо поцокала в чрево замка, развевая лохматую накидку и волнистые каштановые волосы.

— Вот гадюка! — только и могла прошипеть Рита, почувствовав, как её дважды обокрали за одну минуту: забрали лучшее платье и воспользовались её же позором. Женщине ничего не оставалось, как в своём вычурном

белом наряде отправиться напиться в ближайший трактир, который шумно манил из-за угла.

Наконец, ещё один мутант тщательно проверил дрожавшую в нетерпении Ирэн, взял её верхнюю одежду и проводил до бального зала, откуда аж до самой улицы доносилась ритмичная музыка. Резко открывшаяся дверь ударила в сияющее лицо девушки ярким светом тысяч свечей, ароматом дорогих духов, гулом бесед и фальшивым смехом сотен почтеннейших особ Арогдора. Вытянутый праздничный зал оказался удачно оформлен в чёрно-бордовых оттенках как раз в цвет её выстраданного платья. В одном конце старательно играли музыканты в чёрных костюмах с длинными носками на башмаках, а в другом ломились богатые столы с разнообразной закуской и выпивкой. Всё это освещалось рядом округлых люстр размером с карету.

Высоко задрав игривый носик, Ирэн вскоре осознала, что выглядит точно уж не хуже большинства скалившихся дам. Единственное, соперницы были увешаны таким толстым слоем золотых украшений и драгоценных камней, словно на входе некто опрокидывал их из ведра на каждую голову. Видя всю эту роскошь, девушке стало неловко за свои крошечные серёжки и тоненькую цепочку. Светские львицы в это же самое время презрительно оценивали свежую кровь в своём тесном обществе, где романтические интрижки уже давно пошли по третьему кругу. Возможно, именно по этой причине поникшая Николь Свежая Роза грустно скучала у стола с хмельными напитками.

Поймав на себе несколько пристальных взглядов уважаемых мужчин, Ирэн взяла себя в руки и с

абсолютно безразличным видом тоже грациозно проплыла к игристым винам, где переглянулась с пучеглазой девочкой в детском бальном платье. Встав у стола, она принципиально дождалась, когда ей кто-нибудь подаст долгожданный бокал. Это сделал некий симпатичный брюнет в чёрном костюме и со знакомыми витыми усами. Однако девушка холодно отвергла его попытку познакомиться, надеясь, что он сделает это ещё не меньше двух раз. Затем, снова оставшись в одиночестве, она начала выискивать генерала.

Внимательно разглядев всех присутствовавших, она всё же нашла толстые дреды Джавера в самом дальнем углу зала. Будучи в обществе двух эффектных дам в синих платьях, он что-то увлечённо обсуждал с другим мутантом. Поверх белой сорочки на нём сидел элегантный чёрный костюм из зауженного камзола и тесных штанов, выгодно подчёркивая массивность четырёхрукого тела. Общий вид портили лишь нелепые лакированные туфли невероятного размера.

Усмехнувшись, Ирэн немедленно направилась к полководцу, испытывая облегчение от того, что знает хоть кого-то в этом чуждом мире.

— Айвор? — немного присела на ножку Ирэн, отчего сразу занервничал эскорт обоих мутантов.

— Добрый вечер! — улыбнулся Джавер, сверкнув начищенными клыками. — Подожди в сторонке. Я позже подойду.

— Что?..

Ирэн скорчила недовольную рожицу и хотела было съязвить, но всё же послушно отошла от компании, порадовав её женскую половину. Как раз в этот момент

объявили первый раунд долгожданных танцев. Толкаясь локтями, наглая девушка протиснулась сквозь толпу и стала с восторгом наблюдать, как под бодрый вальс по залу закружились изысканные пары в блистательных нарядах. Мечта сбылась!

Однако гостья в шёлковом платье так здорово танцевать не умела и потому снова у всех на глазах отказала всё тому же красавцу, который буквально побледнел и, осунувшись, побрёл прочь. После этого поступка публика почему-то стала смотреть на неё косо, и уже никто не посмел познакомиться или пригласить на танец. Вскоре Ирэн заподозрила неладное и судорожно пыталась понять, что случилось с её платьем или причёской, одновременно сомневаясь в собственной привлекательности как таковой. За четверть часа страданий и мучений, взвинтив себя до позеленения и почти расплакавшись, Ирэн решила убежать от этого позора и больше никогда сюда не возвращаться. Она стремительно направилась к спасительному выходу, но там её поймал за руку Джавер:

— Тебе не угодить, женщина! — смеялся он, лаская её умным взглядом глубоко посаженных глаз. — Ладно насильника, но предводителя за что отшила? Генерал тоже не подойдёт?

— Ах, это был Эйзенберг? — чуть не упала в обморок Ирэн.

— Он самый. Его превосходительство сейчас, поди, плачет у себя в огороде да сопли с усов жуёт.

— Как вы можете так говорить?!

— Могу говорить, как хочу, — подмигнул Джавер и уверенно повёл её к столу с выпивкой. — Нас ждёт вино.

— Я не пью.

— Умница! Я тоже. Но нам придётся взять бокалы, чтобы не вызывать подозрений.

— Ну, только если ради этого...

Опытный мутант знал, что ни одна женщина не умеет просто так держать бокал в руках, а потому начал предвкушать скорую победу, когда красное вино оказалось в её пальцах.

— Местная или эвакуированная?

— В три года забрали.

— «Забрали», значит? — усмехнулся Джавер.

— Мне не хочется об этом говорить.

— Понимаю. Иногда всё это выглядит некрасиво на первый взгляд, но так должно быть. Это к лучшему. Мир гораздо сложнее, чем кажется. По секрету скажу, что даже среди этих болванов вокруг мало кто соображает, что происходит.

— Может быть, но...

— Стоп! Женщина, так что ты делала за воротами? Ограбить кого-то пыталась?

— Что?!

— Кстати, я сегодня не должен так сильно вонять.

Генерал начал умело смешить молоденькую девушку, наклонившись к ней. Она ему определённо нравилась, и потому красочные истории из его наглых уст легко сменяли друг друга, как бокалы в её пальчиках. Конечно, обречённая девушка не понимала смысла происходящего, лишь умиляясь неказистой внешностью собеседника. Мало того, он оказался единственным воином, от которого действительно не воняло и которого оказалось довольно интересно слушать.

В кромешной тьме умов Арогдора было почти невозможно найти увлекательного собеседника. Удивительный Джавер оказался определённо самым интересным в этом смысле человеком, которого она когда-либо встречала. Он мог много рассказать из своей невероятно богатой на события жизни. Он знал почти всё о происходившем вокруг. Он часто смешил и реально интересовался её мыслями. И при всём этом не было ни намёка на привычную пошлость! Поэтому его внешность всё меньше пугала, даже когда он аккуратно гладил её густые волосы и то тут, то там невзначай прикасался к её нежному телу, вызывая бугристые мурашки даже в самых невинных местах. А ведь Ирэн была из тех созданий, для которых одно правильное касание могло спутать все мысли в голове и заставить забыть обо всём на свете. Поэтому его волнообразные прикосновения то к её утончённой шее, то к чутким локоточкам, то к маленьким ушкам и ко многим другим местам оказались крайне эффективны, совершенно обезоруживая.

Очнувшись от сумрачной пелены, Ирэн внезапно осознала, что её ведут по тёмному коридору с узорчатыми коврами и мраморными колоннами. Она тут же в панике остановилась и огляделась: где-то вдалеке всё ещё слышалась ритмичная музыка, но редкие масляные светильники не освещали никого поблизости, кроме её спутника. Лишь огромные картины с безмятежными лесными пейзажами смотрели на неё с разных сторон.

— Куда мы идём?

Мутант предпочёл не отвечать и с силой потащил девушку дальше.

— Генерал Джавер, куда мы идём?

— Тс-с-с! Почти пришли…

— Стойте! — начала ещё больше пугаться Ирэн.

— За угол зайдём — и всё.

— Нет! — она вцепилась в ручку ближайшей двери, и сверкающие слёзы покатились по её щекам. — Мы никуда не пойдём. Отпустите меня!

— Ты, наверное, что-то не то подумала, женщина.

— Хватит меня так называть! Я девушка.

— Размечталась тут о чём-то, — рассмеялся Джавер, нагло смотря ей в глаза. — Губку на меня раскатала!

— Что? Это я размечталась?! — вмиг успокоилась жертва.

— Ну не я же! Больно надо…

— Я не верю.

— Поди, сама приставать ко мне собираешься. Вот бабы пошли! — совсем обнаглел мутант, будучи полностью уверенным в своей безнаказанной тактике, сработавшей тысячи раз за его долгую жизнь.

— Хватит. Пустите! — хотела вырваться Ирэн, однако генерал внезапно перестал улыбаться. Он схватил девушку правой нижней рукой за тонкую шею, полностью обхватив огромными пальцами. Грубо прижав её к стене, на которую оперся всеми остальными руками, он в результате навис над ней сверху. Парализованная от страха жертва, едва дыша, всё же смогла схватить запястье мутанта у своего горла, хотя он вряд ли даже почувствовал её потуги освободиться.

Джавер медленно наклонился к ней, отчего тяжёлые дреды упали на её хрупкие плечи. Девушка в страхе закрыла мокрые глаза, услышав ровное дыхание монстра у своего правого ушка с едва заметной золотой серёжкой.

В опустившейся тишине, не говоря ни слова, он медленно осматривал и обнюхивал её голову то с одной, то с другой стороны. Иногда его нос, губы и даже холодные клыки необычайно мягко касались её вздрагивавшего лица и хрупкой шеи, где тоненькая цепочка запуталась в его напряжённых пальцах. В это время её ладони, вцепившись в запястье мутанта, ощущали под грубыми наростами твёрдые мышцы, которые то и дело переливались в напряжении.

Извивавшееся тело жертвы оказалось беспомощным перед лицом бескомпромиссной силы и теперь полностью зависело от воли и прихоти огромного хищника. От этих странных впечатлений тёплая кровь совершенно неожиданно устремилась в низ живота и одновременно ударила в и без того затуманенную голову девушки. Тут же её ротик немного приоткрылся, дыхание участилось, а дрожавшие руки обмякли. Потрясённая Ирэн вдруг осознала, что ей одновременно нестерпимо страшно, больно и... чудовищно хорошо. Сия мысль немедля удвоила глубину всех этих потрясающих ощущений, и девушка предательски ахнула от очередного нечаянного прикосновения за ушком.

Умудрённый опытом Джавер молниеносно прочувствовал изменения и потому упрямо продолжил давить на слабые места арогдорки, которая сама не подозревала о них ещё пару минут назад.

Его могучая рука на шее, то ослабевая, то напрягаясь, будто начала раскачивать её женское существо по всё возраставшим волнам, меж которых она с каждым разом глубже и глубже проваливалась. Когда её измученное лёгкими касаниями дрожащее тело, судорожно сжав

ноги, покрылось каменными мурашками, Ирэн наконец перестала сопротивляться накатившей пучине. Спустя несколько мучительных мгновений ещё больше приоткрыв свой ротик и непроизвольно вскрикнув, она моментально провалилась в леденящую темноту и оказалась в беспощадном пламени, которое откуда-то снизу и изнутри сжигало до пепла все её чувства, ощущения и мысли. Снова и снова, лихорадочно закручиваясь, словно вихрь. Снова и снова, пока всё не пропало, включая её саму.

Чуть позже она осознала, что ощущения снова потихоньку заполняют её сожжённый мир, как по весне наполняются пересохшие реки вулкана. В этот самый момент невероятно чувствительный Джавер разжал горячие пальцы — и обмякшая Ирэн медленно сползла по стене вниз, широко раскрыв ослепшие глаза и судорожно глотая воздух.

Громко шагая, легендарный генерал Айвор Джавер ушёл в неизвестном направлении, предательски и хладнокровно бросив её наедине с этим новым мироощущением, навеки похоронившим всю её предыдущую жизнь. Оставшись одна в этом тёмном, безлюдном и уже тихом коридоре, Ирэн вдруг испугалась самой себя и тихо зарыдала.

***

Холодным январём 967 года силы Айвора Джавера всё ещё насчитывали почти две тысячи мутантов, что более чем в два раза превышало численную мощность некогда непобедимой армии Парфагона. Взвесив все «за» и «против», Эйзенберг приказал своему верному генералу сконцентрировать почти все силы в один убийственный

кулак и одним мощным ударом покончить с предателями из Города заката.

Разведка докладывала, что беспомощный город под руководством отчаянного мэра Вальтера Мейсера оказался в печальной ситуации. Обозлённый Альберт Третий не мог простить ему ни предательство, ни те подлые пакости, которые копились из года в год, вроде незаконной торговли с Арогдором. В итоге прекрасный город был полностью открыт для любого вторжения, но остатки сил Парфагона восстанавливали свою оборону и не собирались в него входить. Нападать на бывших подданных, что бы они ни натворили, было нежелательно для авторитета короля. Фактически он просто ждал, когда неизбежная месть будет совершена руками Арогдора.

Получив приказ, Джавер равнодушно спланировал беспрецедентно кровавый поход. Пока раненные в атаке на Парфагон воины всё ещё отращивали потерянные конечности, он отобрал тысячу наиболее надёжных мутантов, восемьсот из которых пустил вниз по ущелью Шестой реки. С двумя сотнями других воинов он отправился вдоль Восьмой реки. Это северо-западное ущелье славилось обрывистостью, но зато выходило в самую обширную бухту всей Селеции, поэтому именно там затаился флот из четырёх двухуровневых галер. Эти суда год назад были приобретены у Города заката, и теперь они собирались с энтузиазмом навестить родные верфи.

Через два дня чёрная река мутантов достигла утонувшей в строительных лесах Башни признания и буквально на глазах её безучастного гарнизона спокойно

двинулась на Город заката, который находился всего в двадцати милях западнее. При этом часть мутантов пошли значительно южнее, дабы закрыть последние пути отступления. Они знали, что к этому моменту жители объятого хаосом города уже пребывали в безумной панике, пытаясь бежать во все стороны.

Когда флот Джавера перекрыл морские пути отступления для многочисленных торговых галер, мутанты начали со всех сторон зажимать взревевший город в жуткие клещи. Приказ Эйзенберга, как большого ценителя искусств, был по-творчески безумен: не соглашаясь на переговоры, уничтожить всё население и захватить как можно больше ресурсов, особенно технологичных.

У отчаянного Вальтера Мейсера в руках находилось лишь несколько сотен лучников, пара дюжин сооружённых за месяц баллист и онагров, а также едва ли полезные силы народного ополчения из всех дееспособных мужчин. А ведь чтобы отбить столь мощную атаку мутантов, требовалось не менее пятнадцати тысяч подготовленных бойцов! В итоге некогда соперничавший с самим Парфагоном город угодил в самую кровавую бойню за всю историю Селеции. Как бы отчаянно жители ни сопротивлялись, арогдорцы легко вошли во все районы и в течение двух суток резали абсолютно всех, кого находили, не щадя ни детей, ни женщин, ни стариков. Вязкая кровь, подобно дождевой воде, затопила улицы города, а море вокруг него окрасилось в тёмно-бордовый цвет. Прекрасные белые здания с колоннами были полностью или частично сожжены и разрушены, склады опустошены, а ценные технологии и рыбацкий

флот присвоены арогдорцами, чьи потери оказались смешными.

Ещё через три дня Джавер доложил об удачной операции Варнеру Эйзенбергу, на руках которого теперь была кровь почти тридцати тысяч мирных жителей белокаменного города, ставших жертвами загадочных выходок своего мэра. Хотя Арогдор таким образом лишился тайного союзника, Парфагон теперь тоже не мог рассчитывать на внушительную дань и ценные ресурсы своего богатейшего округа.

Как и полагается, в кратере был объявлен праздник в честь сокрушительной победы над вероломным противником, имевшим дерзость изменить великому соседу. На центральной площади, вокруг стелы и прямо напротив тёмно-серого замка Эйзенберга собрались несметные толпы люда в меховых шубах и шапках, вскидывая левые руки и скандируя самые заветные слова в их жизни:

— Виват, Арогдор!

— Виват, Эйзенберг!

— Виват, Джавер!

На всеобщий обзор были представлены захваченные богатства и любопытные технологии, а также горы домашней утвари, которую любой желающий мог забрать себе. Ещё две недели всю эту добычу без устали подвозили перегруженные ресурсные обозы из стёртого с лица Селеции легендарного города.

Проведя всё утро в храме, на праздничную площадь вышла и Ирэн Юрг. Как и все арогдорцы, она испытывала невероятную гордость за свою родину, внимательно рассматривая захваченные диковинки

вроде непонятных станков и метательных орудий, облепленных радостными ребятишками. С одной стороны, она понимала, что где-то там внизу были уничтожены тысячи таких же, как она, женщин и детей. С другой стороны, она неосознанно чувствовала очевидную зверскую силу, которая могла всё это учинить и о которой теперь роптала вся шокированная Селеция. Получается, будучи жительницей вулкана, она была частью этой силы и имела косвенное отношение к её чудовищной мощи. Поскольку крови убитых она не видела, но зато ощущала витавшую на площади густую патриотичность, которую можно было черпать ложкой вместо обеда, её глаза наполнялись слезами странного, какого-то животного счастья. Ирэн даже не знала, искренние ли это эмоции или же она просто поддалась общему настроению.

Когда на центральном балконе замка неожиданно показались силуэты Джавера и Эйзенберга, чтобы поприветствовать счастливую толпу, Ирэн непроизвольно вздрогнула и, предательски покраснев, сразу вспомнила ту дикую ночь. Всё это время она безуспешно старалась не думать о произошедшем и гнала прочь дурацкие мысли и фантазии.

Поздним вечером, боясь и одновременно надеясь снова увидеть генерала, она вместе с другими зеваками всё же дождалась его у парадного входа в замок предводителя. Его легко было узнать по неотлучной алой накидке поверх чёрного пальто — ведь во всём Арогдоре лишь он один из всей армии носил нормальную одежду. Остальные монстры довольствовались казённой формой, полагаясь в суровом климате лишь на наращённые

доспехи и плотный мех. Однако мужественный полководец вышел не один, а в сопровождении эффектной блондинки в белоснежной шубке. Её длинные худые ноги и благородные черты слегка вытянутого лица оценила даже Ирэн, спрятавшись за спинами бесновавшихся поклонников легендарного мутанта.

Вернувшись в мерзкий доходный дом, то взбудораженная, то опустошённая Ирэн не смогла уснуть всю бесконечную ночь. Нечто, копившееся в ней весь этот период, вдруг разом выплеснулось наружу. К своему неописуемому ужасу, она поняла, что всё-таки снова хочет непременно увидеть невероятно Джавера, о котором снова говорили абсолютно все вокруг, лишая её шанса стереть этого наглеца из своей памяти. Мало того — она почувствовала, что до бешенства ревнует его к действительно красивой спутнице, с привлекательностью которой едва ли хотела, да и могла ли соперничать.

Она не знала, что самый безжалостный человек в истории Селеции всё это время ожесточённо сражался не с беспомощным противником, а с самим собой. И уж тем более она не подозревала, что именно из-за неё генерал столь жестоко обошёлся с невинными жителями Города заката, вырезав их всех, как свиней на бойне. Что-то в этой искренней девушке, её глазах и чувственности, глубоко зацепило намертво зачерствевшую душу бесстрашного вояки. Теперь все свои внутренние резервы он отчаянно направлял на неотступную борьбу с этими предательскими эмоциями, не жалея ни себя, ни других. Подготовка атаки и стремительное уничтожение бесславных предателей немного отвлекли его, однако, вернувшись в Арогдор и зная, что упрямая и

разговорчивая особа где-то рядом, он снова начал страдать. Пытаясь заглушить пагубные для себя чувства, которые однажды выжгли его душу дотла, он развлекался с самыми дорогими женщинами и, как ему казалось, вполне успешно забывался. Этому удачно способствовали изъятые у поверженного предателя запасы весьма недурного вина.

***

На следующее утро Ирэн надела своё лучшее чёрное платье под единственное серое пальто с капюшоном и покорно пришла к входу в главную Казарму недалеко от замка предводителя.

Весь день у мрачного трёхэтажного здания над ней измывались своими пошлыми шуточками караульные, хорошо понимая, зачем она пришла. Судя по всему, подобное случалось нередко, поэтому все без исключения мутанты, проходя в раскрашенные в жёлтые и чёрные полосы ворота, бросали в её сторону воздушные поцелуи и подмигивали. Однако упрямая Ирэн не обращала ни на кого внимания и упорно ждала Джавера, отбиваясь от самых настырных ухажёров предусмотрительно заготовленной кочергой. При этом весь день мела вьюга и выл ветер, отчего её нежные ручки и ножки промёрзли насквозь. Но Ирэн всё равно ждала и не сдавалась. Она страшно хотела кушать и валилась с ног от усталости, однако всё равно упрямо ждала назло всему и всем.

И дождалась.

Ближе к сумеркам в сопровождении бравого отряда мутантов на челоконях подъехала огромная карета Джавера. Выйдя на улицу, генерал сразу же наткнулся на почти заметённую снегом Ирэн, сопливый носик

которой беспрерывно шмыгал. Он точно знал, что после произошедшего в стенах замка она рано или поздно сама найдёт его. Это был лишь вопрос времени. Генерал понимал, что ни по интеллекту, ни по опыту общения с женщинами никто и никогда не мог сравниться с ним во всём Арогдоре. Может быть, и во всей отныне обречённой Селеции ему не было равных. Общаясь с жалкими отпрысками вулкана, Ирэн не могла не сравнивать их с ним — практически богом на их блёклом фоне. В итоге она оказалась в безвыходной ловушке, когда каждый встречный подталкивал её невинное тело в его сильные руки, которым словно было предопределено получить абсолютную власть над ней. Проблема была лишь в том, что сам Джавер, некогда доблестный рыцарь, до сих пор наверняка не знал, хорошо это или плохо для него самого.

Чтобы не унижать девушку, и без того натерпевшуюся издевательств, он начать разговор первым:

— О, знакомые лица!

— Здравствуйте, генерал! — пропищала его околевшая жертва, смущённо пряча глаза, а также мысленно умоляя ни в коем случае не спрашивать, зачем она сюда пришла.

— Можно на «ты», Ирэн.

— Хорошо.

Джавер мягко улыбнулся и заботливо стряхнул с её капюшона и плеч толстый слой снега, который предательски выдавал, сколь долго она его ожидала. Дальнейшую беседу с изумлением наблюдали притихшие караульные и телохранители генерала. Не понаслышке зная его грубые повадки, они никогда

прежде не видели Айвора Джавера таким спокойным и учтивым. Конечно, время от времени они замечали странности в его поведении весь последний месяц, однако лишь теперь имели счастье лицезреть их симпатичную причину.

— Думаю, нам стоит это обсудить за ужином, — заканчивал разговор Джавер, нежно отдирая кочергу от её окоченевших варежек.

— Не знаю, — оскалилась девушка, словно это вовсе не она, а он ждал её весь день на холоде. — Может быть.

— Завтра вечером за тобой заедут. Хорошо?

— Посмотрим...

— Договорились! — словно открытую книгу, легко читал её желания опытный полководец, подталкивая к карете. — А теперь шуруй внутрь, вредный снеговик. Тебя довезут до дома.

***

Проведя вечер в суете армейских забот, уставший Джавер приехал в свой небольшой, но уютный особняк у площади возле замка Эйзенберга. Его роскошное логово являлось одним из немногих мест в кратере, где вместо тошнотворного смрада благоухало розовое масло. Дом был наглухо обставлен прочной и резной дубовой мебелью, покрытой тёмным янтарным лаком. Везде висели тяжёлые чугунные люстры и лежали толстые мохнатые ковры меж выкрашенных в бордовые оттенки стен. Лишь изящная ванная комната, от пола до потолка выложенная тёмно-красным мрамором с тонкими белыми прожилками, отличалась от всех других помещений. Там генерал и свалился в почти кипящую воду, заранее приготовленную предусмотрительными

слугами, где утонул в горячей неге и болезненных думах об Ирэн. Больше всего его раздражало, что он ничего не мог поделать с самим собой! Что в этой девочке такого, что не мог одолеть великий военачальник и не менее великий разрушитель женских сердец?

Велев принести крепкого вина, Джавер сквозь столетнюю боль в сердце стал вспоминать королеву Джейн Гуднол, четвёртую жену Альберта Третьего — до сих пор единственную женщину, которую он по-настоящему любил. Тогда он ещё был юн, и его сердце искренне и честно открылось той, на которую даже посмотреть было нельзя. Как у всех его невинных жертв, у девушки также не было выхода, кроме как ответить такой же безудержной взаимностью. И случилась страшная трагедия, разрушившая их жизни и сломавшая в нём всё человеческое.

Джавер так боялся последствий своего проснувшегося сердца, что после пятой бутылки твёрдо решил больше никогда не видеться с Ирэн. Спьяну ему показалось, что её следует вообще задушить, а затем побыстрее да поглубже закопать где-нибудь в скалах и тем самым вырезать потенциальную беду раз и навсегда.

Однако следующим вечером большая и удобная карета раньше времени прибыла за Ирэн Юрг к ободранному доходному дому на окраине кратера и, возможно, уже навсегда забрала её из этого отвратительного гадюшника. Она ожидала, что романтический ужин состоится в единственном нормальном ресторане Арогдора или даже в замке предводителя, перед которым она планировала извиниться за свою выходку, однако челоконный экипаж бесстыдно прибыл сразу к особняку

генерала. Это вызвало неожиданное облегчение, несмотря на откровенную наглость хозяина жилища, который лично встретил в небольшой прихожей, где с двух сторон теснились аккуратные шкафчики для обуви и верхней одежды.

Одетый в свой зауженный костюм и белую сорочку, Джавер снял с неё пальто, обнажив плечи и струившееся по телу чёрное платье с кружевным верхом. Затем он осторожно взял девушку за руку и провёл в столовую, с ходу расплавляя женский мозг:

— Какой прелестный наряд, принцесса!

— Спасибо!

— Ирэн, как боевой генерал, докладываю, что нет ничего опаснее в нашем мире, чем молчащая или, ещё хуже, голодная женщина. Поэтому...

— Это чушь. Вы всё время несёте чу…

— Судя по всему, и вправду только холодная могила заставит вас умолкнуть. Осталось смириться и хотя бы не дать вам помереть с голоду.

— Что значит «и вправду»?

— Это так, к слову.

— Ага, эти три бутылки тоже спасают от голодной смерти? — указала она пальчиком на небольшой круглый стол, к которому они направлялись.

— Женщина, зачем ты всё испортила? Я пойман с поличным, — поднял вверх все свои четыре руки мутант. — Могла бы и промолчать.

— Ну вот, только пришла — и уже всё испортила...

— Бабы, — вздохнул он. — Что с вас взять?

— Ах, так? Где же ваша галантность, генерал?

— Может, тебя лучше сразу отправить обратно домой?

— Это ещё почему?

— От греха подальше, так сказать.

— Ну уж нет!

— Карета ещё здесь.

— Пока не поем, точно не уйду.

— Эх, вам только бы пожрать…

— А вы думали, зачем я с вами увиделась?!

Вежливо усадив повеселевшую гостью за стол и усевшись напротив неё, Джавер звонко щёлкнул пальцами — и их вмиг окружила прислуга в белых платьях, чёрных чепчиках и фартуках. На больших блюдах им сразу из печки подали ароматное рыбное рагу с обжаренными овощами и грибами в густом сливочном соусе, а затем преподнесли нежные медовые пирожные. Всё это, исключительно ради аппетита, обильно запивалось красным вином, а сам Джавер вёл себя предельно сдержанно. Его опыт говорил, что сегодня Ирэн в любом случае будет принадлежать ему, что бы он ни сказал и ни сделал, поэтому можно было расслабиться и спокойно наслаждаться непринуждённым общением. Более того, безжалостный генерал, привлекательность которого будто каким-то магическим образом удваивалась с каждой его новой жертвой, решил забавы ради поиграться с неопытным созданием.

После многочисленных тостов за Ирэн и её сводящую с ума красоту, после всех бесед об опасности войны и бескрайности звёздного неба, после скромных прикосновений и пошлых шуток, после встречных взглядов и смен тембра голоса, после сладкого вина и вкуснейших закусок, после всех томных надежд и обволакивающих сознание грёз, после тщательного

ковыряния коготками в его броне под расстёгнутой сорочкой бессовестный Джавер, не моргнув глазом, заявил сидевшей у него на коленях девушке:

— Так, хватит меня спаивать и соблазнять!

— Мм... Я ещё и не начинала.

— Ты шутишь? — нахмурился он. — Мы же просто ужинаем. А ты уже губищу раскатала!

— У тебя такой приятный голос... — томно прошептала и вправду раскатавшая губку Ирэн.

— Ну, теперь и спать пора.

— Уже давно пора, — водила она пальчиками по мускулистой руке, крепко оберегавшей от падения её давно не очень устойчивое тельце.

— Твоя постель в гостевой комнате.

— Что? — немного протрезвела она. — Что там?

— Твоя постель.

— Моя? Конечно...

— Ну, вот и славненько, — вставая, Джавер поставил девушку на пол, взял её за руку и вкрадчивым голосом продолжил, действительно подводя к гостевой комнате: — Приятно было провести этот волшебный вечер с такой потрясающей собеседницей. Спокойной ночи и сладких снов!

Холодно чмокнув остолбеневшую девицу в лоб, этот беспощадный тварюга невозмутимо развернулся и поднялся к себе на второй этаж, оставив Ирэн молча моргать у двери её одинокого ночлега. Бедная девушка на непослушных ножках еле добрела до холодной кровати, лихорадочно пытаясь понять, где она допустила ошибку и правильно ли поняла, зачем её пригласили. Неужели это был обычный для него вечер и это только

она успела себе что-то придумать? Может, у неё пахло изо рта или недостаточно гладкие ноги? Может быть, её вычурное чёрное платье оказалось слишком старомодным? А если он вообще из тех, кому только поговорить и надо, в конце-то концов?!

В это время абсолютно спокойный Джавер, ни о чём не переживая и посвистывая, зашёл в свою бордовую спальню, неспешно разделся, зажёг две свечи и в предвкушении молочного тела прилёг на встроенное в каменный пол необъятное ложе. Любуясь турнирной рыцарской амуницией на стенах, он смаковал в голове один единственный вопрос: как долго она выдержит?

Ирэн, изведённая жестокими военными хитростями, героически продержалась целых четверть часа, за которые успела поплакать, пообещать себе больше никогда не видеть идиота Джавера и даже решила стать блондинкой. Затем, всё-таки окончательно наплевав на свою женскую гордость и до скрипа зубов разозлившись на всех мутантов вулкана, она быстрыми шагами ринулась наверх, громко и возмущённо топая. Ей хотелось его убить. Но ещё больше ей хотелось просто отдаться его сильным, уверенным и одновременно нежным рукам.

***

Ирэн действительно больше не жила в доходном доме. Вернувшись лишь однажды, чтобы забрать самые любимые предметы своего скромного гардероба, она больше не покидала благоухавший розовым маслом особняк. На прогнившем постоялом дворе она также появлялась лишь для того, чтобы проведать сердобольного управляющего с мохнатыми бровями,

полюбившего проказницу по-отечески, и посплетничать с многострадальной подругой. Конечно же, поскольку Рита Леви так и не простила ей историю со злополучным балом, бывшая селянка не упускала возможности её позлить своим новым положением.

Взлетев на макушку социального дерева — став подругой самого уважаемого и желанного человека Арогдора, — ещё более похорошевшая Ирэн впервые почувствовала себя счастливой. Новый статус в обществе нисколько не испортил её душевную простоту, хотя в случае необходимости она могла дать достойный ответ всем недоброжелателям, чувствуя за спиной сокрушительную силу в виде её собственного мутанта. Как женщина, она была уверена, что с ней рядом находился самый лучший мужчина, которого только можно было придумать. Это понимание приносило полное спокойствие, умиротворение и уверенность в себе, чем бы она ни занималась. Действительно, что ещё нужно прекрасным созданиям? Хотя Джавер, впрочем, как и все мутанты, не был красавцем, его невероятная сила, неординарный ум и обаяние достигали таких заоблачных высот, что любые его недостатки превращались в достоинства. А незаурядный интеллект генерала и полное понимание чуткой женской природы не оставляли Ирэн никаких шансов, чтобы не потерять голову от самой пылкой страсти.

В это же время некогда ветреный Джавер произвёл шок на своё мужланское окружение и весь Арогдор в целом. Там, где верность была презираемым нонсенсом, её никто не мог ожидать от такого прожжённого холостяка, как популярный полководец. О его гранитную

стену, надёжно оберегавшую холостяцкую жизнь, было разбито немало женских сердец и судеб. Однако эта девушка, вроде почти обычная по меркам вулкана, смогла всего за пару встреч растопить себе тёплый уголок в промёрзшей душе легендарного воина.

При этом сам Джавер изменился и познал душевное равновесие, перестав заниматься нескончаемым самоедством. Впервые за долгие годы он пустил внутрь себя ещё одного человека, не боясь за последствия и ограничения. В его большой голове чуть ли не впервые в жизни появились абсолютное спокойствие и безмятежность, о существовании которых он лишь подозревал. Что бы теперь ни случилось, ему было трудно не пребывать в хорошем настроении, зная, что где-то рядом всегда была ароматная болтушка, трепетавшая от каждого его слова и неуклюжего поворота клыкастой морды.

Новоиспечённая пара безупречно подходила друг к другу во всех отношениях. В серых стенах Арогдора, вечно погружённого в холод, смрад и дым, они оба нашли себя и радовались жизни всем назло. Однако вскоре Ирэн начала замечать напряжение в Джавере, который стал проводить подозрительно много времени в злосчастных Казармах и скалистых окрестностях кратера. Она так хотела спокойной и счастливой жизни, что совсем позабыла, чем в действительности занимался её возлюбленный.

Нехорошие предчувствия усугубились, когда Ирэн узнала, что всё мужское население Арогдора призвали в ополчение и заставили добиваться более устрашающих мутаций. Якобы это нужно было на случай агрессии

взбесившегося короля, который после осады Парфагона был способен на многое. Но бывшая селянка повидала на своём веку достаточно, чтобы этому не верить. Когда уставший Джавер однажды вечером вернулся домой, она не выдержала и сразу же атаковала его с порога:

— Что всё это значит?

— Ирэн, тебе не о чем переживать.

— Опять война?

— Опять? Она никогда не заканчивалась.

— Но зачем сейчас это нужно? Неужели у нас уже закончились запасы?

— Знаешь, это не твоё дело.

— Как это не моё дело? — скрестила руки девушка.

— Пойми: мы в полной безопасности. Война нас не касается.

— Не касается?! Ты руководишь этой войной. Почему вы теперь берёте всех мужчин?

— Что же это такое… Мне сам Варнер столько вопросов не задаёт, — пока вполне успешно уклонялся от прямых вопросов опытный в тяжёлых боях генерал.

— Ты не сдвинешься с этого места, пока не скажешь, что вы задумали!

— Хочу напомнить, что ты чуть больше моей ноги, женщина!

— Ах, ты ещё будешь на меня руку поднимать? Ногу?!

— Приятного аппетита!

— Что? — опешила Ирэн.

— Ты сейчас ешь мой мозг. Приятного аппетита! Может, вилочку дать?

— Ах, так?! Хорошо, я тебе сейчас его весь съем, мужчина! Больно умный!

— Ну успокойся! — наконец, сдался Джавер, понимая, что на этот раз не выкрутится из окружения. — Скоро мы покончим с Парфагоном. Будет тяжело и страшно, но потом...

— «Покончим»? Разве всё это нужно не для защиты?

— Так надо, поверь. Самое главное — уж кому-кому, а тебе не о чем волноваться. Ещё вопросы?

Возможно, в атаке на подлый Парфагон был резонный смысл, раз всезнающий генерал уверенно говорил об этом. Как любая женщина, Ирэн уже начала подстраиваться под своего защитника, которому полностью доверилась, перенимая его взгляды и правила, какими бы странными или чудовищными они ни были. Поэтому решения Джавера не подвергались сомнению: если он что-то делает — значит, так надо. Какие ещё тут могут быть варианты? Но как же быть с её злополучным братом? Она не успела спросить, но ведь наверняка у него тоже имелись семья и друзья. Мало того, любопытная девушка всё же не могла понять, зачем нужно уничтожать весь Парфагон. Не достаточно ли добраться до этого дурацкого короля? И почему они вырезали весь Город заката, хотя можно было обойтись одним мэром? Ох уж эти кровавые мужские игры!

Целую неделю Ирэн мучилась в догадках и по маленьким крупицам вытаскивала из возлюбленного ценные сведения о скором сокрушительном ударе по столице вечного врага. Но чем больше она узнавала, тем больше начинала сомневаться в смысле и оправданности этой затеи. Ей всё время казалось, что она либо чего-то не понимает, либо от неё что-то скрывают. У неё складывалось твёрдое ощущение, что Варнер Эйзенберг

не такой уж и святой, как она всегда думала. Всё выглядело так, словно он собирался убивать людей вовсе не из-за жизненной необходимости, а для собственного развлечения. Очевидно, они на пару с Джавером будто осознанно выбирали самые кровавые варианты.

Всем этим жутким мыслям было тяжело уживаться с воспитанным в крови патриотизмом, поэтому молодая женщина пыталась найти массу самых разных оправданий новой эскалации конфликта. Не мог же великий Арогдор, сам претерпевший столько ужасов и унижений от Парфагона, без особой причины и надобности уничтожать невинных людей?

Настал критический момент, и спустя несколько дней мучений Ирэн всё же окончательно сломалась и призналась себе, что не сможет мириться с таким бесчинством. Она, может, и смирилась бы, но наличие близкого человека среди возможных жертв значительно усилило её чувство сострадания. Без личного горя смерть даже тысяч людей — не более чем числа для странной природы человеческого сознания. Поэтому, несмотря искренние чувства к Джаверу, она не хотела жить, зная, что в то же самое время готовится уничтожение ни в чём не повинных парфагонцев, в том числе её бедного брата и его близких.

Испытывая страшные угрызения совести и паскудное чувство предательства, Ирэн стала искать способ предотвратить почти неизбежную катастрофу. Ни слепой патриотизм, ни страстная любовь не смогли убить настоящего человека в душе хрупкой девушки, хотя обычно необъяснимо легко это делают с более умными и сильными людьми.

***

Так получилось, что схлестнувшиеся судьбы двух народов оказались в руках дерзкой шатенки с большими зелёно-карими глазами. Пикантность ситуации заключалась в том, что Ирэн прекрасно осознавала, что частенько не могла разобраться со своими собственными мелкими проблемами, а теперь же ей предстояло каким-то невиданным образом разрешить грандиозные неприятности сразу всей Селеции. Хотя само это понимание вызывало дрожь в руках, некий железный стержень, что внезапно возник в её бойком сердце, придавал решительности и энтузиазма.

Окончательно решив вмешаться в судьбы Арогдора и Парфагона, Ирэн решила немедленно действовать в целях спасения мира. Вроде бы её задача была проста: нужно оповестить Альберта Третьего о весеннем вторжении. Когда Ирэн стояла на краю кратера, ей казалось, что она почти видит Стену и даже замок короля, однако иллюзорная близость не упрощала реальные сложности. Прежде всего девушка думала сделать всё самой, но вскоре поняла, что самостоятельно пройти незамеченной все дозоры и обрывистые ущелья будет невозможно. Она вряд ли сможет добраться до ненавистных Башен и уж тем более потом вернуться обратно. Да и как бы к её отсутствию отнёсся Джавер?

Затем она планировала нанять тощего гонца, однако почти превратившиеся в собак мутанты были настолько глупы, что могли легко посмотреть записку. Кроме того, никто просто так не мог покидать вулкан, тем более курьеры, которых за пределами кратера использовали исключительно военные. Также она додумалась

отправить записку на маленьком плоту, спустив его по одной из рек по южному склону. Однако была большая вероятность, что рукотворное судно застрянет в порогах или его попросту никто не заметит, даже если оно доплывёт до цели. Ещё ей опять взбрело в голову подставить Риту, придумав глупость про влюблённого в неё рыцаря-вдовца. И хотя подруга легко поверила бы в чувства никогда не видевшего её воина, она уже вряд ли поверила бы самой Ирэн — посему и от этой прекрасной затеи пришлось отказаться.

В итоге, перебрав массу самых неожиданных вариантов, девушка вдруг вспомнила любопытную историю своего брата. Он упоминал некоего челоконя, который в награду за спасённую жизнь легко провёл агентов в обход всех дозоров. Наконец долгожданное решение было найдено! Нужно было лишь найти и уговорить этого самого Билла — наверняка глупого — передать записку в ближайшую Башню.

Проблема заключалась в том, что в городе жили тысячи челоконей. В последнее время эта беспечная мутация стала приобретать невиданную ранее популярность, на что жаловался Джавер. Он покрывал этих ленивых сограждан самыми изысканными проклятьями, поскольку они пожирали больше половины запасов Арогдора. Однако деваться было некуда, и Ирэн направилась в огромные конюшни, которые располагались сразу за главной Казармой почти в центре города.

Окунувшись в сумерки вытянутого и парившего на холоде деревянного строения, она обнаружила внутри сотни достаточно ухоженных стойл. Из разящих потом

жилищ челоконей доносились хор умиротворённого храпа и галдёж любезных разговоров. Обслуживающие рабочие, больше похожие на огромных обезьян, беспрерывно развозили по стойлам вёдра с мерзкой кашей, тщательно мыли мутантов и чистили их дорогостоящие сёдла. Причём каждое их действие сопровождалось обязательной благодарностью до тошноты вежливых челоконей. Недолго думая, Ирэн сразу же подошла к ближайшему из них, на голове которого кокетливо красовалась кудрявая стрижка:

— Здравствуйте!

— Спасибо, спасибо, уважаемый господин! — почти шептал он рабочему, который его намывал.

— Извините за беспокойство! Как мне найти Билла?

— О, Билла? Билл — мой лучший друг, — ответил челоконь и, влюблённо моргая, повернулся к мойщику: — Ещё ниже потрите, пожалуйста.

— Может, мне ещё твою жопу снова помыть? Охренел! — выругался арогдорец. — Она и так у тебя уже сверкает!

— О, было бы неплохо! Благодарю!

— Так где мне найти вашего друга?

— Во-о-он там слышите храп? — махнул он круглой харей в середину конюшни. — Он ещё всё время во сне разговаривает.

Поблагодарив любвеобильного челоконя, Ирэн направилась к спасителю Томаса. Тот мирно спал, распластавшись на боку, а все прохожие вытирали прилипшее к подошве дерьмо о его выпавшую в проход белую косу, мощи которой позавидовала бы любая красавица. Засиявшая девушка обрадовалась столь

быстрой находке, но её насторожили обрывки фраз из странного сновидения мутанта:

— Мы непобедимы! Великий Арогдор... Да-да! Великий... Виват, Арогдор! Виват, Эйзенберг! Мы лучшие на свете... Ура! Ура! Ура!

Было трудно представить, что такой патриотичный гражданин мог пойти на предательство, приведя подозрительных разбойников в самое сердце своей родины. Тогда Ирэн поинтересовалась у проходившего мимо рабочего о других Биллах. Тот попытался грубо схватить её за самые заметные сокровища сочного тела, но потом, услышав о генерале, испуганно указал на стойло в самом дальнем углу.

Подойдя, Ирэн увидела необычайно мощного челоконя с чёрным ирокезом. В это время щекастый добряк с огромными глазами в отличном расположении духа поедал ведро тошнотворных помоев, от которых едва оторвался, чтобы поприветствовать гостью:

— Добрый день, гражданочка!

— Здравствуйте! Вы Билл?

— Да, я Билл Элвин. Спасибо!

— Пожалуйста...

— Чем могу быть полезен?

— Помните лесных разбойников? — на ухо шепнула ему Ирэн. — Вы им помогали пройти в Арогдор.

— Вы что! Какие разбойники?!

— Вас тогда ещё чуть не порезали на колбасу.

— Стоп! Кажется, я вспомнил. Спасибо!

— За что спасибо?

— За то, что на колбасу не отдали.

— А первый раз вы мне за что спасибо сказали?

— За то, что не собирались меня на колбасу отдавать.

— А что, должна была?

Хитрая дуэль двух в чём-то схожих разумов продолжалась ещё несколько минут. Со стороны можно было подумать, что девушка набиралась опыта для очередного разговора по душам со своим несчастным мужчиной. Однако, опомнившись, Ирэн всё же предложила Биллу оказать помощь ещё раз. Боясь разоблачения, она всего лишь попросила доставить записку до любой из приграничных Башен.

— Спасибо! Но это опасно. Зачем мне так рисковать?

— А если на колбасу? — зловеще и с прищуром процедила Ирэн.

— Как это? Меня?! Вы что?! Спасибо!

— За что сейчас-то спасибо?

— Не знаю, — волновался Билл.

— Знаешь, кто мой муж?

— Кто?

— Сам генерал, — злорадно добивала свою жертву мнимая жена полководца. — Джавер.

— Говорят, он съел своего челоконя, когда возвращался из Парфагона.

— Потом неделю дома доедали. Мм... Вкусно-то как было!

— Нет! Что вы такое говорите?!

— Ах, какие это были мягонькие сосисочки, колбасочки и рулетики... — почти стонала обманщица, вожделенно облизывая кончики пальцев и почмокивая губками.

— Спасибо! Спасибо! Всё сделаю!

Будучи больше не в силах общаться с побеждённым и нагло поверженным мутантом, Ирэн спрятала в его седло драгоценную записку и просила передать её как можно скорее. На что дрожащий Билл ответил, что обязательно сделает это в самое ближайшее время и что беспокоиться не о чем.

***

Перед рассветом следующего дня подвыпивший старший воин взял в конюшне челоконя с ирокезом и спустился на нём к дозорам Четвёртой реки. Объезжая позиции по периметру, Билл умышленно споткнулся у наиболее пологого обрыва и скинул мутанта на промёрзшую землю, а сам картинно покатился вниз, беспомощно зовя родненькую маменьку на помощь. Скрывшись из вида за скалами, он быстро помчался дальше, надеясь не вызвать подозрения своим длительным отсутствием. Добравшись до Башни безопасности к сумеркам того же дня, полностью измотанный челоконь был встречен свистящими стрелами. Получив лёгкое ранение в плечо, упрямый арогдорец всё равно добежал до железных ворот и умоляюще попросил окруживших его рыцарей передать записку коменданту.

Получив секретное сообщение, необычайно красивый офицер с вытянутыми чертами лица и длинными белыми волосами тут же отправил гонца в Парфагон и распорядился накормить уставшего гостя. На следующее же утро Билл уже отправился восвояси, по пути продумывая легенду о том, как в беспамятстве провалялся двое суток в узкой расщелине.

В это время Ирэн, словно выйдя из тумана, вдруг полностью осознала тяжесть своего низкого поступка. Может быть, представься ей такая возможность, она бы вернула всё вспять и не стала совершать столь неординарных действий! О предательстве ещё никто не знал, однако она уже начала ощущать себя гнусным изгоем родного Арогдора, вонзив ножом ему в спину. Ещё хуже она себя чувствовала, когда сильные руки Джавера, крепко обнимая, окончательно отключали все остатки её разума, отчего эмоции собственной никчёмности уже ничем не сдерживались. Тяжёлое чувство вины перед любящим и любимым человеком навеки повисло тяжким грузом на её тонкой шее.

Однажды вечером, когда они уже засыпали, она вдруг в очередной раз расплакалась в его крепких объятиях. В чувствах, чтобы хоть как-то облегчить свои страдания, обнажённая Ирэн поведала обо всех своих душевных муках, которые умело скрывала раньше. Конечно, главной трагедией было убийство родителей и отлучение от любимого брата. Ранее она боялась поднимать эту тему, поскольку знала жёсткую позицию Джавера по вопросу «эвакуации».

Оказалось, он был готов её выслушать и даже утешить:

— Ирэн, это война.

— Знаю. Но мне было так больно и страшно.

— Иногда приходится действовать наверняка...

— Но не так же! — зарыдала девушка. — Зачем столько жестокости?

— Их убили у тебя на глазах?

— Я плохо помню. В один момент дверца погреба раскрылась, спустился воин и...

— Погреб? — что-то укололо в груди Джавера.

— Да, мы прятались в погребе. Мама согревала...

— Что было рядом с твоим селом? Где оно?

— Салеп.

Вместе с ответом невидимое ребристое копьё вошло в сердце Айвора Джавера, прошло его насквозь и в нём и осталось. Похолодев и остолбенев, он присел на кровать у окна, и горькие слёзы впервые за многие годы покатились по его щекам, поразив подругу:

— Это давно было. Не переживай так, любимый!

Генерал пытался не выдать себя, но больше не смог вымолвить ни слова. Ему оставалось лишь крепко прижать к себе бедную Ирэн и уткнуться в её душистые волосы. Стоило снова так глупо, открыто и неожиданно влюбиться, как тут же всё оказалось стёрто в труху. Точно так же, как тогда, много лет назад, когда он был самым перспективным рыцарем Парфагона. И вот злой рок судьбы достиг его, даже когда он перевоплотился в самого жестокого мутанта Арогдора.

Вцепившись друг в друга, как в последний раз, они полночи так и пролежали, каждый в своих собственных мыслях. Но стоило Джаверу ненадолго уснуть, как он вскоре проснулся и тут же приступил к чередованию техник. Он во что бы то ни стало попытался почувствовать себя в том самом доме, где прошла та роковая ночь. Он представил, что трогает стол и ползает по полу, всматриваясь в щели и соринки. Однако ничего не вышло, поэтому мутант представил, что держит в правой верхней руке меч, сжимая его в ладони. Далее он перешёл к вращению, но и тут его ожидало разочарование. Не сдаваясь, он продолжал снова и снова

перебирать эти техники, пока не заметил зажатую в пальцах рукоятку — наступила фаза!

Не выпуская оружие, Джавер представил, что находится в сельском доме, а затем резко выкатился вбок. Оказавшись именно там, где хотел, он увидел ситуацию не со стороны, а будучи в теле смуглой брюнетки. Он плохо помнил, как она выглядела, но зато сразу почувствовал её миниатюрное тельце и забытое ощущение двух рук. По правую сторону квадратного стола он увидел самого себя, пожирающего поросёнка в свете масляной лампы. По левую руку тем же занимался старший воин, а напротив сидела ничем не примечательная блондинка в цветастом платье и с модным в те времена острым носиком. Джавер понял, что внизу сейчас была его Ирэн, но не мог решиться её увидеть.

Чтобы не потерять фазу, он начал бегло ощупывать стол и нюхать лепёшку, которая показалась самым вкусным лакомством на свете. Рядом также дымились миски с жареными курами, поросятами и перловой кашей, а подле них стояли ведра с молоком и водой. Озираясь вокруг, он увидел за спиной блондинки тёмное окно с синим тюлем, а по бокам кирпичную печь и шкафы с кухонной утварью.

— Да что же это за вонь?! — вдруг прорычал его двойник, обнюхивая воздух.

— Тоже не могу терпеть это, дорогой, — раздражённо подтвердила блондинка, отчего настоящему Джаверу захотелось её убить.

— Извините, генерал, — оправдывался старший воин. — У нас не было выбора. Видимо, это из погреба под столом.

— Гнилые овощи! Какая мерзость! — не успокаивалась любовница, ещё больше распаляя генерала:

— Там что-то ещё...

Оба арогдорца неспешно поднялись на ноги и обступили узкий лаз, разглядывая его из-под низкого потолка. Генерал правой верхней рукой схватился за рукоять меча за спиной, а его товарищ достал кинжалы из ножен на поясе и наклонился к погребу:

— Посмотрим, что там у нас…

Послышался скрип, и тяжёлая дверца начала подниматься, отчего путешественник во времени не выдержал и вскрикнул женским голосом:

— Стойте!

— Что? — оглянулся генерал.

— Вы выпустите оттуда этот ужасный запах!

— И?

— Может, сначала доедим?

— А ведь она права, — пробурчала блондинка. — Дорогой, давай сначала поужинаем!

— Ух, бабы! То вам одно, то другое… Как вы вообще живёте? — вопрошал генерал, вставляя меч в ножны.

Когда он вместе со старшим воином вернулся за стол, Джавер в обличии смуглянка выдохнул, словно по-настоящему спас свою будущую любовь. Затем он несколько раз постучал туфлей по ножке стола, пытаясь поддержать пленников, после чего заблудился в мыслях, погрузился во тьму и едва не потерял фазу.

Чтобы спасти ситуацию, он вытянул руки вперёд, пытаясь нащупать стол, но вместо этого схватил кого-то за мягкие плечи под льняной тканью. Тут же вернулось зрение, и Джавер обнаружил себя на земляном полу в погребе. На этот раз он был в теле некого мужчины в кровавой рубахе, у которого болело плечо и жгли ссадины по всему телу. В тусклых полосках света, что сочился из щелей сверху, были видны горки сморщенных овощей и кувшины, а в дальнем углу лежали в обнимку мужчина с женщиной, возле которых валялся топор.

Несмотря на сырость и смрад, прямо перед ним сиял лик полненькой молодой женщины с удивительно мягким взором и вздёрнутой верхней губой. Шатенка как бы виновато улыбалась, обнимая заросшего малыша в тунике и удерживая подушку поверх головы второго ребёнка. Не в силах вытерпеть невинный взгляд этой особы, Джавер приподнял подушку и обомлел от маленького личика своей Ирэн. Она мирно посапывала, прикусив большой палец и шевеля крошечным носиком. Помня, что случится поутру, Джавер зарыдал, водя пальцем по щеке малышки. Затем он взревел, словно дикий зверь, и кинулся наверх, чтобы найти самого себя и убить.

Глава 8. Загадка таинственного леса

Получив неожиданное письмо из Арогдора, Ричард Фейн, новый комендант Башни безопасности, прикрепил к нему другие косвенные данные о скором наступлении и сразу же отправил всё это в Парфагон. Уже через два дня важная корреспонденция оказалась в руках Аарона Коннелла. Седой легат, бросив ужин с семьёй, немедленно отправился будить Альберта Третьего с

требованием сейчас же созвать Королевский совет. Тот хотел перенести мероприятие на утро, однако упёртый главнокомандующий, не понаслышке знавший стоимость каждого часа, отказался уходить, пока его требование не будет выполнено.

Уже через час все главные лица Парфагона, включая Томаса Юрга, собрались за большим округлым столом в замке короля в предчувствии очередной беды и новых бессонных ночей. В это время рядовые горожане, уже понадеявшиеся, что самое худшее позади, тоже были неприятно встревожены, увидев среди ночи тусклый свет в окнах северной башни.

Размеренно поглаживая окладистую бороду, недовольный Альберт дождался, пока члены Совета усядутся, и оглядел их напряжённые лица. Когда-то давным-давно ему в голову пришла гениальная идея поставить в переговорные помещения деревянные стулья, украшенные очень детализированной резьбой. Они хоть и выглядели красиво, но долго просидеть на них было невозможно. Это в разы сокращало желание назойливых министров и военачальников проводить бесконечные совещания. Сам же Альберт восседал в кожаном кресле такого качества и размера, что на нём можно было с большим комфортом просидеть целую неделю.

— Итак, — начал он, грозно хмурясь на Коннелла, — что у нас тут? Почитаем вашу бумажку:

«Томасу Юргу.

Дорогой мой брат, наш великий генерал Айвор Джавер собирается весной напасть на Парфагон. Он готовит все возможные силы, включая мирное население, чтобы покончить с вашим дурацким королишкой Альбертом Сумасшед...»

— Что?! — возмутился король. — Мы должны этому верить? Это что за дикая баба там нашлась?!

Покрасневший Томас лишь скромно увёл в сторону смущённые глаза, стараясь не добавлять масла в огонь, пока великий и многовековой предводитель Парфагона продолжал:

«...покончить с вашим дурацким королишкой Альбертом Сумасшедшим и всем вашим королевством. Я по тебе очень скучаю. Надеюсь, ты на меня не обижаешься за то, что я не ушла с тобой. На улице зима, и у вас там внизу тоже, должно быть, прохладно. Носишь ли ты шапку? Мужскому здоровью ведь нельзя студить голову. Вчера я купила себе...»

— Дальше можно не читать, — перебил Коннелл.

— А что, правда голову нельзя студить? — спросил кто-то.

— Стоп! Да что же это за писулька такая? Это донесение? Это разведданные?! — обычно спокойный и уравновешенный Альберт, особенно на публике, в бешенстве вскочил и стал быстро ходить вокруг стола, сотрясая письмом в воздухе. — Позор! И это мы тут

собрались обсуждать среди ночи? Не верю! Не будет никакого нападения!

— По тексту сразу видна необразованность, — не смог промолчать Исаак Ньюртон своим писклявым голосом. — Не наш человек. Деревенщина арогдорская.

— Я бы попросил! — вскочил Томас, уже не один год мечтавший скормить ненавистную голову министра голодным хрякам.

— Вот это баба! — прокомментировал ситуацию трибун с широченными плечами. — Ведь её тут даже нет, а какой эффект!

— Молчать! — Альберт вернулся в своё кресло и хмуро посмотрел на Томаса: — Это ваша родственница?

— Так точно, Ваше величество! Это моя сестра. Её похитили из-под Салепа больше восемнадцати лет назад.

— Понятно. Почему мы должны ей доверять?

— Не знаю... Зачем ей обманывать?

— Как не может обманывать человек, который живёт в Арогдоре?! Подчёркиваю: в Арогдоре! Она пишет, что вы можете обижаться. На что?

— Я случайно встретил её, когда был в разведке.

— Случайно, говорите? И она не захотела вернуться на свою родину к «дурацкому королишке»?

Безмерно любя короля, особенно после своего чудесного спасения под Яртой, Томас снова покраснел и не знал, что ответить. Он сам был до глубины души поражён мировоззрением родной сестры на такие, как ему казалось, очевидные вещи. Теперь ему стало понятно, почему она не захотела уйти с ним: Парфагон для неё стал чуждым и ненавистным местом, а свободный Арогдор — любимым домом.

— Простите её, Ваше величество! Ирэн ещё молодая совсем. Кровь кипит.

— Ох уж эти молодые бабы, — вздохнул Альберт, измученный своей собственной дочерью.

— Так точно, Ваше величество!

— Это не всё, — строго продолжил Коннелл. — У нас также имеются другие подтверждения. Враг действительно готовится к чему-то масштабному. Я бы просто так эту бумажку не показывал.

— Ладно. Что будем делать?

За округлым столом все дружно нахмурились и умолкли, вспомнив изначальную суть письма. Судя по чернеющим лицам, до участников Королевского совета постепенно начал доходить истинный масштаб нависшей угрозы. Предстояла очередная тяжёлая оборона, причём самая масштабная, ведь Эйзенберг ещё никогда не отдавал гражданских в руки своего генерала. Вероятно, он рассчитывал окончательно расквитаться с ослабленным противником.

— Есть предложение, — начал Коннелл.

— Да какие тут могут быть предложения? — перебил его Альберт. — Собираем селян, обучаем их вместе с городскими, а потом пускаем против мутантов. Что тут ещё делать?

— Позвольте: а если не получится? Будет как в Городе заката?

— Что не получится, Аарон? Мы умнее и сильнее.

— Погодите: вы предлагаете собрать всех мужиков и выставить их лоб в лоб с арогдорскими обезьянами? Мы же тогда в любом случае почти всех угробим и сами сдохнем…

— Дорогой наш легат, я помню ваш опыт службы в Башне признания, но здесь нужны более глобальные решения.

— Эти решения уже есть.

— Ну?

— Судя по всему, у нас от пары недель до трёх месяцев. Подготовиться мы можем ни черта не успеть.

— Не факт.

— Предлагаю внезапно вдарить по Арогдору и как минимум сбить их пыл, а то и покончить с ними навсегда.

— Хм... предлагаете на вулкан подняться?

— Именно так.

— Думаете, вы первый? Нильс Дор все уши прожужжал этой идеей. Глупость!

— Сейчас у нас нет выбора.

— Это же невозможно, в любом случае!

— В этом и есть наше преимущество. Они не ожидают такой дерзости. Кто «за»? — Коннелл оглядел присутствующих и с надеждой остановил взгляд на Калице: — Питер, что вы думаете?

— Пока сложно сказать, но надо действовать. Особенно пока они не в курсе наших планов.

— Именно!

После непродолжительных споров было решено рискнуть и в кратчайшие сроки разработать нахальный план для опережающего удара. Если этого не сделать, можно было действительно потерять все остатки уважения среди населения подконтрольных территорий, как и сами эти земли. Кроме того, при поддержке Калицы и Коннелла осмелевшим Томасом был поднят

вопрос о помиловании Нильса Дора, на что раздосадованный король согласился ввиду тотальной нехватки опытных умов.

Когда все разошлись, Альберт спустился вниз и затем медленно поднялся в соседнюю башню, где почти на самом верху перед ним расступилась отборная охрана, открывая толстую железную дверь. Войдя в прихожую и преодолев последнюю дюжину футов по винтовой лестнице, он оказался посреди круглого помещения с вытянутыми по периметру узкими зашторенными окнами, где на мягком диванчике томилась его бесценная Элизабет. Поджав тонкие ножки, она читала обветшавшую книжку при свете свечи на столике у изголовья. Её белокурые волосы были собраны в широкую косу до пояса, а стройную фигуру до самых пяточек покрывало узкое тёмно-зелёное платье с длинными рукавами. Учитывая древнюю Стену, внутренний гарнизон Парфагона, бравых стражей замка и всегда усиленную личную охрану принцессы, она являлась самой защищённой персоной всей Селеции.

Её комната, уставленная живыми цветами и коренастыми деревцами, делилась на спальный и гостиный сектора. С восточной стороны возвышалась тёмно-коричневая кровать с колоннами почти до потолка, обрамлённая волнистыми занавесками. С запада теснились дорогие диваны, столы и кресла, выдержанные в самых нежных оттенках бежевого цвета, создавая тёплый уют.

— Элизабет? — обратился Альберт, проходя вглубь помещения. — Чем занимаешься? Читаешь? У нас тут небольшая неприятность. Решаем её уже.

Однако читательница находилась где-то в другом мире и ни на что не реагировала, словно до сих пор находилась в комнате одна. Как обычно, немного раздражённый гость был вынужден вырвать книгу из её рук, чтобы она его заметила:

— Тебе что-то нужно, отец?

— Да, дорогая. Хотел тебя попросить кое о чём.

— Опять фрукты? Я их ем, не переживай.

— Нет. Кое-что необычное.

— Говори.

Поднявшись своим вытянутым телом с диванчика и встав на лохматый ковёр, она взяла прозрачный графин с чистейшей горной водой и отошла к самому северному окну, подальше от Альберта.

***

Не дожидаясь утра, воодушевлённый Томас сразу же бросился с новостями к Нильсу Дору, которому король согласился вернуть пока лишь звание трибуна. После страшной смерти сестры, которую он не смог защитить перед лицом врага, бывший главнокомандующий долго не находил себе места в своём осиротевшем мире. Запрещённая рыцарская мутация почти напрочь сошла, оставив лишь высокий рост и широкие плечи, а некогда уютный и сиявший чистотой дом погряз в грязи и разрухе. Казалось, ничем хорошим это не закончится, но буквально последний месяц Томас стал замечать позитивные изменения в его настроении и внешнем виде. Мало того — приёмный сын впервые в жизни стал видеть в доме отца одну и ту же девушку, которую даже смог запомнить!

Очаровательная блондинка Виктория имела вид невысокого ангелоподобного подростка с крошечным носиком и идеально ровным личиком. Под этими почти детскими чертами лица она умело скрывала неопределённый возраст. Тактичный Томас стеснялся спросить, но, судя по общению, ей было явно не меньше пятидесяти лет, что сам Нильс железно относил к категории молодух, наивных зелёных глупышек, почти школьниц. Каким-то неведомым образом эта говорливая и въедливая девушка со звонким голоском смогла заменить не только свою полную противоположность Маргариту, но и бесконечную череду любовниц хозяина дома. О существовании последних Нильс обычно забывал, едва за ними закрывалась дверь, а уже к обеду этого же дня вообще не помнил, проводил ли ночь с кем-то или в гордом одиночестве. Но теперь всё это было в прошлом.

— Снова в бой, значит? — вздохнул хозяин беседки, угощая гостя обжигающе горячим молоком в сумерках ночного мороза.

— Разве не это ты умеешь делать лучше всего?

— Надоело...

— Извини, но сейчас мы без тебя не сможем. Возможно, это будет последний бой с Арогдором.

— Ха-ха! Сомневаюсь.

— У тебя снова Виктория? — услышал Томас звуки из дома.

— Что? Где?

— Нильс!

— Да... Кто-то там есть.

— Виктория?

— Да что ты привязался!

— Не из-за её ли детских ножек ты больше не хочешь воевать? — вгонял в краску своего приёмного отца молодой трибун. — Что-то мне это напоминает! Есть тут у нас один комендант в Башнях...

— Так, успокойся и иди к себе. Завтра с утра в Академии разберёмся.

— Ну-ну! Даже Ричард достойнее вышел бы из этой ситуации.

— Шагай уже. Герой-любовник нашёлся!

— Ко мне-то какие претензии?

— Первая же юбка навеки поработила.

— А вот это удар ниже пояса…

— Так и не увидел мой сынок радости жизни! Как тут не переживать?

Ещё немного посмеявшись, повеселевший Томас отправился по ночной столице к себе домой, где его терпеливо ждала жена. За последнее время Мария не только отошла от смертельной обиды, но и искренне попыталась понять мужа, а в итоге даже простила его. Однако, как и любая женщина, хоть и сняв вину со своего мужчины, она уже никогда не могла забыть предательства. Теперь Мария всегда думала о том, что в случае любой опасности останется беззащитной, в то время как супруг без оглядки помчится выручать любимого короля и его чёртову принцессу. Казалось, и через тысячу лет эта обида будет всплывать снова и снова, что бы ни случилось и как бы прилежно Томас ни пытался искупить свою оплошность.

Услышав ошеломительную новость о новом боевом походе, потрясённая Мария расплакалась. Неотступный

страх потерять мужа был настолько велик, что она уже долгое время настойчиво уговаривала его уйти из рыцарей. Особенно актуальным это казалось после долгожданной встречи с Ирэн, когда его мотивация каждый день рисковать жизнью должна была значительно поубавиться. Но Томасом кроме мести будто двигало что-то ещё, неизвестное не только ей, но и ему самому. Поэтому он лишь смеялся в ответ на её просьбы навсегда отложить в сторону синий камзол.

При этом повседневная жизнь в израненном Парфагоне стремительно изменялась. Во время кошмарной осенней осады и последовавшего затем яростного штурма трагически погиб каждый десятый житель некогда счастливого и не знавшего бедствий города. Многие умерли от ранений и эпидемий, другие сбежали на более безопасный вулкан или в далёкие крестьянские селения — отныне самые спокойные клочки земли залитой кровью Селеции.

Были и другие проблемы. Например, жизнь в Парфагоне досадливо усложнялась диверсиями вездесущих агентов Арогдора, которые стали легко просачиваться внутрь Стены и вербовать обозлённое население. При этом многие красивейшие здания всё ещё были разрушены, а на их восстановление просто не оказалось ресурсов. Мало того — сбор дани с подконтрольных территорий уменьшился в разы, что заставило горожан почувствовать скорый голода и разрушение надежд на возвращение к некогда праздной жизни, когда кроме как о фазе, заботиться было не о чем.

Как всегда бывает в самых тяжёлых ситуациях, любовь к королю резко пошла на спад, и многие зло шутили, что

вовсе не отказались бы поменять его на бездушного Эйзенберга или хотя бы на Джавера. Но всё это почему-то не особо печалило самого хозяина трона, а ведь он был действительно неординарным человеком, раз уж смог создать ещё недавно совершенное королевство. В связи с этим поползли слухи, что Альберт Третий стал безразличен к жизни своих подданных, сходя с ума из-за своей душевнобольной дочери. Уж не она ли была первопричиной всех этих мрачных бед, внезапно обрушившихся из ниоткуда?

***

Очередной одиозный поступок короля не заставил себя долго ждать. В столь тяжёлой обстановке на субботу был назначен вычурный Королевский бал, который до смутных времён проходил еженедельно и пользовался большой популярностью. Чуждый таких светских приёмов Томас сначала лишь просто удивился, но ему пришло личное приглашение от самого короля, и уклониться от несвоевременного события стало невозможно. Проблема была в том, что молодой трибун по-настоящему ненавидел подобного рода мероприятия. Он искренне не понимал, для чего они проводятся и зачем нужно тратить столько времени и денег на никому не нужное развлечение. Его благочестивая жена, напротив, раньше могла об этом лишь мечтать, но отныне её совсем не радовала возможность оказаться на одной арене с Элизабет. Ещё со времён турнира, когда Томас спас принцессе жизнь, ревнивая Мария затаила необъяснимую, но вполне осознанную злобу на дьявольски прелестную блондинку, а после истории с прорывом осады и вовсе возненавидела её.

Однако деваться было некуда, и молодой чете пришлось точно ко времени прибыть в королевский замок. Томас сиял начищенными до блеска доспехами и свежевыстиранной синей накидкой. На раздражённой Марии переливалось золотом свадебное ожерелье, а заплетённые в косу густые волосы скрывались под высоким конусом геннина, прозрачный воздушный шлейф которого свисал почти до пояса. Роскошные формы девушки подчёркивались скромным чёрным платьем, а роль главного козыря столь лаконичного одеяния играла красная подкладка, идеально подходившая по цвету к туфлям. Она прикрывала область декольте и слегка вываливалась из разрезов неимоверно длинных рукавов, что заметно бросалось в глаза и превращало простенький наряд в грозное оружие красоты.

Прибыв в помпезный тронный зал королевского замка, супруги обнаружили, что не они одни были в недоумении от происходившего. Лица присутствовавших напоминали хмурые и задумчивые маски, за исключением разве что нескольких не первой молодости красавиц, для которых только собственная смерть могла стать веской причиной пропустить столь важное событие. Сам вытянутый зал казался невероятных размеров и хорошо освещался факелами, а также полудюжиной огромных чугунных люстр, угрожающе свисавших со сферического потолка. А широкие мраморные колонны и возвышавшийся на постаменте трон, спинка которого полыхала позолоченными языками пламени, довершали впечатление могущества и силы хозяина замка.

После скучной приветственной речи несколько равнодушного Альберта неожиданно весело грянул ожидавший в углу оркестр, однако никто не изъявил даже малейшего желания пуститься в пляс. Весь высший свет Парфагона в своих наилучших нарядах рассредоточился по залу маленькими группами и вполголоса обсуждал последние события. Король и его близкие друзья — Калица и Ньюртон — уединились в самом дальнем углу и тоже что-то напряжённо обсуждали, будто вовсе и не с их стороны исходила инициатива созвать столь неуместный бал.

Вдруг всеобщее внимание переключилось на громко распахнутую парадную дверь, из-за которой в сопровождении дюжины бренчавших доспехами рыцарей стремительно ворвалась божественная Элизабет. Изумлённый зал замер и ахнул, а оркестр сбился и с писком умолк. Даже у Марии раскрылся рот от эффектного вида белокожей красавицы. Высокая и вытянутая, как лань, принцесса предстала в невероятно пышном белом платье с полупрозрачным кружевным корсетом. Её шею украшала дивная серебряная цепочка, а неземной красоты голубые очи обжигали холодом из-под тоненькой серебряной диадемы. Это украшение сверкало бриллиантами на аккуратной головке со сложно сплетённой широкой косой, прикрывавшей оголённую спинку.

Наученный горьким опытом Томас был единственным в зале, кто не посмел бросить даже беглого взгляда в сторону блистательной Элизабет. Эту тактику он благоразумно продумал заранее и потому с самым невозмутимым видом, какой только можно представить,

повернулся куда-то к пустой стене и, едва не сломав левый глаз, пытался хоть что-то разглядеть. Мария, серьёзная, как новый бородатый главнокомандующий, благодушно оценив послушность верного до дурости супруга, демонстративно прижала его к себе. Затем с лёгкой улыбкой повернулась к нему и начала рассказывать придуманную на ходу бессвязную ерунду, внимательно следя за его слезившимися от напряжения глазами, которые судорожно моргали и пытались смотреть исключительно на любимую супругу.

— Это бал или базар? — громко и чётко вопрошала Элизабет. — Почему никто не танцует?

Тут же проснулись оживлённые музыканты, а бесподобная принцесса, широко раскинув в стороны тонкие руки, в по-настоящему гордом одиночестве плавно закружилась по всей площади зала, будто заигрывая с мраморными колоннами. Постепенно к ней начали подключаться другие пары. Даже Томас и Мария, проведя весь предыдущий вечер в мучительных репетициях, хотели было тоже влиться в пёструю воронку мельтешащих нарядов, но тут случилось нечто неожиданное.

Кружась по всему залу и незаметно оказавшись возле молодых супругов, напряжённых, словно на казни, принцесса вдруг схватила за руку обомлевшего Томаса и с неожиданной силой выдернула его из железных объятий парализованной от шока жены. При этом Элизабет издевательски рассмеялась и бросила самый уничтожающий взгляд, который жена рыцаря когда-либо только ловила на себе в жизни:

— Кто не танцует, того можно похитить!

— «Сука!» — можно было с расстояния мили прочитать по губам Марии её лаконичный ответ из-под покосившегося чёрного геннина. Однако это уже совершенно не волновало сумасбродную дочь короля, которую до этого момента все знали как крайне спокойную и хладнокровную особу.

Весь завертевшийся зал бросал сочувственные взгляды в сторону униженной жены молодого трибуна, у которой всё сильнее дрожали похолодевшие руки и колени. Чтобы спасти красавицу от позора, к ней подоспели Нильс в смешно болтавшихся доспехах и его миниатюрная Виктория в пышном красном платье, чей покрасневший крошечный носик выдавал едва сдерживаемые слёзы. Однако оглушённая Мария не слышала их голосов. Словно увидевшая жертву дикая кошка, она не отрывала пристального взгляда от демонстративно радостной Элизабет.

— Танец — это лишь небольшая благодарность за спасение моей жизни, — объясняла свой поступок принцесса, но её партнёр всё время спотыкался, потеряв чувство реальности. Этому не в последнюю очередь способствовал нежный фиалковый аромат белокурой феи, способный смутить разум даже самого бесчувственного мужлана. — Спасибо, что спасли меня и теперь приняли этот подарок, трибун Юрг!

— Что вы! Это мой долг! — на весь тронный зал завопил рыцарь, чтобы его обязательно слышала жена.

— Вы такой смешной и глупый!

— Так точно!

Услышав этот дурацкий диалог, все гости дружно расхохотались, и обстановка в зале тут же превратилась в

праздничную. Музыка стала ещё громче и веселее, а разноцветные колготки мужчин и высокие геннины женщин окончательно переплелись в раскованном танце. И уже никто не обращал внимания ни на короля, ни на его дочь, ни на униженную Марию, которая медленно вырывала волосы из своей растрёпанной косы. Она видела, что державшийся до последнего Томас, словно потерявшись в ядовитом тумане, тоже незаметно позабыл о ней. Он просто утонул от прикосновений к божеству, от её убийственного взгляда и от сводившего с ума благоухания.

Совсем опьянев от происходившего, Томас снова грубо споткнулся и с грохотом доспехов комично распластался недалёко от почерневшей в цвет платья жены, отчего весь зал снова взорвался безудержным гоготом.

— Вот что бывает, когда жена стоит как бревно! — заявила Элизабет и залилась звонким смехом. Опрометчиво потеряв бдительность всего на один миг, она немедленно поплатилась за это оглушающей оплеухой от Марии, молниеносно подпрыгнувшей к своей жертве.

Одновременно с упавшей на пол обескураженной принцессой и зазвеневшей где-то у трона диадемой снова умолк взвизгнувший оркестр. Послышались удивлённые охи, гневные крики, ругательства и тяжёлый грохот бегущих рыцарей. Как в бреду, отчаянный Томас пытался не дать арестовать рыдавшую и тянувшую к нему руки несчастную жену, но его быстро скрутили и снова повалили на пол. После этого он уже ничего не смог поделать, кроме как с налившимися кровью глазами

обречённо мычать под стальной грудой обозлённых товарищей.

***

Под конец февраля все приготовления к судьбоносной атаке на Арогдор были завершены. Королевские рыцари, измученные учениями, облачились в утеплённую амуницию и смело выдвинулись в свой самый опасный поход. Преследуемая ими цель ещё ни разу не покорилась их предшественникам, в конце концов бросившим безуспешные попытки добраться до злополучного кратера.

Несмотря на скорый смертельный риск и возможный крах королевства, двадцатитрёхлетний трибун Томас Юрг держал в голове совсем иные заботы. Пощёчина Марии была предсказуемо расценена как покушение на жизнь королевской особы, что грозило публичной казнью. Однако все разбирательства запланировали провести по возвращении армии с вулкана, поэтому молодую женщину временно поместили в одну из Башен заточения. Учитывая нестандартность ситуации и близкую связь девушки с набиравшим популярность офицером, ей всё же обеспечили максимально возможный в такой ситуации комфорт. Однако это нисколько не облегчало участь её супруга, утонувшего в мучительных угрызениях совести.

Ему разрешили увидеть её лишь однажды — буквально за день до выхода армии из Парфагона. Похудевшая и посеревшая Мария произвела удручающее впечатление своими заострившимися скулами и потухшими впалыми глазами. Она то горько рыдала и умоляла простить её, то опустошённо смотрела куда-то в

сторону и ни на что не реагировала. Измученная и грязная, беспрерывно кашляя до хрипоты и шмыгая посиневшим носиком, она вся насквозь промокла в своём разорванном бальном платье, пока ему всё-таки не разрешили передать ей тёплую одежду. Конечно, Томас нисколько не винил её за произошедшее. Он понимал, что точно так же могла поступить любая нормальная женщина. Винил он только себя. Испытав столько страшного горя и лишений в своей короткой жизни, преодолев столько непреодолимых препятствий, многократно совершив невозможное, он вдруг оказался беспомощен перед хрупкой восемнадцатилетней девушкой.

Вспомнив необыкновенную Элизабет, Томас почувствовал, как горечь сопереживания Марии медленно и паскудно уходит из его сердца на второй план. Будто в жизни есть вещи намного важнее. Стараясь гнать прочь будоражившие кровь фантазии и надежды, он пытался разобраться в тех ярких эмоциях, которые вдруг испытал в замке. Во всяком случае, пытаясь их хоть с чем-нибудь сравнить. А разобраться в этом действительно придётся, ибо чудеса не закончились: Элизабет разрешила навещать себя. Когда во время того самого танца на невинный вопрос о любимом досуге он поведал о любви к чтению, она удивилась и любезно позволила пользоваться её собственной библиотекой — лучшей на Селеции. Мало того, она добавила, что ей будет интересно обсудить некоторые поразившие её романы с таким целеустремлённым человеком, как Томас. И самое страшное — молодой трибун это уже сейчас понимал — он ни за что на свете не откажется от

столь невероятного приглашения. И не важно, что по этому поводу подумает Мария, которую вряд ли обрадует такой поворот судьбы. Осталось только вернётся обратно живым, и грёзы станут реальностью!

Исходя из разработанного плана, примитивность которого должна была стать его главным козырем, всего одна центурия рыцарей была оставлена в Парфагоне, а ещё сотня воинов продолжила служить в крайне усечённых внешних гарнизонах. Остальные восемьсот героев отправились на вулкан. Изначально армия была значительно меньше, но ситуацию спасли за счёт досрочного выпуска Академии. Двести молодых выпускников почти полностью распределили по наиболее безопасным гарнизонам, дабы высвободить самых опытных защитников отечества. При этом все метательные орудия, захваченные по осени, оставили в столице — ведь неповоротливые механизмы было невозможно стремительно транспортировать вверх по ущельям.

Достигнув вулкана, главный удар должен был нанести легат Аарон Коннелл, проведя полтысячи рыцарей Первой когорты через ущелье Третьей реки. С ущелья Четвёртой реки одну центурию должен был повести в атаку Ричард Фейн, а с ущелий Пятой и Шестой рек Томас Юрг и Нильс Дор. Таким образом, в безумном нападении на девственный оплот Эйзенберга принимали участие один действующий и два бывших главнокомандующих, что выглядело ещё одним неоспоримым преимуществом смелого плана.

Войска должны были начать стремительный подъём на вулкан таким образом, чтобы одновременно оказаться

у кратера на рассвете первого дня весны. Неглупый Джавер наверняка быстро узнает основные детали авантюрной кампании, но не сможет обеспечить надёжную защиту сразу всех южных ущелий. Он вряд ли успеет разобраться, через какое из них будет нанесён главный удар, ведь подробный план был известен лишь немногочисленному Королевскому совету. Поскольку реальную защиту Арогдора можно было обеспечить только в труднодоступных ущельях, прорвавшись к вершине, перед парфагонцами стояла задача попроще: проникнуть в город через кромку кратера и затем взять слабо защищённый замок. Такую возможность хорошо изучил Томас, проведя полтора дня в смердящем логове врага.

На открытой местности мощь каждой дюжины ловких рыцарей соответствовала примерно двум десяткам огромных мутантов. Учитывая внезапность и концентрацию сил, данное преимущество можно было легко увеличить. В итоге скопленных сил должно было с лихвой хватить для полного поражения Арогдора, главной надеждой которого являлись неприступные ущелья. У самого города никто не додумывался возводить защиту, поскольку её роль играла кромка кратера. Мало того, считалась полным безрассудством даже мысль о такой высокогорной атаке. Однако бесстрашные рыцари седовласого Аарона Коннелла находились в отчаянии и были готовы буквально на всё ради последнего шанса спасти королевство.

Почти через пять дней томительного пути, Томас добрался до Башни причастности, откуда предстояло совершить бросок по ущелью Пятой реки. В блёклой

надежде, что на проклятом вулкане ещё ничего не подозревают, молодой трибун спрятал своих рыцарей и тыловые обозы в изрядно опустевшей сторожевой позиции, забрав в подчинение её наиболее боеспособные силы. Потом целых двое суток он терпеливо выжидал, пока его старшие друзья и главнокомандующий займут соседние Башни.

Затем, точно согласно расчётам, он рано утром вступил в шумное ущелье, чтобы одним броском уже к вечеру добраться до его верхних частей. По пути наверх центурия юного трибуна встречала лишь испуганных жителей прилегавших территорий и опустошённые позиции дозоров. Настроение терявших силы рыцарей постепенно ухудшалось — стало очевидно, что наверху их уже гарантированно ждал горячий приём. К этому моменту молодой командир не в меньшей мере осознавал близость смерти, однако страх пока приглушался эмоциями. К переполнявшей душу мести добавилось ощущение ответственности за оставленных позади беззащитных селян и жителей столицы. А как хотелось вызволить родную Марию и увидеть божественную Элизабет!

Хотя предательская дрожь в руках с каждым часом усиливалась, Томас Юрг старался делать уверенный вид для опустошённых соплеменников. Пытаясь ему подрожать, они могли лишь глупо шутить и истерично смеяться во время ночлега в узкой и холодной пещере, усыпанной костями людей и съеденных животных. Накануне решающего дня типичная рыцарская бравада вдруг сменилась осязаемым страхом, поглотившим даже самых повидавших на своём веку воинов. Ещё не так

давно они считали свою службу достаточно лёгким и относительно безопасным занятием. Однако за последний год ситуация настолько кардинально изменилась, что многие доблестные защитники короны успели глубоко пожалеть о выборе призвания.

В сумерках, едва сомкнув глаза всего на пару часов, Томас разбудил своих продрогших воинов и вскочил на Вектора. Оставив позади тыловые обозы, он бойко погнал собратьев наверх, дабы попытаться на терявших силы конях добиться хоть какой-то внезапности.

Однако, когда его грохотавшая по камням центурия с первыми лучами солнца оказалась на более пологом выходе из ущелья, их уже ждали мутанты, встретившие отчаянных парфагонцев смертельным дождём свистящих стрел. Взбодрившийся Томас выпустил вперёд разъярённых рыцарей, а затем сам помчался следом за ними, стараясь не потерять хрупкую нить руководства и надеясь разглядеть на флангах старших товарищей. Хотя их не было видно, юный трибун с облегчением почувствовал, что сможет одолеть первую линию обороны мутантов. Стало очевидно, что главные силы Арогдора были сосредоточены в другом месте: либо в самом городе, либо в одном из других ущелий.

Дерзкая конница рыцарей, выставив острые копья и прикрываясь прочными щитами, клином вонзилась в строй противника на челоконях. Верхними руками мутанты ловко орудовали маленькими круглыми щитами, а нижними — изогнутыми мечами и длинными топорами. В глупых глазах орущих монстров горели животный страх и безумное отчаяние, однако это не вызывало никакого сострадания в бурлившей крови

Томаса. Он с жуткими ругательствами лишь подбадривал своих воинов и обжигающе холодным клинком размашисто рубил горячую плоть врага.

Вскоре, потеряв больше половины центурии, первое скоротечное сражение было победоносно завершено. Разгорячённый трибун тут же повёл выживших героев ближе к проклятому кратеру, где уже виднелись заветные Врата свободы. Но их ждал ещё один внушительный кордон из мутантов. В этот момент Томас стал терять уверенность, поскольку на горизонте не было ни Нильса, ни Ричарда, ни седовласого легата. Мало того, несмотря на превосходную натренированность, его силы странным образом иссякали, и он всё больше задыхался. С такими же проблемами столкнулись все его окровавленные воины, в отличие от невероятно выносливых мутантов.

С ходу вступив в неравный бой и немедленно понеся ощутимые потери, обомлевший Томас оставил последние надежды на подмогу и просто из последних сил молча резал рычавших монстров, ни о чём не думая, словно уже погиб. Вдруг с запада послышались подбадривающие крики и глухой топот конницы Нильса Дора. Вклинившись в полчище врага с левого фланга, спасительная подмога вовремя выручила собратьев, и обрадовавшиеся рыцари с удвоенной силой принялись добивать арогдорцев. Вскоре с востока показалась и центурия Ричарда, окончательно вернув победное настроение.

Разбив мутантов и залив южные подступы к кратеру парящими красными ручьями, друзья стали решать, что делать дальше, поскольку Коннелл всё ещё не

показывался с самой восточной стороны горизонта. При этом из Врат свободы беспрерывным потоком выскакивали свежие резервы мутантов и готовились к контратаке с нескольких направлений, чему измученные рыцари определённо не могли противостоять. Это больше всех понимал задыхавшийся Нильс, который, несмотря на потерянную рыцарскую мутацию, всё равно старался участвовать в боях, а не только командовал:

— Ждём четверть часа и идём в город.

— Погоди, он должен прийти, — не терял надежду Ричард, жадно глотая высокогорный воздух. — У него пять центурий!

— Тогда где он?

Волна убийственного осознания прокатилась по израненному Томасу до основания его души. Ржание уставших коней и далёкие возгласы злобных мутантов резко пропали, а в его голове зазвенело предчувствие осязаемой и почти неизбежной погибели, отчего свело кишки и затошнило. Действительно, такая огромная сила, как Первая когорта, не могла так долго задерживаться ни при каких разумных обстоятельствах. Если только не случилась непредвиденная катастрофа… А это означало, что друзьям придётся брать Арогдор минимальными силами, отправившись на верную смерть.

— Может, со временем ошибся? Не туда пошёл? — искал варианты Томас.

— Коннелл перепутал время? Не туда пошёл?!

— Друзья, неужели мы вступим в кратер одни? — обречённо спросил Ричард, уставившись куда-то в ноги. После ужасной осады на Парфагон некогда весёлый

рыцарь кардинально изменился и полностью замкнулся в себе и своей семье. Страх потери близких заставил его сменить жизненные приоритеты, и он с большой радостью пошёл на понижение в качестве коменданта Башни безопасности. Гарнизон укреплённой позиции всегда был защищён толстыми стенами, где Ричард спокойно прожил с Лилией последние месяцы. Теперь же он рисковал всем: и своей жизнью, и любимой женой, и родиной.

Так получилось, что все три командира впервые больше заботились о своём доме, нежели о беспощадном враге, который в прямой видимости скапливал силы для скорой контратаки. Если верный Ричард по-прежнему думал о Лилии, то Нильс, впервые за долгое время по-настоящему влюбившись, не мог выкинуть из головы чудную Викторию, её маленькие детские ручки и ножки. Томас же разрывался между женой и принцессой, любовью и страстью, умом и сердцем, реальностью и мечтой, перемешанными в самых причудливых комбинациях.

Подождав ещё немного, они были вынуждены немедленно приступить к реализации самого худшего из заготовленных планов. Наблюдая, как в их сторону решительно выдвинулись четырёхрукие воины на челоконях, рыцари бросились не к ним навстречу, а на запад, чтобы обогнуть кратер и по его наиболее пологим краям войти в город с самой незащищённой стороны.

— Сразу в замок! Не рассредотачиваться! — кричал Нильс, пришпоривая еле живого жеребца. — Нам нужен только Эйзенберг, и они сдадутся!

— Да! У нас всё получится! — подбадривал сам себя Томас, в глубине души надеясь, что Коннелл всё же выйдет из ущелья Третьей реки и оглушит неприятеля с противоположной стороны.

Приблизительно через две мили они нашли самый плоский хребет кромки кратера и по нему легко ворвались в разивший сажей и дерьмом город, сметая отряды ошарашенных мутантов, равномерно распределённых по всей длине природной стены. Не больше полутора сотни сходящих с ума от ярости и отчаяния рыцарей, раненых и задыхавшихся, кромсая всех на своём пути, помчались прямо к мраморной стеле. При этом простые арогдорцы разбегались во все стороны, не оказывая никакого сопротивления возникшим из ниоткуда гостям. По пути попадались редкие воины, но и они не могли ничего сделать с конницей и потому либо прятались, либо почти моментально были порублены пролетавшими мимо рыцарями.

Лёгкость, с которой удалось ворваться в город и добраться до его центральной площади, окрыляла уже распростившихся с жизнью рыцарей. Теперь они предчувствовали неминуемый захват замка, окружённого особняками и конусами храмов, а также предвкушали возвращение на Селецию давно утерянного мира.

Однако оплот Эйзенберга встретил их не только высокими стенами, но и сокрушительными ударами сосновых брёвен из рук пяти мохнатых гигантов. За их спинами пряталось полчище отборных воинов, которые при поддержке тысяч ополченцев со всех сторон накинулись на рыцарей, запертых в самом центре

Арогдора. Уже через минуту реки мутантов окончательно перекрыли все пути отступления и поглотили кричавших от безысходности и боли парфагонцев. В какой-то момент среди криков и звона металла перед взором Томаса вместо его товарищей мелькали лишь озверевшие четырёхрукие монстры, смеявшиеся челокони и испуганные обезьяноподобные рабочие. Скрежеща зубами на искажённых и изуродованных рожах, они разрубили шею Вектора и повалили его вместе с молодым всадником на землю. Там, в каше из вонючей грязи и крови, которая плескалась из шеи лягавшегося в конвульсиях коня, они стали забивать отчаянного трибуна камнями, палками и голыми руками, пытаясь буквально разорвать его на мелкие части.

В ту же минуту с восточных окраин всё-таки вторглись около двухсот бесстрашных рыцарей Первой когорты. Но они были лишены управления и могли лишь разрозненными группами сражаться со взбешёнными арогдорцами в разных частях города. Так и не причинив никакого стратегически важного вреда, они были также постепенно подавлены ополчением и армией. Единственным их достижением стала масса погибших мирных жителей, что не добавило любви к гнусному королю Альберту Третьему и всем его подданным.

***

Рыцари не знали, что каким-то невероятным образом хитрый Варнер Эйзенберг узнал их план в деталях в тот же день, когда они только выдвинулись из Парфагона сразу после последней встречи Королевского совета. То есть у Джавера была целая неделя на подготовку

обороны Арогдора, и без того отлично защищённого природой.

Тогда же предводитель узнал паскудного предателя среди своих сограждан. Передав ошеломлённому генералу имя некой Ирэн Юрг, родной сестры ни много ни мало — трибуна Томаса Юрга, он приказал отыскать её и затем замучить до смерти. От такой поразительной новости Джавер потерял дар речи, но всё же не выдал себя, побоявшись немедленной расправы: столь чудовищной безалаберности могли не простить даже такому заслуженному и уважаемому человеку, как он.

Осознав предательство со стороны самого близкого человека, неистовый Джавер в ярости бросился домой. Он не мог понять, как его могли так легко обмануть! Как он не заметил игры в её глазах? Как он мог поверить в её чувства и искренность? Как он мог так рисковать системой контроля Селеции в конце концов?

Вломившись в свой благоухающий особняк, он попытался сходу оглушить пойманную у ванны предательницу в белом махровом халате, но она ловко увернулась и с визгом убежала в спальню на втором этаже. Быстро сообразив, в чём дело, Ирэн заперлась и хотела было немедленно сбежать через окно, но Джавер одним ударом ноги вынес дверь вместе с осыпавшимся косяком. С животной жестокостью, свойственной лишь раненым хищникам, разъярённый мутант схватил за волосы и начал неистово избивать беспомощную девушку, крик которой разнёсся по ближайшей округе.

***

Очнувшись ближе к вечеру, Ирэн обнаружила себя связанной в ставшем бордово-чёрном халате. Она лежала

на земляном полу промёрзшего подвала, и вокруг ничего не было, кроме одиноких каменных стен и пары крошечных окошек. Всё её тело жутко болело, ведь многие кости были переломаны, а суставы вывернуты. Со стоном перевернувшись на другой бок, пленница закрыла синюшные глаза и начала перебирать техники создания фазы. Для этого она то пыталась буквально физически напрячь свой мозг, то усилить лёгкий шум в голове, который всегда есть, если прислушаться. Поначалу эти циклы техник ни к чему не приводили, но стоило ей в очередной раз попробовать сжать что-то за глазами и между ушей, как голову охватили сильнейшие вибрации и гул. В следующее мгновение осязаемое гудение разлилось по всему телу, отчего исчезли холод и боль. Настала спасительная фаза!

На этот раз Ирэн было не до развлечений и женских мутаций. Поднявшись на ноги, она сразу оказалась на поле с молодыми подсолнухами, которые ослепили своими огненными венчиками. Первым делом она оглядела своё обнажённое тело, ужаснувшись неестественным изгибам и синевато-бордовому цвету. Затем девушка сфокусировала все свои внутренние силы и услышала хруст стающих на свои места суставов и костей, а также увидела белеющую кожу. Чтобы не потерять фазу, она побежала сквозь подсолнухи, которые нежно колотили чуткое тело упругими головками. В это же время она переливала по себе пульсирующие вибрации, наслаждаясь заживлением организма и стабильностью невероятно реалистичных ощущений. Постепенно сквозь жилы Ирэн потекла мощная сила, отчего она засветилась и начала терять осознанность,

утонув в эйфории. Однако девушка не позволяла себе уснуть, а всё быстрее неслась среди душистой зелени и жёлтых лепестков, излучая здоровье и поглощая солнечное тепло.

Джавер ещё не знал, что делать со своей обманщицей, и потому просто спрятал её под домом. Сейчас у него не было на неё времени, и он из последних сил пытался контролировать свои действия, чтобы на эмоциях не учинить непоправимых глупостей и потом не жалеть о них очередную сотню лет. Занимаясь подготовкой обороны, он пытался таким образом отвлечься и между делом надеялся найти способ выкрутиться из этой сложной ситуации. Главная проблема заключалась в том, что о его новой подруге знали многие, и они обязательно его сдадут в скором времени.

Через неделю он собрал тысячу лучших мутантов — половину всей армии — и отправил их в верхнюю горловину ущелья Третьей реки. Сотни других воинов были распределены по трём южным ущельям и непосредственно у кратера, а в самом Арогдоре первого сигнала о помощи дожидались дополнительные резервы и ополченцы. Если изначально у дерзкого плана парфагонцев были реальные шансы на успех, то при таком раскладе они были обречены на верную погибель с самого начала, ещё на выходе из Северных ворот.

Чудовищно мощный поток страшной силы обрушился на зажатую в узком ущелье Первую когорту, где надёжные препятствия сооружались на протяжении нескольких дней. Наблюдая сверху, как отчаянно сражались его бывшие соотечественники, грустный Джавер думал о себе и своей собственной судьбе,

вспоминая, как сам когда-то был бесстрашным рыцарем и чем всё это закончилось. Увидев, что командиры неприятеля были уничтожены, а оставшиеся войска не отступают и упрямо пытаются пробиться наверх, он отдал совершенно неожиданный приказ пропустить их дальше. Ошалевшие и едва дышавшие воины воспользовались этим чудом и поднялись выше, где из последних сил своих коней рванулись через кромку кратера в Арогдор.

В это время Ирэн, постепенно выздоравливая и по-прежнему обитая в холодном подвале, вдруг услышала с площади дикие вопли, цокот тысяч копыт и пронзительный звон металла. Под звон разбитых стёкол девушка начала горько рыдать, отчётливо понимая, что происходивший ужас у стен замка — дело её собственных рук и что Джавер был совершенно прав, поделом наказав её. Когда шум немного стих, она стала слышать ропот тысяч голосов арогдорцев, а также стоны и хрип добиваемых рыцарей. Если в начале кровавой бойни она надеялась на неожиданный успех королевской армии, то теперь догадалась, что для них всё кончено. Ей осталось только надеяться и молиться, что среди раздираемых в клочья воинов не было Томаса и что это были не его надрывные крики возле окна, которые прекратились под глухие удары и радостные возгласы.

***

— Я челоконь, что ли, — такие тяжести таскать?

— Зато на колбасу не отправят, когда голод будет.

— Поскорее бы, а то деликатесы совсем уже расслабились в своих стойлах!

— Ух, пожрали бы сейчас!

Томас очнулся от беспечного разговора неизвестных мутантов, когда его грубо волокли за ноги по длинному коридору с мягкими коврами. Над его головой мелькали светильники, мраморные колонны и пейзажи между ними. Попытавшись шевельнуться, он обнаружил себя прочно связанным и невольно вскрикнул от волнообразной боли во всех уголках своего тела. При этом его разбитая голова гудела, а правый глаз ничего не видел. Сквозь звон в ушах он услышал шуршание позади и, немного повернув голову назад, увидел, как четырёхрукие монстры тащили по коридору ещё два тела, после чего внезапная темнота вновь накрыла его разум.

Вскоре Томас услышал журчание ручья и аромат сочной зелени. Ему показалось, что он снова вернулся в детство, в сельскую духоту, где рядом играла сестра, а любимые родители ласково хвалили её. Невольно заулыбавшись и почувствовав облегчение от каких-то неведомых страданий, которые никак не мог вспомнить, он попытался открыть глаза. Однако Томас смог лишь немного приоткрыть левый глаз и затем целую вечность не мог понять, что происходит вокруг и где он находится.

Несмотря на то, что зима только закончилась, он стоял на коленях на круглой гранитной площадке посреди душного летнего леса, утопавшего в пении цикад и непонятно откуда взявшихся пальм. Окружающее пространство ярко освещали несколько торшеров с морем свечей, а чуть в стороне лежала одинокая лютня. Рядом с Томасом также на коленях стояли два связанных рыцаря, изуродованных до неузнаваемости. Пока они покачивались из стороны в сторону, над ними

наклонился приятный на вид брюнет в чёрной накидке до пола и с усами на моложавом лице:

— Так кто из них Дор?

— Вон тот, с большим носом, — подсказал мутант в латах.

Молодой человек повернулся к Нильсу и внимательно его оглядел:

— Одно расстройство… Столько лет мечтал увидеть его лицо! А это отбивная какая-то!

— Я бы тоже посмотрела, — добавила русоволосая девочка в высоченных сапожках выше колен и бесстыдно расстёгнутой лохматой шубке на полуобнажённом теле. Её тоненькое личико казалось до боли знакомым, но Томас не мог понять, где и при каких обстоятельствах мог встретиться с этими вытаращенными глазищами.

— В любом случае это шикарный день, Айвор, — обратился брюнет к огромному мутанту. — Скрасил мне вечер!

— Рад стараться, Ваше превосходительство.

— Только не перестарайся опять.

— Николь, прекрати! — осёк странную девочку брюнет, подходя к столу с красным вином и хрустальными бокалами. — Генерал сегодня заслуживает похвалы.

— Пусть радуется.

— Выпьем?

Томас стал понимать, что перед ним те самые правители Арогдора, о которых он столь много слышал всю свою жизнь и которых так сильно мечтал передушить своими собственными руками. Единственное — он не мог понять, почему премьер-министр Свежая Роза ему

знакома. Так или иначе, рядом с ним на коленях стояли Нильс и Ричард. Как и Томас, они были в таком жалком состоянии, что не могли произнести ни звука и вряд ли понимали, что происходит.

Вдруг раздался странный писк, как если бы огромная крыса стремительно пробежала рядом. Потом снова и снова, создавая странную мелодию, исходившую буквально из ниоткуда. Томас никогда в жизни не слышал такого неестественного звука и завертел головой, пытаясь найти его источник.

— Так, сделали серьёзные лица, — попросил Эйзенберг, достав из кармана небольшой шар из синего стекла, внутри которого едва заметно вращалось что-то зелёное и мерцали красные всполохи. Он осторожно прикоснулся к нему пальцем, отчего послышался лёгкий свист, и яркая вспышка полностью ослепила Томаса.

— Добрый вечер, господа! — послышался мягкий голос.

— Добрый! Как твоё настроение, отец?

Томас не мог поверить своим ушам и не мог понять, как это возможно, но знакомый голос определённо принадлежал королю. Словно Альберт прибыл во вражеский Арогдор, которым, как оказалось, управлял его сын! Как это может быть? Подумав, что ослышался, рыцарь всё же смог снова раскрыть левый глаз и окончательно обомлел, когда зрение вернулось.

Напротив умирающих товарищей, а также Джавера, Свежей Розы и Эйзенберга в воздухе сияло огромное и лучезарное окно размером с небольшой дом. Причём это окно было плоским, а из него смотрело огромное лицо Альберта Третьего. Будто он стал великаном и

заглядывал в этот странный лес из башни Королевского совета!

— А-а-а! — заорал Томас, рассмешив всю компанию. — Уберите!

— Ох, этот деревенщина ещё живой? — улыбнулся Альберт. — Удивительно!

— Что это?! Уберите его!

— Пусть замолкнет уже, — приказал предводитель, и тяжёлый удар Джавера немедля выключил пугливого рыцаря, заставив короля брезгливо сморщиться:

— А ведь какие планы на него были!

— Уже поздно, отец.

— Жаль. Зачем ты мне их показываешь?

— Сам хотел полюбоваться.

— Да, врагов нужно знать в лицо — рассмеялся Альберт. — Что будешь с ними делать?

— Вывесим на площади.

— И?

— И потом казним всем на радость.

— Отлично. Дальше?

— Завершаем подготовку к атаке.

— Ну, что сказать?.. Получается, планы не особо нарушились?

***

Следующий раз Томас пришёл в сознание от жутко пересохшего горла, обжигавшего холода и потока ругательств. В него то и дело прилетали камни и страшно ныли суставы плеч. Едва отодрав левое веко от запёкшейся крови, рыцарь увидел перед собой огромный мраморный меч и заполненную людом площадь. Он висел подвешенным за руки в компании между старших

товарищей, которые о чём-то удивительно спокойно переговаривались. Перед ними бушевала такая внушительная и разъярённая толпа колоритных арогдорцев, что не меньше сотни воинов с большим трудом защищали эшафот, взяв его в круговое оцепление.

— Твари! Изверги! Убить их! — кричала толпа, вспоминая вчерашнее вторжение. — Не по зубам вам великий Арогдор! Сдохните, наконец! Ублюдки!

— Томас, ты в порядке? — прохрипел с правой стороны изуродованный Нильс.

— Как сказать... Жив.

— Этого разве мало?

— Конечно, что ещё нужно для счастья? — прошепелявил беззубый Ричард с другой стороны, чьи длинные волосы окрасились в грязно-бордовый цвет и были наполовину вырваны вместе со скальпом, оголив желтоватый череп с засохшими кровяными подтёками.

Томас с надеждой оглянулся на приёмного отца:

— Какие планы?

— Планы? Никаких.

— Не ври, — бубнил Ричард.

— Ах, да... Надеяться на чудо.

— Что это было вчера? — опомнился молодой рыцарь. — Или мне это приснилось?

— Ты о чём? — удивился Нильс.

— Окно в лесу. Из него Альберт поздравлял Эйзенберга...

— Что ты несёшь? Приснилось, конечно.

— Видения в бреду — это нормально, — нахмурился Ричард. — Я вот тоже какие-то кусты помню.

Поникшему Томасу ничего не оставалось, как теперь попрощаться с жизнью и тоскливо вспоминать всё, что он потерял. Никакое чудо уже не могло спасти рыцарей, поскольку их доблестной армии больше не было. Скоро не будет и славного Парфагона, и его короля. Не будет ни бедной Марии, ни волшебной Элизабет. Ни горя, ни страдания. А может, это и к лучшему? Во всяком случае, так Томас размышлял, пока тяжёлый камень не попал ему в висок.

В этот момент Ирэн, всё ещё окрашенная в коричнево-жёлтые оттенки, выглядывала из подвала особняка неподалёку. Постанывая от боли в боках из-за кашля, она рассматривала изуродованных пленников на деревянном эшафоте и выла от понимания своей ответственности за их судьбы. За бесконечную неделю, проведённую в этой промёрзшей темнице, она так и не пришла ни к каким планам на дальнейшую жизнь. Она вообще отбросила эти напрасные мысли, понимая, что теперь полностью зависит от решения Джавера. Она уже давно не имела к нему никаких претензий, простив его выходку и мечтая вернуть всё на свои места. Мало того, душою она была бесконечно рада, что он всё узнал: теперь она могла быть полностью открыта с ним и не переживать за своё безрассудное предательство.

— Узнаёшь? — прогремел бас генерала.

— Что? Кого? — вздрогнула она.

— Посередине.

— Кто это?

— Твой брат, глупая женщина!

Пошатнувшаяся Ирэн испытала колоссальное облегчение, услышав драгоценное «женщина». Джавер

никогда бы не использовал это немного грубое обращение, если бы по-настоящему её ненавидел. Так он с издёвкой и любя называл только нравившихся ему девушек, к которым определённо не испытывал негативных эмоций. Это означало, что он её простил и когда-нибудь у них всё будет как прежде. Главное — он остыл и действительно её любит, несмотря ни на что. Жизнь вдруг заново обрела краски и мечты. Всего за один миг! Всего благодаря одному слову!

Только во вторую очередь витиеватое женское сознание добралось до реального смысла убийственной фразы, и Ирэн ужаснулась самой себе. Неужели её личное благополучие и её мужчина важнее жизни такого любимого и так настрадавшегося брата?

— Томас! — закричала она, бросившись к окну. — Нет! Нет! Нет!

Джавер молча схватил и аккуратно обнял всеми четырьмя руками переломанную девушку, в истерике пытавшуюся вырваться и вылезть в узкое окно. Генерал много о чём думал последнюю неделю, и в его голове сформировалась чёткая картина будущего и необходимых действий для его достижения.

Едва узнав о невообразимом предательстве со стороны любимой женщины, сначала он действительно хотел её убить, причём самым жестоким образом, доставив максимум страданий. Вызвано это было даже не столько самим предательством, сколько тем, что он засомневался в искренности Ирэн. Ему показалось, что всё было хитро подстроено с самого начала, когда пришлось спасать её от насильника. И Джаверу было до слёз обидно, что он оказался таким глупцом, наивно поверив во всё это.

Однако, немного остыв, генерал трезво оценил эту непростую ситуацию. Он вспомнил, как Ирэн внезапно начала расспрашивать про секретные дела Арогдора и как рыдала из-за потерянных близких. И вот оказалось, что её ненаглядный брат всё же жив, и он — тот самый трибун, о котором все говорили. Что бы сам Джавер сделал на её месте? Имелся ли у неё выбор? Вероятно, она сама страдала и разрывалась от безысходности, полагал он. Вместо того чтобы посоветоваться, молодая женщина решила действовать самостоятельно и, как часто бывает в таких случаях, создала настоящую катастрофу. Причём умудрилась это сделать не только для себя, но и для тысяч других людей. Не это ли было в духе взбалмошной Ирэн, за что он её так любил? И можно ли это считать предательством? Она просто растерялась, и только в этом была её вина!

Однако решительный генерал не только простил свою юную любовь. Наблюдая, как обречённые рыцари Первой когорты отчаянно рвались из кровавого ущелья, он вспомнил, как допустил единственную крупную ошибку в жизни: не сделал всё, что мог, когда королева Джейн была поймана с поличным. Он мог что-то придумать, сбежать с ней со второй попытки и не сдаваться до конца, но на него так надавили со всех сторон жёсткие обстоятельства и обозлённые придворные, что пришлось подчиниться требованиям и в спешке покинуть родные стены. Бедная девушка не выдержала такого позора и вскоре покончила с собой и с их ребёнком. Даже окружённые рыцари не сдавались до самой погибели! А он сдался один раз — и сломался навсегда. Будет ли он снова совершать эту ошибку?

Нет. На этот раз генерал Айвор Джавер решил не отступать до последнего. Чего бы это ему ни стоило. Поэтому, успокоив едва живую Ирэн, он отнёс её в мраморную ванную, где в густом пару аккуратно раздел переломанное тельце и осторожно положил его в горячую воду с ароматным травяным настоем. Затем он долго допрашивал её о последних годах жизни и о людях, которые её окружали. Записав все детали на заранее приготовленном листе бумаги, он расслабленно вздохнул:

— Ох, всё будет хорошо, дорогая...

— Ты так думаешь?

— Да. Есть только ещё один небольшой момент.

— Какой?

— С этого момента, дурочка, ты являешься моей женой, и твоё имя — Кейт Джавер.

— Что? — скорчила слезливую рожицу Ирэн, не веря ушам.

— Забудь своё прошлое и своё имя. Ты Кейт Джавер. Имя уже нельзя менять. Поняла?

— Да, я поняла…

Не обращая внимания на чудовищную боль, обнажённая девушка приподнялась из воды и дрожащими руками обняла волосатую шею своего клыкастого бога.

— Если какая-то тварь спросит тебя о твоём прошлом или реальном имени, сразу отправляй ко мне. Поняла?

— Конечно, — зарыдала новоиспечённая Кейт Джавер.

— Я настолько знатный мужик, что не делаю предложение, а сразу объявляю тебя женой. Поняла?

— Да, я согласна!

— Что? Женщина! — рассмеялся мутант и осторожно поцеловал её в синие, распухшие и разорванные от убийственных ударов губы.

***

На следующий день около двух дюжин мирных граждан, включая управляющего одного из постоялых дворов и всю его семью, а также ряд мутантов курьерской и охранной служб, были задержаны и немедленно приговорены к смертной казни. Их обвинили в организации подпольной агентурной сети и измене в пользу Альберта Третьего, что привело к недавнему вторжению. Среди обезглавленных в самом малонаселённом ущелье Первой реки была безымянная девушка около двадцати лет, а также Ирэн Юрг, фигуристая блондинка из постоялого двора, о чём было немедленно доложено Варнеру Эйзенбергу.

Но и на этом настойчивый Айвор Джавер не остановился, твёрдо решив, насколько это возможно, исправить все гнусные ошибки прошлого. Понимая, что рано или поздно новоиспечённая Кейт всё равно узнает о его участии в зверском убийстве родителей, он начал заранее искуплять свою вину. Главным образом он решил во чтобы то ни стало немедленно освободить уникального юнца, который отныне стал его шурином, хотя вряд ли мог себе такое представить даже в самом страшном кошмаре.

Поздней ночью и в сопровождении двух мутантов старший воин под предлогом срочного допроса забрал с эшафота уже находившегося при смерти молодого трибуна. Его вывезли в грязном мешке на телеге ресурсного обоза через Врата свободы и увезли далеко

вглубь ущелья Шестой реки. Там, в тумане непролазного кедрового перелеска, их лично встретил обходивший дозоры генерал. Поблагодарив за бесценный подвиг, он сначала приказал немедленно разоружиться, а затем молниеносно перерезал глотки обомлевшим мутантам.

С большим трудом вытащив бессознательного Томаса из огромного мешка и дружески похлопав по плечу, Джавер водрузил его на щекастого Билла, ожидавшего чуть в стороне, и затянул ремнями к седлу:

— Повтори задачу.

— Спасибо! Доставить груз в Башню признания, обходя наши дозоры и селения.

— Ещё раз!

— Доставить груз живым в Башню признания, обходя наши дозоры и селения. Спасибо!

— Что будет, если ты с этим не справишься?

— Я и все мои близкие пойдут на колбасу. Спасибо!

— Что будет, если ты хоть кому-то расскажешь обо мне?

— Я и все мои близкие пойдут на колбасу.

— А спасибо?

— Спасибо!

— Кто я?

— Не знаю, не знаю, не знаю!

***

На следующее серое утро, собравшись на долгожданную казнь, загудевшая толпа обнаружила, что одного из пленников похитили прямо с главной площади! Хотя взбешённый Эйзенберг тут же публично проклял Джавера, это не так сильно волновало арогдорцев, ведь в их руках остались два бывших

главнокомандующих Королевской рыцарской армии. Поэтому тысячи горожан с удовольствием наблюдали, как Нильса Дора и Ричарда Фейна отвязали от балки и подтащили к дубовому полену. При этом прямо за эшафотом на полстены замка победоносно развевалась ярко алая ткань с гербом Арогдора, на фоне которого гордо выстроились все высшие лица государства, спасшие отечество от дерзкого вторжения.

— О чём думаешь? — прошептал Нильс.

— О Лилии.

— Говорил бы всегда так честно — я бы не издевался.

— Уже не важно... А ты о чём думаешь?

— О Виктории.

— Что?! Кто это? — воскликнул Ричард, на мгновение позабыв про неотвратимую гибель, когда его изуродованную голову уже силой склоняли на пень. Однако затем он закрыл опустошённые, залитые кровью глаза и тихо заплакал, вспоминая любимую жену и детей. В это время мутант-альбинос с короткими дредами и длинным носом объявил список вменяемых преступлений. Затем, под одобрительные возгласы толпы, сверкнувший в воздухе топор навсегда остановил страдания белокурого рыцаря, залив эшафот вязкой кровью.

— Виват, Арогдор!

— Виват, Эйзенберг!

— Виват, Джавер!

Убрав ногами бездыханное тело в сторону, мутанты в нетерпении подтащили Нильса, который всё это время пристально смотрел в глаза некогда ближайшему другу и наставнику, благодаря которому и достиг всех высот в

своей жизни. Генерал тоже спокойно и безмолвно смотрел ему в глаза, лишь глубоко вздохнув, когда в его тусклой памяти вдруг мелькнули славные деньки их беззаботных приключений в Академии. Следующий взмах топора поставил жирную точку на этой печальной странице воспоминаний, и большая голова бывшего товарища с глухим ударом упала на бордовые доски, подкатившись к ногам Джавера. Поникшие глаза Нильса всё ещё смотрели на него снизу под радостное ликование толпы:

— Виват, Арогдор!

— Виват, Эйзенберг!

— Виват, Джавер!

В тот же миг на полпути к Башне признания внезапно очнулся израненный сын казнённого рыцаря. Обнаружив себя на потном Билле, он не имел сил даже обрадоваться собственному спасению или опечалиться уготованной судьбе старших товарищей. Узнав скудные детали своего весьма странного похищения и немного подкрепившись чёрствой лепёшкой, он лишь снова заснул, надеясь через фазу как можно быстрее восстановиться и тщательно подготовиться к возвращению в Парфагон, теперь столь загадочный и таинственный.

Глава 9. Орден кровного надзора

Караульный едва восстановленной Башни признания забил тревогу, увидев челоконя. Поскольку состав гарнизона имел лишь дюжину досрочно выпущенных рыцарей, даже единичные мутанты теперь представляли реальную угрозу. Рыжий комендант с детским лицом, не больше двадцати лет от роду, тут же поднялся на смотровую площадку и с трудом пробрался к бойницам из

свежей кладки, путь к которым был всё ещё завален пыльными досками и осколками строительного камня. Внимательно оценив ситуацию, он в ужасе широко раскрыл глаза и приказал немедленно занять позиции в северных бойницах.

— А если мутант ворвётся внутрь?

— У нас десять арбалетов. Хоть один, да попадёт, — успокаивал комендант дрожавшего рыцаря в тренировочных доспехах, однако волнение горстки молодых людей лишь усиливалось с каждым новым шагом челоконя:

— А если нет?

— Может, он нас не заметит и пройдёт дальше?

— Нет! Он идёт прямо на нас!

— Ты смотри, какой он страшный...

— Гораздо противнее, чем я думал.

— Я так близко никогда не видел!

— Где ты мог их видеть? Что врёшь?

— Приготовились... Выстрел! — едва не оглушив свой отряд, дрожащими губами заорал командир, стоило противнику оказаться на досягаемом расстоянии.

Едва живой Томас был глубоко убеждён, что состав гарнизона никогда в жизни не перепутает его с мутантом, хоть он и был без доспехов, зарос, как чёрт колючий, и передвигался на челоконе. Поэтому он спокойно направил Билла к спасительному укреплению, надеясь на тёплый ночлег и горячую пищу. Однако коварные стрелы быстро отрезвили его, одна за другой засвистев над израненной головой, где от правого глаза до уголка рта зияла разорванная кожа, а чуть выше красовался рассечённый пополам лоб. Догадавшись, в

чём дело, он не растерялся и решил поиздеваться над сопляками:

— Косоглазые!

— Что?

— Идиоты!

На смотровой площадке послышался шорох, а в бойницах замелькали стальные шлемы:

— Это вы нам?

— Эти мутанты ещё и обзываются? Вот уж не думал…

— Что ему ответить?

— Продолжать обстрел противника! Прекратить болтать!

По мере приближения к Башне, стрелы стали пролетать слишком близко, что заставило раздражённого Томаса действовать активнее:

— Вас с какого курса сюда отправили? С первого?

— С третьего!

— Да молчи ты, дурак! — прошипел комендант, стукнув разговорчивого бойца по болтавшемуся шлему.

— Эй! Он же спросил!

— И что?

— Молокососы, а ничего, что у меня только две руки?

Рыжий офицер присмотрелся повнимательнее и вдруг понял свою глупую ошибку, отчего тяжелейший груз свалился с его плеч. Ещё полгода назад он был беззаботным разгильдяем-второкурсником, а теперь ему неожиданно поручили такую опасную и ответственную должность:

— Ты кто и откуда?

— Генерал Джавер. От бабули.

— Ребята, мы попали!

— Да заткнись ты! — опять дал пинка своему рыцарю комендант. — А серьёзно?

— Трибун Томас Юрг.

— Он же погиб!

— Нет, но одни меткие ребята его только что едва не прикончили.

— Почему на мутанте?

— Это свой человек, не переживайте.

Будущие храбрые бойцы с трясущимися руками встретили единственного выжившего командира, лицо и тело которого были похожи на один распухший синяк, покрытый ссадинами и разорванной кожей. Он вкратце поведал им свою историю спасения и приказал пустить гонцов во все Башни, чтобы коменданты направляли выживших на вулкане рыцарей в Салеп, но ни в коем случае не в Парфагон.

Проведя ночь в Башне признания, где ему обработали раны, предоставили свежую постель и долгожданную горячую пищу, Томас немедля отправился дальше, несмотря на страшные боли и уговоры отлежаться хотя бы ещё день или два. Причём невиданно осмелевший трибун, ко всеобщему удивлению, продолжил путь на Билле. Он резонно предположил, что тот, кто спас его с эшафота и втайне отправил вниз по ущелью, скорее всего, захочет избавиться от ненужного свидетеля, поэтому у несчастного челоконя просто не было обратного пути. Кроме того, потеряв любимого Вектора, ставшего близким другом за все проведённые вместе годы, молодой трибун хотел заменить его хоть кем-то более или менее знакомым, и наивный челоконь вполне подходил для этой роли. И хотя иметь такие мутации в королевстве

было строго запрещено, отныне Томас стал значительно проще относиться ко всем правилам, надеясь уладить этот вопрос тем или иным путём.

По пути он иногда встречал разрозненных рыцарей и слонявшиеся тыловые обозы и тут же твёрдой рукой брал их под своё командование. Он понимал, что многие из выживших воинов просто бежали с поля боя или сами нанесли себе увечья, а не заблудились при наступлении или получили ранения в бою, как горячо уверяли. Однако у Томаса не было ни времени, ни желания разбираться в этих поганых вопросах, когда каждый рыцарь представлял собой огромную ценность. В итоге на подходе к Салепу с ним было уже с дюжину воинов, половина из которых имели серьёзные ранения.

В голове Томаса беспорядочно крутилось множество странных и неоднозначных мыслей. Во-первых, он был рад, что просто выжил, хотя и не должен был ни при каких обстоятельствах. Он чувствовал, что к этому чуду неведомым образом приложила руку его сестра, но не мог даже представить, как она могла такое организовать. Хотя, если уж она и организовала всю эту бойню с самого начала, то разве есть для неё что-то невозможное? С самого детства она допекала его своими выходками, тренируя каменную выдержку. И вот выросла девочка...

Во-вторых, потеря почти тысячи доблестных рыцарей, приёмного отца, Ричарда Фейна и Аарона Коннелла вызывала у Томаса приступы ярости и ненависти. Причём теперь он не мог даже понять, к кому обращать всю эту злобу! Что вообще в этом мире происходит? Кому и зачем это надо? Хотя многие вещи всегда вызывали вопросы, но сам мир казался прост: белое и чёрное, добро

и зло, Парфагон и Арогдор. Отныне всё это перемешалось в одну уродливую смесь, с чем нужно было как можно скорее разобраться, дабы выжить самому и спасти оставшееся без защиты невинное население Селеции.

Хмурые рыцари все дни изнурительного пути до Салепа с любопытством наблюдали, как их молодой командир то смеялся, то плакал, то словно терялся в каком-то своём мире и часами напролёт ни на что не реагировал. Незаметно перешёптываясь, они полагали, что он двинулся умом от пережитого в кратере ужаса.

На самом же деле вновь осиротевший Томас бесконечно прокручивал в голове самые яркие истории из жизни Нильса и Ричарда. Как они храбро спасли его в самый последний момент перед расправой в сожжённом селе. Как однажды угнали карету короля, чтобы произвести впечатление на одну недотрогу, которая потом всё равно отказала Нильсу во взаимности. Как помогали учиться в Школе и, жертвуя временем, щепетильно готовили к судьбоносному турниру. Как целую неделю прятали побитого Ричарда в подворотнях, когда жёнушка случайно уличила его в измене с огромной и страшной селянкой. Как они самоотверженно бились в окружённой Ярте и как затем тайно сотрудничали при обороне осаждённой Стены. Как смешно Нильс наставлял перед отправкой агентов в Арогдор, и как прекрасный Ричард всё время стеснялся своих нравственности и верности. Теперь эти два весёлых друга остались лишь в воспоминаниях. Но как он объяснит это несчастным Лилии и Виктории? Как он может их утешить?

Кроме того, чем ближе Томас приближался к Парфагону, тем более неприятные ощущения испытывал. Появился животный страх чего-то чуждого и неизведанного. В проклятом замке явно происходило нечто абсолютно непонятное для Томаса и того простого мира, в котором он всегда жил. Хотя подвешенные за руки Нильс и Ричард не помнили странной истории в душном лесу, он всё же предпочёл верить собственным глазам. Это невероятно яркое окно, что вдруг появилось из ниоткуда и зависло в воздухе, являлось главным ключом к разгадке многих тайн Селеции. Но что это было? Может быть, магия? В Школе учили над такими вещами лишь смеяться, но что ещё могло объяснить столь потустороннее явление? В конце концов, что это был за пышущий зеленью лес, если на каменистой вершине вулкана вообще нет растительности?

Так или иначе, но озлобленный Томас теперь понимал, что фальшивый Альберт не только в курсе всего того, что происходит во вражеском Арогдоре, но и приходится любящим отцом сумасшедшему предводителю! Они даже похожи: если Варнеру Эйзенбергу добавить чёрную бороду да немного веса с возрастом, то он будет точной копией некогда всеми обожаемого короля Парфагона. Выходило, что они во все времена обменивались ключевыми данными и беспечно играли безвольными людишками в войну? Но зачем? Как это вообще возможно? Получается, мужественный Коннелл и его Первая когорта не смогли выйти из блокированного ущелья Третьей реки только потому, что сам Альберт его туда направил и тут же сообщил об этом чокнутому сынишке! Что это за чудовищная игра,

которая уносит всё больше и больше жизней? Почему она усугубилась за последний год?

Если родственный сговор отца и сына можно было хоть как-то понять, то другие моменты не имели под собой и толики смысла. Например, Томас буквально сломал голову, но всё равно не мог понять противоречивую роль Города заката во всей этой истории. Без сомнений, именно оттуда подослали того самого Чёрного рыцаря для дерзкого и странного покушения на юную Элизабет. Её же они так отчаянно преследовали в замке после успешного прорыва Стены, совершённого не без помощи Арогдора.

Теперь стало понятно, что свирепые мутанты в самый последний момент вступились за дочь Альберта, а не бездумно сражались в споре за неё, как все наивно посчитали. Но зачем тогда четырёхрукие монстры и чёрные лучники изначально столь удачно атаковали едва не павший Парфагон? Неужели загадочный Вальтер Мейсер, своенравный мэр Города заката, знал обо всех тёмных делишках странной семейки и смог ловко обвести их вокруг пальца? Возможно, именно белокожая Элизабет была ему нужна с самого начала, и именно за покушение на неё целый город оказался кроваво стёрт с лица Селении по приказу её старшего брата. Что же в ней такого особенного, что заставило отчаянного Мейсера пойти на такой чудовищный риск?

Тысячи вопросов сверлили сознание Томаса. Нелепых загадок было так много, что у него сложилось впечатление, будто ни он, ни Нильс, ни Ричард никогда не понимали реальное положение вещей. Они уютно жили в чьём-то придуманном мире и лишь играли по его

одичалым правилам. Именно поэтому у покойного приёмного отца всегда было столько вопросов к дырявой системе обороны. Именно поэтому полный злобы трибун теперь принципиально не расставался с Биллом, который шокировал каждого встречного. К чёрту правила!

***

Дойдя в мучительных размышлениях до Салепа, Томас встретил в нём ещё с полсотни раненых и скверно выглядевших рыцарей, в основном уцелевших воинов растворившейся в истории Первой когорты. Оставив своё карликовое и наполовину пешее войско в городе, он отправился на ночлег в родное село, к семье кузнеца. Соскучившиеся пожилые люди снова обработали его стремительно заживавшие раны на теле и изуродованном лице. Затем Томаса любезно посадили за плотный ужин в той самой злосчастной кухне, с которой всё когда-то началось. Из холодного погреба ещё сильнее доносился неприятный запах, однако заметно постаревшие хозяева дома уже не могли этого почувствовать.

— Что же теперь будет? — щурясь и поглаживая поредевшую бороду, спросил осунувшийся Макс Ланк, едва узнав леденящие кожу подробности поражения у кратера.

— Они скоро пойдут вниз, — ответил Томас, вспоминая невинных детей из Башни признания. — А у нас нет защиты.

— Опять на Парфагон? Снова через Салеп?

— Они пойдут везде. Я бы рассказал тебе кое-что, но не могу. Надеюсь, всё это удастся решить. В крайнем случае

мы объявим всеобщую мобилизацию, как это сделал Эйзенберг.

— А как же Мария? Переживает за тебя, пади? — поинтересовалась миниатюрная жена кузнеца, вытирая слёзы со своего сморщенного круглого личика.

— Она ж теперь твоя жена? — уточнил Макс.

— Да. С ней всё хорошо.

— Могли бы и здесь свадьбу сыграть, раз нам нельзя было приехать.

— Не обижайтесь, прошу вас! Разве это так важно?

— А как же? У нас не так много радостей в жизни.

— Простите нас...

— Если нужна помощь — мы со старухой всегда поможем. Учти: я хоть и похож на седую оглоблю, но мастерства в кузне не растерял!

— Спасибо! Ближе вас у меня теперь никого нет.

— Как же ты теперь без Нильса?

Томас тяжело вздохнул и отказался продолжать разговор на эту больную тему. Ему и так всё время приходилось думать о том, что́ его ждёт в Парфагоне, если его туда вообще пустят. Хотя захочет ли король оставить его за пределами столицы с теми щекотливыми знаниями, которые у него теперь были? Во всяком случае, юный трибун приготовился к возможным попыткам ареста и почти не сомневался, что измученную Марию тоже вмешают в его дела. Ему так не хотелось снова причинять ей боль и страдания, однако каждая мысль о скорой встрече с Элизабет буквально гнала в Парфагон быстрее и быстрее, заставляя закрывать глаза на всё на свете.

Отоспавшись у Ланков и рано утром выступив со своей угрюмой армией из Салепа, уже на закате Томас осторожно подошёл к веявшим холодом Северным воротам. Захваченные при осаде и затем освоенные баллисты прицельно смотрели на выживших героев сверху. И хотя никто не стрелял, было очевидно, что скитальцев долго и с нетерпением ждали. Когда после продолжительной паузы ворота всё же со скрипом и грохотом распахнулись, покалеченные воины зашли в город под аплодисменты мужчин и многоголосый плач женщин и детей, которые судорожно и почти всегда напрасно искали среди них своих доблестных сыновей, мужей и отцов. В глазах оставшихся в городе рыцарей читались безмерное уважение и неестественная сдержанность. Видимо, их о чём-то предупредили, но сами они по-человечески бесконечно радовались, видя своих уцелевших товарищей и особенно молодого трибуна Юрга, в который раз удивившего живучестью и храбростью. В потрёпанном Парфагоне уже давно пошатнулась вера в непогрешимость короля, и люди начали искать новых идолов, без которых большинство отныне беззащитных горожан не могли существовать по определению.

Хотя ненавистным мутантам вход в столицу был категорически запрещён, никто не смел и слова сказать хромавшим воинам, что неровным строем плелись по Аллее героев позади Томаса на грандиозном Билле. Разинув рты, толпившиеся по обе стороны дороги зеваки ошарашенно рассматривали переливавшиеся груды мышц челоконя, а также удивлялись его загорелой щекастой харе с большой челюстью и роскошному

ирокезу. Польщённый вниманием, арогдорец ещё никогда в жизни не испытывал такой важности, отчего радушно и искренне благодарил любого, кто бросал на него боязливый или брезгливый взгляд. При этом многие мужчины невольно делали шаг назад, а чувствительные дамы, если не падали без чувств, то вскрикивали и уносились прочь вместе с рыдавшим от ужаса потомством.

— Томас! — кинулся навстречу бодрый Ален. — Томас!

— Ты ли это, дружище? — горячо обнял его друг.

— Что с твоей рожей? Кому ты позволил колоть на ней дрова?

— Всё так плохо? Заживёт...

— Как ты вообще выбрался из этой мясорубки?

— Потом расскажу.

— А где Вектор? Дашь как-нибудь на новой коняшечке покататься?

— Я вам не коняшечка! — обиделся столичный гость. — Я человек.

— Ален, это наш старый друг. Ты забыл?

— Тот самый Билл? Хромой бедолага из ущелья? Ну, вы даёте!

— Я не хромой. Спасибо!

— Ну, теперь хоть с голоду не помрём!

— Как вы смеете?! Спасибо! Ой, не спасибо!

Пообщавшись с приятелем, которому повезло остаться во внутреннем гарнизоне, и пройдя ещё пару кварталов по знакомым улочкам, изумлённый Томас вдруг поймал себя на ощущениях и мыслях, которых прежде никогда не было в его голове. Хотя с ним может приключиться всё что угодно, отныне он будто стал иметь право на этот

город. Томас чувствовал и видел, что сама столица с её настрадавшимися жителями думала точно так же. Он внезапно стал смотреть на горожан с осязаемым чувством личной ответственности перед каждым из них. Только он один мог вытащить их из той незавидной ситуации, где они не по своей воле оказались. Словно слепые котята, они копошились в ящике со старыми тряпками в тёмном чулане, ничего не видя и не понимая. Смелый Томас был их единственной надеждой — хотя бы потому, что всё это просто осознавал. Сколько ещё таких сведущих людей в столице? Ньюртон? Калица? Сколько бы их ни было, только он один хотел что-то изменить в этом абсурдном мире и всем сердцем заботился о простых людях.

Первым делом израненный воин направился в благочестивую Академию, где в промёрзшей Башне заточения ему на этот раз сразу же позволили навестить Марию. Она хоть и выглядела исхудавшей и болезненной, но была в заметно приподнятом настроении, испытывая гордость за мужа, вернувшегося героем из настоящего ада. Она даже понемногу начала прощать избалованную Элизабет, списав её дурацкую выходку на простое чудачество, а своё поведение — на беспричинную ревность. Сама себе Мария клялась впредь сдержаннее реагировать на прихоти королевских особ, дабы такая беда не повторилась.

Пообещав в самом ближайшем будущем высвободить молодую жену из тягостного заточения, Томас позаботился о том, чтобы добряку Биллу гарантировали отменное содержание в конюшнях Академии, пока не будет решения относительно его будущего. Заняв стойло Вектора, челоконь поначалу расстроился обидному

соседству с обычными жеребцами, испуганно поглядывавшими на него со всех сторон. Но это было явно лучше, чем продаваться на местном рынке в виде сосисок. Воспитанный пропагандой челоконь ещё долго не мог свыкнуться с мыслью, что в поганом Парфагоне его никто не собирался убивать. Он просто не догадывался, что в действительности это давно сделали бы, но мешала неопределённая ситуация со статусом выжившего трибуна.

Уже почти ночью и с болью в сердце Томас нехотя и прихрамывая побрёл к опустевшему дому Нильса, чтобы лично передать скорбную весть той удивительной женщине, которая смогла сделать невозможное в жизни его приёмного отца: забыть холостяцкую распущенность. Поникшая Виктория уже всё знала и понимала. Горячо встретив героя ещё на подступах к дому и ничего не спрашивая, она провела его в любимую Нильсом беседку. Пока они молча сидели, лишь изредка вспоминая смешные истории из жизни их друга, в дом прибежала заплаканная Лилия, которая до последнего надеялась, что её Ричард смог выбраться живым из кровавой передряги на вулкане. Уходя вверх по ущелью Четвёртой реки, он наказал ей возвращаться в Парфагон, будто уже тогда понимал, что никогда не вернётся в Башню безопасности, где им так хорошо и спокойно жилось после скандальной отставки.

Конечно, благоразумный Томас не стал рассказывать убитым горем женщинам, как именно выглядели последние дни жизни их мужчин. Они по-прежнему воображали быструю смерть на поле боя, а не те зверские издевательства, которые пришлось пережить и самому

Томасу. Не зная, как правильно себя вести в столь тяжкой ситуации, он оставил причитающих подруг наедине и предпочёл в одиночестве отправиться в свою запущенную супружескую обитель.

***

Следующим вечером молодой трибун в синем камзоле под восторженные взгляды прохожих, особенно детей и женщин, направился на долгожданный Королевский совет. Томаса ещё с утра предупредили об этом мероприятии, и он за целый день смог окончательно обдумать все основные вопросы. Больше всего ему было интересно, как Альберт просто посмотрит в глаза и что вообще сможет сказать после всего случившегося. При этом король продолжал вызывать жуткую ассоциацию с тем ярким окном в странном лесу. Томас лишь надеялся, что получит хоть какие-то вразумительные объяснения сему сверхъестественному явлению.

Поредевшая охрана замка с удовольствием проводила своего героя в северную башню. Однако, вопреки правилам, в освящённой свечами круглой комнате его ждал только один Альберт, который повёл себя необычайно радушно и всеми силами делал невозмутимый вид, будто ничего и не произошло. Он даже снял свой коричневый камзол и по-приятельски кинул его на стол, оставшись в наполовину распахнутой белой рубахе поверх неизменных колготок. Хитрый король был настолько спокоен, что у взбесившегося Томаса захрустели кулаки от напряжения.

— Сложный у нас будет разговор, Томас.

— Кто предал Коннелла?

— Постой! — перебил Алберт, помогая усесться трибуну за стол. — Сразу хочу тебе сказать, что жизнь бывает намного сложнее, чем кажется. Подчёркиваю: намного сложнее!

— Я задал простой вопрос.

— Находясь на разных уровнях, мы друг друга не поймём.

Сероглазый бородач присел в своё удобное кресло, с любопытством разглядывая шрамы на лице Томаса, который, в свою очередь, искренне надеялся ошибаться в своих подозрениях и потому старался держать себя в руках:

— Ваше величество, я всегда был вашим покорным слугой и надеюсь услышать разумные объяснения.

— Понимаю. Кстати, кто тебя спас?

— Я и сам был бы рад узнать.

— Правда? Я обрадовался, узнав, что ты выжил. Начнём с...

— Но что это за окно в лесу?! Как вы в него попали?

— Какой лес? Это не окно, а экран Связи в атриуме замка Варнера. Долгая история. В общем, как тебе сказать... Эти штуки нам когда-то сделали в Городе заката.

— Хм… я ещё могу понять, как работает баллиста, но тут...

— Томас, ты же знаешь этих изобретателей! Это не важно. Смысл Связи в следующем: сидя здесь, я могу нажать кнопку — и увижу на экране Варнера, который находится на вулкане, а он увидит меня здесь. Это как большая подзорная труба, в которую можно смотреть с обеих сторон одновременно.

— То есть вы всё-таки были здесь в тот момент?

— Да.

— Как это возможно? В этом точно нет магии?

— Что ты! — возмутился Альберт. — Я тоже пугался вначале. Но ты потом привыкнешь.

— Допустим. Но кто такой Эйзенберг?

— Ты не с того начинаешь... Да, это мой сын. Я его ещё совсем юным отправил на вулкан, сымитировав самоубийство. И Джавер тоже с нами.

— Что?!

Разъярённый Томас вскочил из-за стола, живо наливаясь краской. Значит, все эти бессмысленные жертвы — Нильс, Ричард, Коннелл, тысячи рыцарей и мирных жителей, родители и даже Вектор, в конце концов, — и вправду дело рук спятившего Альберта! Огромные мышцы озверевшего трибуна напряглись, и он едва не набросился на своего собеседника. Однако король быстро встал с кожаного кресла и взял со стола камзол, достав из внутреннего кармана необычный стальной предмет с изогнутой и короткой рукоятью. Эта штуковина была похожа на молоток с очень вытянутой головкой, которую рассекали ряды поперечин и продольные углубления.

— Стой! Я же тебе говорил, что ты не с той стороны подходишь, — убаюкивал Альберт. — Выслушай меня, а потом делай, что хочешь. По рукам?

— Как это можно объяснить? Вы убили моих родителей, тысячи людей! За что? Какие могут быть объяснения?

— Ты думаешь, я сумасшедший?

— Теперь — да!

— Ещё раз прошу присесть и выслушать меня, — по-отечески продолжил Альберт, сторонясь вскипающего трибуна. — Я тебя понимаю. Я бы тоже так себя вёл. Но дай мне шанс всё объяснить и думай, как захочешь. Хорошо?

Не в силах слушать все эти россказни, Томас сгоряча обрушил свои израненные руки на дубовый стол. Снизу немедленно послышался лязг железных дверей, и испуганная королевская охрана тут же взлетела по винтовой лестнице. Альберту потребовалось несколько попыток, чтобы вывести хмурых рыцарей, коих не на шутку насторожил злобный вид гостя: от его тяжёлого дыхания едва не гасли свечи, дрожавшие в люстре над треснувшим столом.

— Выслушаешь?

— Попробуй! — Томас пообещал себе продержаться ещё хотя бы одну минуту и с грохотом рухнул обратно на деревянный стул. — Ай! Да кто такие пыточные табуретки придумал?!

— А что? Красиво и практично, — Альберт подошёл к окну с видом на башню Элизабет, где осиротело мелькал тусклый свет за шторами, и задумчиво продолжил: — Знаешь, в чём заключается главная проблема управления людьми? Им всегда нужно к чему-то стремиться. Всегда будут какие-то силы, которые чего-то хотят. Всегда будут появляться группы людей, которых что-то не устраивает и которые хотят это обязательно поменять. Когда они этого добьются, обязательно появятся другие такие же люди, которые снова захотят что-то поменять. Сначала они будут спорить, а если это не поможет, то убивать друг друга. В итоге, какое бы

идеальное государство ты ни создал, всегда кто-то будет этим недоволен. Ты всё равно всегда будешь под чьей-то критикой, у которой всегда будут находиться уверовавшие в неё олухи. Из-за этой бесконечной цепочки ты никогда не сможешь держать всё в своих руках. Ты даёшь людям свободу, а они тут же поддержат идиотов, которые её лишат. А потом появляются другие, которые хотят восстановить торжество справедливости, — и всё начинается сначала. Я всё это много раз проходил. Видел своими глазами.

— К чему всё это?! Как это объясняет убийства?

— Подожди ты! В общем, я хочу до тебя сначала донести два простых принципа. Во-первых, люди всегда что-то хотят и требуют, какие бы совершенные условия ты им ни создал. Во-вторых, всегда будет противоборство сторон. Всегда! Это наша суть! Соперничество у нас в крови, и именно оно сделало нас людьми.

— Я понял! Допустим, — снова терял терпение Томас.

Альберт оторвался от созерцания восточной башни и присел на один из резных стульев рядом со своим гостем, всё ещё держа в руке странный молоток, словно магнит, притягивавший взгляд по-детски любопытного рыцаря.

— Устав бесконечно с этим бороться, постоянно рискуя не только властью, но и жизнями самих людей, я решил что-то изменить. Я долго думал и экспериментировал. Иногда получалось, иногда нет. В общем, ради благополучия самих людей я выбрал наиболее прочную систему, когда сам создал все проблемы.

— Что? — не мог понять Томас. — Что создал?

— Всё просто: люди всё равно гибнут, люди всё равно страдают, люди всё равно ищут себе неприятности. Я сам

всё это создал — и сразу же решил все проблемы. В противном случае горя и бед могло быть ещё больше. Подчёркиваю: ещё больше.

— И?

— В общем, получив полный контроль, я избавился от риска, что ситуация будет ухудшаться. Я взял хаос в свои руки.

— То есть вся эта вечная война...

— Да-да! У людей есть о чём подумать, попереживать, принять ту или иную сторону.

Томас вроде бы понял Альберта и даже отчасти ему поверил. Подобные, казалось бы, глупые подозрения с недавнего времени сами периодически мелькали в его пытливой голове, но он не мог понять одного:

— Зачем же столько крови? Неужели нельзя иначе?

— Томас, люди всё равно будут убивать друг друга. Эта даже не плата за общее спокойствие. Так должно быть. Поэтому главное — не заканчивать войну ни в коем случае.

— Поэтому Джавер не взял Парфагон, а мы — Арогдор?

— Да. Это такая вечная игра.

— Но мои родители были простыми селянами и...

— Поверь: твои добрые родители искренне поддержали бы какого-нибудь идиота с умным и честным лицом, который бы всё равно кого-то убивал. Это отдельная тема. Я имею в виду твоих родителей.

— Почему это отдельная тема? — не понимал Томас, чувствуя, как слёзы отчаяния наворачиваются на его глаза. Вся его никчёмная жизнь оказалась игрой одного то ли сумасшедшего, то ли гениального человека.

— Когда ты находишься внизу всей этой системы, ты просто пешка и ничего не видишь и не понимаешь, наивно реагируя на всё, что тебе кинут сверху. Когда ты находишься над этой системой, с тобой и твоими близкими всё в порядке. Ведь они уже не пешки, не звенья всех этих процессов. Прости, но ты и твоя семья были пешками. Их смерть была неизбежна. Это плата за лёгкую жизнь по чужим правилам.

— Да они просто жили и никого не трогали!

— Так и должно быть, мой друг, — окончательно расслабившись, Альберт внимательно заглянул в растерянные глаза ссутулившегося Томаса. — Жизнь пешки никакой ценности не имеет, как только она встаёт на пути нашего механизма. Именно поэтому Джавер может убить тысячи, причём с обеих сторон, и не моргнуть при этом глазом. Ты знаешь, что он умышленно пропустил часть Первой когорты? Вы нанесли Арогдору ровно столько вреда, сколько было нужно. Если ты думаешь, что Варнер или Джавер хотя бы о своих людях переживают, то сильно заблуждаешься. В работе механизма нет сторон: правые или не правые, белые или чёрные. Есть только верх и низ. Если ты внизу, то в любом случае — подчёркиваю: в любом случае — ты проигравшая сторона с промытыми мозгами. И в любом случае хорошие всегда воюют с хорошими. Плохой враг — он всегда где-то там, но не я. К какой бы стороне ты ни примкнул, она обязательно скажет, что она права, а другие — нет. Знаешь почему? Потому что у них промыты мозги, а сами они — пешки. Если у тебя в голове есть понятия «плохо» и «хорошо», то ты внизу этой

системы. И ты будешь платить за это своим достатком или жизнью.

— Неужели никто не мог догадаться об этом?

— Что за глупости! Ты не задумывался, почему у нас все такие наивные? А почему арогдорцы ещё глупее? Думаешь, мы не можем это исправить? Мы стараемся держать их на том уровне развития, при котором они ни о чём не могут догадаться. Любить родину — это хорошо, но рационально мыслить и одновременно оставаться слепым патриотом как-то сложновато, друг мой.

— То есть у Школы стоит цель не умней нас делать, а наоборот?

— Видишь, до тебя уже что-то доходит! И заметь: на вулкане живут одни тугодумы, а у Варнера всё равно куда более прочная почва под ногами, чем у меня. У нас вот-вот волнения уже начнутся лишь за одно поражение и некоторые жизненные неудобства, а в Арогдоре жить всегда было куда хуже, но власть стабильнее. Чем беднее и тупее народ, тем больше он тебя любит. Какой интерес в смышлёных подданных? Многолетнее обучение в Школе и Академии — это всего лишь имитация образования. Мы обучаем только тому, что нужно. И не более!

В круглом помещении повисла напряжённая пауза. Довольный Альберт надел камзол и убрал во внутренний карман стальной предмет, ожидая реакции побледневшего Томаса. Но тот смог лишь брезгливо посмотреть на него:

— Как вы со всем этим живёте?

— Я понимаю твои эмоции. Сейчас я тебе предлагаю окончательно покинуть территорию пешек и встать над

всеми этими бедами. Это единственная гарантия безопасности для тебя и твоих близких. Я тебе больше скажу: эта система является единственным способом существования человечества, и ты ничего с этим не сможешь поделать, кроме как выбрать себе роль. Ничего не поделать! Только выбор роли вверху или внизу.

Альберт снова с сочувствием посмотрел в глаза Томаса и серьёзным голосом продолжил, положив мягкую руку на его плечо:

— Я приглашаю тебя в Орден кровного надзора. Он управляет всей Селецией, в отличие от Королевского совета. И это только начало, поверь...

— Какого ещё надзора?

— Кровного.

— Ерунда какая-то... Мне нужно подумать.

— Это вовсе не ересь, поверь. Марию я отпущу уже сейчас, а Питер выдаст поощрение в сотню золотых. Помимо членства в Ордене, ты получишь звание легата и должность главнокомандующего. Отныне ты почти бог!

Изумлённый Томас встал из-за стола и нервно заходил вдоль вытянутых окон из одной стороны в другую, сложив руки за спиной и смотря себе под ноги:

— Дор, Фейн, Коннелл?

— Обычные вояки. Мне нужны люди уровня Джавера.

— Айвора Джавера? Вы сравниваете меня с этим ублюдком, убийцей моих родителей?

— Да. И он входит в Орден. Ты, Томас Юрг, его уровня или даже выше. Именно поэтому и — подчёркиваю — только поэтому ты находишься здесь и слышишь всё это.

— Кто ещё?

— Варнер, Свежая Роза, Ньюртон и Калица. Я действительно считаю тебя особенным. Твоя непростая жизнь это доказала, — искренне говорил Альберт, надеясь иметь столь решительного человека возле себя.

— Это всё? — остановился Томас.

— Как же! Слава, женщины, богатство — и всё без ограничений! Сколько унесёшь.

— Билла могу оставить?

— Это тот челоконь? Если только он откажется от мутации. Правила, Томас. Пра-ви-ла иг-ры! — рассмеялся Альберт, подойдя и похлопав по плечу опустошённого молодого человека, утонувшего в тёмном окне. — Как насчёт ужина? Нас уже ждут.

— Почему нет? — оставалось смириться раненому трибуну.

Сопровождая пошлыми шутками, счастливый Альберт проводил бледного молодого человека в свой тёмный обеденный зал с высокими спинками сине-зелёных стульев и натюрмортами вдоль стен с витиеватым орнаментом. Как и ожидалось, за столом уже присутствовали члены того самого Ордена кровного надзора в лице Ньюртона с его прилизанными волосами и опрятного Калицы в сером балахоне. В противоположном конце длинного стола улыбалась голубоглазая Элизабет в своём любимом тёмно-зелёном платье. Поздоровавшись с присутствовавшими, Томас перестал слушать весёлое бурчание короля и собирался присесть рядом с мужчинами.

— Вы куда? — окликнула принцесса, широко раскрыв глаза.

— Я думал...

— Нечего думать с этими старикашками!

— Элизабет!

— Отец, но это ведь так и есть. Эй, там, привет, старикашечки!

— Попытайтесь не обращать внимания, — шёпотом пропищал Ньюртон. — А то будет, как в прошлый раз.

— А вы, — обратилась девушка к смущённому Томасу, который впопыхах поправлял свои слипшиеся волосы, — присядьте с моей стороны.

— Вы уверены?

— Мы тоже будем с умным видом нести всякую ерунду. Вы же умеете делать умный вид?

Услышав вопрос, удивлённый Томас подумал, что совершенно неправильно представлял себе Элизабет. Ранее он был уверен, что она от природы не очень разговорчива и невероятно спокойна. Теперь же она всё время представала перед ним очень активной и общительной особой, постоянно провоцируя всех вокруг. Возможно, думал он, ей несколько наскучило всё время быть одной.

В это время вереница слуг в белых одеяниях подала на стол грандиозное разнообразие ароматных мясных и рыбных блюд, печёных овощей и фруктов, горы лепёшек и сладких пирогов, будто ужинали не несколько человек, а целая дюжина прожорливых рыцарей.

— Мне жаль ваших товарищей, — безразлично произнесла принцесса, что тут же уловил Томас:

— Признаться, траура тут не вижу.

— Бросьте! Не в этом дело.

— Не в погибших друзьях и загубленных центуриях? — посмел перечить бывший селянин, отчего посланница небес обомлела:

— Что? Ах, это ужасно. Я понимаю...

— Ладно. Простите меня!

— Что с вашим лицом?

— Шрамы — это мелочи.

— Ничего себе мелочи на пол лица! Вам не больно?

— Не беспокойтесь, Элизабет.

— Какие книги вы прочли за последнюю неделю?

— Книги? Последнюю неделю? — снова удивился Томас и с горечью рассмеялся, понимая, что его собеседница действительно живёт в другом мире.

Через час, плотно поужинав и впервые довольно тесно пообщавшись с белокурой принцессой, Томас сразу же направился в Академию. Грязную клетку с Марией без лишних вопросов немедленно отворили, и молодая женщина кинулась на израненную шею злосчастного мужа. Когда они вернулись в своё семейное гнёздышко, хозяйственная Мария, не дожидаясь зари и едва приведя себя в сносный вид, начала тут же наводить порядок и чистоту. Увидев эту ненужную суету, Томас загадочно попросил шибко не обустраиваться, ибо вскоре в их быту предстояли грандиозные изменения.

Лёжа в чистой постели и обнимая посапывающую на его груди жену, задумчивый трибун наблюдал, как тёплые мысли о принцессе и колкая горечь потери друзей переплетались в его вскружённой голове с заоблачными мечтами о грядущих временах. Будущее казалось гораздо более успешным, чем он мог увидеть даже в самых безумных снах. Неужели всё это

происходило с ним? Стоит ли сопротивляться естественным законам жизни на таком высоком уровне? Стоит ли оставаться пешкой и продолжать платить за чужие игры своей собственной шкурой и благополучием близких?

***

Почти неделю измучившийся Томас не мог принять окончательного решения. С одной стороны, простая и понятная цель сверлила его с глубокого детства: доблестно уничтожать кровожадных мутантов, мстя за свою семью. С другой стороны, его манило предложение головокружительной карьеры, полного достатка и абсолютной безопасности, если верить хитроумному королю. Иногда ему казалось, что он легко согласился бы на второй вариант, однако тяжкая идея быть на одной стороне с безумным Джавером удерживала Томаса от быстрого решения. Он не мог даже представить, как сможет с генералом просто общаться, не говоря уж о том, как будет отдавать ему на растерзание беззащитные сельские округи.

Вскоре ожидалось грандиозное нападение жаждавших мести мутантов, и весь Парфагон вместе с подконтрольными ему территориями отныне находился в ожидании непоправимого горя. Однако никто не видел никаких приготовлений хотя бы к попытке дать отпор смертельно опасному врагу. В уязвимом королевстве до сих пор не было нового главнокомандующего, и всю ответственность нёс на себе Альберт, который терял терпение из-за слишком долгих размышлений живучего трибуна. Король надеялся побыстрее заполучить его рядом с собой и сбросить на него все мерзкие вопросы.

Ещё пару недель назад всегда ратовавший за справедливость Томас сходил бы с ума от скорой беды и преступно подвешенной ситуации в замке. Он не смог бы спокойно спать, не подготовив ещё одно дерзкое вторжение в ненасытный Арогдор или не создав непробиваемую оборону столицы. Однако теперь ему было абсолютно всё равно. Выходит, прав был ушлый глава Ордена кровного надзора: если ты на другом уровне понимания мироустройства, то тебе ничто не угрожает и ты живёшь спокойно, ведь все эти беды касаются только разменных пешек.

— Так что дальше? — спросил его как всегда бодрый Ален, когда они вместе с раздобревшим Биллом прогуливались под оголёнными каштанами Аллеи героев. — Как будем защищаться?

— Всё будет хорошо.

— Что значит «хорошо»? Никто ничего не делает!

— Думаю, ты преувеличиваешь.

— Ты ждёшь, когда эти уроды тебе в дверь постучат?

— Король всё решит…

— Слышал, тебя хотят сделать главнокомандующим.

— Хочешь уже трибуна получить? — рассмеялся Томас.

— Почему бы и нет? — обиделся Ален, уже успевший представить себя со сверкающим серебряным жетоном, который так выгодно красовался на груди его друга.

— А что же мне делать? — вмешался в разговор Билл, бесконечные благодарности которого всем встречным уже начинали бесить друзей. — Спасибо! Спасибо!

— Пока ничего, Билл. Но я решу.

— Меня отправят на...

— Расслабься.

— Спасибо!

Вдруг центурион Ален Оспэ выпрямил необъятную спину, втянул и без того стройный живот, гордо поднял голову, расправил широкую грудь и откашлялся.

— Приятель, не надо, — почувствовал беду Томас. — Прошу.

— Снова?! Только не это! Спасибо!

Однако снисходительно улыбавшийся Ален уже пошёл в уверенную атаку на идущую впереди них худющую девушку в коричневом шапероне и шерстяном фиолетовом платье с зелёным поясом:

— Эй, дамочка!

— Ой, что это?! — отпрыгнула от челоконя костлявая блондинка, выронив корзинку с редькой и прижав ко рту тоненькие ручки.

— Вы корму-то пришвартуйте в стороночке, пожалуйста! — помог ей подобрать покупки галантный Ален. — Тут важные люди обойти вас не могут. Всю улицу перекрыли.

— Всю улицу?! Я? — бедная девушка разочарованно оглядела свои торчащие суставы, а потом широкую аллею. — Простите!

— Вам не холодно часом?

— Прохладно, конечно.

— Если замёрзнете — просто посмотрите на меня.

— Что? — не сразу поняла «толстушка», но потом громко рассмеялась. — Так вы шутите!

— Нисколько! Увидимся вечерочком, а? Я на своём чудо-коне могу подъехать на часочек.

— Я не чудо... — хотел было возразить обиженный Билл, но его больно ткнули пальцем между рёбер. — Ох!

— А это правда ваш конь? Странный такой, — засмущалась покрасневшая девушка, поправляя жиденькие волосы и тёплое платье. — Ну, не знаю. Я, вообще-то, не такая...

Спустя полминуты доводов и уговоров страшно неуступчивая девушка всё же согласилась чуток прогуляться вокруг растянувшейся на многие мили Стены.

— Мастер! — с сарказмом восхищался Томас. — Бог романтики!

— Я всё-таки не чудо-конь.

— Практика и только практика, неудачники!

— Ты к лету-то вернись. Там у тебя сегодня столько кружочков накопилось, — продолжал его друг.

— Всё будет отлично!

— А что ты им скажешь, когда приедешь без чудо-коня?

— Я не чудо-конь. Спасибо!

— Скажу, что на замену подков отдал. Ещё и не из такого выкручивался, — гордо подытожил ученик Нильса Дора. — Главное, чтобы адресок на этот раз настоящий был…

Равнодушно глядя на все эти глупости, Томас понимал, что имел несколько иные взгляды. Во-первых, у него была любимая жена, к которой он был душевно привязан и думал, что действительно по-настоящему любил. Во-вторых, в замке его теперь почти каждый день с большим нетерпением ожидала изумительная дочь короля. Как-то совершенно незаметно получилось, что он

зачастил к ней в гости и уже не чувствовал в этом ничего особенного.

Ближе к вечеру, когда прохладные сумерки постепенно обволакивали город, довольный Томас снова неспешно прогуливался с Элизабет по уже почти восстановленной Стене, где то тут, то там возвышались строительные леса. На вытянутом стане принцессы колыхалось белое воздушное пальто с капюшоном, а вокруг неё толпилась добрая четверть боеспособного состава столичного гарнизона. Снизу на процессию глазели поражённые явлением божества зеваки, выкрикивая громкие приветствия, плача навзрыд или молясь запрещённым богам. Однако Томас и Элизабет не обращали на всю эту суету никакого внимания, потеряв счёт времени.

— А это не ваш приятель случайно? — указала принцесса на осунувшегося молодого человека с вороным конём, на котором восседала худая горожанка. Удивлённый Томас присмотрелся вниз, где в самом деле совершенно измученный Ален, судя по всему, накручивал уже далеко не первый круг у почти бесконечной Стены. Похоже, пока не все ценные уроки легендарного легата были усвоены до конца. И это при такой популярности рыцарей!

— Да, это он. Соболезную несчастной.

— Ах! — Элизабет внезапно прижалась к его плотному камзолу, когда стая потревоженных охраной голубей неожиданно взмыла прямо над головой.

Словно ошпаренный кипятком и затем оглушённый кувалдой, засмущавшийся Томас замер, аккуратно прикасаясь к хрупкому телу сказочно ароматной

принцессы. Ещё никогда мужественный воин не видел так близко эти шикарные длинные ресницы, аккуратный носик и маленький ротик с бледно-розовыми губками. Сама она тоже смутилась, покраснела и опустила свои прекрасные очи вниз, словно будучи не в силах так близко лицезреть задумчивый взор офицера.

— Простите, — всё-таки выпустила она его из рук. — Я испугалась.

— Тут же толпа гигантских рыцарей! Кого тут можно испугаться? — удивился глупый трибун, но быстро спохватился: — Хотя да, неожиданно как-то было.

— Кстати, ваши ужасные шрамы почти зажили.

— Стараюсь. Приходится в фазе отвлекаться.

— Знаете, Томас Юрг, мне так хочется больше с вами общаться, но...

— Мне тоже. Но что?

— Как вам сказать... Я дочь короля, а вы трибун.

— В смысле?

— Мне нужно соблюдать статус. Понимаете?

До потрясённого Томаса с большим трудом дошло, что́ имела в виду несчастная Элизабет. Действительно, драгоценная дочь короля, самая ценная жемчужина Парфагона и всей Селеции, всё это время проводила с простым офицером, бывшим деревенщиной! Если для него это общение было сравнимо разве что со снисхождением ослепительной богини, то как себя чувствует она, спускаясь к нему с гордых небес у всех на глазах? Комфортно ли ей? Что ей говорят и что о ней думают?

***

Вернувшись домой уже поздно вечером, уставший Томас обнаружил в столовой неприветливую Марию в одной ночной сорочке. В скромной комнате, кроме пары шатких стульев, шкафа с кухонной утварью, печи из красного кирпича, а также простенького стола, за которым она пила воду из чашки и ковыряла подсвечник, ничего не было. Мария собрала свои некогда густые волосы в косу и была нарочито холодна и безразлична. Её муж, далеко не самый чувственный человек в этом мире, типичный мужлан, сразу ничего не заметил и как ни в чём не бывало стал готовиться ко сну и фазе. Лишь перед самым уходом в спальню он обнаружил, что потерянная Мария всё ещё сидит за столом и молча смотрит на игривое пламя свечи. Молодой человек вдруг вспомнил опытного Нильса, который больше всего на свете остерегался не озверевших мутантов Арогдора, а хрупких, но молчащих женщин. По его словам, даже у безжалостного Джавера начинали трястись коленки от такой леденящей кожу картины.

— Всё хорошо, дорогая? — предельно аккуратно прошептал он, осторожно прикасаясь к её руке.

— Всё потрясающе, — как гром среди ясного неба прогремело в доме, и Мария раздражённо отдёрнула руку.

— Точно? — предвкушая беду, уточнил наивный Томас, надеясь, что ему всё-таки показалось.

— Точно, — прогремело ещё раз в ответ, и бесстрашный рыцарь осознал тщетность своих надежд.

— Тогда пошли спать, милая моя, — попытался провести ловкое тактическое отступление искусный

трибун, вложив в свой грубый голос столько нежности и заботы, сколько не было у всех беременных кошек Парфагона.

— Пошли, — улыбнулась ему жена.

Получив утвердительный ответ, Томас облегчённо выдохнул, после чего спокойно отправился в крошечную спальню. Беспечно потеряв бдительность, наивный мужчина немедленно и горько поплатился:

— Не поняла! Ты куда?

— Спать. Мы же пошли спать?

— Где ты снова шлялся?

— Когда ты это прекратишь? — воскликнул окружаемый боец, предчувствуя нескорое занятие укреплённой позиции в тёплой кровати.

— На глазах у всего города! По Стене! — окончательно замкнула окружение вероломного противника коварная жена. — Ты вообще думаешь обо мне?

— Мария...

— Знаешь, как на меня теперь все смотрят?

— Тебе не о чем переживать. Это просто общение.

— Я — твоя жена. Так? — встала она, грозно смотря мужу в глаза.

— Так.

— Зачем же ты проводишь всё время с этой тварью, а не со мной?

— Это дела. Часть работы. Не называй её так!

— Какой работы? Ты соображаешь, что делаешь со мной и нашей семьёй? Зачем ты меня позоришь?

— Прекрати!

— Я больше не могу терпеть это унижение, Томас!

— Прекрати, говорю.

Сжав похудевшие кулачки, разозлённая Мария быстро заходила по комнате, всё время бросая бешеный взгляд с одного предмета на другой, словно пытаясь их поджечь:

— Я старалась быть терпеливой, но ты переходишь грани и уже открыто наглеешь.

— Хорошо. Что ты хочешь сейчас?

— Ты говоришь, что это просто общение?

— Да, так и есть.

— Раз я твоя жена — ты обязан мне рассказать, как оно происходит.

— Зачем это?

— Надо! Причём подробно.

— Ты спятила? Вообще всё рассказать?

— В деталях.

— Мария, ну это же бред!

— Любишь меня?

— Конечно.

— Ты хочешь меня сохранить?

— Я не знаю, как вообще можно без тебя жить!

— Тогда тебе придётся всё рассказать, — облегчённо вздохнув, парировала супруга, мягко присаживаясь на скрипящий стул.

Не имея другого выбора, пойманный с поличным Томас был вынужден доложить всё. Причём честно, по-армейски детально и не скрывая мельчайших подробностей, которые, как ему казалось, ничего не значат и не решают, однако въедливую Марию интересовали в первую очередь. Он рассказывал жене о том, где они с принцессой были и о чём говорили, а та, в свою очередь, спрашивала об одежде Элизабет, её поступках, эмоциях и даже движениях рук.

— Ах, эта гнусная малолетка! — подытожила жена допрос беспечного муженька.

— Ты о чём?

— Ты — слепая деревенщина, Томас! И всегда им был.

— Между прочим, я почти главнокоман...

— И что? Ты можешь победить в войне, но проиграть любой дуре. Ты совсем нас не чувствуешь.

— Что же я такого не чувствую?

— Тебя используют.

— Кто? Зачем?

— Ты что — поверил, что ей интересен?

— Я?! Интересен?

— Да-да. Эта хитрая девочка обводит тебя, дуралея, вокруг пальца, причём делает это настолько неумело, что я поражаюсь, как ты ничего не замечаешь! Что за пелена на твоих глазах? Где твой рассудок, Томас? Какой из тебя главнокомандующий? Ты просто дурак!

Такими резкими выводами Мария до черноты разозлила своего проглотившего язык мужа, но сама вместо сверлящей ревности стала больше переживать за будущее. Если уж за него взялись через оберегаемую всеми как зеницу ока принцессу, то что за опасная игра вокруг него закрутилась?

И хотя как женщине ей было обидно до слёз, что её выстраданный супруг испытывал столь яркие эмоции по отношению к Элизабет, Мария всё равно почувствовала умиротворение. Несмотря на душевную боль, ей было в определённой степени даже приятно осознавать, что её единственная соперница — это не какая-то уродливая потаскуха, не освоившая фазу, а почти святая дочь короля, принцесса Парфагона! Она была действительно

красива, так что вряд ли можно было винить нормального мужчину за такой невинный проступок, как мельком взглянуть на это белоснежное чудо и помечтать о чём-то недозволенном. Да будь Мария сама мужиком, она уже давно не думала бы ни о чём другом! А стойкий Томас вообще молодец, что так хорошо и долго держался! При взгляде на восхитительную Элизабет даже женщины ловили себя на странном наслаждении, разглядывая её нежное тело и безупречно утончённое лицо. Что же взять с беспомощных и бестолковых идиотов-мужчин?

Кроме того, неглупая Мария хорошо понимала, что беспокоиться было не о чем. Томас мог испытывать сколько угодно влечения к юной девочке, но у той не было никаких ответных чувств. Она явно его использовала в неизвестных целях, и потому ей было плевать на его душу. Рано или поздно он будет жестоко отвергнут — ведь в реальности на Томаса никто не претендует! Эта успокоительная мысль вернула Марии едва не утерянную надежду на своё заслуженное женское счастье, над которым она столько лет так тщательно работала.

***

Обозлившись на Марию и оскорблённый её идеей, Томас лишь быстрее принял судьбоносное решение, которое в его разуме на самом деле уже давно сформировалось, и лишь некая внутренняя преграда не давала возможности признаться в этом. Он решил, что натерпевшаяся ужасов жена просто из ревности придумывает различные козни, чтобы поссорить с Элизабет и вернуть его угасающий интерес. Вспоминая

невинные и чистые глаза принцессы, он видел в них столько чувственности и искренности, что даже не допускал возможности обмана. Он знал, что она жёсткая. Он знал, что у неё нет сострадания. Однако это касалось только тех глупых пешек внизу, которыми разменивались её отец и брат. Да и как она могла, такая молодая, иметь столько хитрости, что обвела вокруг пальца видавшего виды Томаса, которому уже исполнилось целых двадцать четыре года?

Уже на следующий день после неприятной ссоры он пришёл в замок, чтобы присягнуть Ордену и отныне доблестно жить по его правилам. Он ещё не знал, как сможет отдавать страшные приказы, но для него лично это был положительный шаг в любом случае. Как он считал, с моральной стороной дела можно будет как-нибудь разобраться, ведь там всё неоднозначно. Главное — он будет как рыцарь максимально успешен, а его близких больше не коснутся никакие передряги и риски, с которыми он всё равно ничего не сможет поделать.

Поскольку визит к заждавшемуся Альберту был внезапным, без какого-либо предупреждения, набравшегося смелости трибуна попросили недолго прогуляться во внутреннем саду, где он уже не раз ожидал Элизабет. Там, в окружении четырёх стен с красивыми резными ставнями на окнах, тихо журчали мраморные фонтаны, а невысокие кипарисы создавали причудливые лабиринты между цветочных клумб, небольших яблонь, крошечных прудов и уютных беседок. Присев на одну из деревянных лавочек у миниатюрного озерца с кристально чистой водой, забывшийся молодой человек с интересом наблюдал за красными карпами

размером с локоть. Они проплывали под крохотным мостиком то в одну, то в другую сторону, словно в поиске выхода из этого райского уголка.

— Дорогой друг, — кто-то вкрадчиво окликнул сзади.

Оглянувшись, Томас увидел добродушное лицо невысокого Питера Калицы, который в своём сером балахоне словно крался к Томасу откуда-то из дальнего угла:

— Вы меня избегаете?

— Я? Что вы, уважаемый канцлер!

— Можно просто Питер.

— Спасибо. Вы были здесь?

— Да. Судя по всему, вы меня снова не заметили.

— Снова?

— Я тут часто бываю. Пару раз пришлось за вами понаблюдать, — с ухмылкой ответил Калица, почесав плоский нос и кинув взгляд на незаметный холм во мху.

Покрасневший Томас сразу вспомнил, как в прошлый раз пытался неуклюже выловить одну из скользких рыбин, но в итоге лишь сломал небольшую статуэтку Альберта Первого у кромки воды. Чтобы скрыть следы преступления, он спрятал её останки подо мхом, надеясь и молясь, что об этом никто не узнает до конца его дней.

— Ничего интересного не видел, — подмигнул Калица.

— Спасибо, Питер, — с облегчением выдохнул разрушитель.

— У меня для вас печальные новости, к сожалению.

— Что-то случилось?

— Да.

— Что именно? — встрепенулся рыцарь от плохих предчувствий, отчего его сердце учащённо заколотилось.

— Ваша сестра. Её же звали Ирэн?

— Не может быть…

— На следующий день после вторжения в Арогдор...

— Я не верю, Питер! — Томас схватил его за грудь. — Вы врёте!

— Они сразу же казнили её и ещё две дюжины предателей.

— Ирэн... — уже не сдерживал слёз бывший селянин, упав на колени. — Как же так?

— Вы должны понимать: мы ещё не знали, что вы будете с нами. Простите, — закончил Калица и с грустным выражением лица стремительно покинул благоухающий сад.

Убитый горем Томас не слышал последних слов канцлера и продолжал отрешённо рыдать. В его глазах мелькали дорогие сердцу картинки из беззаботного детства и яркие отпечатки в памяти той короткой встречи в ненавистном Арогдоре. Он снова потерял свою милую шкодницу, которую так старательно оберегал в детстве от всех бед и невзгод. Отныне уже не было надежды, что она где-то там, на холодном вулкане. Сейчас её нет нигде. Лютая злость и неприкрытая ненависть наполнили сердце и душу уязвлённого в самое слабое место Томаса. Он вдруг внезапно осознал сразу всё, что буквально несколько минут назад было словно в некой вязкой пелене его помутнённого сознания. И вот свежая волна озарения, сметая всё на своём пути, грубо прошлась по всем догадкам и окончательно оголила его чистый разум, его реальные чувства и его настоящие желания.

Во-первых, он жаждал мести. Никто не будет прощён за беспощадное убийство родителей и кошмарную казнь

Ирэн, какой бы ценой ему это ни далось. Это стержень его жизни. Это он — Томас Юрг! И теперь были известны имена всех гнусных преступников, которые должны понести давно заслуженное наказание. Мало того — теперь он понимал, что просто обязан отомстить за своих несчастных друзей и те сотни тысяч невинных жертв, которых некто назначил пешками в своей безумной игре и зверски уничтожил в совершенно бессмысленной мясорубке искусственных войн.

Во-вторых, омерзительный Альберт снова лгал. Слишком много смешных несовпадений и дичайшего абсурда было в его ничего не стоивших словах. Как Томас может присягнуть Ордену кровного надзора, если он всё равно не знает, чем тот реально занимается? Это означает, что на воображаемый высший уровень он всё равно не попадёт, поскольку лукавый король ведёт какую-то другую, ещё более сложную и загадочную игру.

Дело в том, что до сих пор вызывала вопросы загадочная и печальная история Города заката. Не потому ли его жестоко уничтожили, поскольку он выбился из-под якобы до совершенства отлаженного механизма контроля Селеции? Что-то заставило Вальтера Мейсера пойти против такой идеальной системы и рискнуть всем, что у него было… А странная история в замке, когда спятившие мутанты вдруг стали защищать дочь Альберта? Почему Город заката отчаянно направлял все силы не на уничтожение системы, не на свержение короля, а на истребление именно Элизабет?

Также в больную картину мира спятившего короля не вписывалось самое главное: почему за последнее время интенсивность столкновений Арогдора и Парфагона

настолько усилилась? В последний сумасшедший год напряжённость вообще достигла колоссального уровня! Вместо обещанной стабильности и бесконечного процветания, о чём так красноречиво вещал «непогрешимый» Альберт, мир будто катился к тотальному самоуничтожению.

От некогда доблестной и непобедимой армии Парфагона уже ничего не осталось, но ведь это не останавливает кровожадного Эйзенберга от его бесчеловечных планов нового кровавого нападения! Описанная изворотливым королём картина могла соответствовать правде ещё буквально несколько лет назад, когда свирепость и частота рейдов генерала Джавера были действительно на тонкой грани сохранения общего мира и спокойствия. Что же случилось в последние годы, если якобы совершенная система не изменилась? Чего они хотят добиться? И в этой гнусной истории должен участвовать он, гордый Томас Юрг, который всегда стоял за правду, честность и справедливость!

Учитывая смутное объяснение работы жуткой Связи, буквально во всём было слишком много непонятного и спорного. В итоге у отрезвлённого жуткой новостью Томаса не было оснований доверять роскошному предложению Альберта, даже если тот действительно даст обещанные власть и славу. Не будет ли он всё равно безвольной пешкой в чьей-то отвратительной игре, пусть уже и на другом уровне сложности? А может, это просто подлая и очень хитрая ловушка?

Но самую необузданную злобу вызвало у Томаса уничижительное использование принцессы для его

мягкого завлечения во всю эту дьявольски странную историю. Обидно было не само использование красивой женщины — ведь это распространённый трюк в любых интригах. Обидно было то, что Томас в это легко поверил, одурманенный её фиалковым благоуханием и невинным взглядом. Возможно, ликующая супруга права: бездушная Элизабет лишь неуклюже выполняла чью-то чёрную работу и не имела ни малейшего интереса к нему. И этот её намёк, что ему нужно срочно поднять свой статус? Как же он сам не догадался?!

В то же время уже трясшемуся от гнева Томасу было совершенно непонятно следующее: зачем все эти чудаковатые люди используют так много усилий, чтобы завлечь его к себе, когда могли легко убить в любой момент ещё неделю назад? Кто его вообще спас в Арогдоре? Почему сердобольный Билл до сих пор не осмеливается говорить об этом даже у открытых ворот колбасного цеха?

Наконец, осознав всё это и поняв, что ему ни в коем случае нельзя вступать в преступный и бесчеловечный сговор, осмелевший Томас моментально почувствовал и другую сторону этого решения. С ним, судя по всему, умело играли, пытаясь завлечь к себе вроде как добровольно, хотя выбор на самом-то деле был прост: состоять в Ордене или немедленно сгинуть из этого мира. Едва ли его просто так отпустят, если он посмеет отказаться. Скорее его тут же казнят, как только он скажет «нет», — уж слишком много он узнал об этом сумасбродном мире за последние недели. Для беспощадной шайки будет непростительным преступлением оставить его в живых.

Взъерошенный Томас резво вскочил на ноги, понимая, что с минуты на минуту войдёт проклятый Альберт, и ему нужен будет какой-то ответ. Судорожно пытаясь найти решение, мужественный рыцарь начал живо ходить по саду, будто это решение где-то в нём и спрятано, словно сломанная статуэтка подо мхом.

Вдруг послышался строй тяжёлых шагов личной охраны короля. Оставив сопровождение у ажурных дверей, ничего не подозревавший Альберт в одиночку вышел наружу и радушно направился в сторону растерянного трибуна:

— Какие дорогие и незваные гости! Извиняюсь за ожидание!

— Добрый день, Ваше величество!

— У тебя есть ответ?

— Да. Именно поэтому я здесь.

— Ха-ха, долго думал! — обрадовался Альберт и горячо обнял долгожданного визитёра, пристально смотря ему в глаза.

— Нельзя спешить в таких вопросах.

— И каково же твоё решение?

— Очевидное: я полностью принимаю ваше предложение, — не моргнув глазом, по-армейски ясно отчеканил Томас.

***

Следующим днём всеми любимый король Парфагона проснулся как всегда ближе к обеду. Его окружала отделанная бордовым велюром опочивальня, заставленная позолоченной мебелью. Над его головой на витых колоннах нависал фигурный балдахин с волнистым ламбрекеном и прозрачным тюлем, а с улицы

доносились глухие звуки, хотя они нисколько не тревожили безмятежные мысли Альберта. Ему казалось, что настал тот редкий момент жизни, когда волноваться было не о чём. Последние события на острове смотрелись столь оптимистично, что надолго вперёд можно было забыть о всяком давлении сверху. Свежая кровь в составе Ордена кровного надзора должна была решить все оставшиеся проблемы, отчего стало непонятно, чем себя увлечь на ближайшие годы. Хорошо хоть в юных особах не было перебоя! Одна из них, что рыжей звездой распласталась по главному ложу королевства, время от времени тыкала коленкой в спину. Видимо, она даже во снах примеряла очередные подарочки.

Провалявшись в неге, Альберт стал аккуратно сжимать и разжимать обе ладони, не напрягая мышц. Вязкое движение возникло почти сразу, но оно не имело прогресса, что бы он ни делал. Тогда король стал вслушиваться внутрь головы, и почти сразу появилось шипение. Оно через некоторое время поглотило не только все сторонние звуки, но и всё восприятие. Звук становился громче и громче, пока в один момент не превратился в неистовый рёв. Одновременно по всему телу закололи лёгкие вибрации, и появилась едва терпимая боль в ушах. Конечно же, всё это говорило только об одном: фаза разрушила физическую стабильность!

Пухлый бородач, словно маленький ребёнок, лихо вскочил своим обнажённым телом с кровати и, задорно подпрыгивая, помчался вдоль портретов к зеркалу у двери. Затем, подмигнув своему довольному отражению в золотой оправе, Альберт рыбкой прыгнул ему навстречу.

На мгновения завертевшись в горячей темноте, он оказался над макушками заснеженных ёлок и с визгом рухнул в сугроб, поцарапавшись об острые ветки. Хотя жуткий холод и ослепляющая белизна обволокли короля, ему стало необычайно приятно. Барахтаясь в снегу, он обнаружил рядом с собой хрустальную подставку на тоненькой ножке, на которой сверкала изумрудная пилюля. Альберт тут же жадно проглотил волшебное лекарство, отчего его мысли стали проще, а тело одним хлопком вернулось в раннее детство. Ощущая в себе невиданную лёгкость и подвижность, голозадый мальчуган с добродушными серыми глазами помчался вниз по заснеженному склону, со смехом сшибая снег с зелёных веток. За ним немедленно кинулись белые песцы, скуля и выпрашивая ласки. Играя с дикими зверями и ликуя от невероятных ощущений, Альберт с каждым выдохом пара ощущал, как из него выходят хворь и старость, а с каждым леденящих вдохом возвращается юность и здоровье. И он продолжал этот чудотворный ритуал так долго, как только мог позволить его опыт.

Наконец, он вернулся в замок. Поскольку повторные попытки войти в фазу ничем не увенчались, он решил порадоваться бренной жизни. А потому, с хрустом потянувшись и громко зевнув, его обнажённое упитанное тельце неспешно встало с края огромной кровати. Обернувшись, властитель Селеции тут же заботливо поцеловал в маленькое плечико рыжую любовницу, умиляясь её курносой мордочке. Затем небольшими наклонами он по очереди поприветствовал своих

предков, которые в массивных оправах гордо выстроились по стенам опочивальни.

Внезапно Альберт понял, что всё это время слышал странный шум, к которому настолько привык, что уже давно не обращал внимания. Внимательно прислушавшись, он определил, что тревожный звук шёл из-за толстой рамы узкого окна, выходившего на сквер возле замка. Подойдя к нему и нерешительно раздвинув плотные жёлтые шторы, он тут же побледнел.

Чуть в стороне, где просматривалась залитая солнцем площадь, обычно используемая для торжественных мероприятий, виднелась бесчисленная толпа негодовавших людей, которая широкой волной постепенно заливала всё видимое пространство вокруг замка. Придя в себя и предательски задрожав, король открыл тяжёлое окно и с любопытством прислушался:

— Не сдадим Парфагон сыну Альберта!

— Не сдадимся в руки Джаверу!

— Свергнем короля-скотоложца!

— Долой короля!

— Долой гермафродитов!

— Что?! — буквально взвизгнул ошарашенный Альберт, преступно разбудив вздрогнувшую подружку. — Что там происходит?

— Поросёночек, это ты мешаешь мне спатьки? — хмурилась конопатая девушка, обиженно складывая губки бантиком и грозя всемогущему королю своим беленьким пальчиком, пока тот напряжённо вслушивался в звуки с улицы:

— Заткнись, дура безмозглая!

Не обращая внимания на зарыдавшую во всё горло подругу, которая метко швыряла в него подушки, Альберт стал судорожно натягивать рвавшиеся от резких движений колготки и искать под креслами камзол. Его руки заметно тряслись, а достопочтенные родственники будто с порицанием поглядывали с огромных полотен, равнодушно ухмыляясь весёлому представлению. Пока их несчастный потомок пытался быстро сообразить, что произошло и какие действия нужно немедленно предпринять, массивная дверь с грохотом распахнулась, и в комнату буквально вполз на четвереньках сильно потрёпанный и немного побитый Исаак Ньюртон. Он карабкался по ковру в одних чёрных колготках на костлявом торсе, а за его спиной переглядывались бравые рыцари из особо подготовленной личной охраны короля. Не в силах ничего сказать, кроме телячьего мычания, судорожно икавший министр просто протянул в похолодевшие руки Альберта замызганную бумажку со свежим запахом печатных чернил:

«Братья и сёстры!

Из-за вероломного предательства Альберта Третьего на подступах к вулкану погибли наши мужья и отцы. А теперь он сдаёт Парфагон своему сыну Варнеру Эйзенбергу и его премьер-министру гермафродиту Николь Свежей Розе. Всех детей и женщин изнасилуют мутанты, а потом отрубят им головы. Несчастного пленного челоконя угрозами склоняют к утехам с самим

королём и его пассивным любовником Исааком Ньюртоном.

Долой короля! Не сдадимся в руки Джаверу! Долой гермафродитов и скотоложцев! Вернём сытую и безопасную жизнь! Долой Альберта! Да здравствует Парфагон!»

Альберт остолбенел, уставившись в невидимую точку где-то на стене, а проклятая бумажка выпала из его замерших пальцев и, раскачиваясь в воздухе, плавно приземлилась на ворсистый ковёр. Он почувствовал, что вся его столь успешная и правильная жизнь резко и безвозвратно усложнилась, будто его вернули в ранг пешек. Едва стоявший на ногах король не подозревал, что Томас сразу после праздничного ужина пошёл не к себе домой, чтобы мирно довольствоваться назначению на высокий пост, а незамедлительно отправился к лёгкому на подъём дружку, которому рассказал почти всё, что знал. Когда смуглый брюнет с болью в сердце осознал, что всё это действительно правда, приятели всего за полчаса разработали невероятно дерзкий, жутко коварный и почти гениальный план.

Сначала они тщательно обдумали каверзный текст той самой листовки, куда Ален добавил немного красочной клеветы для тех, кто засомневается в её правдивости. Затем они разбудили печатника и его сына, силой заставив их изготовить до утра столько судьбоносных листовок, сколько те смогут. Однако взбешённый ремесленник, взяв из рук авторитетного рыцаря лист с невероятным сообщением, сам лично созвал всех своих родственников. Измученные последними событиями

горожане с большим энтузиазмом к рассвету сделали оттиски нескольких тысяч экземпляров.

Пока в ударном темпе печатались листовки, Томас оперативно разыскал пару дюжин выживших на вулкане рыцарей. Он показал им ценные бумаги со свежей подписью самого Альберта Третьего, согласно которым доблестного трибуна буквально накануне назначили главнокомандующим Королевской рыцарской армией и присвоили ему высшее звание легата, что подтверждал золотой жетон на камзоле. Затем он приказал привлечь ополченцев и немедленно оцепить несколько кварталов недалеко от Южных ворот, никого не впуская и не выпуская. Неглупые воины сразу сообразили, что в центре блокированного района совершенно случайно оказался замок Альберта, однако никто не произнёс и единого слова по этому поводу.

С первыми лучами солнца напечатанные листовки раскидали во всех самых проходимых местах города, и уже к полудню вся потрясённая столица гудела, гневно обсуждая невероятные новости и подробности интимной жизни короля. В неведении оставались лишь сам Альберт с любовницей, его невинная дочь и их личная охрана, которые вместе с прислугой были надёжно изолированы в замке.

Расчёт Томаса и Алена был прост. Натерпевшись боли, страдания и унижения, парфагонцы все последние месяцы пребывали в постоянном напряжении, которое день ото дня накапливалось в их душах. Скорое нападение окрепшего и обозлённого Арогдора, знаменовавшее верную погибель, окончательно лишило их способности трезво мыслить. Получив почти

правдивые сведения, хотя и не подтверждённые никакими реальными фактами, обречённые люди уцепились за них, поскольку те давали хоть какое-то объяснение происходившему и дарили слабую надежду на выживание. Острая приправа в виде клеветы лишь окончательно уничтожила репутацию короля, на которого в мгновение ока вылились злость и разочарование, накопленные за последний год. Конечно, далеко не все поверили в глуповатые листовки, но для достижения цели новому легату нужна была только разъярённая толпа из самых горячих голов.

— В подвал! Срочно! — крикнул король Ньюртону и достал из камзола вытянутый стальной предмет. — Выдаёшь бластеры охране и ко мне в башню Элизабет! Понял?

— Бегу!

— Быстро, Исаак!

Дав указания, Альберт немедленно направился к принцессе, взяв с собой всю имеющуюся охрану, но уже в тронном зале его настигла разъярённая толпа и быстро зажала меж необъятных мраморных колонн. Однако взбешённый король вовсе не собирался сдаваться и стал храбро отстреливаться из своего диковинного оружия, поразив сознание изменщиков, а также своих ничего не понимавших воинов. Из его миниатюрного бластера с неестественным гулким звуком на короткий миг появлялся тонкий синий луч, с шипением прожигая встреченные на своём пути тела и даже прочные доспехи. Увидев сие чудо, испуганная толпа с животным криком ринулась из проклятого замка. Однако чья-то меткая рука всё же осмелилась запустить копьё прямо в

магический светильник, едва не оторвав несчастному королю пухлые пальцы.

Осознав, что заскуливший от страшной боли Альберт снова не опасен, неуправляемая толпа с удвоенной силой вновь ринулась на него. Заметавшись, он был вынужден отступить от плана и в сопровождении уцелевших рыцарей, отчаянно отбивавших короля, кинулся в тёмный подвал. Но и там его ждало незамедлительное разочарование.

— Там оцепление! — пищал ему навстречу запыхавшийся Ньюртон, по-прежнему суетившийся по всему замку в одних разорванных колготках.

— Как это?! Не может быть!

— Туда не пробиться!

— Точно?

— Меня едва не прикончили!

— Это полный провал, Исаак! Все назад! — с горечью скомандовал покрасневший Альберт. Из последних сил уворачиваясь от сотен камней, стрел и пинков, он забежал обратно в опочивальню к своей рыжей подруге:
— Закрыть дверь на засов! Отодвинуть кровать!

Хмурые стражи захлопнули толстую дверь, а затем согнали с белоснежной постели борзую девицу и отодвинули неподъёмное ложе, оголив пыльную дверцу в секретный лаз. Витиевато проходя по всему замку, он уходил глубоко под землю и выходил в ближайшем лесу за Стеной. Под дребезжание двери и ругань за ней Альберт Штейн и Исаак Ньюртон теперь могли покинуть Парфагон вместе с дюжиной верных рыцарей.

— Вот гадёныш! — вскоре раздавалось эхо в чреве тоннеля. — Что теперь будет с Элизабет? Почему ему

мало легата в его-то возрасте? Что делать, Исаак? Как нам её спасти?

В этот момент к замку на своём грациозном челоконе подъехал облачённый в сверкающие позолоченные доспехи Томас Юрг, которого радостно встретила восторженная толпа, беспрерывно скандируя его имя. Узнав от людей, что сумасбродный Альберт всё-таки сбежал, молодой легат настойчиво попросил всех расходиться по домам, пока не будет сделано важное объявление.

Успокоив горожан, зачинщик переворота приказал максимально усилить охрану Элизабет, а сам поднялся в северную башню, где его уже ждал совершенно спокойный Питер Калица:

— Присаживайтесь, — показал тот на единственное удобное кресло за столом, с трудом скрывая счастливую улыбку.

Томас опешил. Только сейчас внезапно осознав произошедшее, его разболевшаяся от напряжения и недосыпа голова неожиданно закружилась, а в глазах потемнело. Едва сдерживая дрожь в ногах, он всё же прошёл мимо учтивого канцлера и медленно-медленно, крайне осторожно и деликатно присел на королевское место, тщательно пытаясь прочувствовать и запомнить этот момент:

— Ах, этот старый чёрт... — закатил он глаза от удовольствия.

— Что-то случилось?

— Я понял, зачем он нам такие пыточные стулья поставил!

— Ясная мысль коротка…

— Как же удобно! Я бы тут поспал денёк-другой.

— Согласен: очень удобное место.

— Да? Откуда вы знаете?

— Простите, попробовал любопытства ради.

— Почему же вы тоже не сбежали, многоуважаемый канцлер?

— Даже и не собирался, — усмехнулся Калица. — Знаете, перед таким риском вам следовало посоветоваться со мной. Если бы я кое-где вовремя не выставил оцепление, вас бы уже не было на этом свете.

***

Следующим, ещё более ясным и безоблачным днём настрадавшееся население некогда идеального города собралось на его главной площади. Синие флаги с кольцами опоясывали весь периметр и ещё больше украшали все четыре башни величественного замка. Ожидая коронации нового молодого правителя, возбуждённая толпа беспрерывно скандировала его имя. Хотя далеко не все поддерживали происходящее, но абсолютно все надеялись, что новый король вернёт многострадальному Парфагону его былое могущество или хотя бы добьётся стабильности и безопасности, ведь мутанты собирались нагрянуть со дня на день.

Наконец, на обшитый синей тканью подиум поднялись все самые высокопоставленные и уважаемые лица королевства, включая задумчивого Томаса. Он только этим утром осознал ту чудовищную ответственность, которая теперь тяжёлым грузом легла на его плечи. Иногда он уже жалел о перевороте — ведь жить по чужим правилам, какими бы они ни были, оказалось гораздо проще и спокойнее, нежели на свой страх и риск

создавать эти самые правила. Рядом с ним в строгом чёрном платье и рогатом геннине сияла от счастья Мария, периодически злобно оглядываясь на башню Элизабет. Новоиспечённая первая леди королевства с добрейшей улыбкой на устах предвкушала неминуемую расправу над своей главной соперницей. Она знала, что эта худенькая девочка, должно быть, в полной растерянности наблюдает за происходящим в одно из вытянутых окошек и видит нетерпеливые взгляды в свою сторону.

— Великий народ Парфагона! — вышел вперёд круглолицый Питер Калица, отчего весь город погрузился в мёртвую тишину, — после многолетних предательств и страданий, которые обрушились на наше королевство, мы вновь обрели надежду на светлое будущее. Согласны ли вы считать своим королём главнокомандующего Королевской рыцарской армией Томаса Юрга и быть ему верными подданными до последней капли вашей крови?

Восторженная толпа оглушила город, и вверх полетели цветы, чепчики, широкополые шляпы, шапероны и даже сверкавшие на солнце стальные шлемы. Среди этих радостных возгласов можно было отчётливо расслышать недовольное гудение, свист и ругательства, однако это уже ничего не меняло. Поэтому взволнованный Томас смело подошёл к Калице, которому один из офицеров подал в руку угловатую золотую корону без каких-либо излишеств.

— Объявляю легата Томаса Юрга, героя и рыцаря, королём великого Парфагона Томасом Первым! — прокричал канцлер, осторожно надевая тяжёлую корону

на бывшего селянина и с трудом слыша себя среди бешеного рёва толпы:

— Да здравствует король!

— Да здравствует Парфагон!

— Да здравствует Томас Первый!

Молодой человек повернулся к парфагонцам и со слезами на глазах произнёс клятву:

— Я торжественно клянусь, что буду добросовестно служить великому Парфагону и в полную меру моих сил буду поддерживать, охранять и защищать всех его жителей и все подданные ему территории.

— Да здравствует король!

— Да здравствует Парфагон!

— Да здравствует Томас Первый!

После долгого и бурного приветствия покрасневший от волнения король в сопровождении лучезарной жены проследовал под аркой с барельефами в замок, где направился в величественный тронный зал. Там, среди широких мраморных колонн и огромных люстр, ожидали многочисленные слуги и длинные столы с праздничными угощениями. Всё ещё дрожавший Томас поднялся по ступенькам к трону, огромная позолоченная спинка которого имитировала бушующее пламя, и после некоторого колебания присел на его кожаное сиденье. Вопреки тщетным ожиданиям он практически не почувствовал ничего необычного, но зато в глазах окружающих окончательно перевоплотился в бога. И лишь он один понимал, что остался простым наивным мальчишкой, глупым деревенщиной, даже когда своим рыцарским задом присел на столь легендарное седалище.

Глава 10. Спасительный синий дождь

Первые дни молодого короля прошли словно в беспросветном тумане. Если раньше в его простой жизни было не так много забот, как он отныне отчётливо понимал, то теперь он должен был с раннего утра и до позднего вечера решать самые необычные проблемы, о существовании которых ранее даже не подозревал. И хотя большинство вопросов продолжал контролировать

сохранивший свой пост канцлер, самые принципиальные проблемы всё равно нужно было решать самому Томасу. Но во всём этом он пока плохо разбирался, и потому каждый шаг давался с большим трудом.

Когда ситуация стала попроще, Томас всё же решил подробнее расспросить Калицу и понять, что же реально происходило на Селеции до его коронации. Они встретились после полудня в круглой комнате Королевского совета, где молодой хозяин Парфагона, продолжая носить простой рыцарский камзол, уже без чужой подсказки занимал своё законное место.

— Питер, вы будете со мной откровенны?

— Нет смысла что-то скрывать, Ваше величество, — как всегда мягко промурлыкал Калица и вежливо улыбнулся, отчего его плоский нос с широкими ноздрями расползся едва ли не на пол лица.

— Мне показалось, или Альберт действительно уничтожал население просто так, без реальной надобности его чёртовой системы?

— Когда?

— Ну, последний год точно.

— Всё непросто, Ваше величество…

— То есть это правда? — встрепенулся Томас. — Они с ума посходили? Абсурд!

— Понимаете...

— Неужели и тут есть какое-то объяснение?

— Это сложная тема.

— Нет никакого оправдания! Это невозможно.

— Согласен. Но всё гораздо сложнее.

— Ну?

— Ваше величество, этот разговор пока может зайти только в тупик. Какой смысл сейчас говорить о том, что было в прошлом, если нас не будет в будущем?

— Ох уж эти вечные загадки!

— Вы теперь король. Остальное пока не важно.

— Зачем же мы с вами тут встретились?

— Элизабет.

— Понятия не имею, что с ней делать.

— Я знаю.

— И что же? — неприятно удивился Томас, понимая, что не улавливает логики хитрого канцлера, а потому не всё знает в своём же королевстве.

— Нужно усилить охрану и обеспечить её выживание в любой ситуации.

— Боитесь Марии?

Новоиспечённый король прыснул от своей шутки, однако на окаменевшем лице канцлера не возникло ни единой усмешки. Более того, оно стало ещё серьёзнее, а во всегда вежливом голосе появились редкие для него нотки строгости:

— Вы пока не понимаете, но Элизабет — это самое ценное, что у нас есть.

— Что за бредни?

— Как только мы отобьёмся от Арогдора, я обещаю всё рассказать. Но сейчас вы просто должны понимать, что Элизабет является смыслом нашей жизни и она всегда в опасности.

— Дочь свергнутого Альберта является смыслом моей жизни? Это уже ни в какие рамки не входит, — вздохнул Томас. — Чем вы тут вообще занимаетесь?

Неожиданно раздался знакомый писк. Вспомнив, где слышал его раньше, король вскочил с кресла и почувствовал, как поднялись волосы на его теле.

— Всё хорошо, Ваше величество! — улыбнулся Калица. — Это просто Связь.

— И?!

— Похоже, Альберт добрался до вулкана и хочет нас поприветствовать.

— Он в Арогдоре, а мы здесь?

— Да.

— Как он поприветствует нас? Я не хочу.

— Понимаю ваш страх, но нужно привыкать.

— Зачем мне привыкать к этой дряни?

— Она вам ещё пригодится.

Писк упрямо продолжался и всё больше нагнетал страх на Томаса, отчего тот стал метаться по помещению, пытаясь за что-нибудь спрятаться.

— Вот! — Калица достал из неподатливого ящика в столе прозрачный шар синего цвета, внутри которого мерцали красным светом и вращались непонятные зеленоватые механизмы. — Прислоняете сюда палец и...

Вместе с едва различимым свистом на всю ширину комнаты образовался яркий экран из атриума Эйзенберга. С него смотрел озадаченный Альберт с перебинтованной правой рукой, а за его спиной столпились Эйзенберг, Ньюртон, Джавер и полуголая Свежая Роза, хрупкое тельце которой прикрывали лишь редкие алые тряпочки на верёвочках. Лицезрев эту картину, ошарашенный Томас спрятался за своим креслом, хотя на сей раз ему было уже не так страшно.

— Представьте, что это такое зеркало, — шептал учтивый Калица, спасая от позора нового короля, — но вместо отражения видно не себя, а...

— Альберта? — бросил ему в ответ Томас.

— Хм... Ну, сейчас да.

— Содержательная у вас там беседа, — прервал их сам беглец. — А ты, Питер, смотрю, с ним заодно? Удивил! Всегда считал тебя другом…

— Что вам надо?! — выкрикнул Томас Первый, выглядывая из-за спинки.

— Мне? Ты спрашиваешь, что мне надо? Ты даже себе представить не можешь, какую катастрофу учинил!

— Я просто остановил весь этот кошмар.

— Ты вообще не понимаешь, о чём говоришь!

— Уберите это окно, Питер!

— Конечно, — Калица вновь подошёл к синему шару.

— Стой! Томас, я действительно не мог тебе сразу всего рассказать. Я просто не имел право это сделать, — всё сильнее наливался краской Альберт. — Но после того, что ты натворил, у тебя уже нет пути назад. Такое я не прощу!

— Уберите же это! — ещё жёстче приказал Томас.

— Ты ещё ни разу не видел войны. Скоро ты поймёшь, что такое настоящая боль. Тебе конец! И только притронься пальцем к...

Раздался звонкий щелчок, и в круглой комнате потемнело до дневного света. Магический экран исчез, и дрожащие волосы на напряжённом теле молодого рыцаря постепенно улеглись на место.

***

Время шло быстро, и уже через две недели после коронации Томас вернул вкус к жизни и ощущал себя как дома в своём замке, превосходившем его личные потребности в сотни раз. Они с Марией решили, что не будут пользоваться опочивальней её отца, пока там полностью не поменяют мебель и обустройство. На это время они поселились в одной из лучших гостевых секций, которая всё равно оказалась непривычно большой в сравнении с их ободранным домиком.

Новоиспечённая королева полностью преобразилась за такой короткий промежуток времени и наконец перестала одеваться в простые платья в цветочек, отдавая предпочтение каждый раз новым нарядам самых лучших фасонов и покроев. Совершенно неожиданно она вдруг из чахоточной заключённой стремительно преобразилась во всемогущую первую леди Парфагона. Считая такой взлёт справедливой наградой за всё, что она пережила с Томасом, деятельная Мария с первого дня чувствовала себя полноправной хозяйкой всей столицы. Она без спросу вмешивалась во все возможные вопросы, вне зависимости от того, насколько хорошо в них разбиралась, но почему-то никак не могла столкнуться интересами с самим Томасом или Калицей. Ей долгое время казалось, что они только создают видимость работы, в отличие от неё, следившей за цветочным оформлением парков и планирующей самый грандиозный Королевский бал в истории Селеции.

Как и следовало ожидать, новые времена приводили в восторг Алена Оспэ. За помощь в свержении старой власти ему всё же пожаловали серебряный жетон трибуна, а на правах лучшего друга короля он получил

доступ почти ко всему замку, где жил в полное удовольствие. Причём ночевал он в пустовавшей опочивальне Альберта Штейна, нисколько не брезгуя личными вещами её бывшего хозяина и всячески препятствую началу ремонта. Там же в замке, в ухоженной королевской конюшне было огорожено сверкавшее чистотой стойло для довольного Билла, которому за уникальные заслуги разрешили сохранить арогдорскую мутацию. После тех провокационных листовок он окончательно стал знаменитостью. Это придавало ему уверенности в том, что на колбасу его уже никогда не отправят, хотя благодарить за это всех подряд он ещё не разучился.

Однако залитая весенним солнцем столица, находясь в праздничной эйфории от недавних событий, вскоре была неприятно удивлена отчаянными действиями нового короля. Решительный Томас, понимая, что не в состоянии защитить растянутые границы, принял тяжкое решение временно эвакуировать всех жителей подконтрольных территорий внутрь Стены. Многие века образованные парфагонцы и простые селяне жили своими собственными мирами и интересами, кардинально отличаясь как умом, так и внешним видом. Теперь же они должны были неведомым образом уживаться под одной крышей.

Этот непростой шаг оказалось настоящим потрясением для селян. Решение оставить фермы в самый разгар весны выглядело тяжелейшим ударом по измученным округам и всей пошатнувшейся экономике королевства. Многие не одобрили действия Томаса Первого, но он был непреклонен, спасая жизни тех самых людей, которые

его теперь же и проклинали. Ему нужен был результат, и он не волновался о том, что́ о нём могли подумать. Уж он-то теперь отлично знал, как можно ничего не понимать, даже находясь на самом верху власти.

В итоге в некогда всеми желанную столицу, ворота которой впервые смело открылись для всех без исключения, хлынули сотни перегруженных повозок. Отныне тысячам деревенщин пришлось делить жильё с изнеженными парфагонцами, почти не имевшими никаких забот всего год назад. Среди прибывших оказалась и пожилая чета Ланков, которым нашлась роскошная гостевая комната прямо в замке самого короля.

Оказавшись под огнём критики, Томас и Калица успокаивали народ обещаниями, что этот хаос продлится совсем недолго, хотя сами только надеялись на это и ничего не могли знать достоверно. Так или иначе, население столицы в считанные дни увеличилось более чем в два раза, а запаса продуктов должно было хватить лишь на пару месяцев.

Всех прибывших взрослых мужчин сразу же привлекали в ополчение, где обучали необходимым при осаде профессиям и военным навыкам. Самых крепких и ловких из них обучали стрельбе из арбалета, а также работе с холодным оружием и метательными машинами Города заката. Остальные должны были латать Стену и помогать несчастному городу не сгореть от зажигательных стрел.

Хотя в Парфагоне находилось не больше четверти тысячи доблестных рыцарей, даже когда снова были отозваны составы всех внешних гарнизонов, король и

канцлер не без причин считали, что у них был реальный шанс не только выстоять новую осаду, но и одолеть врага. А ведь со стороны Арогдора ожидалось около полутора тысяч четырёхруких монстров и не меньше двадцати тысяч неплохо обученных ополченцев!

Дело в том, что однажды вечером Калица привёл молодого короля в один из мало кому известных подземных коридоров замка, что тянулся параллельно складу с продовольствием. Там, в самой глубине и в свете всего одной масляной лампы на стене, виднелась ничем не примечательная, немного проржавевшая дверь. У неё дежурил конвой из дюжины крупных рыцарей, которые громко чавкали, набивая животы на длинной деревянной лавке вдоль стены.

— Разве лучшие стражи не с Элизабет? — удивился Томас.

— Это взаимосвязано, Ваше величество, — загадочно ответил канцлер.

Завидев высоких гостей, вечно голодные воины тут же побросали курятину и варёные яйца на грязный пол и, звонко бренча доспехами, выстроились в шеренгу у блестевшей от влаги стены. Дожёвывая застрявшие в зубах жилы и перья зелёного лука, они в спешке вытерли жирные руки о штаны, а затем дружно поприветствовали главнокомандующего:

— Да здравствует король!

— Да здравствует Парфагон! — ответили им гости и их охрана из четырёх рыцарей.

— Да здравствует Томас Первый!

Перебирая в руках огромную связку ключей всех форм и размеров, Калица не без труда открыл многочисленные

замки и толстые засовы, а затем распахнул тяжело скрипнувшую дверь. Компания вошла в чистую и сухую комнатку с вытянутыми темно-зелёными ящиками, лежавшими друг на друге, и расставленными вдоль стен казначейскими мешками с монетами.

Озарив помещение подпалёнными по углам факелами, канцлер сделал гордый вид, отчего широкие ноздри его плоского носа раздулись, словно капюшон кобры:

— Вот, Ваше величество!

— И об это ты столько рассказывал? Как это нам поможет?

— Минуту.

Томас с надеждой ожидал увидеть похожие на онагры установки, поэтому ему оставалось лишь расстроиться: ведь в эти ящики не поместился бы даже обычный арбалет. Какую силу они могут нести? Калица же, почти пританцовывая от радостного предвкушения, открыл один из ящиков и с прищуром посмотрел на короля.

Внутри в застывшей чёрной пене блестел предмет, по размерам похожий на большой топор, но на нём то тут, то там виднелись непонятные выпуклости, разноцветные стекляшки, крючки и тончайшие углубления. Что-то похожее Томас уже видел в руках Альберта, только тогда этот непонятный предмет был гораздо меньше.

— Бластер? Так?

— Он самый!

— Опять Город заката? — заволновался Томас, почувствовав холодок по коже. — Да?

— Напридумывают же!

— А где тот самый луч? Я ничего не вижу.

Сияющий Калица аккуратно взял орудие двумя руками и с важностью вышел в длинный коридор:

— Видите крысу? — кивнул он в дальний угол, а затем приставил один конец металлического бластера к голове и стал присматриваться в маленькое окошечко в нём.

— Кстати, откуда их столько развело...

Внезапный и неестественный гулкий звук, сопровождаемый ярко-синей вспышкой, заставил воинов в панике рухнуть на пол и броситься в комнату с ящиками, как это сделал Томас:

— Питер, что это было?!

— Ваше величество, идите сюда.

— Ничего пока не делай с этим блястером!

— Бластером.

— Как угодно!

— Хорошо, идите сюда.

Переглянувшись с рыцарями, спрятавшимися с мечами наготове, побледневший молодой человек всё же осторожно вернулся в коридор и подошёл к восторженному Калице, который показывал пальцем в сторону пробегавшей крысы:

— Гляньте, Ваше величество!

— Там же ничего нет.

— Подойдите ближе.

Поражённый очередным невообразимым явлением, Томас в сопровождении дрожавшей охраны прошёл к началу холодного коридора. Однако вместо несчастной крысы он увидел лишь остаток её головы и дымящиеся угольки.

— Пахнет палёной шкурой? — крикнул канцлер.

— И жареным. Что произошло?

— Пусть кто-то оставит там шлем, и возвращайтесь обратно.

Послушав Калицу, воины выполнили его чудаковатую просьбу и вернулись обратно, после чего канцлер снова поднёс прицел бластера к глазу:

— Внимательно смотрите на шлем...

— Ух ты! — всё же дёрнулся Томас, услышав немного протяжный звук. — Что же это за магия такая, куда ни глянь!

На этот раз он успел обратить внимание, как из тонкого ствола секретного оружия на мгновение появился луч синего света, который точно осветил внезапно покрасневший и тут же треснувший шлем. Подбежав к последствиям второго выстрела, новоиспечённый король обомлел: в стальной боковине шлема виднелась идеально круглая дыра, словно её проплавили некой чудовищно раскалённой сливой.

— Сколько у нас этих блястеров?

— Бластеров, Ваше величество. Двенадцать штук.

— Почему Альберт никогда ими не пользовался? — озадачился Томас, возвращаясь к складу. Теперь он осознал, какую невероятную выгоду из всего этого можно извлечь. Чтобы это понять, достаточно было взглянуть на раскрытые рты и изумлённые глаза рыцарей, которые ещё пару минут назад казались несокрушимой силой.

— Они нужны только на критический случай. Их нельзя вот так просто использовать.

— Почему я — король, но всё равно ничего не понимаю?

— Пока дело не в этом. Вам нужно научиться пользоваться самым небольшим из них. Он всегда должен быть при вас.

Всё ещё изумлённый Томас зашёл в комнату и стал нежно поглаживать зелёные ящики, рассматривая их загоревшимися глазами:

— Теперь у нас есть реальный шанс, Питер!

— А вы думали, зачем я вас сюда привёл?

— Сколько рыцарей стоит один стрелок с этой хреновиной?

— Дюжину, полсотни, а может, и больше.

— Это невероятно! В этом точно нет магии?

— Что вы!

— Как же они это разработали?

— Уже не с кого спросить…

— Минуту. А не из-за этих ли орудий мутанты бились с лучниками как раз тут за углом? — осенило Томаса. — Я-то думал, что это произошло из-за Элизабет!

— Охрана здесь должна быть усиленной, как вы понимаете.

На следующий же день был объявлен турнир на выявление самого меткого стрелка из арбалета, в котором мог участвовать любой желающий. Он прошёл прямо на площади у замка и при большом скоплении народа, где выявили тридцать лучших мастеров, большинство из которых оказались пришлыми охотниками. Уже со следующего дня их начали обучать стрельбе из пугающего оружия прямо на широком поле у Северных ворот, которое превратили в полигон для всех видов орудий и посильной подготовки ополчения. Множество зевак с восторгом наблюдали, как их молодой король, его

верные рыцари и тщедушные на их фоне охотники по очереди пускают смертоносные лучи по различным целям, превращая их в пепел или прожигая насквозь. Задача состояла в том, чтобы с запасом обучить стрельбе из бластера самых способных людей, которые смогут во время скорой осады остудить пыл противника. Также эти эффектные представления на полигоне должны были приучить население к самому факту наличия столь странного оружия, один лишь вид которого должен был заставить пуститься в бега слабоумных мутантов.

Впервые после трусливого побега Альберта усталый народ почувствовал, что безвыходная ситуация действительно может выправиться. Мало того — к этому моменту слух о том, что Альберт Штейн уже прячется в замке маниакального Эйзенберга, плотно распространился в обозлённых предательством домах Парфагона. Поэтому даже горячие противники переворота стали всё чаще переходить на сторону молодого короля и полностью поддерживали его во всех начинаниях.

***

После очередного обнадёживающего дня приближённые Томаса Первого в отличном расположении духа собрались за обильным ужином, который стал своеобразной вечерней традицией. Рядом с королём смачно причмокивали и громко стучали ножами Питер Калица, Ален Оспэ, Макс Ланк, комендант яртинского гарнизона Карл Линн, а также ряд других офицеров. В дальнем конце уставленного канделябрами стола сверкала грозным взглядом королева Мария в строгом чёрном наряде. Там же ютились её несчастные

подруги, жена кузнеца, невесты рыцарей и другие дамы из свиты королевы. Все они с аппетитом уминали угощения и обсуждали события последних дней.

— Они сразу разбегутся, — доказывал всем Ален, с трудом находя время на еду. — Да я сам чуть не сбежал от этих блястеров!

— В сортир? — рассмешил всех седой Макс.

— Это же хорошо! Настолько страшно, что и в сортир не стыдно сбежать.

— Как это может быть хорошо? — нарочито серьёзно удивился Томас. — Я бы в сортир ещё не скоро после тебя зашёл. Знаю тебя! Помню, идём мы лесом лысыми агентами на Арогдор...

— Ваше величество!

— В общем, до вулкана ещё день пути, а он наелся каких-то ягод... Я сразу говорил, что это плохая идея.

— Ваше величество, — покраснел Ален, всё ещё наивно надеясь спасти ситуацию. — Прошу тебя, Томас!

— В общем, не буду портить аппетит, но я долго сопротивлялся, не желая возвращаться этим же ущельем, — ещё больше рассмешил всех Томас, обычно скудный до шуток, но в последние дни изрядно повеселевший.

— Сучёнышу Альберту определённо не понравится, узнай он, кто в его опочивальне ошивается! — вмешался в разговор Линн, лысина которого задорно сверкала в пламени многочисленных свечей.

— Теперь мы знаем, зачем он хочет отбить Парфагон. За сортир переживает, — окончательно загубил авторитет трибуна пожилой кузнец, что тут же радостно подхватили остальные офицеры:

— Может, нам теперь столицу по доброй воле отдать?

— Лучше отстоять! Альберт староват для таких потрясений.

— Ладно, на трон нового короля посадили, но Алена на любимый горшок! — сокрушался Линн.

— Может, Ален — мутант?

— У них четыре руки, а у него две ж...?

— Вы что! У нас в Парфагоне такие извращённые мутации строго запрещены. Это вам не Арогдор какой-нибудь!

— Но проверку проводить мы не будем.

— Да я сейчас сам покажу! — разгорячённый Ален вскочил на зелёную обивку стула и повернулся задом, будто и вправду собираясь стянуть штаны. Подобным забавам он научился ещё во время службы в самой строгой Башне совершенства.

— Нет! Спасите! — закричали в панике сидящие рядом товарищи. — Помогите!

— Так, Томас! Мужчины, успокойтесь, — потеряв терпение, Мария пыталась спасти ситуацию, стыдясь за высшее общество перед своими умиравшими от смеха гостьями. — Тут же дамы!

— Прости, дорогая... Кстати, Ален, а откуда ты знаешь, что Свежая Роза — гермафродит?

— Мать вашу! — встал Линн из-за стола. — Да объясните мне кто-нибудь, что это вообще такое!

— И я не в курсе!

— Дайте слово Алену, ребята!

— Так! — рявкнула строгая королева, подскочив на стуле и тряся серебряной ложкой. — Мы сегодня весь день трудились, столько важных дел сделали, а вы тут пошлятину какую-то устроили! Вам не стыдно, а?

Пока все пытались сделать серьёзный вид и остановить приступ смеха, в том числе не привыкший к такой простоте Калица, в помещение торопливо вошёл вытянутый адъютант главнокомандующего. Он что-то шепнул на ухо Томасу и передал запечатанный свёрток. Удивлённый молодой король, стараясь не выдавать волнения, дрожащими руками сломал печать и молча прочитал:

«Королю Парфагона Томасу Первому.

Мои поздравления, Ваше величество! Мне искренне хочется верить, что Вы сохраните свою жизнь и останетесь на троне. Вероятно, Вы ещё не знаете, но единственный способ прекратить войну и бессмысленное истребление людей заключается в устранении Элизабет. Убейте её — и спасёте Парфагон, а также тысячи других невинных жизней всей Селеции. Жизнь одного человека не может стоить так дорого. Надеюсь на Ваши скорые действия.

Вальтер Мейсер.
P.S. Это первое и последнее предупреждение».

Побледневший Томас, не в силах больше терпеть эти странности, не говоря ни слова, встал из-за стола и стремительно покинул обеденный зал. Вместе с личной охраной он сразу поднялся на вершину восточной башни к запертой Элизабет, чья тайна с каждым днём становилась всё глубже и запутаннее.

Усиленная стража бывшей принцессы разошлась, и молодой король распахнул железную дверь в прихожую. Затем он мгновенно взлетел по винтовой лестнице и оказался почти в центре бежевой комнаты. Вздрогнув от неожиданности, Элизабет проснулась и стала пытаться разглядеть нежданного гостя, который едва освещался болтавшимся в руке светильником. До этого она мирно дремала в своём зелёном платье на ковре под северными окнами, исхудавшими руками обхватив костлявые колени, будто чего-то боясь.

Увидев её, разъярённый Томас подошёл поближе и поднял за шелковистые волосы, пристально глядя в сонные глаза. Она негромко вскрикнула, и он увидел, как утончённый ротик искривился и из бездонных очей дружно покатились круглые слёзы. Она шмыгнула маленьким носиком и хотела было обнять своего мучителя, но он отодвинул её дрожавшее тело, продолжая крепко держать за волосы и тем самым всё сильнее опрокидывая её голову назад. От страха Элизабет перестала плакать, а её широко раскрытые глаза пристально вонзились в нового короля Парфагона, возвышавшегося над ней, словно скала. Она безуспешно пыталась освободиться, но многократная разница в силе не давала ей шансов. Затем Томас, выронив светильник, сжал её оголившуюся шею второй рукой и начал душить, отчего несчастная девушка замычала и захрипела.

Вдруг, будто дикий зверь, Томас заорал на всю башню и со злобой выпустил едва живую девушку из напряжённых рук. Полностью опустошённый, он свалился рядом с ней на пол и опёрся спиной о стену. В этот же момент в комнату ворвался запыхавшийся

Калица, чьи вздутые ноздри выглядели непривычно агрессивно:

— Всё хорошо?

— Да, — тихо подтвердила Элизабет.

— Точно?

Неуверенно помявшись на месте и подозрительным взглядом оглядев молодых людей, напряжённый канцлер всё же медленно спустился к выходу. Как только парочка вновь осталась наедине, оживший Томас снова схватил девушку за волосы:

— Что?! Что в тебе такого?

— Я не понимаю...

— Что им всем от тебя надо?

— Честно, я не знаю, — беспомощно шептала Элизабет.

— Этого не может быть!

— Я ничего не знаю...

Из её удивительных глаз снова покатились сверкающие бриллианты слёз. Казалось, Томас даже слышал, как они падали на мягкие ворсинки ковра.

— Из-за тебя они всех убивают?

— Я не знаю, о чём ты. Правда! Где мой отец?

— В Арогдоре, с твоим братом.

— А что ты сделаешь со мной?

— Не тебе решать… Ты меня использовала?

— Он попросил.

— Так это правда?!

— Прости меня, пожалуйста!

— Тварь!

— Умоляю...

Элизабет ещё сильнее зарыдала, но он тут же грубо швырнул её на пол и спустился из комнаты, громко хлопнув дверью снизу. Ещё через полчаса она услышала беспокойный шум и оживлённые разговоры в своей башне. Она и не подозревала, что её и без того внушительную охрану усилили вдвое. По большому счёту, почти вся охрана замка прямо или косвенно стала отвечать за безопасность бывшей принцессы.

На самом деле, как ни злорадствовала Мария, Элизабет не сильно страдала от заточения. Кроме смутных воспоминаний раннего детства, всю свою сознательную жизнь она и так находилась в сплошной изоляции. Будучи самым ценным сокровищем хозяина Селеции, она росла самым бесправным человеком среди всех его подданных. С каждым годом её всё больше оберегали и старательно прятали от посторонних глаз, и постепенно восточная башня стала её единственным миром. Как итог, она почти не сталкивалась с настоящей жизнью, не имела понятия, как устроен мир и что от него хотят обычные люди.

Всё её скупое представление о жизни за пределами проклятого замка было почерпано из многочисленных книг, которые были единственным окном в действительность, пусть и искажённую. Только герои этих романов были её настоящими и верными друзьями, будто реальными людьми, о ком она могла думать круглые сутки напролёт. В своём юном возрасте она была единственным человеком на всей Селеции, кто прочитал абсолютно все книги — художественные и даже сугубо технические, например по строительству и выплавке металлов. Самые же интересные романы, где речь шла о

храбрых героях, сумасбродных королевах и блистательных балах, она перечитывала помногу раз из года в год, ибо новые издания выходили в свет крайне редко.

Таким образом, принцесса жила сразу в трёх реальностях: надёжно запертая в ненавистной башне, в сюжетах книг и в волшебной фазе. И только лишь сломав стабильность пространства на грани сна, она могла стремглав вылетать за пределы каменных стен и, словно молодая ласточка, порхать над морскими волнами, шумящей сочной листвой леса и обрывистыми склонами гор. Она бродила в фазе по такому неизвестному ей Парфагону, бедным окрестным селениям, купалась в холодных озёрах и даже была на вершине мерзкого вулкана. Если жители столицы использовали фазу только для изменения внешнего вида и возраста, а также для бессмысленного развлечения, то для Элизабет это была единственная возможность глотнуть свободы, сбежав из круглой комнаты.

Сердобольный Альберт, хорошо понимая, что лишал свою жемчужину всех возможных радостей жизни, пытался компенсировать её страдания избыточной любовью и совершенно лишним потаканием. Посадив её в золотую клетку над таким ярким и живым Парфагоном, словно дорогую певчую птичку в гостиной, он при каждой возможности изливал на неё свои чрезмерные чувства. Но не выпускал. Кормил, одевал, боготворил, уступал во всех мелочах, но никуда никогда не выпускал и даже не мог об этом подумать. Не удивительно, что заблудившаяся в своих фантазиях Элизабет вообще не могла понять смысла никчёмной

жизни и с каждым днём всё больше ненавидела и одновременно любила родного отца. Ненавидела за каждодневные страдания и бесконечное заточение. Любила как единственного, кого могла любить, ведь у неё никого больше не было. После всех этих загадочных покушений даже проверенной годами прислуге было строго-настрого запрещено приближаться к ней и о чём-либо разговаривать.

Она часто представляла в своём развитом воображении умершую при родах мать, которая могла хоть как-то за неё заступиться и скрасить скучную жизнь. Однако девушка мало что о ней знала, ведь отец практически ничего не рассказывал: ни о том, какая она была; ни о том, что её интересовало; ни о том, как и где они познакомились. По необъяснимой причине Альберт всегда крайне неохотно реагировал на любое упоминание об этой печальной истории и всегда уходил от таких разговоров.

Даже если к Элизабет вдруг допускали каких-то избранных людей или она с ними должна была сталкиваться на самых важных мероприятиях, на неё всё равно никто не смотрел как на нормального человека. Как и умиравший от любви отец, все её боготворили, считая за невероятное счастье просто лицезреть её божественный лик. Они не могли с ней адекватно общаться, а сама она, выросшая в придуманном книжном мире, также не имела практики в этом вопросе, чтобы самой на что-то повлиять. Правда, она и не хотела никакого общения с этими пресмыкающимися людишками. А она так хотела нормального отношения и простого человеческого разговора на какую-нибудь

интересную или простую, да хоть бессмысленную тему! Как в книжках. Вместо этого перед ней все падали на колени, теряя дар речи, а она даже не понимала, почему они это делают и чем, собственно, она всё это заслужила. В итоге девушка постепенно теряла веру в реальный мир и его людей.

Подрастая, она начала понимать, что и с её странным отцом не всё в порядке. И дело было вовсе не в его бессмысленной и чрезмерной опеке. То тут, то там случайно собирая разрозненные данные по крупицам, она достаточно рано осознала, что все эти бесконечные проблемы злополучного Парфагона являлись делом рук самого короля. Оказалось, что её якобы давным-давно погибший брат был предводителем Арогдора. Вместе с отцом они согласовывали, куда и насколько сильно вторгаться кровожадным мутантам и сколько при этом можно уничтожить ни в чём не повинных мирных жителей. Ко всему прочему она каждый день видела, насколько пренебрежительно её родственники относились к обычным людям, по сути, обесценивая жизнь каждого из них. Всё это чудовищное зрелище настолько отличалось от созданного в её голове идеалистичного мира, что она окончательно теряла связь с реальностью. И поскольку других примеров Элизабет не видела, жизни настоящих людей для неё тоже перестали иметь хоть какое-нибудь значение. Все видели в ней неприкасаемое божество, а она, как и полагается настоящей богине, стала видела в них лишь тлен и пустоту.

И вдруг всё это изменилось. Понимая, что в его окружение стремительно врывается новый игрок,

озаботившийся Альберт упросил свою дочь немного сблизиться с Томасом Юргом. Он хотел узнать, что́ тот хочет от жизни, какие у него есть слабые места, чтобы в будущем хорошо с ним сработаться. Более того, он не без оснований надеялся, что этот уникальный и упрямый юнец будет более лоялен, когда божество в виде снизошедшей Элизабет поможет ему закрыть глаза на жестокие правила жизни королевства. Одновременно Альберт планировал хотя бы просто развеять измученную заточением дочь, которая постепенно сходила с ума.

Конечно, она с огромной радостью согласилась на эту авантюру, ведь в своих драгоценных книжках уже давно почерпнула все необходимые знания. Поэтому коварная игра с наивным рыцарем стала самым запоминающимся и весёлым приключением в её скучной жизни. Томас для неё был лишь живым инструментом развлечения, словно безымянная пешка для бесчувственного отца. Этот, безусловно, успешный и храбрый воин всё равно оказался пустым звуком, как и все те, кто пресмыкался перед ней. Мало того — она каждый раз всем сердцем его ненавидела, когда в очередном припадке душевных мук вспоминала эти дурацкие покушения. Если бы её убили, то ничего бы не изменилось в этом мире. В нём лишь стало бы меньше на одного страдальца, измученного бессмысленным существованием. Но этот деревенщина всё испортил!

А потом прогремел Королевский бал, где с самого начала её главной целью была жена рыцаря, к которой Элизабет ничего личного не испытывала и которую даже немного жалела. Потом был весёлый ужин, когда она

заставила Томаса присесть рядом и как бы невзначай давила на его придуманные идеалы, которых, как она знала, в мире точно нет. В нём, по мнению Элизабет, нет вообще ничего, кроме выдуманных никчёмными людьми бесполезных вещей и забот. Настоящие преданные чувства, глубокое понимание и искреннее внимание были только в её шелестящих романах. Да и там их кто-то придумал. А может быть, таких глупостей вообще не было в нашем иллюзорном мире с самого его начала?

Но нет! Всё это существовало! Продолжая играться с Томасом, она всё чаще ловила себя на мысли, что делала это не столько ради развлечения или необходимости, сколько ради того, чтобы провести время именно с ним. Она уже сама хотела каждый день видеть этого чудаковатого офицера. Мало того — он один из немногих в этом поблёкшем мире, кто тоже читал книги и жил теми же возвышенными идеалами, которые были у неё. С той лишь разницей, что для неё эти идеалы существовали только в воображении, а для него — в реальности, что её искренне поражало. Ей не только было интересно обсуждать с ним содержание того или иного романа, но и впервые в своей жизни она чувствовала в другом человеке настоящую родственную душу. Никогда ранее её никто так не понимал. Никогда ранее она никому не могла рассказать те философские мысли, пусть иногда и совсем глупые, которые будоражили её фантазию бессонными ночами. А вот другие темы ей было обсуждать сложнее — ведь откуда ей знать обыденную реальность и её действительно насущные заботы?

Буквально в считанные дни ситуация начала развиваться настолько стремительно, что Элизабет пришлось с силой гнать из своего сердца внезапно возникшие совершенно безумные мечты. Но иной раз она всё же не могла устоять и со сладострастным наслаждением полностью им отдавалась. В её буйном воображении он крепко прижимал её к себе за талию и нежно целовал в дрожащие губы. Затем посреди лунной ночи они на белом коне сбега́ли из проклятого замка и ненавистного Парфагона, наплевав на все заботы и условности этого мира. Точь-в-точь как в любимых книжках! В её фантазиях они счастливо жили где-то в живописных горах у лучезарного моря в их безупречном мире, где ты понимаешь — и тебя хотят понять, где ты любишь — и тебя обожают, где ты воспринимаешь человека, каков он есть, — и от тебя не требуют того, чего в тебе нет.

Но все эти мечты длились очень недолго. Однажды утром принцесса проснулась от истошных выкриков с улицы, а потом услышала жуткий шум в замке, но ей никто ничего не сообщал и не объяснял. Лишь на следующий день она всё поняла, наблюдая за коронацией своего наивного рыцаря. А дальше Элизабет смиренно ждала своей незавидной участи, потеряв счёт дням, пока к ней не ворвался обезумевший Томас. Как она и ожидала, он догадался, что с ним просто играли и использовали в грязных целях. Что́ теперь он предпримет? Может быть, её казнят, наконец? А что будет с её отцом и братом? Будут ли они её спасать, и хочет ли она этого?

Так или иначе, она отчётливо осознавала, что у неё не будет шанса объяснить свои чувства Томасу. А если даже и будет, тот никогда не поверит, что она вдруг возымела реальный интерес к нему, — слишком уж это неправдоподобно в её безвыходном положении.

Обречённо размышляя о безрадостном будущем, Элизабет не заметила, как снова уснула прямо в том месте, где бросил её обозлённый Томас. То ли сходя с ума, то ли от невыносимой тоски она всё чаще и чаще стала засыпать где угодно, но только не на большой и удобной кровати. Ей было интереснее уснуть на диване, на кресле, под окнами, под столом и вообще везде, где можно лежать. Для неё это стало посильным развлечением, способом пережить новые эмоции — ведь в реальной жизни с ней ничего не происходило.

Беспробудно проспав всю ночь, она вдруг поняла, что проснулась. В этот же момент, не двигая хрупким телом и не открывая глаз, Элизабет представила себя в той синей рыбацкой лодке, которую часто видела из окна на реке Тихой. Она попыталась внимательно почувствовать, что просто сидит в ней и разглядывает её. Сразу же, буквально через несколько мгновений она вдруг поняла, что все её ощущения уже находятся в этой деревянной лодке, а своё реальное тело в восточной башне она перестала чувствовать. Это означало, что пространство сломалось и пленница замка вновь оказалась на свободе!

Ощупав и рассмотрев свои невероятно чёткие руки, белое платьице в розовый цветочек, деревянное дно лодки и вёсла, радостная Элизабет вскочила и во весь девичий голос завизжала от восторга. Попрыгав на одном месте, она вдруг всем телом навалилась на левый борт

лодки и смело перевернула её. Оказавшись в кристально чистой и обжигающе холодной воде, она сразу поплыла к каменистому дну, распугивая редких рыб и визжа от необузданных эмоций, отчего воздушные пузыри громко бурлили в ушах. Стремительно проплыв по дну между камней и водорослей, она, словно дельфин, выпрыгнула из воды на залитый солнцем берег и быстро побежала, пока вскоре не взмыла вверх.

Она всё мчалась и мчалась в бесконечную высь, пока не оказалась так высоко, что вся прекрасная Селеция была видна у её ног. Снова завизжав от волнительного страха, она кинулась головой вниз в сторону идеально круглого озера, чтобы больно удариться о гладь и в кромешной тьме добраться до илистого дна, а потом снова всплыть и взлететь как можно выше. А затем — повторять так снова и снова, пока всемогущая фаза не закончится и вернувшее свою силу пространство не зажмёт её в стенах проклятой башни.

***

В этот же день на другой стороне Селеции генерала Айвора Джавера провожала в очередной боевой поход его молодая жена Кейт, каштановые волосы которой развевались на пронизывавшем ветру у дверного проёма их особняка.

— Никуда не выходишь, пока я не вернусь, женщина.

— Поняла, Айвор. Хватит повторять.

— Если тебя кто-то узнает, то нам конец.

— Я никуда не выйду из особняка, пока ты не вернёшься. Обещаю!

— Вдумайся, кто теперь король Парфагона, а кто в замке в ста футах от нашего дома. Невероятно!

— Хи-хи, вот такая я! — улыбнулась Кейт, но потом снова стала грустной, вспомнив, что любимый муж идёт воевать с её родным братом.

— Не переживай особо тут.

— Это какой-то кошмарный сон, Айвор! — вдруг зарыдала она. — Ты же всегда знаешь, что делать. Придумай что-нибудь! Вы же их там поубиваете всех.

— Ситуация сложная. Мы впервые ничего не контролируем.

— Как это?

— Не важно, но я сделаю всё, чтобы вернуться. И я вернусь. С Томасом тоже что-то решим…

— Обещаешь?

Обняв и горячо поцеловав молодую жену, полководец забрался на подоспевшего челоконя и вместе с охраной отправился к штабному подразделению, которое ждало его за гниющими Вратами свободы. При этом свой особняк он оставил под круглосуточным оцеплением самых лучших мутантов.

Опустошая город, вскоре через ущелье Восьмой реки в сторону бухты с флотом ушла почти полутысячная армия, чтобы повторно атаковать с моря безмятежный Новый Альберт и оттуда выдвинуться к южным подступам Парфагона. В это же время по протоптанным ущельям Третьей, Четвёртой, Пятой и Шестой рек начали спуск по триста четырёхруких монстров в сопровождении хмурых рек из тысяч ополченцев. С собой они волокли осадные орудия, захваченные в поверженном Городе заката. Всё это сопровождали бесчисленные ресурсные обозы, которые как никогда

планировалось загрузить доверху награбленными богатствами.

Джаверу многократно докладывали о спешной эвакуации мирных жителей и составов гарнизонов со всех территорий королевства Томаса Первого. Однако он отныне не мог доверять поступавшим сообщениям, поэтому всем армиям был дан приказ максимально собранно и в постоянной боеготовности следовать до однажды уже покорённой Стены. Там они собирались взять древний город в плотное окружение, а затем как можно быстрее войти внутрь и добраться до бесценной Элизабет. Если она жива, то после её спасения следовало сровнять с землёй весь город вместе с его жителями. Ели же она мертва или пропала — тут же осторожно отступать, стараясь никого не трогать. В любом случае было необходимо захватить живым или мёртвым нового короля. Таким образом, перед генералом Джавером едва ли не впервые в жизни была поставлена реальная боевая задача.

На случай внезапной контратаки на вулкане остались несколько сотен воинов и пару тысяч подготовленных ополченцев. Сами арогдорцы с большим энтузиазмом восприняли возможность навсегда отомстить подлому врагу за недавнее нападение на родной кратер и за все те бесконечные унижения, которые они терпели века напролёт. Однако их всё больше беспокоили убийственные слухи об Альберте Третьем, который якобы находился аж в замке Эйзенберга. На улицах шептались, что великолепный предводитель — ни много ни мало — приходился сыном неожиданному гостю! Распространителей таких удручающих новостей каждый

день отлавливали, без разбирательств арестовывали и практически сразу же тайно казнили.

Такая до слёз обидная ситуация стала душевной болью не только для патриотичных арогдорцев, но и для обитателей тёмно-серого замка. Поэтому усатый Эйзенберг, сложа руки за спину, нервно метался вдоль мраморной площадки атриума и опустошённо смотрел себе под ноги. В это время его отец безмятежно качался в гамаке между пальмами и пытался хоть ненадолго забыться под мирное пение птиц и стрёкот цикад:

— Всё будет хорошо, Варнер. Хватит суетиться.

— У нас уже все челокони перепуганы в городе!

— Ну, хоть не об этом, прошу тебя...

— Это не моя вина, заметь. У меня всё работало идеально.

— Думаю, она жива и скоро мы всё исправим.

— А если не жива? А если они смогут отбиться бластерами?

— Для чего тогда Джавер выплавил сотни щитов? Ещё он будет использовать дымовую завесу и метательные орудия. И не забудь про гигантскую армию. Подчёркиваю: гигантскую!

— А вдруг? Я тебя всегда просил оставить мне хоть несколько штук!

Изгнанный король Парфагона медленно присел в гамаке, обречённо положил руки на разболевшуюся голову и вздохнул:

— Эх, это же не игрушка, Варнер.

— Этот сопляк столько пережил и везде выкрутился. Я так и не понял, как он с эшафота сбежал!

— Да, тот ещё сорванец... Жаль, что он не с нами.

— Что? — опешил Эйзенберг, отчего его усы раздражённо распушились. — Ты уже не тот, отец! Не знаю, что с тобой случилось... Как можно было всё так легко сдать какому-то деревенщине? Столетия такой выдающейся работы — коту под хвост!

***

Однажды Томас прогуливался после полудня по Стене в компании канцлера, постепенно ставшего достаточно близким человеком, практически другом. В сопровождении внушительной охраны они придирчиво наблюдали, как достраивались укрепления и готовились новые боевые позиции.

Особенно их интересовало, как идут работы по установке десяти вращающихся бойниц размером с карету. Снаружи их покрывали листами железа, а внутри оборудовали места для расчёта стрелков со смертоносными бластерами. Главным преимуществом такого решения была возможность поражать цели как за пределами спасительной Стены, так и в само́м городе, если в него всё-таки прорвутся озверевшие мутанты. При этом попасть внутрь можно было только через закрывавшийся изнутри лаз, что позволяло избежать захвата такой ценной позиции. По большому счёту вся система обороны держалась на этих подвижных бойницах, поэтому основная часть живой силы должна была сосредоточиться на их защите.

Казалось, ситуация стала выглядеть обнадёживающе, и Томас уже не сомневался в том, что арогдорцы будут неизбежно повержены и великий Парфагон снова устоит. Что будет после этого, он пока ещё не знал. Правда, некоторое волнение вызывала угрожающая записка

Вальтера Мейсера. Этот уникальный человек, уже совершивший два покушения на загадочную девушку, не только выжил, но и всё ещё не отступал от своей цели. Как же ему удаётся оставаться живым между двух жерновов? Где он прячется? Что ему вообще надо от жизни?

Конечно, Томас хотел всеми силами остановить бессмысленное кровопролитие, но он чувствовал, что войну можно закончить и более традиционным способом, а не только жертвоприношением белокурой красавицы, как настаивал Мейсер. О ней в итоге всё время приходилось думать, невольно вспоминая былые вечера, что будоражили колкие чувства. Однако после такого унизительного предательства он потерял к ней доверие. Что с ней делать дальше, он тоже не знал. Казнить? Отдать Альберту?

Вечно сидеть в своей башне Элизабет тоже не могла, да и для Марии это было бы сущим кошмаром. Пожалуй, этот нерешённый вопрос оказался единственным препятствием, который мешал новой королеве полноценно наслаждаться жизнью. Ей казалось, что бывшую принцессу по недоразумению охраняют больше, чем саму столицу. Мало того — Марии ни разу не дали с ней увидеться. Случись это хоть однажды — вполне возможно, что загадочный Вальтер Мейсер в своём послании обошёлся бы поздравлениями!

— Стоило увеличить состав, — Калица внезапно разбудил утонувшего в размышлениях Томаса, стряхнув с его камзола щепку.

— Что?

— По-прежнему сомневаюсь, что расчёта из троих воинов достаточно.

— Добавить ещё одного охранника?

— Почему бы и нет? У нас так много от этих блястеров зависит, что нужно перестраховаться.

— Бластеров, Питер. Там им не тесно будет?

— Я опять сам так сказал? — покачал головой канцлер. — Будет тесновато. Надо было сразу их больше делать.

— Ценой манёвренности?

— Зато больше брони.

— Ваше величество! Ваше величество! — сквозь охрану пытался прорваться запыхавшийся гонец.

Томас и Калица молча переглянулись, осознав, что долгожданная атака неугомонных мутантов, о которой когда-то сообщала Ирэн, всё-таки началась. Бесспорно, цели у этого вторжения теперь были явно иного характера, нежели изначально планировала сумасшедшая семейка. Это означало, что предстояло первое за столетия настоящее и безжалостное сражение до последней капли крови.

Взяв два помятых свёртка из рук еле стоявшего на ногах гонца, Томас молча прочитал мрачные донесения. Согласно первому, мутанты ещё вчера высадились в пустом Новом Альберте на чёрных галерах. Согласно второму посланию, медленная, но бесчисленная армия Джавера должна была уже в этот момент приближаться к Башне совершенства и Башне самовыражения. Им понадобятся два или три дня, чтобы сомкнуть плотное кольцо вокруг осиротевшего Парфагона, защищённого лишь двумя с половиной центуриями рыцарей и хилым

ополчением. В этот жуткий момент Томас вдруг почувствовал новый прилив сил и уверенности в себе. Если бы не его отчаянное решение эвакуировать жителей, чему так противились все вокруг, уже к этому моменту реки багровой крови затопили бы всю Селецию. Значит, он может полагаться на себя, несмотря ни на что!

Вечером Томас нежно обнял Марию, когда они, жутко уставшие и объевшиеся, пришли с ужина в свою временную опочивальню и, скинув верхнюю одежду, свалились на широкое ложе. Оба до сих пор чувствовали себя весьма неуютно в этом огромном помещении, сплошь отделанном красным деревом и смотревшим резными ставнями на тихий внутренний сад, где журчали фонтаны. Возможно, этот осязаемый дискомфорт отражался на их отношениях, ибо только здесь они и общались. Утопая в заботах целого королевства, супруги всё реже видели друг друга, что не могло их не беспокоить. Молодой паре лишь оставалось надеяться, что возникшая между ними отчуждённость сразу же закончится, как только Парфагон будет спасён.

— Мария, ты должна немножко вернуться в реальность.

— Ты о чём, любимый?

— Через два дня нас окружат…

— Конечно! Это ужасно.

— Тогда зачем ты просила Питера выделить рабочих и две сотни золотых? Для нового фонтана?

— Это будет самый большой фонтан. И с нашими статуями! Люди во время осады будут брать оттуда воду.

— Его именно сейчас надо строить?

— А этот змей тебе всё докладывает?

— Мы без него вообще бы ничего не сделали. Не думаю, что тебе стоит называть так Питера. Я ему верю.

Вдруг раздался торопливый, но тихий стук в деревянную дверь. Потом ещё один. Затем она медленно приоткрылась, и показалась испуганная голова одного из бравых рыцарей личной охраны:

— Срочно, Ваше величество, — прошептал он.

— Что такое?

— На минуту, — продолжал шептать рыцарь, думая, что строгая королева спит. — Срочно.

— Ну, что там?

— Питер Калица, Ваше величество.

— Ну вот! — подпрыгнула на кровати Мария, отчего бесстрашный боец мгновенно испарился за дверью. — Теперь мы ещё и спать втроём будем? Полное доверие!

— Прекрати!

— А что? Ты его когда-нибудь видел с женщиной? Хоть с одной?

Томас уже не слышал свою жену, по привычке предполагая, что генерал Джавер устроил очередной сюрприз. Быстро накинув халат, он вышел в коридор, где у двери трясся бледный Калица с растрёпанными волосами и в помятом балахоне, что было удивительно само по себе. Вокруг невысокого канцлера возвышалась толпа рыцарей, по напряжённым лицам которых скакали желтоватые блики.

— Вот, — Калица сунул в руку маленькую бумажку с рукописным текстом. — По всему городу! Везде! Тысячи! Завтра всё пропадёт. Всё!

Томас никогда не видел канцлера Парфагона в таком отчаянном состоянии. Ничего хорошего это не

предвещало, и потому, приготовившись к самому худшему, он немедленно прочитал:

«Мир в наших руках, Парфагон!

Беспощадная война началась к совершеннолетию ведьмы Элизабет, до сих пор охраняемой в восточной башне замка короля. Мир вернётся на Селецию, как только она перестанет дышать. Мутанты на подступах к городу. Жизнь ведьмы или жизнь наших детей!

Мир в наших руках, Парфагон!»

Дважды прочитав текст, Томас облегчённо вздохнул. По раздутым ноздрям канцлера он сначала решил, что злобные мутанты уже проникли в город, однако всё оказалось значительно проще.

— Завтра, Ваше величество, — всё равно дрожал Калица с искривлённой гримасой на лице, — завтра отчаянный народ придёт сюда!

— Что ж, кому-то понравились наши методы... Мы даже знаем кому. Но как? Мейсер в городе?

— Забудьте! Нам нужно что-то быстро придумать прямо сейчас. Но я не знаю, с чего начать... Элизабет должна быть спасена в любом случае! — тараторил канцлер. — Теперь и мутантам, и горожанам нужна только она! Как мы будем этому противостоять?

— Может, отдать её отцу — пусть сам разбирается?

— Ах, что вы говорите! Тогда нам точно конец!

— Ничего не понимаю...

— В городе уже локальные бунты! А ведь ещё все спят. Я отправил людей сжигать листовки. Но уже поздно и народ не усмирить: безумная толпа завтра снесёт этот замок. Они разорвут её на части!

Так получилось, что Томас последние два дня напряжённо размышлял о том, смог бы он казнить белокурую девушку, если бы это гарантировало мир? Вероятно, смог бы, но ему были нужны внятные объяснения такого решения. Может, она и взаправду ведьма? Истребление населения началось действительно незадолго до её совершеннолетия. Как это может быть связано?

Но сейчас молодой король думал о другом. Он поймал себя на неприятной мысли, что всё ещё продолжает играть по чужим правилам. Уж больно подозрительные шаблоны поведения то и дело всплывают во всей его жизни и во взаимоотношениях Парфагона с Арогдором. Будто некто тщательно нарисовал одни и те же схемы в головах каждого. Будто не существует других вариантов реакции на постоянно повторяющиеся события.

Посмотрев ещё раз на трясущиеся руки Калицы и усмехнувшись, Томас неожиданно для всех направился в покои кузнеца Макса Ланка.

***

С первыми лучами рассвета из грохочущих Северных ворот показались две дюжины бодрых рыцарей на отборных жеребцах, фыркавших бурлящими облаками пара. Впереди них на бронированном челоконе с ирокезом ехал облачённый в позолоченные доспехи Томас Первый. Перед ним сидела восторженная дочь бывшего короля, плотно укутанная в тёплые меха. На

первый взгляд воины ничем примечательным не отличались. Однако почти у половины из них, включая молодого хозяина замка, красовались стальные перчатки турнирных доспехов, плотно сидевшие на левых руках вплоть до локтей или плеч. В них были надёжно вмонтированы вытянутые бластеры, придававшие модифицированным рыцарям практически полную неуязвимость. Для сжигающего всё на своём пути выстрела им нужно было лишь направить руку в нужную сторону и сжать пальцы в определённой комбинации.

— Томас, давай сбежим? — прошептала белокурая девушка. — Уйдём, уедем от этих глупых людей!

— Куда?

— Куда-нибудь. Где спокойно и никого нет. И чтобы красиво было.

— Сиди и молчи.

— Тогда куда мы?

— Я — в Арогдор. А тебя спрячем.

— Ты за мной вернёшься?

— У меня нет выбора, к сожалению.

— Знаешь, но ведь...

— Молчи. Нам не о чем больше говорить.

Хладнокровный Томас действительно направлялся в кратер вулкана, причём второй раз подряд, пока нерасторопные мутанты готовились уничтожить его королевство. Он снова шёл туда после невероятного и загадочного спасения, что вряд ли повторится. Он шёл всего с двумя дюжинами рыцарей, хотя в прошлый раз оттуда не вернулась почти тысяча. Он оставлял своих беззащитных подданных, лишая их спасительного оружия. Он рискнул всем, что у него было, включая

собственной жизнью, чтобы пойти в самую сумасшедшую атаку.

Через сутки пути, проходя самыми малоизвестными дорогами и лесами, парфагонцы увидели с невысокого холма, как невероятно огромная армия генерала Джавера медленно и неповоротливо двигалась в сторону Салепа.

Через двое суток, находясь недалеко от моста через Змею, по-прежнему неразговорчивый Томас спрятал Элизабет в доме того самого дальнего родственника, который обучал стрельбе из арбалета несколько лет назад. Для надёжной охраны бывшей принцессы с ней остались полдюжины стандартно вооружённых рыцарей во главе с трибуном Аленом Оспэ.

Через трое суток бесчисленная армия Арогдора взяла в неразрывное кольцо Парфагон, отныне не имевший отступных путей и потому готовый к сражению насмерть. Но когда неповоротливые осадные орудия и колонны скалившихся мутантов пошли в атаку, они внезапно остановили своих мохнатых гигантов, которые уже начали выбивать ворота и карабкаться на заросшую мхом Стену. К потрясению запертых в столице людей, не способных противостоять натиску и уж тем более прямому вторжению, арогдорцы нехотя вернулись к исходным позициям и остались там. В это же самое время их полководец уже изо всех сил спешил на север. С собой он прихватил лишь сотню самых верных четырёхруких мутантов и две сотни наиболее выносливых челоконей.

Через четверо суток король Томас Первый уже проходил нижние территории вулкана в районе Пятой реки, где в лёгких и буквально минутных боях выжигал

синими лучами все попавшиеся дозоры и шедшие навстречу тыловые службы противника. В это время страшное кольцо вокруг изумлённого Парфагона всё ещё продолжало стоять в загадочном ожидании, а отчаянный генерал Айвор Джавер с невероятными усилиями достиг моста через Змею.

Через пять суток со дня выхода из Северных ворот бесстрашные королевские рыцари добрались до верхней горловины ущелья Пятой реки. К тому времени уставший полководец арогдорцев уже стремительно заходил в это же самое ущелье снизу, а застывшие вокруг Парфагона полчища мутантов так и не решились пойти в атаку.

Через шесть суток пути и на восходе солнца храбрый Томас Первый направил свою дерзкую группу на уже знакомый ему западный хребет зловонного кратера. Пойманные врасплох мутанты кинулись навстречу отчаянным рыцарям, но все их усилия по защите родного города оказались тщетными. Молодой король на огромной скорости вёл своих преданных воинов смердящими улицами в низину чаши Арогдора. Они легко сражали нёсшихся на них с разных сторон, истошно оравших мутантов, прожигая в них шипящие дыры или разрезая пополам. Синие вспышки и лучи озаряли один район за другим, неотвратимо приближаясь к стеле и тёмно-серому замку, в башнях которого ещё даже не подозревали о вторжении. Прорезав весь усыпанный сажей и дерьмом город, словно масло раскалённым ножом, разгорячённые рыцари без единой потери ворвались в замок, вмиг спалив его изумлённых стражей синим дождём.

Попав внутрь, они спешились и начали продвигаться вглубь по великолепным коридорам с мраморными колоннами и пейзажами. Однако в стеснённом пространстве их эффективность резко упала, а уязвимость столь же сильно возросла. Левой рукой они отстреливались из бластеров, а правой отбивались мечами от четырёхруких монстров, которые лезли из всех щелей и упрямо подбирались всё ближе. Так или иначе, отвратное зловоние палёных волос и обугленного мяса, адские крики и звон металла всё неумолимее приближались к горячему воздуху атриума. Там в безумной панике метались между кустами и пальмами истеричный Эйзенберг, его отец, пищавший Ньюртон, снова в одних колготках, а также оравшая, как огромный мужик, Свежая Роза на сломанных каблуках и в коротких мальчишеских штанишках.

Из устланных трупами коридоров в атриум выбралось только пятеро измученных и израненных рыцарей во главе с обезумевшим королём и Карлом Линном. Лысый центурион незамедлительно кинулся выжигать арогдорскую шайку, хотя Томас планировал спасти Альберта, к которому было ещё много вопросов. Однако меткий выстрел озверевшего товарища едва ли не в первую очередь поразил бывшего короля, чьё тело глухо рухнуло, а голова с дымившейся бородой и испуганными глазами откатилась в кусты.

— Что ты наделал?! Я же просил! — лишь осталось воскликнуть задыхавшемуся Томасу, но рыцарь его не слышал:

— Все в центр!

Осыпанные стрелами и еле передвигавшиеся воины, оставляя за собой кровавые следы, дружно встали спинами друг к другу в центре мраморной площадки. Затем они закружились, отстреливая нескончаемые полчища противника и из последних сил крича во всё горло, изливая животный ужас от своей смертельной карусели. Из всех проходов, проёмов, окон и уже разбитой стеклянной крыши на них бежали, прыгали, падали четырёхрукие мутанты и ополченцы Арогдора, вооружённые топорами и кинжалами.

В этот момент до замка добрался измотанный Джавер. Он приказал всем своим воинам, ошарашенным от увиденного в городе, приготовить луки и забраться на стеклянную крышу.

Но там произошло самое неожиданное:

— Не стрелять! — скомандовал он, хотя мутанты могли легко засыпать стрелами теперь столь уязвимых рыцарей:

— Генерал, чего мы ждём?

— Они же, суки, всех перебьют!

— Что происходит, в рот компот?!

— Не стрелять, я сказал! Не стрелять!

Повторив команду, Джавер продолжил смотреть вниз, где лежали изуродованные останки Варнера, Альберта и Николь. Они всё больше и больше утопали в мёртвых телах арогдорцев, нескончаемым потоком лезших из всех щелей на отчаянно кружившихся рыцарей. В итоге жуткая вонь жжёной плоти и озаряемый синим светом дым растекались с разбитой крыши замка на всю низину кратера.

— Генерал, ну что же делать, а?!

— Я уже не могу, мать вашу!

— Все вниз, на площадь! Немедленно! — скомандовал обомлевшим мутантам Джавер. — Вниз, я сказал!

Упрямо дождавшись, когда все ушли, он последним спустился с крыши, а затем приказал прекратить попытки отбить замок.

— Предатель! — вырвалось у одного из разгорячённых воинов. — Гнида вонючая!

— Эйзенберг мёртв, идиот!

— И?!

— Рядом с ним голова Альберта Третьего.

— Что?! — проскулил мутант, как и его сородичи:

— О боги, так это правда?

— Как с этим жить-то, батюшки?!

— Я беру узды предводителя Арогдора на себя. Собрать всех на площади. Всех! У вас полчаса, — приказал Джавер.

Озлобленно оглядев огорошенных соотечественников, он развернулся и в одиночку пошёл в замок, откуда жуткой серенадой доносились жалобные стоны раненых. Пройдя длинные коридоры, усыпанные подпалёнными телами, Джавер вышел к задымлённому атриуму и осторожно заглянул за угол. Там, среди обугленных стволов пальм и гор трупов, трое тяжело дышавших рыцарей пытались оказать помощь двум умиравшим товарищам.

— Ваше величество! — окликнул их Джавер.

— Что?! Кто это?

— Айвор Джавер.

— Иди сюда, тварь! — заорал Томас, лицо которого снова покрылось кровавыми ссадинами и порезами, а из

помятых позолоченных доспехов торчали сломанные стрелы.

— Иду, — спокойно ответил полководец, выкидывая вперёд топор и меч.

— Почти двадцать лет тебя ждал. Иди же быстрее! Посмотрю в твои глаза, тварь!

— Всё кончено. Я сдаю вам Арогдор.

— Это понятно… Иди сюда!

Как только Джавер шагнул из-за угла, синий луч тут же прожёг ему правую ногу. Рыкнув, он не остановился и всё равно поковылял через груды дымившихся трупов к площадке, смело смотря в глаза обезумевшему королю Парфагона.

— Это твоя последняя минута, Джавер!

— Убей же его, Томас! — взвыл Линн.

— Пару минут назад я стоял над вашими головами с сотней луков.

Рыцари посмотрели вверх и, недоумевая, переглянулись. Они сразу осознали произошедшее, но не смогли понять, почему он так поступил.

— Сдал своих, урод! — терял контроль Томас, подойдя к поверженному Джаверу и грубо поставив того на колени. Затем он приставил бластер к его толстым дредам и собрался сделать то, о чём мечтал с самого детства: — Смотри мне в глаза, кровожадный ублюдок!

— Одумайтесь, Ваше величество! Я спас вас уже не первый раз. И я сдаю Арогдор. Что ещё нужно?

— Прикончи его, — нервничал Линн, целясь в генерала. — Давай же, его прабабушку!

— Прощай, тварь! — нажимал на курок озлобленный воин в позолоченных доспехах, не веря ни единому слову

мерзкого мутанта, однако знакомый женский голос парализовал его в последний момент:

— Томас, стой!

Он не мог понять, что происходит, и потому ещё несколько мгновений не двигался, слыша, как некая девушка неуклюже пробирается по скользким трупам, горько плачет и постоянно спотыкается.

— Не делай этого, братик!

— Не может быть...

— Ты что, забыл про меня?

— Ирэн! — кинулся ей навстречу Томас, рыдая и удивляя обомлевших товарищей, которые всё ещё держали бластеры у головы осунувшегося Джавера.

В это время полководец понимал, что молодая жена сейчас узнает его главную тайну, и потому даже не особо переживал, если ему немедленно снесут голову, как безмолвно смотревшему из-под куста Альберту.

Буквально несколько минут назад странные крики с площади разбудили Кейт. Выглянув из окна спальни, она увидела, как её муж в одиночестве вошёл в усыпанный трупами замок, который источал сверкавший синими вспышками дым. Предчувствуя непоправимую беду, она сбежала из оцепленного особняка, выпрыгнув через окно второго этажа и вывихнув себе ногу. После этого девушка прорвалась в оплот предводителя мимо растерянных стражей и в самый последний момент успела найти супруга.

— Я думал, тебя казнили, Ирэн!

— Так надо было. Только не убивай его, Томас!

— Ты что?!

— Это мой муж. Меня теперь зовут Кейт Джавер, а его я люблю больше жизни! — бросилась она обнимать раненого супруга: — Сильно больно, любимый?

— Ты спятила? — лишь смог вымолвить её брат.

— Нет. Он спас меня от казни. Он спас тебя с площади. Его нельзя убивать. Он твой спаситель и мой муж!

— Ого! — удивился Линн, перестав целиться в Джавера.

— Ирэн, с тобой всё в порядке? Этого просто не может быть!

— Это всё правда. Айвор, скажи ему.

— Уже говорил, — потерянно ответил генерал.

Томас снова подошёл к нему и с гневом, едва сдерживая себя, посмотрел в его глубоко посаженные глаза:

— Ты знал, кто она и кто я?

— Не сразу.

— Вы о чём? — не понимала Кейт.

— Это же... Я же ради него всё это... — потрясённый Томас ещё больше задыхался, но не смог ничего сказать, смотря то на поникшего Джавера, то на рыдавшую сестру.

В его сознании всё перемешалось. С одной стороны, перед его глазами стоял на коленях гнусный мутант, который приказал зверски убить его родителей и похитил маленькую Ирэн. Именно он бессмысленно уничтожал тысячи невинных селян и олицетворял самое настоящее зло этого мира. С другой стороны, Джавера действительно боготворила ничего не понимавшая сестра, и, выходит, он уже два раза спас жизнь самому Томасу. Ситуация оказалась столь неоднозначной и

сложной, что король Парфагона моментально пришёл в себя после яростного сражения и нашёл пока единственное решение:

— Погниёшь в Башне заточения, а потом с тобой разберёмся.

— Согласен.

— Томас, может, не надо? — взревела Кейт.

— А тебе потом всё расскажу, дорогая сестричка.

Немного погодя сдавшийся полководец объяснил, что́ нужно делать, дабы бескровно довести капитуляцию до логического конца. Затем они все вместе оказали помощь раненым рыцарям, взяли их под руки и медленно выдвинулись на площадь перед поверженным замком. В коридорах перед ними расступались молчаливые мутанты: после подтверждённых новостей об Альберте уже никто не знал, что делать дальше, кого считать врагом, а кого — новым предводителем.

Через несколько минут плетущиеся рыцари в сопровождении хромого Джавера доковыляли до обширной площади, полностью забитой взбудораженными гражданами в распахнутых шубах и пальто. Там они медленно поднялись на деревянный помост, где патриоты Арогдора встретили их отборными ругательствами и проклятьями. Следом за ними туда же вытащили мёртвого Эйзенберга, голову Альберта и верхнюю половину Свежей Розы, которая с пеной у рта до сих пор дёргалась в конвульсиях.

Дождавшись пика волнения толпы, генерал бросил взгляд на рыцарей. В ответ они дружно подняли металлические перчатки с бластерами, и синий дождь озарил пасмурное небо во всех направлениях.

Салютуя рукой, воцарившуюся тишину громко прервал Джавер:

— Виват, Арогдор!

— Виват, Эйзен... — оконфузилась толпа.

— Приветствую вас, граждане нашего великого Арогдора! Я, ваш покорный полководец, со скорбью сообщаю, что Варнер Эйзенберг действительно оказался сыном Альберта Штейна.

— Позор! Не может быть! — взорвался кратер. — Катастрофа!

— Они оба мертвы. Мы воевали из-за вражды между ними. Теперь этой войны нет. Нам просто не с кем воевать. Как высшее должностное лицо, я торжественно передаю Арогдор в руки нашего нового короля — храброго и достойного, молодого и умного Томаса Первого, отныне короля Парфагона и Арогдора.

— Он сошёл с ума! Ну и жопа! Они же нас убьют! — заревела толпа, всё смелее расшатывая помост. — Позор! Твари! Ублюдки!

Рыцари подняли вверх бластеры — и смертельные лучи вновь осветили небо, отрезвив бешеную толпу, перед которой вышел Томас:

— Жители великого города! Я, Томас Первый, король Парфагона и Арогдора, объявляю завершение многовековой войны между нашими братскими народами. Отныне забудьте о притеснениях...

***

Через четыре дня бывший селянин находился на полпути в Парфагон. Волочась под ласковым солнцем, его грандиозная колонна состояла из двух сотен присягнувших мутантов, а каменистую дорогу по ущелью

он впервые преодолел с комфортом благодаря алой карете Варнера Эйзенберга. Удобства и обилие времени дали новому хозяину Селеции возможность многое обдумать и разобрать по полочкам.

За ним следом бренчала чёрная карета с закованным в цепи Айвором Джавером, окружённым опекой неотступной Кейт. Бывший генерал направлялся в сырую тюрьму той самой благочестивой Рыцарской академии, которая некогда сделала его талантливым военачальником. Прошлое его жены и её связь с новым королём было решено держать в строжайшей тайне, ибо факт такого родства можно было расценить за очередное предательство. А это было совсем некстати!

Оказавшись после полудня у полуразрушенной мельницы между рекой Змея и Башней совершенства, Томас попросил свернуть на ухабистую просёлочную дорогу. Проехав ещё немного вглубь тёмного леса, он вышел из мягкой кареты и пересел на радостного Билла, который тут же помчался к спрятанной в этих краях Элизабет. Поскольку Томас наотрез отказался общаться с ней по пути из Парфагона, болтливый челоконь буквально за два дня сдружился с бывшей принцессой и с нетерпением ждал долгожданной встречи. Поэтому оставшиеся в живых рыцари во главе с Карлом Линном едва успевали гнать жеребцов за ликовавшим арогдорцем, чтобы не оставить короля без охраны.

Вскоре Томас разглядел деревянный домик охотника и мирно отдыхавших на лугу товарищей, которые ещё ничего не знали о произошедшем. Всё это время они были вынуждены вникать грандиозным идеям скучавшего Алена. Даже сейчас он с умным видом

расхаживал вокруг хихикавших воинов, что-то упорно доказывая на правах умудрённого опытом трибуна.

Чуть в стороне в воздушном светлом платьице порхала над травой подзагоревшая Элизабет, беззаботно собирая душистые полевые цветы. Она тут же выронила букет, услышав топот стремительного Билла, у которого от счастья болтался во все стороны язык, а в седле подпрыгивал и без того покалеченный Томас. Засиявшая девушка бросилась им навстречу, развевая ослепительно-белые волосы на тёплом весеннем ветру:

— Привет! На колбасу не сдали?

— Нет, не сдали. Спасибо! — челоконь помог спешиться сморщенному от боли Томасу, а затем стал высоко и радостно прыгать, словно бешеный жеребец. — Угадай, что! Угадай, что!

— Что? — засмущалась она, глядя на покрасневшего рыцаря.

— Томас Первый, король Арогдора и Парфагона!

— Что?!

— Парфагона и Арогдора, — поправил челоконя немного уязвлённый приятель.

— Спасибо! Спасибо!

— Всё получилось, Томас? Мы спасены? — воодушевилась Элизабет, отчего её сверкающие голубые очи почти округлились.

— Тебе ещё не разрешали рот открывать.

— В книжках так с принцессами не разговаривают, между прочим, — осторожно подошла она, а затем убрала с его лица каштановые волосы и крепко обняла за могучую шею.

— Просто книжки у тебя неправильные — бабские.

— Да ну!

— А как нужно разговаривать с принцессами?

— Не помнишь? Ну, те моменты, когда потом целуются, — томно прошептала залившаяся краской девушка, потянувшись вверх.

— Хм, я всегда пролистывал эту скукотищу.

— Сразу видно...

Томас всё же наклонился и позволил ей дотянуться до себя. Молодые люди сначала нерешительно обожгли друг друга своими раскалёнными устами, а затем осмелились слиться в нежном поцелуе, жадно обнимаясь, словно боясь чего-то упустить. Весь мир вокруг них внезапно пропал, и все его проблемы настолько перестали иметь смысл, что даже тугой на ум челоконь догадался на всякий случай примкнуть к компании рыцарей, которые чуть поодаль радовались встрече долгожданных товарищей:

— Ого, я пошёл. Спасибо! Арогдора и Парфагона!

Глава 11. Мечта Совершенного общества

Томас вновь подошёл к величественным Северным воротам. Почти каждый раз, когда он проходил через них в течение своей жизни, его статус удивительным образом становился выше. Как будто это был вовсе и не проход в город, а волшебный путь в новую жизнь. Но в свои двадцать четыре года молодой человек достиг столько, что даже эти магические створки уже не могли дать ему

большего. Он отважно одолел внутренних и внешних врагов. Он благородно спас жизни тысячам простых людей и восстановил долгожданный мир на всей потрёпанной Селеции. Он стал обожествляемым королём великого Парфагона и легендарного Арогдора, отчего весь трепетавший от восторга мир теперь принадлежал только ему.

Хотя обескураженные мутанты давно покинули перетоптанную и загаженную округу осаждённого города, ворота до сих пор были на замке. По сообщениям Калицы, в этом по-прежнему имелась необходимость, поскольку арогдорцы могли в любой момент взбеситься и вернуться к столице, с чем Томас не мог поспорить. Тем не менее, невзирая на изоляцию, город с большим воодушевлением встретил своего долгожданного спасителя. Ещё недавно его жителям грозило полное уничтожение, но в итоге всё обошлось без единой жертвы, если не считать потерь в стычках с пьяными компаниями мутантов, когда те нагло бравировали у Стены. И это достижение было заслугой нового правителя, который, ко всему прочему, смог каким-то чудом покорить их главного врага. К тому же обожаемый король был мужественен, молод, прекрасен и внушал людям надежду на скорое возвращение прежних времён. Именно этим ему и не терпелось заняться во время долгого путешествия из побеждённого вулкана.

В жизни окончательно возмужавшего Томаса теперь всё выглядело гораздо проще и легче, а ненаглядная Элизабет помогала жизнерадостно смотреть в будущее и ждать от него только хорошего. За проведённое вместе время влюблённый молодой человек узнал совершенно

новую девушку. Если раньше она сводила его с ума лишь своим божественным образом, то теперь он неожиданно открыл для себя абсолютно новое чувство родственной души.

По сути, всю свою разумную жизнь Томас был беспомощным заложником своей мести. И он только что с большим трудом и риском освободился от этого. А Элизабет всю жизнь была заложницей собственного отца и узницей своей одинокой башни. И она тоже только-только от этого избавилась. Парочка всего несколько дней была на долгожданной свободе, и никто не мог их понять лучше, чем они друг друга. Кроме того, оба выросли на одних и тех же книгах, прививших им похожие взгляды на бренную жизнь и чересчур идеализированные ожидания от неё.

Стоило грозной колонне въехать в солнечный и цветущий город, как победителей встретили ликующие подданные короля:

— Да здравствует король!

— Да здравствует Парфагон!

— Да здравствует Томас Первый!

Однако, разглядев массу вонючих мутантов на челоконях, радостные возгласы удивлённой толпы сменились исступлением и тишиной. Обомлевшие женщины и дети сразу же убегали, а мужчины неумело пытались скрыть свой страх при виде наращённой брони и липких дредов. Сами же горообразные воины Арогдора тоже с явной опаской рассматривали улицы непобеждённого города, в который они так долго не могли попасть и который раньше так ненавидели за свои вечные страдания и притеснения.

Когда потрясающая процессия бесстрашного короля разделилась на две части, одна из них повезла арестованного Джавера в его родную Академию, где его с нетерпением ожидали в одной из Башен заточения. Ошеломлённые парфагонцы и пришлые селяне, едва узнав, кто находится в огромной чёрной карете, даже сквозь животный страх стали нападать на неё, закидывая камнями и выкрикивая самые страшные проклятия.

Вторая же часть гордой процессии направилась по Аллее героев к замку, по-праздничному утопавшему в синих лентах и свежих цветах. У парадного входа под аркой гостей уже ожидали как всегда опрятный канцлер и Мария Лури в облегавшем всё тело строгом чёрном платье с золотым ожерельем на закрытом воротнике. Надменная королева, волосы которой были скручены в виде двух калачей по бокам головы, сдержанно улыбалась, сложив руки на животе и стараясь выглядеть достойно на виду у многочисленных подданных. Однако из игравшей в лучах солнца алой кареты вслед за невозмутимым Томасом нерешительно вышла Элизабет в простеньком светлом балахоне и со смиренно опущенной головкой. Нахалка повергла в неистовый шок не только ахнувшую жену короля, но и всех поражённых зевак, которые немедленно подняли галдёж:

— Кто это?

— Это она?

— Снова? Не может быть!

— Неужели всё повторится? Кошмар!

— Ты спятил?! — позабыв о публике, рявкнула побагровевшая королева. — Как это понимать? Ты сдурел?!

— Я тоже рад тебя видеть, Мария.

Томас попытался поцеловать её в щёку, но она со злостью оттолкнула его, хищным взором испепеляя бывшую принцессу, которая лишь ещё ниже опустила небесного цвета очи. Равнодушный Томас молча кивнул довольному канцлеру, взял за руку смущённую Элизабет и ушёл вглубь уже родного замка, оставив публично униженную жену у входа:

— Что тут происходит? Питер, я требую объяснений!

— Простите, но мне нужно идти, — лишь извинился Калица, последовав за новоиспечённой парочкой.

— Стой! Я приказываю тебе остановиться! Взять его!

Получив приказ, стражи лишь почесали затылки и вопрошающе посмотрели на проходившего мимо канцлера.

— Я королева Парфагона! Как вы смеете?! Я тогда сама...

Позабыв о своём статусе, отчаянная Мария попыталась было поймать мужчину за косу, но безмолвные воины успели крепко схватить её и держали до тех пор, пока Калица не скрылся из виду. В это время она не прекращала сыпать ему вслед угрозы расправой, как и всем свидетелям этого невиданного позора, особенно гогочущим зевакам.

Ещё во время пути Томас отправил с гонцами распоряжение в срочном порядке заменить обустройство королевской опочивальни, чтобы по прибытии занять законное место с той, на ком остановился его осознанный

выбор. Поэтому сотня плотников и строителей круглосуточно работали над этой непосильной задачей под личным контролем канцлера и несмотря на протесты выселенного Алена. Обширное помещение не только полностью обновили изнутри, отделав в привычных для Элизабет бежевых тонах, но и усилили безопасность. Теперь толщина железных дверей могла защитить от бластера, как и массивные ставни, появившиеся на окнах с внешней стороны.

Оставив осиротевшую девушку горевать и отсыпаться в новой опочивальне, ещё отдававшей лаком и свежей древесиной, Томас вместе с воодушевлённым Калицей направился в башню Королевского совета.

— Первый день был кошмаром! — начал канцлер ещё на подходе к лестнице. — Взбесившийся люд ворвался в замок и всё здесь перевернул с ног на голову. Никто не мог поверить, что вы действительно ушли с ней, забрав ценное оружие.

— Дальше?

— А дальше началась паника: ведьма сбежала, король предал, мутанты наступают, блястеров нет!

— Бластеров, Питер.

— Опять? Сколько можно?!

— Может, я издам указ для смены названия?

— Не стоит, Ваше величество…

— А то мне этот вариант тоже больше нравится.

— В общем, я вышел на площадь. Пытался сказать, что король не бросил и всё будет хорошо. Меня закидали яйцами. Потом чуть не сожгли, — запыхавшись, продолжал Калица, поднимаясь по ступенькам. — А потом пришли мутанты и окружили. Горожане — надо

отдать им должное — решили обороняться до последней капли крови и без нашей помощи. И — о, чудо! Никто не мог понять, как вы остановили наступление, но все знали, что именно король спас город. Я еле пережил всё это, Ваше величество!

— Простите, Питер, но я не видел другого выхода.

— Я всё понимаю. Это был потрясающий ход! Кстати, хотел извиниться за ложную весть о вашей сестре.

— Никто не знал. Вам не за что извиняться.

— Хорошо. Ну и самое главное...

— Ну?

— Вам пора познакомиться.

— В смысле? Мейсер?

— Вы всё увидите.

Войдя в круглую комнату, Томас уселся в удобное кресло и собрался было ждать неких важных гостей, однако вместо этого Калица положил перед ним синий прозрачный шар:

— Помните, как им пользоваться?

— Кто там ещё остался? Я надеялся, что нам эта чёртова штука больше не понадобится.

— Сейчас вы всё поймёте, — тихо ответил канцлер и, загадочно оглядываясь, быстро удалился.

Томас остался один и, поскольку ничего не происходило, немного задумался. Впервые его вечно перегруженная голова не была забита сверхсрочными задачами, и даже не надо было никого убивать. Он даже стал сомневаться в необходимости рыцарской мутации, которая доставляла массу неудобств в повседневной жизни и требовала много усилий. Тот же ушлый Альберт и его сынуля были обычными людьми, которые следили в

фазе лишь за возрастом и, может быть, отчасти за внешним видом. Может быть, и новому королю настала пора расслабиться?

Из окна виднелась соседняя башня, где столько времени скрывали от мира его Элизабет. Весь мир будто сошёл с ума из-за неё, однако теперь всему этому абсурду пришёл конец. Освобождённый от проблем Томас начал снова размышлять, как вернуть великому Парфагону былую красоту и достаток. В экономике он разбирался весьма скверно, но надеялся на прилежную работу верного канцлера, в то время как своей главной задачей видел обеспечение безопасности.

Вдруг раздался уже знакомый писк — и синий шар замелькал красными всполохами. Вздрогнув, Томас догадался, что таким образом ему придётся часто общаться с далёким Арогдором, где он по совету Джавера оставил временного коменданта из местных воинов. Не исключено, что с королём сейчас хотели пообщаться и мэры других городов. Кто знает, кому ещё мог оставить эти странные шарики сумасшедший Альберт?

Всё ещё испытывая животный страх, Томас наконец осмелился прикоснуться пальцем к стеклу, как показывал ему Калица, — и перед столом опять появился яркий экран во всю комнату.

— Добрый день, Томас! — прозвучал шершавый голос.

Женоподобный блондин с короткими волосами и идеально ровным лицом по-доброму ухмылялся, с любопытством разглядывая молодого короля. На нём было облегающее чёрное одеяние без единой застёжки, и видно его было только по пояс, словно он тоже сидел за столом. Сначала изумлённый Томас подумал, что

незнакомец находится где-то на невысокой горе, поскольку за ним виднелся густой лес на отвесных скалах. Но вскоре бывший селянин догадался, что это не горы, а огромные чудаковатые здания, на стенах которых растут деревья. Их было видно, потому что за спиной зеленоглазого блондина возвышалась стеклянная стена, по которой били ветки бушевавшего на ветру дуба. Насупившись, Томас пытался вспомнить, где такое встречается в Селеции:

— Ты откуда и кто?

— Называй меня Прокуратор.

— Что? Я, король Парфагона и Арогдора, должен называть тебя Прокуратором?

— Да, Томас.

— «Ваше величество», а не «Томас»!

— Ох, давай я тебе быстро кое-что разъясню.

— Где это находится? Ярта?

Невежественный блондин, расстроенно повернулся направо и махнул кому-то головой, а затем обратился к Томасу:

— Не двигайся, пожалуйста.

— Почему? Хватит ко мне так обра...

Вдруг еле видимый синий луч, словно из бластера, появился меж штор одного из окон и стал прожигать деревянный стол вокруг ладони окаменевшего Томаса. Загадочный луч буквально в два мига выжег ровное отображение руки на столе и пропал, оставив после себя лишь едкий дым жжёного дерева и подпалённых волосков.

— Что это?! Опять Город заката?

— Конечно нет.

— Тогда откуда ты?

— Даже не знаю, с чего начать.

— Вулкан! Северная сторона вулкана?

— Гораздо дальше.

— Там море.

— И в море больше ничего нет?

— Ха-ха! Нет, конечно, — рассмеялся Томас, озадаченный глупостью блондина, но тот его резко перебил:

— Когда в следующий раз решишь рассмеяться, посмотри на след своей руки. Подумай: я могу одним взмахом головы уничтожить тебя и всех, кто есть на твоём острове. Конечно, ты можешь считать меня богом, но всё же называй Прокуратором. Договорились?

— Остров? Что это за бред? — вскочил Томас.

— Тебе недостаточно?

— Ещё раз спрашиваю: кто ты?!

— Выгляни наружу.

Блондин снова кому-то махнул головой, и Томас, стараясь не выдать дрожь в коленях, медленно подошёл к окну. Там он увидел утонувшую в солнечном свете площадь, где прогуливались влюблённые парочки и торговцы с лотками:

— И?

— Смотри, смотри.

Вдруг, несмотря на чистое небо, на улице стало темнеть, отчего прохожие замерли, напряжённо всматриваясь ввысь. Происходящее было похоже на затмение, но бледный месяц ютился на горизонте совершенно с другой стороны. И тут, когда настали сумерки, обомлевший Томас обнаружил, что солнечный

диск перекрыт странным объектом, размером с небесное светило. Судя по всему, им неведомым образом управлял этот чудаковатый блондин из ослепляющего во мраке экрана.

Шатаясь, опустошённый король Парфагона и Арогдора вернулся к своему мягкому креслу, медленно присел на него и обречённо вымолвил:

— Я готов слушать... Прокуратор.

***

Поздно вечером бледный Томас наконец спустился к гостям, которые в своих лучших нарядах заждались его в обеденном зале, где даже многочисленные натюрморты на стенах завидовали богатству накрытого стола. С раздражением отмахнувшись от всех приветствий, молодой король молча занял своё место и тут же начал монотонно поедать всё, что ему подавали слуги. Рядом воодушевлённо переговаривались Калица, Элизабет, Кейт, Ален, Макс, новоиспечённый трибун Карл Линн, а также другие офицеры Парфагона и все выжившие в смертельном походе рыцари. В противоположном конце стола по-прежнему восседала бледная Мария. Она знала, что её жизнь уже никогда не будет прежней, а супруга уже не стоит ждать в своей опустевшей кровати. Мария попыталась переосмыслить ситуацию, однако не нашла ни единого решения, кроме как делать вид, что ничего не происходит. Даже дамы из её свиты, словно оглушённые трагедией королевы, более не хихикали в ответ на бесконечные шуточки.

Радостная часть стола под звон вилок и ножей оживлённо обсуждала светлое будущее освобождённой Селеции, а также необычное солнечное затмение,

ознаменовавшее новое начало. Однако Томасу было ни до затмения, ни до Марии, ни до кого-либо вообще.

Кроме Элизабет.

И хотя не все детали были до конца понятны, в его гудящей голове сложилась целостная картина настоящего мира. Теперь он знал, что́ в действительности творилось всё это время на Селеции. И его это шокировало. Ещё лучезарным и беззаботным утром он считал себя почти богом, но теперь отлично понимал, что являлся просто винтиком в чьей-то грандиозной игре. Игре, в которой всё же есть смысл. Страшный и великий смысл.

Прежде всего выяснилось, что несчастный Альберт был предельно честен, когда просвещал о глобальных правилах жизни. Он говорил, что существуют противоборствующие стороны, которые всегда проигрывают, а также высший уровень, где жизнь идёт по другим правилам и где уже нет сторон. Но Альберт просто не мог объяснить, что уровни бывают разными. Вводить в круг избранных мог только лично Прокуратор! В общем, даже Орден кровного надзора оказался лишь одним из уровней. И при этом каждый уровень являлся пешкой в руках более высшего уровня. Даже зеленоглазый блондин, похожий на короткостриженую девочку, не был конечным звеном этой цепочки.

Как понял Томас, на самом деле мир гораздо больше, чем он мог себе вообразить. Прокуратор сказал, что даже на самых быстрых скакунах его не преодолеть за год, и это не считая просторов неведомым образом заселённого небосвода. Селеция со всеми её радостями и бедами является лишь небольшим островом в этом огромном

мире материков. Однако не простым островом. В руках Томаса находилась немыслимо важная для будущего всего человечества система, в которую вложены непомерные ресурсы, а самое главное — чудовищный объём бесценного времени.

Когда-то давным-давно мир столкнулся с парадоксальной проблемой. Достигнув уровня Совершенного общества, когда Связь стала таким же пустяком, как шпоры для Томаса, люди вдруг узнали о фазе и её возможностях. Вернее, они знали о ней почти всегда: многие чудаки бесцельно занимались ею ради развлечения или выдуманного просветления, а все остальные не верили им или просто не понимали, зачем она нужна. Да и как могло быть иначе, когда эти же чудаки полностью дискредитировали фазу, считая её неким магическим миром, называя его самыми дурацкими названиями?

Это недоразумение совершенно случайно исправила группа молодых учёных, которая обнаружила, что через фазу можно не только развлекаться, но и производить сверхсложные вычисления, и самое главное — напрямую влиять на организм человека. Оказалось, что с её помощью можно менять внешний вид и части тела по своей собственной воле, а также контролировать возраст. Теоретически это открывало перед окрылённым человечеством перспективу бессмертия и даже вечной молодости — того, чего как раз не хватало для перехода на следующий уровень развития в форме Абсолютного общества.

Главная загвоздка заключалась в том, что фазить могли далеко не все члены Совершенного общества.

Даже те, кто мог туда попасть легче других, всё равно делали это с большим трудом. Чтобы добиваться с помощью фазы ощутимых изменений собственного тела, им и вовсе приходилось применять так много усилий, что идею было невозможно масштабировать на жизнь каждого человека, да и вообще это лишало её всякого смысла. Сначала учёные с надеждой предположили, что всё дело лишь в отсутствии практики с детства. Однако вскоре выяснилось, что обучение фазе со школьной скамьи лишь ненамного меняло ситуацию. Стало понятно, что удивительная способность либо ещё только возникала в фундаментальных кирпичиках человека — в «генах», как их назвал Прокуратор, — либо, наоборот, уже пропадала из них. В общем, фазу оказалось невозможно использовать для развития цивилизации.

Да, человечество развилось столь высоко, что могло решить эту проблему путём некой «генетики». Но ведь это Совершенное общество! Оно посчитало такое вмешательство в природу неэтичным и недопустимым — ведь эволюция должна быть естественной, дабы не допустить опасного дисбаланса в природе. Даже после бесконечных дискуссий и тщательных исследований лучшие умы науки не решились на модификацию ключевой группы генов. В таком серьёзном вмешательстве заключался слишком непредсказуемый и долгосрочный риск. Никто не знал наверняка, к чему такие игры приведут в будущем: всего одна незаметная ошибка могла по цепочке событий привести к полному вымиранию человечества. Парадокс, но они могли как угодно использовать генетику для совершенствования

кроликов, однако боялись пальцем пошевелить во благо самих себя.

В итоге в их руках остался лишь один инструмент: естественная эволюция, когда поколения людей сами по себе генетически совершенствуются в условиях бесконечной цепочки жизни и смерти. Но сколько нужно ждать до тех пор, пока легкодоступная фаза проявит себя в генах каждого человека, если люди живут до сотни лет, не освобождая места для новых поколений? Возможно ли это в принципе, если наличие фазы не даёт явных преимуществ в выживании?

Мало того — у Совершенного общества была и другая проблема: оно вырождалось. Свои гены мог передать любой его член, даже если он не должен был выжить в условиях дикой среды, прекратив свою ущербную линию. Это привело к тому, что люди становились всё слабее и болезненнее. И хотя развитие медицины пока успевало за прогрессировавшей деградацией, общие успехи скрывали реальную картину: ошибок в генах накопилось так много, что рано или поздно следовало ожидать полного исчезновения человека как вида.

Всему виной стали идеальные условия жизни, которые на определённом этапе оказались главным врагом цивилизации. С точки зрения природы, жизнь без справедливой смерти обречена на неизбежное вымирание, поскольку это противоречит фундаментальным правилам игры. А ведь самым гениальным правилом являлась как раз грандиозная по эффективности череда смерти и рождения, в награду за которые даётся совершенствование и, как следствие, выживание. Почти остановив этот отлаженный механизм

своим высоким развитием, Совершенное общество поставило под угрозу своё собственное существование, не говоря уже об эволюции и развитии фазы, столь необходимой для достижения мечты в виде Абсолютного общества. Все понимали, что нужно решить эту проблему в любом случае. Но эффективно решить её можно было только смертью, которая была в основе всех естественных механизмов. А смерть можно было получить, только сняв с себя ответственность за неё, а также лишь в том случае, если она не будет касаться самого Совершенного общества и его полноправных членов.

После долгих поисков и обсуждений они всё же нашли выход из сложившейся ситуации, придумав проект «Селеция». Для этого они достигли внутренних компромиссов, изменили некоторые законы, наняли некие «корпорации», вложили огромное количество ресурсов и создали в океане изолированный остров, который заселили добровольцами из лучших фазеров. Путём войн и низкого уровня развития на острове можно было устроить анклав почти естественной жизни, в которой человек мог генетически совершенствоваться. Этим потрясающим по замыслу и масштабу проектом они убили сразу двух зайцев: теперь гены могли передавать не просто самые здоровые люди, а лишь те из них, кто мог легче других попадать в фазу.

Жизнь людей в черте эксперимента не стоила и гроша, поскольку, согласно принятым законам, считалась искусственной. То есть все жители Селеции не имели прав человека. Они были биоматериалом, как это назвал Прокуратор, не заслуживавшим даже толики жалости. Любой член Совершенного общества мог горестно

оплакивать попавшую под колесо несчастную белочку, но при этом с интересом наблюдать публичную статистику гибели тысяч невинных женщин и детей Селеции — ведь своей смертью они приближали проект к долгожданной цели его существования.

На острове было важно создать тот уровень развития цивилизации, при котором люди могли быть разумными, но не представляли опасности, — ведь ими нужно было легко руководить. Именно поэтому Томаса пугали неизведанные принципы работы Связи и бластеров, тогда как в мире за пределами Селеции это считалось нормой ещё задолго до основания самого острова. Именно поэтому Альберт так противился любым научным работам, а способы получения знаний через фазу не изучались и были под запретом. Никакие технологии нельзя было развивать без особого разрешения, а люди не должны были становиться слишком сообразительными.

По этим причинам Томасу в будущем категорически запрещалось вновь использовать бластеры. Он сможет ими пользоваться только в целях самообороны и в критических для проекта ситуациях. Фактически помощь оружием оказалась для Совершенного общества единственной законной возможностью влиять на происходившие на острове процессы. Поэтому Прокураторам всегда были нужны решительные и умные управленцы на месте, которым они могли лишь ставить цели и давать советы, но не более, дабы эксперимент считался максимально чистым.

Этими жестокими правилами удалось невероятно ускорить эволюцию в нужном направлении, чтобы рано

или поздно получить исходного члена Абсолютного общества, потомкам которого предстояло заселить весь мир. Действительно, с каждым новым поколением на острове возрастало количество тех, кому удавалось легко фазить и эффективно использовать этот навык в повседневной жизни. И хотя результаты долгое время не соответствовали поставленной задаче, с каждым столетием этот снежный ком успеха нарастал и разгонялся, а мутанты становились всё больше и разнообразнее, позволяя надеяться на резкий эволюционный скачок.

И вот на 946-м году они его получили в лице бесценной Элизабет, праматери Абсолютного общества, которой не нужно было применять усилий для входа в фазу, а значит, способной легко сохранять вечную молодость.

Сама того не понимая, необычная девушка оказалась результатом почти тысячелетней работы уникального проекта, являясь тем, что́ Совершенное общество получило взамен вложенных в Селецию колоссальных ресурсов и времени. Она одна стоила больше, чем все когда-либо жившие на острове люди, вместе взятые. Она была самым совершенным человеком из всех когда-либо существовавших в этом мире. Элизабет — это мечта всего человечества, которую смог получить именно Альберт Третий.

Почти девятнадцать лет назад в одной из арогдорских Школ была выявлена необычная двухлетняя девочка, соответствовавшая целевым критериям «селекции», как Прокуратор называл процесс отбора лучших особей. Её отцом оказался один из старших воинов-мутантов, а

матерью — простая прачка. Невероятно драгоценную девочку немедленно изъяли из опасного кратера, тайно доставив в самые безопасные стены замка Парфагона, где счастливый король выдал её за свою новорождённую дочь. Поскольку никто из простых смертных не видел малышку в первые годы её жизни, то впоследствии разница в возрасте не была замечена. Конечно же, Альберт так привязался к Элизабет и так переживал за неё, что едва ли не с первого дня искренне считал своей дочерью, — ведь именно благодаря его усилиям она появилась на свет.

В общем, Альберт успешно выполнял поставленные перед ним задачи, управляя двумя городами с уникальными элементами селекции, которые путём смертоносной конкуренции между собой значительно ускоряли прогресс. Он так бы и делал свою гениальную работу дальше, если бы не появился Томас и всё не испортил! Не зря его с детства дразнили деревенщиной! Ещё утром он считал себя спасителем мира, но теперь понимал, что сложнейший проект всего человечества был поставлен под угрозу полного провала от его добрых и заботливых рук. Оказывается, то, что для одного человека или даже тысяч людей может быть счастьем, для несметного количества других может оказаться невообразимой катастрофой. Это как жизнь Совершенного общества Прокуратора. С одной стороны, добившись счастья для текущих поколений, с другой они погубили нечто большее — саму суть человека и стремление его природы становиться лучше, от чего страдали абсолютно все их потомки. Именно эту

проблему они пытались решить на Селеции. И именно это едва не испортил Томас.

Альберт, Джавер, Эйзенберг и даже Свежая Роза были не просто положительными личностями во всей этой истории — они оказались надеждой всего человечества! Эти герои, несмотря на трудности и вынужденную жестокость, делали своё тяжкое дело и исправляли глобальную ошибку Совершенного общества, а также осуществляли его мечту. Даже противный Исаак Ньюртон выглядел настоящим гением. Именно он следил за качеством непосредственной селекции в Школах, Академии и Казармах. Именно он заботливо направлял в нужное русло ту гремучую реку, которая в конечном итоге притекла к сокровищу в лице Элизабет.

Но почему могущественный внешний мир не остановил сумасбродного Томаса? Хотя Прокуратор по закону не мог вмешаться напрямую, он мог эффективно этому посодействовать. Что же ему помешало?

Когда Альберт приглашал возмужавшего Томаса в Орден кровного надзора, он просто не мог рассказать ему всё и сразу. Для бывшего селянина было шоком услышать даже те общие и простые вещи, которые ему выдали в качестве первого шага познания реального мира. Мало того — у короля стояла задача лишь подготовить юнца к встрече с Прокуратором, который только сам лично мог вводить в детали проекта «Селеция».

Изначально всё шло по плану — ведь все были уверены, что несметные богатства и золотые доспехи легата усмирят аппетиты селянина. Однако никто не думал, что ему этого будет мало и что он окажется

настолько стремительным, что просто не успеет узнать всю правду. Никто не предполагал, что этот дерзкий молодой человек попытается решить все проблемы сразу, став не просто королём Парфагона, но и всей Селеции сразу! Потерпи он ещё один день — никогда бы всего этого не сделал, узнав о внешней цивилизации...

Неожиданно попав в тяжёлую ситуацию, свергнутый король просил помощи Совершенного общества, но ему отказали. Альберт в последнее время стал допускать слишком много ошибок, и потому хитрый Прокуратор хотел всего лишь посмотреть, кто же окажется сильнее в схватке за престол. Тем более что Питер Калица уже давно советовал обратить внимание на неординарного рыцаря. Мало того, именно канцлер спровоцировал дворцовый переворот, сообщив о гибели Ирэн в тот момент, когда Томас собирался дать согласие Альберту. Калица на это пошёл, потому что сам жаждал изменений, но не мог претендовать на главную роль по причине почтенного возраста.

Так или иначе, во главе Селеции действительно оказалась самая сильная и решительная персона. Альберт выполнил свою задачу, но перестал соответствовать дальнейшим целям и более строгим требованиям. Он был слишком слаб, недостаточно решителен и недостаточно жесток. Он действовал слишком мягко, гуманно, заигравшись во всеми любимого короля, вместо того чтобы быстро и жёстко осуществлять поставленные задачи, не теряя драгоценного времени. Именно это теперь нужно было исправить Томасу, на которого возложили свои надежды люди всего Совершенного общества.

Как следствие, его поставили перед страшным фактом: если сохранить достигнутый мир, то смысл существования острова улетучится. Поэтому новому королю нужно было в любом случае возобновить войну. Причём ещё более смертоносную — ведь проект «Селеция» следовало переводить на новый этап развития.

Когда Альберт обнаружил Элизабет, он сразу же приступил к чистке Селеции от отработанного биоматериала, чтобы постепенно заселять территории более совершенными людьми, потомками его приёмной дочери. Именно поэтому случилась та трагедия под Салепом, когда сам Томас впервые услышал о принцессе и затем потерял всех близких. Однако потом была взята пауза почти на восемнадцать лет, поскольку Орден по просьбе Прокуратора всё же решил подождать ещё хоть одного уникального ребёнка по старой схеме. Однако за следующие годы ни родители Элизабет, ни другие жители Арогдора и Парфагона не смогли родить совершенных особей с целевым набором генов. Тогда было принято решение о возобновлении зачистки острова, почему и произошло столько кровопролитных событий за последний год.

Однако Прокуратор не был доволен скоростью работы. Именно поэтому смелому Томасу позволили сместить мягкотелого Альберта и поставили перед ним три сложнейших задачи.

Во-первых, он должен уничтожить значительную часть человеческой биомассы острова, чтобы она не мешала дальнейшему развитию проекта и не создавала лишних рисков. Этот кровавый акт, судя по всему, должен стать

своеобразным экзаменом для нового главы Селеции. Именно так он должен был окончательно доказать свою благонадёжность.

Во-вторых, Томас должен устранить Вальтера Мейсера, который живёт на другом уровне понимания и сражается за свою собственную справедливость. Мэр Города Заката от кого-то узнал, что жизни на Селеции будут вновь иметь ценность, как только принцесса лишится головы, поэтому и считал её ведьмой. Действительно: если её устранить, Прокуратор должен будет неизвестно сколько ждать вторую Элизабет, и ему понадобится старая система селекции с её людьми. Однако это только на первый взгляд. На самом же деле Совершенное общество могло запросто закрыть дорогостоящий проект, уничтожив отработанный биоматериал и удовлетворившись эвакуацией детей, имеющих в любом случае значительно улучшенную генетику.

В-третьих, Томас должен изменить сами правила селекции, чтобы новые поколения формировались по особым принципам только от Элизабет, праматери всего будущего человечества, а также от её потомков с нужной наследственностью. Он сам должен стать первым отцом, однако затем ей нужно будет рожать сотни лет напролёт от разных мужчин, не обязательно имея с ними близость. В конце концов, когда на Селеции сформируется население исключительно с целевыми генами, Совершенное общество начнёт переселять всех новорождённых детей на своё место, тем самым обновляясь и трансформируясь в свою мечту — бессмертное Абсолютное общество.

Всё было понятно озадаченному Томасу, но никак не смысл уничтожения невинных людей, что противоречило его нутру. Однако Прокуратор был непреклонен и другие решения просто исключал. Например, людей нельзя было эвакуировать на другие земли по причине душегубских законов, специально введённых под проект. А если же их просто изолировать где-то на Селеции, то эта колония будет представлять потенциальную угрозу. Поэтому подданные короля являлись всего лишь отработанным активом, от которого Прокуратор хотел как можно скорее избавиться. Он также не без причины остерегался неоправданных рисков — ведь массы могут легко стать неуправляемыми. Мейсер уже не раз это доказывал, будучи до сих пор основной угрозой проекту.

Для Прокуратора ни одна жизнь на Селеции, кроме Элизабет, не представляла ценности. Как и для всего Совершенного общества, которое с самого начала выработало такое отношение к эксперименту. Иначе бы в этом не было смысла. Иначе бы ничего не получилось. Иначе человечество просто-напросто вымрет в будущем.

Но самое страшное — Томас теперь должен стать ещё безумнее Альберта и кровожаднее Джавера. Именно поэтому ему позволили занять трон. И это при том, что в курсе ситуации теперь находились только два человека: канцлер и генерал. Все остальные — ни подданные, ни друзья, ни близкие — никогда не поймут того, что будет делать новый король. Да он и сам не имел понятия, сможет ли на всё это решиться.

***

За несколько следующих дней в протрезвевшем Парфагоне начала назревать напряжённая ситуация.

Запертые селяне и хозяева домов, где их радушно приняли, не могли понять, почему ни Северные, ни Южные ворота до сих пор не раскрыты. Всё это время мудрый Калица как мог в своих объявлениях убеждал в необходимости предусмотрительности. По его словам, ещё не известно, как отреагирует побеждённый Арогдор, и потому нужно было продолжать держаться вместе. Хотя люди пока соглашались терпеть временные неудобства, ситуацию усугубляли две сотни четырёхруких воинов и столько же их челоконей. Всё-таки люди с молоком матери впитали ненависть к мутантам, а теперь были вынуждены видеть их каждый день. Напряжённые монстры, чувствуя давление окружающих, злились не меньше и таили всё нараставшую обиду. Действительно, было трудно представить, как все они смогут мирно сосуществовать в светлом будущем.

В это время Томас практически никого не подпускал к себе. Он упорно искал компромиссное решение поставленных перед ним задач и надеялся избежать невинных жертв, хотя уже не мог назвать их бессмысленными. С точки зрения многострадальной Селеции, вся эта ситуация выглядела чудовищной бедой. С точки зрения всего человечества и его будущего, в ней просматривалась жизненная необходимость, хотя всё же было трудно понять, зачем Совершенное общество избрало такие безжалостные правила в отношении Селеции. Ко всему прочему Томасу следовало решить свои собственные семейные неурядицы, ибо жить с Марией в одном замке он больше не мог. Он питал к ней глубокие и родственные чувства, однако это были далеко

не те животрепещущие эмоции, которые он испытывал к бесценной Элизабет.

В один из вечеров, уже ближе к ночи, он смог застать по-прежнему деятельную жену в величественном тронном зале, где она всё-таки продолжала готовить Королевский бал по случаю долгожданного мира. Она занималась этой суетой уже больше по инерции и в попытках хоть как-то отвлечься, нежели ради самого́ праздничного мероприятия. Бедняжка просто не находила себе места, чувствуя себя выкинутой на помойку.

— Мария, нам нужно поговорить, — Томас уверенно взял её за напряжённую руку и повёл из зала в сторону внутреннего сада, где среди журчащих фонтанов хотел спокойно пообщаться. — Готовишь праздник?

— Война кончилась — люди ждут радости.

— Понятно. Я долго думал...

— И? — она остановилась в тёмном коридоре, и её глаза начали быстро наполняться слезами.

— Мы должны расстаться.

— Почему?

— Я люблю Элизабет.

— Это бред!

— Поверь: это обдуманное решение.

— Сволочь! Гад! Тварь! — начала орать Мария, набросившись на ненавистного супруга с кулаками, но тот грубо схватил её за плечи и крепко прижал к себе:

— Всё будет хорошо. Расслабься.

— Как ты мог?! После всего, что с нами было? Томас, так нельзя...

— Я сам во всём виноват, когда после Школы не провёл границу наших отношений. Но и твоя вина в этом тоже есть.

— Моя? В чём я могу быть виновата? Томас...

— Ты всегда вела меня к своей собственной цели, пока я думал о другом. Ты даже не задумывалась обо мне.

— Разве ты меня не любил?

— Я не знал, что это такое. Я думал, что любил, когда шаг за шагом вдруг находил себя на новых этапах отношений, которые ты одна придумала и строила.

— Но ведь нам было так хорошо...

— Это действительно так! Я очень долго думал над этим, — тяжело вздохнул Томас, продолжая обнимать рыдающую Марию и нежно целуя её солёное лицо. — И понял почему.

— И что же?

— Взгляни на мою сестру. Я ведь все первые годы рос вместе с ней. Когда нас разлучили, почти сразу же появилась ты. Вы были во многом схожи... Даже одного возраста! Прости, но ты заменила мне сестру, Мария.

— Томас, это неправда!

— Я обещаю тебе заботу и пожизненное содержание. Но ты должна покинуть замок.

— Тварь!

— Надеюсь, ты остынешь и поймёшь. В любом случае, у меня всегда будет хорошее отношение к тебе, и я никогда не забуду всё, что ты сделала для меня. Я хочу остаться твоим другом и...

— Молчи и уходи! Уходи! Уходи!

У окончательно поверженной Марии началась истерика. Она упала на устланный зелёным ковром пол

и стала колотить его руками. Томас попытался поднять её, но она со всей силы ударила его по лицу, и он тут же ушёл прочь. На крики и шум сбежалась гурьба из стражей и обслуги, которые всеми способами пытались усмирить Марию. Но что может утешить женщину, когда её возлюбленный ушёл к другой, а титул королевы растаял в воздухе?

В это время Томас с разрывавшимся сердцем брёл к своей новой избраннице. Зная и чувствуя, как тяжело сейчас Марии, ему хотелось тут же броситься к ней обратно. Но он понимал, что иногда нужно выбирать между двух зол, и потому мужественно сдерживал свой сиюминутный порыв вернуть всё на свои места.

Войдя в бежевую опочивальню, отныне обставленную в привычном Элизабет духе, он обнаружил её с толстой книгой в постели, где неприступное тело божества пряталось в коротких шёлковых штанишках и такой же нежной белой рубашке. Все эти дни Томас изо всех сил пытался не менять отношения к возлюбленной. Он помнил, во что это вылилось для Альберта, который не мог нарадоваться драгоценному плоду своей усердной работы. Пресмыкаясь, он убил любое уважение к себе и потерял обратную связь с ней. Поэтому предусмотрительный Томас стойко держался подальше от праматери Абсолютного общества, каждый раз с трудом сдерживая дрожь в руках, прикасаясь к ней.

— Добрый вечер, дорогой! — улыбнулась она, положив книжку на столик у кровати, и сразу потянулась к свече, намереваясь её задуть.

— Опять философия?

— Да. Очень интересно!

— Шутишь? Как же ты спишь после этого?

— Я всегда усну, поверь.

— Что правда, то правда...

В резко нахлынувших сумерках осмелевший Томас снял с себя всю одежду и аккуратно прилёг рядом с утончённой Элизабет, чьи раскинувшиеся волосы занимали полкровати. В отличие от энергичной и инициативной Марии, она была во многих вещах стеснительной и совсем скромной. У неё едва присутствовал навык общения с людьми и полностью отсутствовал опыт общения с мужчинами как таковыми. Иногда в ней что-то прорывалось, и она была неестественно решительна, но гораздо чаще она была нежна, приветлива, но не более.

Поэтому, ложась в холодную постель, девушка каждый вечер без исключения нежно целовала Томаса, почти официально признавалась ему в любви и старалась сразу же отодвинуться как можно дальше. Если же отодвинуться было недостаточно, то в ход шло грубое оружие в виде той самой увесистой книги, которая именно для этих целей всегда коварно ютилась под рукой и читалась исключительно перед сном. Пара глухих ударов по прочному королевскому черепу очень эффективно отрезвляла мнимое всемогущество правителя Селеции.

На этот раз, окончательно закрыв больной вопрос с бывшей супругой, душевно освобождённый Томас решил всё же довести дело до победного конца. Теперь у него имелось на это моральное право, да и пора уже было приступать к третьему пункту поставленных Прокуратором задач! Девушка уже давно должна была

иметь ценное потомство, однако сердобольный Альберт слишком долго не решался подпускать к ней мужчин.

— Спокойно ночи, любимый! — Элизабет нежно прикоснулась к его губам, шустро отвернулась и тут же попыталась спрятаться у противоположного края обширного ложа.

— Ты куда?

— Спать. Уже поздно.

— Ну-ну!

Обнадёженный собственными ожиданиями, Томас, словно в смертельно опасной разведке, еле заметно подкрался к ней сзади и стал нежно целовать её вытянутую, благоухавшую фиалками шею. Затем он осторожно и ненавязчиво начал трогать её чувственное тело, медленно и едва заметно извивавшееся от прикосновений. Ей это вроде бы и нравилось, однако и продолжать по некой неведомой причине она не хотела.

— Томас!

— Что?

— Прекрати.

— Почему?

— Потому что мне щекотно! — категорично ответила Элизабет, бросив предупреждающий взгляд в сторону спасительного томика философии. Но Томас, видавший и не такие ужасы на изуверском вулкане, смело продолжал всё наглее и наглее её ощупывать:

— А может, тебе просто хорошо, а не щекотно?

Однако непонятливая девушка грубо убрала его вспотевшие руки и тяжело дышавшую голову подальше от себя. Расстроенный Томас был вынужден признать, что рыцарские заслуги и королевские регалии в таких

вещах работают далеко не всегда. Но, как и полагается отважному герою, он не сдавался до последнего. Несмотря на протесты, Томас легко перевернул Элизабет на спину, прижал её руки к кровати и стремглав забрался наверх, жадно лобызая нежную шею и изящные плечи под тонкой тканью.

— Томас, остановись! — вдруг по-настоящему испуганно закричала Элизабет, широко раскрыв глаза. — Прекрати!

— Ну что такое?

— Ложись спать. Ничего не будет.

— Почему это?

— Я не готова. Что тут непонятного? — с надеждой и грустью косилась она на спасительную книгу, которая была так близко.

— Я опять какие-то страницы зря пролистывал?

— Ты вообще это не читал!

— Элизабет, ты не понимаешь, — не знал, как правильно сказать, Томас. — Мы тут мир должны спасать.

— О-о-о, да ты просто не те книги читал!

— Я серьёзно. Нам нужно продолжать род человеческий. Всё сейчас зависит только от нас с тобой. Прямо сейчас! — тараторил наивный хозяин замка. — Не могу рассказать тебе всех подробностей, но это правда. Нам нужно срочно начать, а потом я тебе всё обязательно объясню.

— Да вы всем так говорите!

— Да? — искренне удивился Томас. — Так я же правду говорю. Честно!

— Нет. Ложись спать.

— Когда?

— Как-нибудь.

— Элизабет, на нас все надеются. Серьёзно. Мир не может ждать!

— И я не жена тебе, между прочим.

— Сначала жениться?!

— Конечно! В книжках по-другому не бывает.

— Да где ты берёшь такие книжки? Сжечь тех, кто их продаёт! И отрубить руки тем, кто пишет!

— Спокойной ночи!

— Спокойной, — пробурчал обиженный король Парфагона и Арогдора, доблестный завоеватель всей Селеции. Он нехотя отпустил руки своей холодной женщины и рухнул рядом на спину. Только теперь до него стало доходить, что коварные задания хитрого Прокуратора были гораздо сложнее, чем можно было предположить. Спасение будущего человечества — не такая уж лёгкая задача, если этот путь лежит через такой крепкий орешек. Или он делал что-то неправильно?

Сама же Элизабет, делая вид, что уже спит, в этот момент тоже пыталась себя понять. Её чуткое сердце всё ещё учащённо билось, и она одновременно искренне проклинала себя и тут же с облегчением радовалась тому, что ничего не произошло. Она, бесспорно, хотела сделать шаг навстречу более близким отношениям, но невероятно боялась этого — ведь дело было не в её желании. Она всё же воспринимала себя нормальным человеком, и ей хотелось того же, что и другим людям. Просто Томас совершенно не понимал, что для неё близость — вовсе не рядовое событие, а большой и

серьёзный шаг в новую жизнь. До сих пор в своей головке она чувствовала себя невинным отроком — ведь изоляция от взрослого мира значительно продлила период детства и усугубила его. Она очень хотела стать полноценной женщиной, но её это сильно пугало. Её пугал не сам Томас, а совершенно новая жизнь, новый взгляд на вещи и новые ориентиры. Она очень хотела окунуться в эту неизбежную историю прямо сейчас, однако ей всё ещё было некомфортно покидать территорию беззаботной юности, в которой было так легко и привычно.

Элизабет хорошо понимала, что долго эта неопределённость не продлится и решение внутренней проблемы должно быть найдено. Но его всё не было. Каждый день с самого утра она храбрилась и действительно думала, что всё произойдёт этим же вечером. У неё даже была масса собственных потаённых фантазий и желаний, с которыми она пока не знала, что делать. Но как только сгущались сумерки, она вдруг терялась в своих страхах и переживаниях. В итоге ей оставалось лишь с горечью жалеть невинного Томаса и всё больше ненавидеть саму себя.

Запутавшись в мучительных мыслях, Элизабет вдруг почувствовала, как её утомлённое сознание на мгновение провалилось в лёгкое забытьё, тонкий полусон и снова аккуратно всплыло обратно. Очнувшись после такого микросна, она попробовала встать, не напрягая мышц, — и тут же почувствовала вязкое движение, тихий шум в ушах и лёгкое гудение в теле. Когда девушка окончательно встала с кровати, шипящие звуки и вибрации исчезли, а невероятно обострённые ощущения

поглотили её восприятие — она снова в фазе, и снова можно делать всё что угодно!

Последнее время она дни напролёт горевала по своему бесславно погибшему отцу и теперь, наконец, осмелилась его увидеть. Пока он был жив, она издевалась над ним как могла и не ценила его чрезмерную заботу, до сих пор не понимая её причин. Теперь же ей стало стыдно за свои гадкие поступки. Осознав свою заветную цель, Элизабет уверенно направилась к железной двери, тщательно фокусируя внимание на том, что её отец уже стоит за ней. Подходя ближе, она чувствовала, что он действительно прямо сейчас стоит с другой стороны и ждёт её, отчего ей стало нестерпимо жутко.

Но она пересилила себя и, с большим трудом открыв тяжелейшую дверь, всё же предстала перед Альбертом, немедленно растворив холодящий потусторонний страх в вечной любви. Он стоял немного в сторонке в своём любимом коричневом камзоле и смущённо улыбался, будто извиняясь за то, что теперь не может докучать своими переживаниями и нежностью. Слёзы горечи ручьём полились из глаз растроганной Элизабет, и она мигом кинулась к нему в объятия. Он обхватил её своими мягкими руками, осторожно прижав к упитанному торсу, отчего осиротевшая девушка сразу почувствовала тот обволакивающий, знакомый с самого раннего детства пряный и немного горьковатый аромат. Вдыхая его всегда было так приятно уткнуться в эту шелковистую бороду, находя там блаженное умиротворение. Посмотрев на лицо вблизи, она увидела удивительно ажурный рисунок радужки серых глаз и разглядела тоненькие полоски меж крошечных пор на гладкой коже —

настолько детально всё было видно даже при тусклом свете масляных ламп. А ведь в реальности она никогда не замечала таких мелочей! Смущённый Альберт в ответ всё ещё нерешительно улыбался, хотя и его глаза постепенно увлажнялись:

— Как ты тут без меня? — мягко прощебетал он, вытирая рукой мокрые щёки дочери.

— Папа...

***

Время не шло и не текло — оно летело, но обескураженный и чрезмерно рассудительный Томас снова не мог определиться дни напролёт. Снова слишком многое стояло за его решением. Да и как убить совершенно невинного человека? А тысячу или сто тысяч? А что, если вся эта история про такое продвинутое Совершенное общество — не более чем очередная выдумка, коварный обман? Между тем, как и после приглашения вступить в Орден, молодой король сомневался, был ли у него на этот раз выбор в принципе. Скорее всего, Прокуратор и Калица просто выжидали, когда он осмысленно придёт к нужному для них решению и начнёт действовать по собственной воле. Если же он откажется, то его наверняка попробуют принудить силой или шантажом. А если и это не поможет, то его ждёт неизбежная смерть. Разве это выбор?

Тем временем Калица потихоньку начинал терять своё железное терпение и всё чаще устраивал неожиданные встречи Томасу, который старался всеми возможными способами его избегать. Потерявшего покой канцлера можно было понять: стонущий город всё ещё был заперт, ведь эта была отличная возможность одним разом

значительно проредить численность популяции острова. Однако панические настроения грозили в самое ближайшее время превысить критическую планку. Тогда уже никто ничего не сможет контролировать, и весь проект «Селеция» окажется под угрозой.

А главной угрозой стали отчаянные селяне. Они всё чаще бунтовали, пробовали сбежать и даже начали формировать подполье, чтобы совместно противостоять надвигавшейся катастрофе. Им было лучше других понятно, что если они в разгар весны не вернутся на свои фермы, то к концу лета начнётся неминуемый голод, а до следующей весны уже мало кто доживёт. Все это так или иначе понимали, но никто в замке не предпринимал никаких действий. Ситуация находилось в абсолютно подвешенном состоянии, и потому напряжённая обстановка накалялась с каждым днём.

Даже привычно весёлый ужин у короля превратился в скучное сборище поникших страдальцев. Все собравшиеся лишь молча и понуро жевали, пребывая в недоумении из-за вечной подавленности Томаса Первого. Сложности добавляли убийственные слухи о том, что ушлые мутанты, получив полную свободу, бесстыдно заселяли добротные земли и хозяйства, которые по праву принадлежали селянам, запертым в проклятом Парфагоне. Такие неутешительные новости вызывали шок у любого, кто их слышал. Кто кого завоевал? И не вернувшаяся ли ведьма стала причиной вновь возникших проблем?

В один из вечеров одинокая и потерянная Мария Лури неспешно возвращалась в тот самый небольшой домик, где некогда жила с молодым и скромным офицером

Томасом Юргом. Она смогла уговорить бывшего супруга позволить ей довести до конца её заветную мечту и всё-таки организовать Королевский бал. Ей было тяжело отойти от жизни в замке, а такие приятные хлопоты помогали отвлечься и при этом заниматься любимым делом. Больше в её жизни ничего и никого не осталось, кроме разве что жены кузнеца, которая заменила ей мать, погибшую по вине того же Томаса.

Подходя к своему жилищу на окраине Парфагона, она заметила в окне горящую свечу. Расстроившись, бывшая первая леди решила, что это снова пришла какая-нибудь из её злорадствующих подруг для очередного наигранного утешения. Однако на прохудившемся пороге её встретил жгучий трибун Ален Оспэ и молча проводил в простенькую столовую, где на шатком и скрипучем стуле с трудом сидел высокий и невозмутимый брюнет, на вид не меньше шестидесяти лет. Было сразу понятно, что это один из пришлых, ибо коренные парфагонцы крайне редко выглядели так ужасно, даже если им было за две сотни лет. На мужчине болтался плотный серый балахон с капюшоном, а его гордое лицо показалось ей знакомым. Эти смолистые волосы и этот орлиный нос она определённо уже видела.

— Добрый вечер, Мария!

— Здравствуйте!

Она пыталась вспомнить, откуда ей известны эти характерные черты, но у неё никак не получалось. Тогда она вопросительно взглянула на понурого Алена, но тот лишь невинно улыбнулся и пожал плечами. Наконец загадочный незнакомец сам почувствовал её терзания:

— Не можете меня вспомнить? Мы не знакомы.

— Но ваше лицо...

— Возможно, вы путаете меня с сыном.

— Сыном?

— Ему помешал ваш супруг.

— Он много кому помешал. Хотя... — ошеломлённая Мария внезапно вспомнила шрам Томаса по правую сторону поясницы: — Вы... Ваш сын тогда... Чёрный рыцарь!

— Да. Меня зовут Вальтер Мейсер. И я здесь для того, чтобы закончить дело моего сына. Вам должно понравиться.

— Невероятно! Ален?

Мария, широко раскрыв глаза, посмотрела на лучшего друга своего бывшего мужа, но тот лишь покраснел и опустил свои жгучие очи — ему явно было не по себе. Он взял со стола кувшин с водой и сделал два жадных глотка:

— Я случайно познакомился с Вальтером, — вытирая рукавом намокший подбородок, начал Ален, — и он ответил на все вопросы, на которые не смог ответить Томас...

***

В это же самое время сам новоиспечённый глава Селеции находился в дорогой сердцу Академии, в одной из её Башен заточения, где перед ним на коленях сопел закованный в толстые цепи Айвор Джавер. Рядом стояли вёдра с мутной жижей и тошнотворными помоями, которыми кормили исхудавшего пленника с гниющей раной на правой ноге. Жутко зловонная камера была настолько мала и сыра, что одетый в одни лишь дырявые штаны генерал даже не мог лечь во весь рост, а его

чёрные дреды приобрели мокрый блеск и покрылись плесенью.

С утра до вечера в приунывшем замке ходила по всем углам и беспрерывно причитала убитая горем Кейт, которой было запрещено выходить в город. Жалостливо подёргивая носиком, она при каждой встрече с избегавшим её братом умоляла отпустить ненаглядного Джавера. Женское сердце настолько ослепло от беспечной любви, что Кейт уже совсем не отдавала себе отчёта в том, кем являлся её суженый. Раздражённый таким отношением к извечному врагу, Томас хотел всё это закончить одним лишь словом о роли этого бесстыжего монстра в их не самом счастливом детстве. Однако ему всё чаще казалось, что это ничего не изменит. Мало того — парадоксальная женская любовь могла стать ещё сильнее, вообразив мучения и душевные страдания своего бедненького чудовища за поступки далёкого прошлого.

Но в этот день ситуация изменилась для самого Томаса. Разрыдавшаяся сестра неожиданно призналась, что она уже неделю как обнаружила себя в положении. Она боялась сказать об этом сразу, поскольку думала, что ей не поверят, — ведь она и так постоянно придумывала всевозможные глупости и ухищрения, лишь бы снова увидеть супруга на свободе. Получается, теперь в руках Томаса была жизнь не только любимого человека его сестры, но и отца его будущего племянника. Мало того, он стал чувствовать, что даже сама жизнь Кейт тоже напрямую зависит от него, ведь она болезненно привязалась к этому проклятому мутанту. Кто знает, что ещё сотворит эта отчаянная и готовая на всё женщина?

Все эти мучения и страдания сестры, а также его собственные угрызения совести вынудили молодого короля проведать в Башне заточения самого страшного человека Селеции:

— Почему ты сдался и не убил меня?

— Кейт. Я бы потом не простил себя.

— Что? У тебя есть совесть?

— Ты ещё не общался с Прокуратором? — съязвил четырёхрукий монстр. — Какая совесть? Я выполнял поставленные задачи. Не для себя. Не для предводителя. Не для короля.

— Для удовольствия?

— Думаю, ты знаешь ответ.

— Мне просто хочется понять, как ты это делал.

— Так ты ещё только решаешься? У тебя нет выбора.

— А если Прокуратор врёт?

— Хм… Во-первых, он не врёт. А во-вторых, даже если он врёт, у тебя всё равно нет выбора.

— Я просто не понимаю, как я буду отдавать эти приказы...

— Первый раз помучаешься, а потом — как отлить за углом.

— Что, ты и Нильсу срубил голову, как отлить?! — Томас вскочил и размашистым пинком уложил генерала в мерзкую слякоть. — Ты знаешь, кем он для меня был, тварь вонючая?!

— Прости... — хлюпая кровью, почти невозмутимо ответил оглушённый Джавер, беспомощно пытаясь приподняться. — Это часть нашей работы.

— Бред!

— Прости, но это так.

— Так ты сдался только из-за Кейт?

— У правильного решения должен быть только один довод.

Каждый задумался о своём, и оба замолчали. Как часто бывает у мужчин, если они кого-то сильно боятся, то рано или поздно проникаются к противнику уважением. Возможно, это был один из тех случаев. В короткой, но насыщенной жизни Томаса ещё не имелось примеров настолько страшного и опасного человека, который, несмотря ни на что, стоял перед ним до сих пор живой. Этот вопрос можно было бы решить одним взмахом меча, но Томаса останавливали страдания сестры.

— Что было, когда ты узнал о её родителях?

— Я хотел покончить с собой.

— А если она узнает?

— Эх...

— Она беременна.

— Что? — встрепенулся Джавер, подумав, что ему послышалось. — Ты сказал «беременна»?

— Да. Поэтому я тут.

Лежавший в грязи огромный мутант абсолютно неожиданно затрясся и зарыдал, не в силах сдержать новый удар судьбы. Всё действительно повторялось в его дурацкой жизни: страстная любовь, неотвратимая катастрофа, тонкая грань между жизнью и смертью, а также ребёнок от самой дорогой женщины, которого он опять может никогда не увидеть.

— Не знаю, Айвор, чем всё это закончится. Но я не буду разбивать её сердце, — произнёс Томас, наблюдая жалкий вид окончательно поверженного врага. — Она и

так достаточно настрадалась, поэтому никогда не узнает правду об убийстве родителей, поверь. Но за твою жизнь я не ручаюсь.

— Только береги их, прошу тебя!

— Об этом не беспокойся.

— Спасибо!

— Кстати, у меня к тебе есть ещё пара вопросиков...

***

Согласно теории генерала Айвора Джавера, существует только два рецепта вывести несчастную женщину из затянувшейся хандры и мрачных мыслей, а заодно избавить от холодности душевной и телесной. Первый способ — по его заверению, самый простой и эффективный — заключается в том, чтобы посадить её на цепь в какой-нибудь глухой комнате без окон и дверей, а затем в течение хотя бы двух или трёх дней периодически поколачивать и насиловать. Но Томас был ещё молод и менее чу́ток, а потому пошёл вторым путём, пусть и менее эффективным.

Для этого весь следующий день молодой король посвятил подготовке к спасению будущего всего человечества. Покинув Парфагон в сопровождении лучших рыцарей и в строгой секретности, чтобы ни в коем случае не узнал Питер Калица, Томас и Элизабет в простых балахонах отправились гоняться за зайцами на ошалевшем от радости Билле. Затем они весело катались на лодке по реке Тихой, устроив долгожданный пикник на небольшом островке. По совету одного опытного человека, половина их провианта состояла из наваристого мяса, а вторая половина — из всего, что содержит как можно больше мёда и прочих сладостей.

Объевшись и настрелявшись из арбалета, обласканная весенним солнцем парочка мирно вздремнула под безмятежное журчание воды. При этом обнаружилось, что Томас оказался большим специалистом в хиромантии, а линии на нежных ладонях его прелестной спутницы так и говорили о её несчастном прошлом и блистательном будущем.

Домой молодые люди возвращались под истории рыдавших Карла Линна и Билла о том, как они с Томасом драматично прорывались в беспощадный Арогдор и, потеряв почти всех отважных друзей, сражались в холодном кратере до последней капли крови. Впечатлительная Элизабет то и дело раскрывала утончённый ротик в изумлении, тихо охала и обнимала своего настрадавшегося героя, как будто те самые болезненные ранения он получил только что, во время рассказа его подозрительно эмоциональных друзей.

Вечером влюблённые прогуливались по древней Стене, по очереди окунаясь в огромный букет благоухавших бордовых роз. При этом Томас был облачён в эффектный офицерский камзол, а Элизабет сияла в сдержанном бирюзовом платье с тёплой шалью на плечах. Споткнувшись о странный свёрток, они совершенно случайно обнаружили контрабандную бутылку очень сладкого и, следовательно, весьма креплёного вина. Обругав клятых спекулянтов и нарушителей закона, было решено попробовать, что за гадость употребляют в падшем Арогдоре. «Гадость» бывшей принцессе неожиданно очень понравилась. По неопытности она чуть ли не залпом опустошала каждый

предательски бездонный стакан, словно это был ягодный компот.

Когда окончательно стемнело, Томас вдруг оказался знатоком небосвода. Тыкая пальцем в небо наугад, в реальности зная лишь Луну и Полярную звезду, он уверенно рассказывал о далёких созвездиях, акцентируя внимание на самых печальных названиях: Падший ангел, Безымянная любовь, Разбитые сердца, Холодная постель монарха и тому подобное. Его захмелевшая и удивлённая подруга даже не поняла подвоха, хотя ещё днём знала небесный а́тлас как свои пять пальцев.

Потом Томас внезапно почувствовал себя ужасно проголодавшимся и спросил, нет ли у кого-нибудь из стражей чего съестного. Неожиданно нашлись целое ведро горячих бараньих рёбрышек и огромная кружка мёда. Молодые люди решили перекусить, как простолюдины, свесив со Стены ноги и на меткость швыряя обглоданные кости в копошащихся внизу ежей. Тут же выяснилось, что влюблённые, судя по всему, напали на тропу контрабандистов: в расщелине, где жили ласточки, вдруг обнаружилась ещё одна бутылка креплёного вина. Передав срочное сообщение канцлеру о бесчинствующих спекулянтах, разгулявшаяся подруга короля решила мужественно уничтожить все запасы предателей, дабы они не попали в руки невинных женщин и детей.

С самого начала всё это выглядело так, будто Томас решил всего лишь провести время со своей невестой. Никаких неприличных мыслей у него не было и не могло быть. Чтобы доказать это, он впервые за весь день не сделал ни одного неоднозначного прикосновения. На

самом же деле их было много, но таких, что вроде как и обвинить было не в чем. Мало того, ни одного намёка не вырвалось из его честных и благородных уст! Вёл он себя так, будто женщины вообще перестали его интересовать, словно некое серьёзное ранение в кратере мутантов сделало его простым романтиком и мечтателем.

Вернувшись в спящий замок, Элизабет, рифмуя пошлые стишки, скинула туфли и босиком побежала в опочивальню, таща за собой изо всех сил сопротивлявшегося Томаса. Захлопнув за собой железную дверь, от грохота которой проснулись все слуги, и попрыгав на кровати, словно бешеная лань, она запрыгнула на хмурого жениха и повалила его на постель.

— Эй, ты чего это? — чрезвычайно серьёзно удивился король Парфагона и Арогдора.

— Нужно спасти человечество! Ну, или хотя бы одну человечинку.

— Погоди, мы так не договаривались! Ты какая-то несерьёзная сегодня... Утром встреча с Питером, между прочим.

— Снимай с меня платье! — приказала она. — И быстро!

— Ага, это вот так в книгах пишут, да?

— К чёрту дурацких писак!

Элизабет дотянулась до лежавшего рядом толстого томика и с яростью бросила его в самую дальнюю стену, отчего трухлявая книга с треском рассыпалась, и одинокие страницы разлетелись по всей комнате.

***

Весь следующий день окрылённый Томас пребывал в приподнятом настроении, ощущая лёгкость в любом действии и оживших мыслях. Хотя он всё ещё не мог принять страшного решения, жизнь уже не казалась таким скучным и ужасным делом. В его голове появилась блёклая надежда, что всю эту неприятную историю с Прокуратором можно безболезненно решить. Не зря же он столько раз в своей жизни находил выходы из самых пропащих ситуаций!

Вечером состоялся Королевский бал, который так долго и тщательно готовила внимательная к каждой мелочи Мария. К большому облегчению Томаса, она уже не рыдала при каждой встрече и вела себя почти как прежде, разве что немного прохладно. Безусловно, он продолжал её любить как родную сестру и преданного друга, поэтому ему было важно каждый день видеть, что она не страдает.

Понимая возможные опасности от скопления народа, ставший подозрительным Томас запретил Элизабет посещать это никчёмное мероприятие. Тем более её присутствие могло навредить едва пришедшей в себя Марии, которой удалось действительно удивить собравшихся гостей. Блистательный тронный зал, усыпанный лепестками роз и залитый светом тысяч свечей, никогда ранее не был так элегантно украшен разноцветными лентами вдоль мраморных колонн, волнистыми тканями на стенах и букетами свежих полевых цветов, обильно расставленными по всем углам. Что уж говорить сразу о двух оркестрах, представлениях акробатов и танцоров, а также о сверкающих в ослепительно-белых нарядах слугах, что без устали

угощали польщённых рыцарей и их дам прохладными напитками и изысканными закусками!

Скромному по природе и по происхождению Томасу, наблюдавшему за праздником с высоты своего престола, даже стало немного неловко. С одной стороны, люди по-прежнему видели простоту короля в его неизменном рыцарском камзоле со сверкавшим золотым жетоном напротив сердца. С другой стороны, столь много сил и ресурсов оказались без какой-либо необходимости выброшены на ветер. И это в тот тяжёлый момент, когда в Парфагоне страдали тысячи нуждающихся, а вскоре и вовсе ожидался голод!

Тем не менее на бал явилось около двухсот пар гостей, которые окунулись в атмосферу прежних времён и в своих лучших нарядах ритмично кружились под весёлую музыку. Несмотря на витающую в воздухе торжественность, Томас временами не мог сдержаться и, словно малый ребёнок, потешался над рогатыми геннинами, длинными носками туфель на мужских ногах и совсем уж смешными разноцветными колготками на них. При этом Мария, как заботливая хозяйка мероприятия, всё время металась по тронному залу в своём броском синем платье с длинным шлейфом. Она ни с кем не танцевала, а лишь без устали заботилась о дорогих гостях, не забывая поприветствовать и обмолвиться хоть парой слов с каждым. Хотя молодой король едва ли знал даже четверть присутствовавших, он искренне радовался такому столпотворению на своём первом балу, который превзошёл все самые смелые ожидания и стал одним из лучших за всю историю Парфагона.

Праздник был организован настолько талантливо, что Томас не смог не отметить этот очевидный факт Алену, который дежурил у трона по другую сторону от Калицы:

— Может, ей всегда стоит этим заниматься?

— Баллами?

— Думаю, и другие подобные мероприятия у неё получатся.

— Согласен! У неё есть явное призвание к таким вещам, — широко улыбнулся Ален. — Кстати, где Элизабет?

— Тебе-то чем Мария напакостила? — рассмеялся Томас. — Это опасно. Да и ни к чему в нынешней ситуации.

— Я бы всё-таки придумал бывшей королеве иное занятие, Ваше величество, — мягко включился в разговор Калица. — Женщины — неуправляемые создания. Она никогда не забудет своей обиды, поверьте. Рано или поздно это проявит себя. Достаточно лишь небольшого перепада настроения.

— Думаете, Питер?

— Я прожил долгую жизнь и могу ручаться за свои слова.

— Кстати, Ален, я всё забываю у тебя спросить кое-что, — опомнился король, снова обращаясь к другу детства.

— Ну?

— Ты когда-нибудь соблазнял своих подружек доводом, что через твоё ложе нужно срочно и без объяснений спасать мир?

— Всегда так делаю, — как само собой разумеющееся, ответил последователь Нильса Дора.

— Правда? Не шутишь?

— А разве есть другой способ?

В этот момент к друзьям подошла довольная Мария, которая явно находилась в своей стезе. От неё впервые за долгое время веяло уверенностью, свежестью и отличным настроением:

— А где же Элизабет? Вы не пригласили её, Ваше величество?

— Хм, не думаю, что это хорошая идея. Мы как раз только что...

— Да бросьте вы! Зовите вашу белую худышку, — прозвенела своим голоском Мария и переглянулась с Аленом, который тут же опустил глаза и отвернул голову в сторону. — А то ведь она опять белого света не видит!

Что-то внутри побледневшего Томаса перевернулось, и нехорошие предчувствия начали грызть его большое рыцарское сердце. В загудевшей голове сразу закружилась масса хаотичных мыслей. С чего вдруг они так интересуются? Не задумали ли они чего? Не собираются ли они, самые близкие ему люди, предать его? Так или иначе, он был невероятно рад, что его бесценная половинка осталась в опочивальне.

Однако в следующий миг время почти остановилось, когда парадная дверь резко распахнулась и, как и в прошлый раз, в тронный зал вплыла божественная Элизабет. На ней колыхалось точно такое же пышное платье с полупрозрачным кружевным корсетом, только на этот раз ослепляюще-алого цвета. Счастливая до безумия, с горящим взором сверкающих глаз, она неистово закружилась по направлению к центру зала, купаясь в лучах всеобщего внимания и восхищения, развевая во все стороны волны белокурых волос из-под

золотой диадемы, сиявшей вместе с цепочками на тонких шее и запястьях.

И она была без охраны.

У Томаса помутилось сознание. Он с открытым ртом поднялся с трона и начал спускаться в её сторону, чтобы как можно быстрее уберечь от чего-то неизведанного, но внезапно внутри него всё оборвалось.

Когда Элизабет приблизилась к пожилому мужчине в чёрном камзоле и со знакомым гордым лицом, тот вдруг бросил свою пышную женщину на пол, вырвав из её многослойного жёлтого платья свирепо изогнутый кинжал. Острое и беспощадное лезвие несколько раз сверкнуло в воздухе, прежде чем Томас успел достать из-за пазухи свой бластер и насквозь прожечь бессердечному чужаку грудь, сразив попавшую под синий луч молодую пару.

Бордовая кровь в мгновение ока залила весь центр зала вокруг упавшей на лепестки роз Элизабет. Поднялась всеобщая паника. Люди что-то кричали и бежали со всех сторон, однако побелевший Томас видел лишь удивлённые глаза ничего не понимавшей подруги, которая захлёбывалась и озадаченно разглядывала свои окровавленные руки и грудь. Подбежав, он хотел было обнять её, но получил удар в челюсть и ошарашенно упал рядом:

— Не трогай её! — проорал разъярённый Калица.

— Что? Ты?

— Идиот! Ей нужна помощь!

Не дожидаясь, пока подоспеют стражи и медики, канцлер тут же прижал подолом алого платья пульсировавшие раны на шее и ключице Элизабет,

которая словно засыпала на его руках. Сжавшему зубы Томасу оставалось лишь наблюдать весь этот ужас со стороны и горестно осознавать, что по собственному недосмотру он погубил не только любовь всей своей жизни, но и мечту всего человечества.

Затем, как в тумане, обескураженный король провёл срочную беседу с озверевшим Прокуратором, который в приступе бешенства едва не вылез из экрана Связи прямо в северную башню. Выяснилось, что в связи с чрезвычайной ситуацией Совершенное общество приняло принципиальное решение: в случае смерти Элизабет проект «Селеция» будет немедленно закрыт и все взрослые жители экспериментального острова будут уничтожены. Чтобы этого не случилось, нужно было во что бы то ни стало оградить Элизабет от всех опасностей, главной из которых вновь стали люди.

Поэтому среди холодной ночи и в сопровождении мутантов, всё ещё находясь в полубессознательном шоке, побелевший Томас стремительно направлялся в Академию. Он винил себя за то, что ни в чём не повинная Элизабет, потеряв много крови, в это время отчаянно боролась за свою хрупкую жизнь. Он ненавидел себя за то, что сделал с гениальным Альбертом, который разработал безукоризненную систему создания высшего человека. Он проклинал себя за отказ от его предложения, дальновидность которого просто не мог осознать в тот момент. Он возлагал всю ответственность за произошедший кошмар на свою преступную нерасторопность.

Но он собирался всё это исправить.

Почти состоявшаяся потеря белокурого сокровища и предательство самыми близкими людьми убили в нём последние сомнения. Теперь он точно будет работать на всемогущего Прокуратора и его высокоразвитое Совершенное общество. Он будет лучшим королём на Селеции, о котором они только могли мечтать, и с удвоенным успехом продолжит великое дело Альберта. Но зачем он на это пойдёт? Ради того, чтобы быть всегда рядом со своей ненаглядной Элизабет? Ради людей далёкого будущего? Ответы на эти вопросы не имели значения, да и он сам не знал правильного ответа. Но зато он теперь хорошо понимал самоотверженного Джавера, который всё отдал за свою единственную Кейт.

***

Прошло две недели. Поздней прохладной ночью в тёмном лесу на подступах к Парфагону вновь задрожала пыльная земля, а разбуженные птицы с криком бросились в чрево тёмного неба, предвещая грандиозную беду. И действительно, топот несметного скопища копыт и злого рыка всё ближе и ближе приближался к заросшей мхом Стене. Эту армию вела за собой порхающая алая накидка нового предводителя Арогдора, облачённого в рогатый шлем и непробиваемые латы.

Неделю назад генерал Айвор Джавер добрался до своих собратьев, принеся им удручающую новость. Оказалось, подлый Томас Первый предал всех и готовил тотальное уничтожение покорённого города на вулкане. Обманутому паскудным королём герою удалось чудом бежать из зловонной Башни заточения, однако он потерял две сотни своих четырёхруких воинов, которые всё это время мирно жили в столице врага. Их

неведомым образом заманили и заперли в одном из продовольственных складов, а затем безжалостно спалили заживо. Конечно, обозлённые арогдорцы с воодушевлением восприняли призыв отомстить за погибших товарищей и расплатиться за унизительное поражение. Они с радостью отправились в новую бойню за любимым генералом, чья прекрасная молодая жена ожидала наследника в тёмно-сером замке в самом центре кратера.

И вот бесчисленное море мутантов всё быстрее и быстрее приближалось к подступам Парфагона с северной и южной сторон, отрезая любую возможность спасения невинных жителей. Никем не охраняемые ворота медленно заскрипели, обнажая путь в самое сердце ещё пока беззаботно спавшей столицы. Озлобленные монстры легко и без сопротивления ворвались в город, сверкая лезвиями мечей, топоров и кинжалов во всех своих четырёх руках. Город немедленно утонул в криках, стонах, скрежете, топоте, мольбах и пожарах.

В итоге великий Парфагон будет полностью залит кровью, засыпан внутренностями и конечностями. Но он не утонет в них — он выстоит! Из-за странных ошибок в командовании почти всех запертых за Стеной мутантов неожиданно перережут, когда они уже будут праздновать победу. А затем жаждущие мести подданные короля сами пойдут в новый поход на подлый Арогдор.

***

Тёплым и солнечным майским днём Томас восседал в удобном кресле в северной башне и непринуждённо общался с Прокуратором, одетым в привычную чёрную

водолазку. Перед молодым королём шуршала на сквозняке кипа исписанных листочков с пометками, а он периодически поглядывал в окно на соседнюю башню, где некогда обитала Элизабет, словно райская птица в золотой клетке. К текущему моменту она быстро поправлялась после подлого покушения и даже снова взялась за чтение высоконравственных романов, которые, благодаря дельным советам Джавера, больше не являлись угрозой для будущего человечества.

Однако во всей этой истории появилась и грустная нотка. Томас вдруг понял, что они не смогут быть вместе до конца своих дней, как бы он её ни любил и как бы им ни было хорошо. Он рано или поздно состарится и покинет этот мир, а она продолжит жить дальше, всегда оставаясь такой же удивительно красивой и молодой. Затем, через пару веков, Томас превратится лишь в блёклый блик памяти в её необыкновенной жизни. Так или иначе, всё это являлось далёким будущим, а жить нужно было сейчас, поэтому любая мысль о подруге неизменно вызывала у молодого короля непринуждённую улыбку.

Томас недавно осознал, что у него напрочь пропали враги. Не в том смысле, что он их уничтожил, а по определению. Он сидел и пытался вспомнить хоть одного конкретного человека, которого он ненавидел. Ещё недавно он терпеть не мог половину населения северной части Селеции и самую паскудную часть самого Парфагона: того же Ньюртона, Джавера, бесчисленных четырёхруких мутантов и многих других. А сейчас? Теперь всех их можно было понять. Особенно Марию с Аленом, которые гнили в заточении, ожидая публичной

казни. Разве они виноваты, что считали Элизабет ведьмой? И тем более можно было понять бравого Карла Линна, уже обезглавленного за попытку организовать ещё один переворот. Каждый играл свою собственную роль и был для самого себя уж точно положительным героем, действовавшим во благо своей высоконравственной цели или даже ради жизни других.

Может, бывший селянин не мог найти ни одного настоящего злодея лишь потому, что сам стал эталоном зла? Или просто он вышел на тот самый уровень Альберта, где все понимают друг друга и лишь играются пешками?

— Томас! — шершавым голосом перебил забытьё женоподобный Прокуратор, за спиной которого сияло синее небо и сочной зеленью переливались небоскрёбы. — Ты меня слушаешь?

— Простите, Прокуратор!

— Так как же у нас раньше проходила селекция?

— Среди детей отсеивали тех, кто фазит лучше других. Только им разрешали идти в армию и иметь потомство, которое шло в ту же Школу, начиная новый цикл отбора. Мы лишь обеспечивали высокую смертность среди рыцарей и мутантов, приучая их к распущенности. Также мы поддерживали моду на сложные мутации у женщин, особенно в Арогдоре, чтобы только самые успешные в этом деле особи интересовали воинов. И так каждое новое поколение приближалось к Элизабет.

— Угу, гениальная система! Зря ты им головы оторвал!

— Альберту? Да уж...

— У нас бы тут миллион лет ушло на это.

— Кстати, можно было быстрее всё это сделать.

— Расскажешь? — удивился Прокуратор.

— Потом. У меня другой вопрос. Выходит, селяне не могут фазить по природе, а не из-за отсутствия Школ. Так?

— Либо не могут, либо с очень большим трудом, как и я.

— Спасибо, — улыбнулся Томас.

Молодой король вспомнил таинственную историю своей матери. Получается, она тоже была частью программы селекции, но по неизвестной причине покинула Парфагона. Ведь только так её дети могли получить способность попадать в фазу, пусть и не так легко, как это удавалось многим коренным жителям столиц.

— Опять уснул? Теперь повтори, как у нас будет проходить следующий этап.

— Ещё раз извините, Прокуратор! Из потомков Элизабет, которые унаследуют её главные качества, мы будем формировать отдельную касту. Когда она станет достаточно многочисленной, чтобы избежать близкого родства, детей на острове можно будет иметь исключительно членам этой изолированной группы. Среди этих носителей целевого набора генов мы с самого начала будем культивировать многодетность, а все остальные будут постепенно вымирать. И так до тех пор, пока все жители Селеции не станут носителями нужных качеств, а потом вы их будете постепенно заселять вместо себя. Так?

— Долго учил?

— Один день.

— Ого, так быстро!

— И неделю с Калицей разбирался.

— Спасибо за честность, Ваше величество, — подмигнул блондин.

Томасу было страшно представить, что вот таким же образом Прокураторы общались со всеми его предшественниками столетия напролёт. И вот теперь, в этот сложнейший и ответственный переходный момент, судьба доверила будущее всего человечества именно их рукам.

— Только чем именно её фаза отличается от моей? В чём ей легче? — продолжил Томас, ковыряя пальцем выжженный след от своей ладони на столе. — Если честно, я боюсь с ней об этом говорить, чтобы она ничего не заподозрила.

— Да, ей лучше этого не знать! — подтвердил Прокуратор, забросив руки за голову и откинувшись назад в своём кресле. — Вот тебе не надоело каждый раз применять столько усилий ради фазы?

— Догадываюсь, как это надоест лет через двадцать!

— А как насчёт пары сотен лет?

— Я уже отказываюсь от мутации.

— Томас, но ведь за возрастом всё равно придётся следить.

— Что ж, возможно, я лучше состарюсь и помру...

— Именно! А вот ей почти ничего не надо делать.

— Как это? Именно этого я и не понимаю.

— Фаза сама настигает её практически каждый раз, когда она ложится спать или просто просыпается. Ей надо всего лишь легко и с удовольствием использовать эти моменты.

— В смысле — просто использовать фазу?

— Ты каждый раз вынужден мучиться с разными техниками и методами, чтобы попасть в неё, и поэтому не можешь в полной мере пользоваться её возможностями. А Элизабет лишь надо уметь использовать фазу, которая сама возникает у неё на засыпании, пробуждении или во сне. Представляешь, ей обычно нужно всего несколько секунд, чтобы утром там оказаться! Даже во сне она почти каждую ночь понимает, что спит. Без каких-либо техник. У тебя такое бывает?

— Сложно даже представить.

— Вот и я про то же!

— Стоп, — Томас вдруг нахмурился. — А как мы поймём, что у человека присутствует целевой набор генов? Я ведь за столько времени не смог этого увидеть в ней.

Прокуратор развернулся в своём кресле и задумчиво уставился через прозрачную стену куда-то вдаль:

— Легко! Первое: сверхчеловек будущего иногда прямо во время сновидения понимает, что спит, ничего для этого не делая. Второе: при засыпании или пробуждении он периодически чувствует, будто непроизвольно падает, взлетает или его куда-то засасывает. Третье: ему временами очень реалистично кажется, что он проснулся, после чего он встаёт и занимается своими делами, а затем обнаруживает себя проснувшимся по-настоящему. Четвёртое: такой человек на стадии засыпания или пробуждения может неожиданно почувствовать себя парализованным. Есть ещё признаки. Много. Но эти — главные.

Томас записал слова Прокуратора и поднял взгляд на собеседника:

— Должны все сразу совпадать?

— Достаточно одного, но часто они идут вместе. Всё зависит от образа жизни и степени обученности с детства.

— Не всё понимаю...

— Калица поможет.

— То есть нам не надо будет их учить фазе?

— Мы все имеем возможность говорить. Так? Но если тебя не научить говорить с самого детства, будешь мычать как корова, когда вырастешь. Здесь то же самое: фаза у них будет врождённая, но ею всё равно нужно уметь пользоваться. Причём чем раньше это обучение будет начинаться, тем лучше — ведь с каждым упущенным годом техники даются тяжелее. Взрослого ты вряд ли сможешь научить разговаривать, если он не освоил это в первые годы. Это же относится к фазе, пусть и в меньшей степени, поэтому её аж с двух лет преподают в Школах. Понимаешь?

— Как сказать, — горестно вздохнул Томас. — Придётся искать нового Ньюртона...

— Иногда новые вещи будоражат сознание, но когда ты вдумываешься в их смысл и потенциал, то выясняется, что там ничего нет, пустой звук, — Прокуратор вскочил с кресла и заметался взад-вперёд. — Иногда ты узнаёшь, казалось бы, что-то совсем незначительное, а вдумываешься — и твой мозг взрывается от того, что это может принести. Это тот самый случай! Вроде бы у Элизабет просто имеется врождённая легкодоступная фаза — и всего-то! Однако это — фундаментально новый уровень человека, которому дано гораздо больше, чем не только нам, но и

даже тебе. А ведь ты сам намного совершеннее любого из нас.

— То есть ей и мутировать проще?

— Ей всё проще, Томас. Всё! В этом-то и дело. Для нас фаза — это фантастически сложный навык, едва доступный единицам. Для тебя — не до конца естественная, но всё же осваиваемая способность. А вот для нашей красавицы — врождённое благо, много раз на дню само приходящее к ней вне зависимости от того, хочет она этого или нет. Вроде бы мы и сами достигли немалых высот, но её потомки пойдут ещё дальше. Эти здоровые и счастливые люди будут жить вечно молодыми в бессмертном Абсолютном обществе, достигнув невероятных пределов эволюции. О чём ещё можно мечтать? Нам остаётся лишь позавидовать.

Томас задумался. Он осознал, что не всё понимает, и решил попробовать перевести разговор на более понятные темы:

— Когда вы планируете получить результат и вывозить детей?

— Сотни лет. Тысяча? Как справимся ты, я и наши последователи, но мы будем всегда ускорять этот процесс всеми возможными способами. Потом у нас будет следующая по сложности цель. Так или иначе, проект «Селеция» — это нечто вроде колыбели человечества при его жизни. Когда-нибудь люди будут видеть в своих генах след всего одной женщины. Это будет Элизабет. Может, они её будут как-то иначе называть: Хавой, Эвитой, Эфой. Или Чавой, например. Понимаешь?

— Если честно, едва ли, — пожал плечами деревенщина.

Наконец Прокуратор остановился. Он опёрся руками на стол, и его совершенное лицо заняло весь огромный экран в круглой комнате Томаса:

— Слушай внимательно. Я тебе скажу больше, — он набрал в лёгкие воздуха для чего-то важного. — Рано или поздно вся Земля достанется потомкам Элизабет. Эти сверхлюди с грандиозными перспективами будут гораздо совершеннее, чем мы с тобой. Но главное — чтобы они сначала хотя бы понимали и полностью осознавали то, что уже имеют. Понимаешь?

Вам понравилось начало большой истории?

Пожалуйста, поддержите нас: делитесь романом с друзьями и оставляйте отзывы в социальных сетях!

Вторая и третья часть трилогии

Купить печатную версию для себя или на подарок

Сайт автора